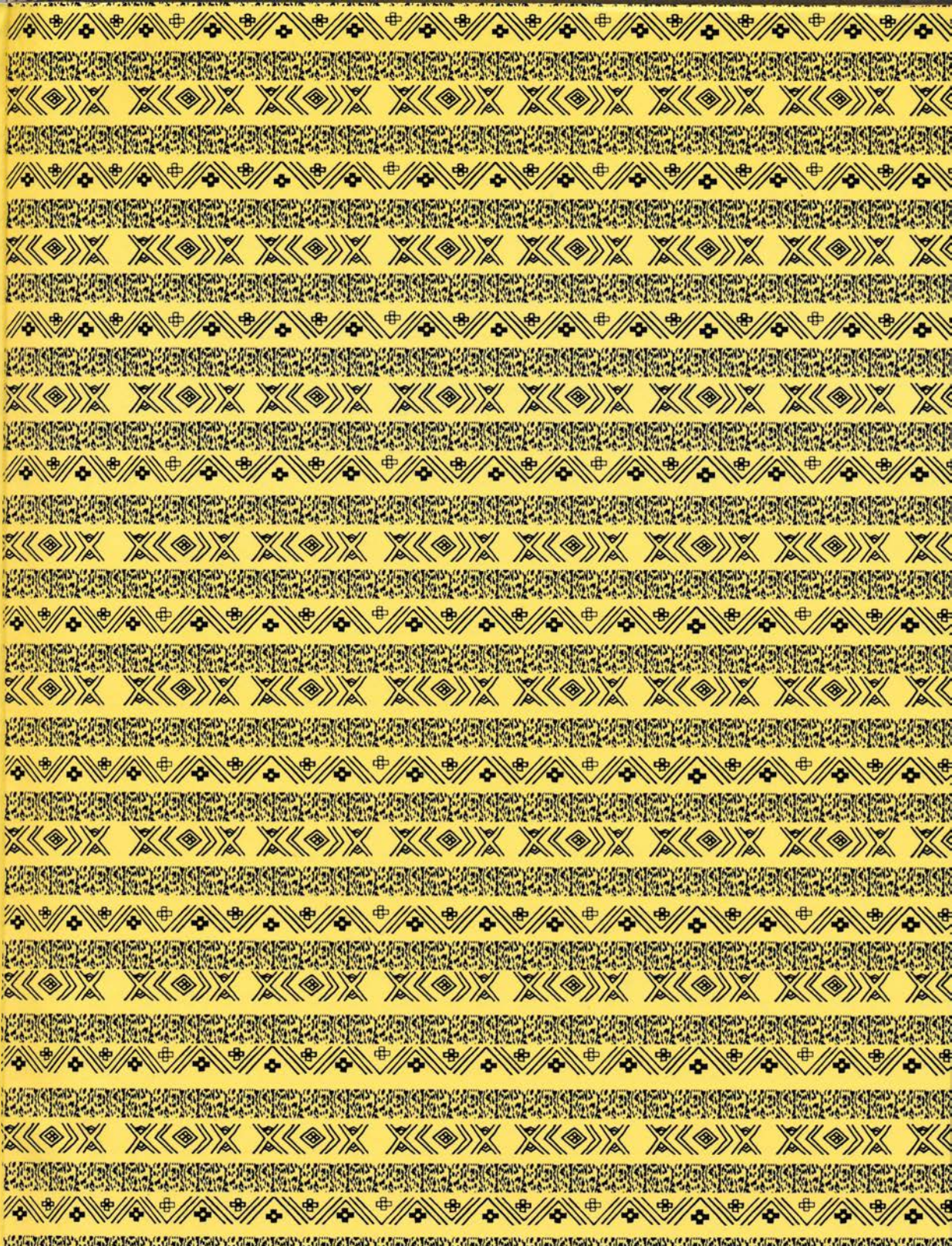
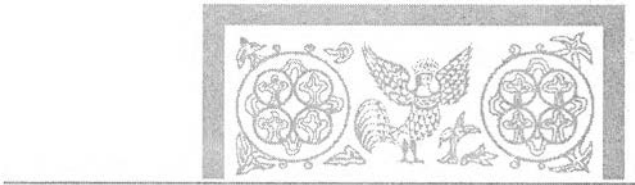
СКАЗКИ И НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СОКРОВИЩА ЮЖСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

СКАЗКИ И НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА





ФОЛЬКЛОРНЫЕ СОКРОВИЩА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ
В.М. Гацак (*ответственный редактор*)
В.А. Бахтина, Т.М. Ананичева

Москва
"НАСЛЕДИЕ"
1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
Комитет по науке и технологиям

СКАЗКИ И НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Москва
"НАСЛЕДИЕ"
1998

УДК 398.001

ИЗДАНИЕ ФИНАНСИРУЕТСЯ МОСКОВСКИМ КОМИТЕТОМ ПО НАУКЕ
И ТЕХНОЛОГИЯМ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
ПРОГРАММА «НАУКА — МОСКВЕ»

Рецензенты
доктор филологических наук *Ю. А. Новиков*
кандидат филологических наук *С. П. Сорокина*

Статья от редакции
В. М. Гацака

Составление, подготовка текстов
Н. М. Ведерниковой, Е. А. Самоделовой

Вступительная статья, приложение, комментарии, указатель сюжетов
Н. М. Ведерниковой

Указатель мест записи текстов и указатель собирателей
Е. А. Самоделовой

ISBN 5-201-13337-1

© В. М. Гацак, 1998
© Н. М. Ведерникова, 1998
© Е. А. Самоделова, 1998
© Н. А. Соктоева, 1998
© ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 1998
© Изд-во «Наследие», 1998

ОТ РЕДАКЦИИ

Третий том серии «Фольклорные сокровища Московской земли» посвящен народной прозе. Если считать с вариантами, которые тоже даются в основном корпусе, в книге 19 сказок о животных, 47 волшебных, 57 бытовых сказок, небылиц и анекдотов, 23 предания и 29 быличек (легенды в том не вошли, ибо их предусмотрено дать вместе с духовными стихами в 5-й книге серии).

В основном корпусе текстов насчитывается 127 текстов, публикуемых впервые. Они дополняют число московских вариантов, а в ряде случаев восполняют их отсутствие в русской части «Сравнительного указателя сюжетов» восточнославянской сказки (СУС), в указателях по быличкам и др.

Составители стремились отбирать тексты, отвечающие цензу подлинных изустных фиксаций.

Для XIX в. опорным в этом смысле стало собрание И. А. Худякова, далее сборники А. М. Смирнова по материалам Российского географического общества, В. И. Чернышева, Е. Н. Елеонской, Е. Баранова и др. Архивные разыскания позволили включить в том записи двадцатых-тридцатых годов и послевоенных десятилетий, в том числе П. Г. Богатырева, Ю. М. Соколова и его экспедиций, В. И. Чичерова, С. И. Минц, Э. В. Померанцевой, В. Б. Сорокина и их экспедиций, фонды Государственного литературного музея, РГАЛИ, научных архивов Института этнологии и антропологии РАН, архива кафедры фольклора МГУ.

Последняя по времени запись (1998 г.) завершает раздел о быличках и принадлежит Н. М. Ведерниковой. Две самые ранние — исторические предания об Иване Грозном относятся к середине XVII в. и содержатся в книге английского врача Коллинза о России. Книга эта привлекла в свое время внимание Ф. И. Буслаева, который «выбрал из нее народно-повествовательный материал, относящийся до Ивана Грозного», а из него А. Н. Веселовским в сравнительном исследовании выбраны, «в свою очередь, лишь два рассказа, отличающихся действительно сказочным стилем»[1]. Именно они представлены в нашем издании.

Одним из критериев полновесия сказочной традиции принято считать наличие в ней волшебных сказок и доли их в репертуаре. В сборнике, составленном Н. М. Ведерниковой и Е. А. Самоделовой,— 47 таких сказок, т.е. почти треть всего состава текстов, причем девять из них записаны совсем недавно (1989 г.) в самой Москве. Можно еще добавить, что в корпусе волшебных сказок здесь обнаруживаются четыре контаминации вообще не зафиксированные в «Сравнительном указателе сюжетов» восточнославянской сказки (325+671, 402+302, 532+300 и 616+327С). Примечательные записи имеются в каждом из разделов книги.

Редакция приносит свою признательность Российскому государственному архиву литературы и искусства, Государственному литературному музею, Научному архиву Института этнологии и антропологии, кафедре фольклора МГУ за содействие в работе над материалами по теме книги, а также В. Б. Сорокину, В. Е. Добровольской и О. Б. Балашовой за предоставление записей из их личных коллекций.

Единое в своей основе оформление серии выполнено художником Н. А. Соктоевой с использованием следующих источников из московских музеев: иконки «Георгий Победоносец» (XIV—XV вв., резной камень, серебро)[2], «Пелены со сценой крестного хода в Кремле в вербное воскресение, вышитой по велению княгини Елены Волошанки в память венчания сына Дмитрия — внука Ивана III на великое княжение» (1498 г., шитье разноцветными шелками, золотыми и серебряными нитями) и детали фартука Верейского уезда Московской губ. XIX в.[3]

По существующим изданиям[4] воспроизводятся лубочные картинки к сказкам с ориентацией на московское их происхождение (Э. В. Померанцева приводила свидетельство И. М. Снегирева о том, что раскрашиванием лубочных картинок занимались «множество рук в Москве, подмосковных деревнях и селах»[5]).

В. М. Гацак

---

1 Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 16. М.-Л., 1938. С. 150, 155—160.

2 Куликовская битва: 600 лет / Государственный исторический музей / The Battle of Kulikovo: 600 Years / State History Museum / Автор А. С. Корх. Художник Г. В. Ныркова. Фото А. А. Волкова, Г. В. Нырковой. М., Внешторгиздат, 1980, №№ 10 и 83.

3 Разина Т. М. Русское народное творчество. М., 1970. С. 227.

4 Русский лубок XVII—XIX вв. М.-Л., 1962; Лубок. Русские народные картинки XVII—XIX вв. Л., 1984.

5 Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965. С. 69.

НАРОДНАЯ ПРОЗА МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Произведения устной народной прозы — сказки, предания, легенды, былички составляют значительный пласт народной культуры. Различные по своим жанровым характеристикам, целевым установкам (откровенная выдумка или рассказ о якобы достоверном), эти произведения, обладая глубоким внутренним смыслом, всегда интересны содержанием, яркими художественными образами, особенностями поэтической формы. Та атмосфера доверительности и заинтересованности, которая возникает при устном рассказе, создает простор для творчества исполнителей, что находит выражение в широком варьировании сюжетов и образов, создании все новых сюжетных комбинаций, введении деталей, оживляющих повествование, обращении к элементам театрализации — жесту, мимике, интонации. Все это определяет широкое бытование сказки и устного рассказа в городе и деревне, позволив им стать частью живой современной культуры.

Сказки, предания и былички, вошедшие в настоящий сборник, были записаны в Москве, городах, селах и деревнях ныне Московской области. За исключением нескольких текстов, относимых к концу XVII века, основной блок составили записи произведений сказочной и несказочной прозы середины XIX—XX века. В сборник вошли тексты, ранее опубликованные и архивные материалы, издаваемые впервые.

Первой известной сказкой Московской земли с условным заглавием «О поселянине и медведице» является небылица, пересказанная Павлом-Иовием Новокомским со слов толмача Димитрия Герасимова, побывавшем в 1525—1526 гг. в Риме; сказка вошла в латинскую «Книгу о московском посольстве»[1] и позже получила освещение в поэме Севастиана Фабиана Кленовича «Роксолания» (1581 г.). Две ранние по времени фиксирования бытовые сказки Московского государства — условно названные «Царь Иван и лапотник» и «Иван Грозный и вор» — записал англичанин С. Коллинз во время своего путешествия в Московию и включил в книгу «Нынешнее состояние России» (Лондон, 1671).

В конце XVIII в. издается много сборников сказок, которые «выявляют любопытные факты, выражающие идеологию и потребности низовых грамотных слоев большого города: мелкой буржуазии, ремесленников, приказчиков, дворовых слуг и подобных... весьма важных носителей русской сказки»[2]. Такие сборники издавались и в Москве. Наиболее известные из них: «Повествователь русских сказок» (1787), С. Друковцев «Бабушкины сказки» (1781),

«Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок» (1794—1795) и др. Тексты, вошедшие в сборник «Старая погудка...», по мнению В. И. Чернышева, «взяты из устной традиции... это сказки московские, в том виде, в каком они держались в среде неграмотных или полуинтеллигентных грамматеев, помнивших старые эпические предания»[3]. В большинстве своем сборники, издаваемые в XVIII в., содержат вольные пересказы народных сказок, былин, книжных повестей, сильно стилизованные, а порой и сочиненные самими составителями, к тому же лишенные точного указания на источник. И все же в ряде текстов слышны отголоски народной сказочной традиции. Так, в сборнике «Старая погудка» «Сказка о старике и сыне его журавле», «Сказка о Строевой дочери», «Сказка о Ивашке, медвежьем ушке», «Сказка о Климке» и др. довольно точно передают сюжеты популярных народных русских сказок, а «простота и ясность построения» — «след давнего пребывания сказок в среде весьма культурных городских носителей из народа, частью, очевидно, специалистов-сказочников старого времени»[4].

В первой пол. XIX в. во множестве издаются лубочные сказки и сборники, которые под другими названиями повторяют публикации XVIII в. Вместе с тем появляются и новые сборники[5]. Один из них, «Русские народные сказки» Б. Бронницына (1838), содержащий пять сказок, вызвал многочисленные отклики у современников. В обращении к читателям составитель заявляет: «...Сказки, собранные мною, записаны со слов хожалого сказочника, крестьянина из Подмосковной, которому рассказывал старик, отец его... Самое содержание сказок мне показалось любопытным, представляя изобретательность воображения при всей простоте народной речи». Хотя в рецензиях современников единодушно высказывалось сомнение в подлинности текстов, вместе с тем отмечался сказочный склад и простота изложения. В. Г. Белинский обратил внимание на одну из сказок этого сборника — «Сказку о богатыре Голе Воянском», ее «неподдельный русский юмор». Для нас этот сборник, несмотря на явную стилизацию, важен как один из первых опытов в стремлении составителей сказочных сборников донести до читателя своеобразие стиля народной сказки.

Первые публикации произведений народной поэзии, в том числе и сказок, так, как они исполняются в народной среде, относятся лишь к середине XIX в. и обусловлены особым интересом к народной культуре, становлением отечественной фольклористики, определением задач и методов изучения фольклора. Среди публикаций второй пол. XIX в. есть и московские сказки. Одна из них — «Терем мухи», записанная в Московской губернии, была включена в сб. «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (вып. III, № 16). Наибольшее число сказок, записанных в Москве и Московской области, опубликовано в сборнике И. А. Худякова «Великорусские сказки», которые вышли в трех небольших выпусках в 1860—1862 гг. Собрание сказок И. А. Худякова было переиздано («Великорусские сказки в записях И. А. Худякова», изд. подготовили В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М. -Л., 1964 г.). В новом издании

тексты сгруппированы по месту записи, дополнены архивными материалами, в некоторые сказки (из 3 выпуска) внесены исправления, которые дает сам Худяков, восстанавливая тексты после вмешательства цензуры. Ценность записей И. А. Худякова в том, что тексты были записаны непосредственно от исполнителей с сохранением всех особенностей устного рассказа. Записи в Москве сделаны не позднее в 1859—1860 г. (в 1860 г. в Москве вышел в свет первый выпуск «Великорусских сказок», в 1861 — второй), когда Худяков учился в Московском университете, летом же, путешествуя по России, он записывает различные произведения фольклора, в том числе и сказки. Именно в это время он побывал в Рязанской губернии, Зарайском уезде (ныне район Московской области), записи из этих мест составили значительную часть его собрания сказок. Всего в сборнике опубликовано 58 текстов волшебных и бытовых сказок, ныне относимых к Москве и Московской области. Из них: 10 текстов записано в Москве; 4 — в г. Зарайске; 44 — в сс. Мишино и Плуталово Зарайского уезда. В настоящий сборник включена лишь часть текстов. Сказки из собрания И. А. Худякова являются основным материалом, характеризующим устную традицию 2-ой пол. XIX в.

Дополнением к записям сказок этого периода послужили тексты, опубликованные в сборнике Е. А. Чудинского «Русские народные сказки, прибаутки и побасенки» (М., 1864), где помещены записи произведений русского фольклора в его живом исполнении, среди них 9 московских сказок. Это волшебные и бытовые сказки, несомненно, имеющие истоки в устной традиции, некоторые отражают влияние лубочных изданий, есть тексты совершенно оригинальные, близкие народным анекдотам. О серьезности сборника, понимании составителем задач, соответствоваших взглядам демократической критики того времени, свидетельствует предисловие Е. А. Чудинского: «Народная жизнь наша мало по малу начинает заявлять себя, обнаруживаться. Все мы в настоящее время живо понимаем интерес ее и потому-то с таким усилием хлопочем об изучении ее во всевозможных видах. Издаваемая книжка заключает в себе некоторые отрывки из нашей рукописи, посвященной изучению устного народного слова. Дай Бог, чтобы и эта лепта принесла свой плод».

В конце XIX в. обнаруживается интерес и к народным преданиям, которые любителями древностей связываются с историей края, его достопримечательностями. Исторические и топонимические предания встречаются в журналах, в разделах, посвященных археологии и истории. Такие материалы публиковались, в частности, в «Рязанских епархиальных ведомостях» в 1860—1870-е гг.

В 1898 г. известным диалектологом В. И. Чернышевым была предпринята экспедиция в Московскую губернию с целью изучения местного диалекта. Результатом его работы стала книга — «Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда» (СПб., 1900), где среди текстов ученый опубликовал одну сказку, быличку и несколько устных рассказов, записанных им в селах и деревнях северной части Московского уезда (от полустанка Поварово

Николаевской ж.д. до станции Пушкино Ярославской ж.д.). Сказка («Мальчик-с-пальчик») и былички были записаны в с. Гончары и Радомля Дурыкинской вол., о которых собиратель сообщает, что здесь «живут бывшие барские крестьяне». «Все записи делались точно при разговоре, так сказать «под диктант». Тексты Чернышева можно считать первыми наиболее точными записями сказок, где соблюдены все особенности устной речи жителей этой части Московской губернии — аканье, твердые глагольные окончания в 3 л. ед. и мн. числа, мягкое [г], мягкое двойное [ш] и [ж] и др.

Подлинные тексты народных сказок Московской губернии содержит и «Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества», изданный в 1917 г. А. М. Смирновым. Из записей собственно Московской губернии в сборник попал лишь один текст («Как царская дочь захотела нужду узнать»), записанный в Верейском уезде, с. Мокеиха в 1897 г. Большинство же текстов, ныне относимых к московским, как и в сборнике И. А. Худякова, относится к Зарайскому и Егорьевскому уездам — в то время Рязанской губернии. Сказки были записаны в 1897 и 1913 гг., многие из них даны в диалектной записи, где ощутимы особенности южнорусского говора. Качество записей, великолепно разработанные сюжеты явились основанием для включения почти всех текстов в настоящее издание, к тому же сборник А. М. Смирнова сегодня представляет библиографическую редкость.

В послереволюционный период подлинно народные сказки Московской области почти не публиковались. Но зато во множестве, особенно в 1930-е гг., на страницах газет, журналов помещались фальсифицированные тексты сказок и рассказов о Ленине, героях гражданской войны, переделки сказок, в которых акцентировалась антипомещичья и антипоповская направленность. В отдельные издания, краеведческие, литературно-художественные, публицистические, попадают немногочисленные тексты народных преданий, легенд, но в основном в пересказах. Исключение составляет небольшая книжка Е. Баранова «Московские легенды», опубликованная в 1928 г., которая включала в себя лишь незначительную часть той гигантской собирательской работы, которую осуществлял Евгений Баранов в 1920-е годы, живя в Москве, общаясь с московским людом в харчевнях, ночлежках и пр. и записывая от них удивительные истории о жизни, истории московских улиц, домов, о событиях, связанных с Москвой. Значительная часть архива Евгения Баранова, ныне хранящаяся в РГАЛИ, была опубликована В. Боковой и составила содержание книги «Московские легенды, записанные Евгением Барановым» (М., 1993). Некоторые материалы этой книги, а также быличку «Медведь и баба» из архива Е. Баранова мы приводим в настоящем выпуске.

Материалы по устной прозе, опубликованные в XX в., ни в коей мере не отражают ни истинного состояния традиции, ни работы фольклористов. Это стало особенно очевидно, когда составители обратились в архивы. Работа по собиранию фольклора Москвы и Московской области велась московскими

фольклористами на протяжении всех десятилетий нашего столетия. В архивах учебных и научных учреждений, редакциях газет и журналов содержатся ценнейшие материалы — фольклорные тексты, в том числе народной прозы, характеристики исполнителей, отмечены места записи, которые показывают широту бытования, сюжетное многообразие сказок, преданий, рассказов, выявляют особенности исполнительской манеры рассказчиков, а также позволяют говорить о движении традиции, особом отношении к фольклору людей разного возраста, жителей городов и деревень. Среди руководителей и участников фольклорных экспедиций в Московской области известные фольклористы, составившие славу отечественной науки: Е. Н. Елеонская, Ю. М. Соколов, В. И. Чичеров, С. И. Минц, Э. В. Померанцева, Н. И. Савушкина, Ф. М. Селиванов и др.

Записи произведений устной прозы рассеяны по разным архивам. Составители постарались, во-первых, выявить в Москве архивы и фонды, в которых содержатся произведения сказочной и несказочной прозы, во-вторых, подготовить к изданию сами тексты. Конечно, не все архивные тексты вошли в сборник. Принципами при отборе к публикации служили: сюжетная полнота сказки, традиционность сюжетов, мотивов, образов, стиля, аутентичность записи (хотя в сборник включены и тексты, представляющие собой «самозапись», т.е. тексты, записанные самими рассказчиками). Совершенно очевидно, что материалы фольклорных архивов требуют подробного описания, систематизации и публикации, но это особая задача, которая может быть реализована при составлении полного свода фольклорных материалов Московской земли.

Государственный Литературный музей в течение многих лет был не только хранителем фольклорных архивов, но и учреждением, проводившем активную деятельность по собиранию фольклора. В фольклорном собрании Музея находится, в частности, архив Е. Н. Елеонской — фольклорные записи. В апреле 1914 г. на Святой неделе Е. Н. Елеонская записывала фольклор, специально интересуясь сказками, в двух соседних старообрядческих фабричных селах — Елкино Коломенского уезда и Хорлово Бронницкого уезда[6]. Если в селе Елкине «сказочницы не нашлось», то в Хорлове ей удалось найти одну сказочницу — старую няньку Александру Глыбину, от которой были записаны три сказки («Вершки и корешки», «Старуха-угадчица», «Ворожея») и ряд поверий. Но при этом исследовательница отметила, что в этих селах принято рассказывать сказки на Святках: в с. Хорлове «крестьяне... утверждали, что сказки рассказывают на Святках и тогда выискиваются мастерицы...», а в с. Елкине «сказочницы, как говорили, выискиваются на Рождественских праздниках, а в другое время их не найдешь». Интересно, что зачины двух сказок А. Глыбиной содержат топонимы именно московского региона: «В Гжели все репу сажают», «В Москве горничная жила у господ». Знание сказок Е. Н. Елеонская связывает с родом занятий Глыбиной, отмечает ее исполнительскую манеру («Как рассказчица старуха была хороша тем, что сама смеялась рассказывае-

мому и говорила весело, но рассказ ее не был складен и плавен...»). В 1916 г. Е. Н. Елеонская записывает сказки в Москве[7]. К сожалению, исследовательница не указала, от кого были сделаны записи, но, судя по манере изложения, особенностям лексики, использованию определенных сюжетных ходов,— это одна исполнительница, в репертуаре которой своеобразные варианты известных сюжетов волшебных сказок («Южик», «Хитрая наука», «Невеста-лягушка» и «Сестра-изменница»). На тот период это единственные записи сказок в Москве. Все сказки в записи Е. Н. Елеонской опубликованы в настоящем сборнике.

В архиве Государственного литературного музея хранятся и материалы экспедиций МГУ 1924—1925 гг., в составе которых работали Э. Гофман (Э. В. Померанцева) и С. И. Минц[8], а также архив коломенской экспедиции МГУ 1947 г.[9]. В 1947 г. С. И. Минц в с. Негомож Коломенского р-на обнаружила замечательного сказочника В. С. Исаева, мастера сатирической сказки. От него было записано 13 сказок, которые с комментариями исполнителя помещены в сборнике.

Литературному музею принадлежала одна из важных инициатив — привлечение к собирательской работе студентов подмосковных вузов. В год 800-летия Москвы Гослитмузей активно вел работу по собиранию устно-поэтического творчества о Москве. Приведем письмо, посланное в 1947 г. в адрес Учительского института г. Загорска, подписанное старшим научным сотрудником музея С. И. Минц: «Государственный литературный музей ведет в настоящее время работу по собиранию устно-поэтического народного творчества о Москве. Студенты Учительского института, будущие народные учителя, являются той благоприятной средой, из которой могут вырасти кадры достаточно квалифицированных собирателей. Не сомневаемся, что работа по подготовке таких кадров ведется кафедрой литературы. Посылаем вам 100 экз. нашей брошюры-инструкции «Собирайте фольклор о Москве» и просим распространить ее среди студентов. Было бы желательно, чтобы Вы сообщили нам Ваше мнение и брошюре и возможности наладить собирательскую работу силами Ваших студентов»[10].

Успешный опыт подобной работы уже имелся: в 1943 г. первокурсники Загорского учительского института записывали фольклор, в том числе сказки, в деревнях Солнечногорского, Талдомского, Загорского районов и в самом Загорске от детей и взрослых, полевые тетради были переданы Гослитмузею. Архивные материалы ГЛМ свидетельствуют, что работа фольклористов в 1930—1940-е гг. активно велась не только в деревнях, но и в детских домах, подмосковных домах отдыха среди рабочих, а во время войны в госпиталях. Таким образом вырисовывается широкая картина бытования фольклора в различных социальных группах.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) также содержит многочисленные фольклорные тексты, записанные в Москве и Московской области. Наиболее ранние записи представлены материалами экс-

педиции 1914 г., посланной Комиссией по народной словесности Этнограф. отдела ОЛЕАиЭ. Экспедиция работала в д. Сергейково Ильинской вол. Дмитровского уезда, где обнаружила двух сказочниц — Матрену и Авдотью[11], репертуар которых формировался под влиянием семейной традиции; одна из сказок «принесена с фабрики»; слышана от «захожей цыганки». За всем этим ощущается живой интерес собирателей к рядовому исполнителю, бытованию фольклора.

Большую ценность представляют материалы фольклорных экспедиций, проводившихся под руководством Ю. М. Соколова. Это Подольская экспедиция 1914 г.[12], Бронницкая экспедиция 1923 г.[13] и Дмитровская фольклорная экспедиция 1927 г.[14]. Произведений народной прозы немного, но каждая из записей, даже фрагментов сказок, точно воспроизводит устный рассказ, снабжена комментариями и потому служит материалом, важным при характеристике состояния фольклорной прозы этого времени. Вот, например примечание к сказкам, сделанным в Коломенском уезде (Подольская эксп. 1914 г.): «Запись сделана в Московской губ Коломенского уезда в местечке «Садки» при мануфактуре Демина. Тут же деревня Хорлово и станция того же названия. Население — великоруссы, много пришельцев из других губерний на фабрич. заработки. Старожилы в большинстве старообрядцы. При фабрике 2 школы, где учатся не только дети рабочих, живущих на фабрике, но и приходящие из соседних деревень. Библиотек и народных чтений нет, зато есть два кинематографа. Рассказчица — девочка 14 лет, грамотная, но не кончившая школы. Уроженка д. Пески той же губернии и уезда, Ксения Гавриловна Буравлева. По занятию — нянька. Запись сделана 6 января 1914 г.» (л. 128).

Чрезвычайно интересными оказались полевые тетради, поступившие в РГАЛИ из архива Государственной академии истории материальной культуры. Записи относятся к 1914 г. и значатся как архив В. С. Евлахова[15]. Но на задней обложке одной из тетрадей стоит автограф П. Г. Богатырева. Возможно, и сами записи, характеризующиеся точностью в передаче устной речи, воспроизведением всех диалектных особенностей, принадлежат тогда студенту Московского университета, будущему талантливому ученому, П. Г. Богатыреву, и представляют, таким образом, его первую работу как фольклориста-собирателя.

Несколько сказок, помещенных в сборнике — записи 1936 г., взяты из архива В. М. Сидельникова[16].

В научном архиве Института антропологии и этнологии РАН хранятся материалы фольклорных экспедиций конца 1930-х — 1940-х гг., которые проводились под руководством В. И. Чичерова студентами Московского областного педагогического института и этнографического отделения исторического факультета МГУ[17]. Экспедиции работали в Загорском, Звенигородском, Можайском р-нах и в г. Коломне и его пригороде. Полевые тетради содержат в основном записи обрядов и обрядовых песен, лирических песен и романсов, частушек. Произведения устной прозы (сказки, бывальщины) записаны М. П. Гри-

горьевым и В. И. Чичеровым в 1939 г. в пригороде Коломны — Городищах от Н. К. Львовой, 53 лет. Это небольшие сказки: «Про волка и лису», «Про мачеху и падчерицу» и др., простота изложения и вместе с тем хорошо развитый диалог, соблюдение основных приемов стиля народной прозы позволяют говорить о сохранении в эти годы традиции рассказывания сказок в семье.

В 1930-е гг. фольклорной секцией Института антропологии и этнографии АН СССР велась работа по сбору фольклора Московской области. Отдел планировал издать сборник «Фольклор колхозной деревни Московской области (песни, частушки, сказы и сказки)», сборник не был опубликован, но небольшая часть материалов была помещена на страницах альманаха «Год двадцатый» (Альманах одиннадцатый. М., 1937). Среди собирателей: Н. Я. Брюсова, А. М. Астахова, М. И. Кострова, Р. С. Липец[18]. С 1919 г. и до середины 1930-х гг. к Московской области относилась большая территория, включавшая значительную часть соседних Тульской, Калужской, Тверской, Рязанской областей. Записи фольклористов Института этнографии и антропологии, проводившиеся на окраинах Московской области — в Рязанском, Тульском, Касимовсом, Скопинской, Перемышльском р-нах представляют региональный фольклор соседних областей в их традиционных территориальных рамках и потому не публикуются в нашем издании.

Для Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской Московская область в течение 1940—1970-х гг. была одним из постоянных мест работы. Бессменным руководителем фольклорных экспедиций была проф. А. М. Новикова. Часть песенного собрания опубликована, но фольклорная проза осталась в полевых тетрадях, которые, к сожалению, не уцелели.

Фольклорный архив Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова является одним из крупнейших хранилищ произведений фольклора. Материалы ежегодных фольклорных экспедиций и фольклорных практик, проводившиеся на филологическом факультете с 1940-х гг., составляют огромный фонд, в котором представлены произведения фольклора различных областей, в том числе и Московской области (1950, 1960, 1961, 1963 гг.). Экспедиция 1950 г. под рук. Э. В. Померанцевой работала в колхозе им. Сталина, с. Дединово Луховицкого р-на (зимний выезд) и летом того же года — в Дмитровском районе. Фольклорные практики 1960 г. проводились в Люберецком р-не; 1961 — в Звенигородском р-не; 1963 —г. Рузе и Рузском р-не. В полевых тетрадях в основном содержатся записи песен, биографии жителей деревень, устные рассказы о Великой Отечественной войне, а также сказки и предания. К сожалению, полностью отсутствуют былички. Характер и качество записанных произведений устной прозы очень различны, но они фиксируют состояние сказочной традиции тех лет. Сказки, записанные от пожилых людей, несут на себе отголоски фольклорной традиции 1920-х гг., как например, волшебная сказка «Два брата» (Е. А. Воеводина, г.Руза) и бытовая сказка «Про Климку-дурака» (Е. А. Ленькова, г. Руза), помещенные в нашем сборнике.

Однако таких сказочников немного и репертуар их невелик. В Дмитровском р-не (экспедиция 1950 г.) наибольшее число сказок было записано в детском доме от воспитателей и детей, но это, главным образом, пересказы книжных и прочитанных в газетах текстов. Э. В. Померанцевой в д. Дединово был обнаружен замечательный рассказчик — Константин Ильич Акулов. От него записано большое число преданий о Петре Первом. Э. В. Померанцева в примечаниях отмечает особенности формирования репертуара рассказчика. К. И. Акулов много читал, но в его рассказах прочитанное тесно переплелось со слышанным, сам он так говорит: «Я больше всего Петром интересовался, книжечек много читал и так интересовался — запомнил». Акулов читал и Пушкина, но на его репертуаре это не отразилось. Интересна запись разговора со сказочником о Пушкине: «Собиратель: «А кто стихи сочиняет?» Акулов: «Не могу сказать, какой-нибудь поэт или писатель». Бабка с печи: «Дед! А Пушкин не писал стихи?» — «Пушкин! Я в столетний юбилей его в школе учился. Получил в подарок полушубок. Кто в чем воздарился — подарки получил: кто сапоги, кто шапочку теплую, пуховую, кто полушубок. Ученья не было. Портрет его висел. Так убран хорошо. С тех пор решил читать Пушкина книжки. Читал «Дуэль», сказки прочел». Характеризуя исполнительскую манеру рассказчика, Э. В. Померанцева пишет: «Рассказывает несколько эпизодов как самостоятельные «анекдоты», вместе с тем объединяет их как бы в сложную композицию. Рассказывает их разными голосами, драматизирует». Предания, рассказанные Акуловым, публикуются в сборнике.

С 1969 по 1979 гг. под руководством В. Б. Сорокина в Московской области проводились экспедиции кружка фольклора Московского госуд. педагогического института им. В. И. Ленина. Планомерное изучение фольклора в селах и деревнях, расположенных в бассейне р. Клязьма и ее притоков, представляющем, по мнению Б. В. Сорокина, целостный этнографический регион, стало определяющим принципом исследовательской работы института[19]. Фольклорные записи в этом регионе выявили общность календарных и семейных обрядов. Очевидно, можно говорить и о своеобразии народной прозы этой части Подмосковья. Часть экспедиционных записей (календарный и детский фольклор) опубликована кафедрой русской литературы МГПИ («Фольклор Московской области», вып. 1, М., 1979 г.). Записи произведений народной прозы были предоставлены В. Б. Сорокиным для публикации в настоящем сборнике. Это в большинстве своем прекрасные образцы традиционной русской сказки наиболее популярных сюжетов: «Лиса и волк», «Кот и лиса», «Волк и козлята», «Царевна-лягушка», «Жар-птица», «Снегурочка» (редкий полный текст в соединении с сюжетом «Снегурочка и лиса»), «Мальчик-с-пальчик», также в контаминации с сюжетом сказки о животных, «Про Фефелю». Последняя сказка, записанная в Шатурском р-не, представляет оригинальную разработку сюжета «Мальчик у ведьмы» (СУС 327 В) на основе сюжета «Кот, петух и лиса» (СУС 61 В), подтверждающую бытование этой сказки в данной версии

в восточной части Московской обл. (близкий вариант из Зарайского у. был опубликован в сб. «Великорусские сказки» А. М. Смирнова, № 231). Экспедиции МГПИ помимо сказок записывали и несказочную прозу — былички и поверия.

К собирательской работе ныне обратились и дети. В Московском городском Дворце творчества детей и юношества в детской фольклорной этнографической лаборатории под руководством фольклориста О. Б. Балашовой группа школьников занимается собирательской и исследовательской работой. Работа ведется с использованием аудио-визуальной техники, поэтому тексты быличек, публикуемые в данном сборнике, являются точными записями, датированными 1993—1997 гг., подтверждающими все еще широкое бытование этого вида народной прозы.

В сборник вошли и сказки из личных архивов. В. Е. Добровольской были предоставлены записи сказок, которые были сделаны ею в Москве в 1989 г. от старожилов и таким образом позволяют характеризовать устную традицию современного города.

Помимо материлов, записанных профессиональными фольклористами, в настоящий сборник вошли тексты, присылаемые с мест в адрес учреждения-собирателя (редакции газет, Литературный музей) любителями фольклора. Наибольшее число таких текстов содержится в архивном фонде газеты «Колхозные ребята» (РГАЛИ). В 1935 г. редакция этой газеты обратилась к сельской молодежи с призывом включиться в движение за звание «юный фольклорист». За присланные в адрес газеты 5 сказок, 2 народные песни, 10 загадок, 10 пословиц и поговорок, 10 частушек редакция награждала значком «Юный фольклорист». С аналогичным призывом в 1936 г. обратилась к пионерам газета «Пионерская правда» (арх. ГЛМ). Отклик был ошеломляющим: из всех областей и краев республики, в том числе и Московской области в редакции газет поступали письма ребят с записями фольклора. Это вылилось в общественное движение: пионеры давали обязательства, организовывали бригады, расценивая собирание фольклора как пионерский долг. Вот, например, письмо, сопровождающее присланные тексты одного из корреспондентов газеты «Колхозные ребята» Александра Цветкова, 15 лет, из Лесного р-на Московской области, как он пишет, «пионера-одиночки», поскольку других ребят в колхозе нет: «Дорогая редакция! Я получил ваше письмо и обязуюсь выполнить ваши советы. Вы пишете, что нужно наиболее точно соблюдать речь рассказчика, язык его, но мне так не нравится. Например, Хрусталева Анна знает хорошие сказки, но рассказывает их нехорошо. Например, из ее речи: «Ишли эта они, ишли и пришли эта они к избушке». Она почти на каждые три слова прибавляет слово «это», а другие прибавляют «значит» или «вот», «как сказать», в общем у кого какая поговорка. Это очень смешит сказку и делает ее более запутанной, по-моему. Но все же у меня собралось их штук пять. Цветков Александр, «пионер-одиночка»[20]. Действительно, в присланных им сказках указано, от кого

она записана — матери, колхозника, счетовода, но при этом сказки несут на себе черты стиля самого Саши. Во многих письмах с записями фольклора сказки повторяются и часто почти дословно. Сюжетная и стилистическая схожесть указывает на единые источники. Ими оказались сказки и рассказы литературного происхождения. Много сказок, сочиненных самими детьми, чаще всего это переделки народных сказок, где много домысла, откровенной детской фантазии, героями которых являются великаны, карлики и принцы, волшебство же обретает черты большого города, красивой жизни, увиденной в фильмах: у царевны-лягушки из рукава появляется город, люди, трамваи; Золушка, получившая волшебную палочку, приказывает палочке сделать ей гардероб, надевает перчатки и шляпу и т.п. Весь этот материал, безусловно, значим, ибо все же в известной мере характеризует детский фольклор. Естественно, в настоящий сборник тексты, присылаемые с мест, отбирались по-возможности очень тщательно, те сказки, которые, действительно, представляют устную традицию.

Среди текстов-самозаписей особняком стоят сказки, присланные в 1930-х гг. в Гослитмузей Ф. Г. Фабриковым и ныне хранящиеся в РГАЛИ[21]. Это, как правило, большие сложные тексты, где последовательно выдержан сюжет, но которые несут на себе все черты творческой манеры самого Фабрикова, несомненно, талантливого рассказчика. Репертуар сказочника составляют 78 сюжетов волшебных, бытовых и сказок о животных. Несколько сказок Ф. Г. Фабрикова мы публикуем в нашем сборнике.

В целом выявленный и опубликованный в настоящем сборнике материал достаточно полно представляет народную прозу Москвы и Московской области: народные сказки в их сюжетном многообразии, произведения несказочной прозы — предания и былички. Большинство текстов можно отнести в общерусской традиции. И это закономерно, так как Московия, имея свое старожильческое население, будучи центром России, издавна притягивала людей из других регионов. Сюда приезжали на заработки, на постоянное местожительство люди из разных российских губерний. В последней трети XIX века в Москве особенно значителен приток крестьян из близлежащих Тверской, Рязанской, Тульской, Калужской областей, которые нанимались извозчиками, швейцарами, няньками, кухарками. Многие из них оседали в Москве. Новая миграционная волна прокатилась в 1930-е годы. И в последующее время Москва и Московская область постоянно пополнялась жителями из других мест. Таким образом, Московская земля акуммулировала обычаи, рассказы, песенный и прозаический фольклорный репертуар российской провинции. На территории Московской земли шел естественный процесс взаимодействия различных региональных традиций, но вместе с тем складывался и свой репертуар, куда вошли сюжеты популярных сказок о животных и волшебных сказок, особенно широкое бытование получили бытовые сказки, персонажами которых являются лов-

кий вор, умный батрак, а их антиподами — глуповатый помещик и безграмотный поп.

Немалое значение в формировании репертуара устной прозы сыграла и книга. Грамотность среди жителей Москвы и Московской губернии была, несомненно, более высокой, нежели в других губерниях. И возможность приобрести книгу также была большей. Влияние книги на формирование устной традиции уже не раз отмечалась исследователями. В репертуар сказочников попали сюжеты древнерусских повестей, лубочные сказки, сказки из сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, а также авторские сказки, среди которых особенно популярными оказались «Конек-горбунок» И. Ершова, сказки А. С. Пушкина, бр. Гриммов, а позже рассказы и сказки из азбук и букварей, например, рассказы для детей Л. Н. Толстого и др. Отмечая значимость книги в формировании устного репертуара, можно отметить различное отношение исполнителей к книжным текстам: для одних — это равноправный источник наравне со сказками, слышанными от людей, при сказывании такие тексты получают народную обработку, подчиняясь традиции устного рассказа; другие рассказчики стремятся точно воспроизвести прочитанное, что особенно свойственно детям; третьи на основе книжного текста пытаются создать новую историю, нередко привлекая мотивы традиционной русской сказки. В сказках послевоенного времени заметно также влияние кинофильмов.

Таким образом, традиции устного рассказа Москвы и Московской области формировались на переплетении устного и книжного рассказов, местной старожильческой традиции и традиций, привнесенных из других регионов, которые и составили прозаический фольклор Московской земли.

Основу сборника составляют сказки. Разделы этой части книги, согласно принятой в науке классификации, выделяют сказки о животных, волшебные и бытовые. Можно ли говорить о каких-то специфических особенностях московских сказок? Можно, но эти особенности носят сугубо внешний характер: они заключены в локальных приметах (упоминании Москвы, подмосковных городов и селений). В Москву отправляются на промысел герои, сказка дает некоторые приметы городского пейзажа: это заставы, магазины с приказчиками, извозчики и пр.; а также приметы сельской жизни: барской усадьбы, крестьянских работ, отношений барина со слугами. Но это лишь внешние привязки, приближающие действие сказок ко времени рассказчика, но не влияющие на сюжет, который точно обозначен традиционными типами персонажей и их взаимоотношениями. Сказочное время и место действия по-прежнему остаются условными, а в своих реалиях застыло на начале века, новейшее время в сказке не отражено. Сказка сохраняет традиционные сюжеты, типы персонажей, основные стилевые черты. Изменение условий жизни людей, конечно, оказывает влияние на сказку, которое проявляется в характере ее бытования и путях трансформации жанра.

Московская сказка, являясь носителем общерусской традиции, отразила общие закономерности в судьбах сказки[22], которые в пределах одного региона

представляют фольклор города и деревни. Состояние жанра характеризуется прежде всего самими произведениями, их содержанием и поэтикой. На общем фоне затухания традиции, забвении сказок, тем не менее можно выделить основные тенденции, определившие особенности сказок нашего времени. Одна из них выражается в стремлении сказочников сохранить и по возможности точно передать слышанную им сказку, другая — в относительно вольном переложении сюжета, что в полной мере отражено сказками настоящего сборника. Эти общие тенденции будут по-разному проявлять себя в сказках о животных, волшебных и бытовых.

Сказок о животных в сборнике немного. Среди записей, которыми располагали составители, всего три текста были ранее опубликованы. Это «Терем мухи» (сб. А. Н. Афанасьева) и две сказки из сборника А. М. Смирнова, остальные тексты сказок о животных взяты из архивов. Составителями отбирались сказки фольклорные, в которых, помимо традиционных сюжетов, ощущаются особенности устного рассказа. В сборнике опубликовано 19 сказок, представляющих популярные сюжеты русских народных сказок о животных. Немногочисленность текстов не отражает активности бытования этих сказок. Камерность сказок о животных создает определенные трудности в их фиксации. Поскольку такие сказки рассказываются почти в каждой семье, исполнители обычно не осознают себя знатоками фольклора, и лишь специальный интерес собирателя может выявить в репертуаре информанта этот материал. Между тем, сказки о животных более, нежели другие, продолжают бытовать, сохраняя свою традиционную функцию. Как показывают исследования фольклористов, именно сказки о животных до настоящего времени не утратили своей основной роли — первых занимательных историй, которые рассказываются мамами и бабушками детям. Эти сказки вводят ребенка в мир, который ему предстоит самому открыть, и мир этот, как о том повествует сказка, чрезвычайно интересен, добр и ясен. Сказка о животных закладывает в человеке основы нравственности, отношения к миру, дает первое толкование жизненных противоречий, рассказывая о сильных и слабых, добрых и злых. Сами условия ее бытования в большой мере способствуют сохранению ее жанровых особенностей как со стороны сюжета, так и стиля[23]. Дети более, нежели взрослые, внимательны к содержанию, последовательности событий. Психология детского восприятия требует ясности и вместе с тем занимательности. Принцип кумулятивного построения сюжета, форма диалога, включение в сказку песенок, рифмованных прозвищ зверей, легкость «театрализации» сказки делают ее незаменимой в общении матери с ребенком. Сказки о животных бытуют и среди самих детей, постепенно пополняясь пересказами книжных сказок, причем как для взрослых, так и для детей, источник сказочного репертуара не имеет значения. Но для детей более важна сюжетная сторона, и потому записи сказок от детей обычно суше в языковом отношении, лишены той свободы изложения, поэтичности, которая присуща сказкам взрослых. В условиях современности книга и

телевизор все больше вытесняют сказку, но не восполняют ее роли в нравственном и эстетическом воспитании ребенка. С уходом традиции рассказывания народной сказки следует отметить и еще одну утрату: традиционная сказка приобщает детей к основам национальной художественной культуры, которая воплощена в особенностях устной речи, художественных образах, их поэтической наполненности.

Помещенные в сборнике волшебные сказки представляют основной жанровый состав русской сказки. Здесь можно видеть такие популярные сказки, как «Три царства», «Звериное молоко», «Царевна-лягушка», «Сивко-Бурко», сказки о мачехе и падчерице и др. Есть и сюжеты, которые встречаются редко — это «Еруслан Лазаревич», «Бой на калиновом мосту», «Заколдованное деревце Липка», «Приметы царевны» и некоторые др. В этот раздел включены и легендарные сказки, где чудесное осмысливается как проявление божественного чуда. Составители придерживались принципа расположения текстов, принятого при публикации сказок. Сначала идут сказки о борьбе с чудовищами, далее сказки на сюжеты о чудесном помощнике, чудесном супруге и др.

Тексты очень разные, есть сказки, которые точно воспроизводят местный говор («Еруслан Лазаревич», «Про белый свет» и др.), большинство текстов передают лишь особенности устной речи и исполнительской манеры рассказчиков. Но почти во всех сказках можно ощутить непосредственность, образность, живость устного рассказа. Часть текстов публикуется с вариантами («Звериное молоко», «Бычок-спаситель», «Ивашка и ведьма», «Мальчик-с-пальчик» и др). Основанием для этого послужило наличие разновременных записей одного сюжета и своеобразие содержания сказок. Публикация вариантов позволяет почувствовать различные исполнительские манеры, характер варьирования, создание особых сюжетных версий, а в ряде случаев указывает на существование местной сказочной традиции или на пути трансформации жанра. Так, ряд сказок, которые даются как варианты («Бычок-спаситель», «Мальчик-с-пальчик», сказки на сюжет «Ивашка и ведьма» — СУС 327 С), контаминирует сюжеты бытовых сказок и сказок о животных. В этих сюжетных соединениях не видно «швов», что свидетельствует о их достаточно длительном бытовании в данной редакции. Эти сказки и по своему содержанию, и по композиции рассчитаны на детей, наиболее постоянную аудиторию слушателей. В контаминировании сюжетов волшебных и животных сказок, влиянии поэтики последней на волшебную сказку, переводящей ее в разряд детских сказок, можно усмотреть один из путей поддержания традиции устной сказки. Сопоставление вариантов других сказок («Дмитрий-царевич» и «Ванька-зеленый» — СУС 532) ярко демонстрирует в одном случае «классическую» сказку, в другом — ее вольное переложение.

Основным источником формирования исполнительского репертуара, как об этом сообщают сами информанты, послужили сказки, слышанные в семье, от старших. Так, Л. Ф. Кузина, москвичка, 1911 г.р., от которой в 1989 г.

В. Е. Добровольской было записано несколько волшебных сказок, сообщила, что сказки слышала от отца, «он их много знал и нас всегда веселил. Вот вечером соберемся, и он нам их рассказывает. Он все больше про богатырей рассказывал, как они со змеем, с Кащеем сражаются, а мы все про царевен просили». Подобные ссылки на семейную традицию наиболее многочисленны. Это позволяет утверждать, что не только в селах и деревнях, но и в городе до середины нашего столетия продолжала существовать традиция рассказывания сказок, которая наиболее активно проявляла себя в семье. Некоторые из сказок были записаны от няньки, воспитательниц детских домов, сиделки в детской больнице, где сам характер работ в известной мере создает условия для поддержания традиции устного рассказа. В годы Великой Отечественной войны фольклористы работали в госпиталях, где также выявилась благоприятные условия бытования устной прозы.

Сказки передают традиционные сюжеты с соблюдением всех канонических особенностей, присущих волшебной сказки как со стороны композиции, так и поэтики. Среди них есть такие превосходные сказки, как «Три подземных царства», «Два брата», «Иванушка» и др., рассказанные, видимо, опытными сказочниками. Но даже в сказках, небольших по размеру, исполнители дорожат ее отличительными поэтическими формулами, как например, в сказках Л. Ф. Кузиной: «конь под змеем ворон, у ног его пес темен, а на плече его ворон черен» или «карета золоченая, в ней царевна красоты неписаной» и др. Вместе с тем, записи волшебных сказок 1970—1980-х гг.— это, в сущности, лишь припоминание когда-то слышанного, отсюда их краткость, исчезновение повторов, многих стилистических формул.

Волшебные сказки Москвы и Московской области отражают общие тенденции, характерные для русской сказки, которые проявились в особенностях содержания и стиля произведений этого жанра народной прозы в процессе их бытования. Одной из них стала «бытовизация», т.е. наполнение волшебной сказки бытовыми реалиями, что особенно отмечено в сказках последних десятилетий. Но как показывает наш материал, это лишь проявление закономерности, которая достаточно ярко обозначилась уже в сказках, записанных в 1860-х гг. (см. записи И. А. Худякова); в городской среде процесс бытовизации проходил более активно (ср. вар. сказок «Кулик» и «Офицер и барыня»). Героями и персонажами сказках все чаще становятся крестьянский сын, батрак, барин, помещик, купец, а также офицеры, камердинеры, приказчики и пр.; конкретизируются и ситуации, в которые попадают персонажи: сестра приносит братьям в поле обед, налетает вихрь и уносит девушку; барин собирается на собрание; царский дворец напоминает барскую усадьбу, герои живут в Москве, купец на базаре покупает перышко Финиста-ясна в подчеркнуто обыденной обстановке («Тут подходит к нему старичок и говорит: «Перышком Финиста-ясна сокола не интересуетесь?» — «Интересуюсь»,— говорит. Сторговались они, и мужик домой поехал»). Можно отметить также некоторую га-

лантность в беседах персонажей — обращение друг к другу на «вы», грамотность героев как показатель ума и пр. Намеренная сниженность ощущается и в таких комментариях сказочников: «Жил в одном царстве-государстве купец и было у него три дочери. Две просто бабы, а третья с придурью. Все на романтику тянуло, чего-то необыкновенного от жизни ждала» («Цветочек аленький»). И тем не менее, поступки героев соответствуют условиям традиционного сюжета. Сказочники не злоупотребляют новыми словами, выражениями, сохраняя имена чудесных противников, свойства волшебных предметов, ситуации, атрибуты. Это чувство стиля, особых жанровых свойств сказки, умение выделить и акцентировать главное в сюжетном действии, не позволило сказке перейти в бытовой рассказ или превратиться в пародию на волшебную сказку. Споры о том, является ли бытовизация признаком разрушения традиционной волшебной сказки, не может иметь однозначного ответа. Отмечая бытовизацию как одну из ведущих тенденций в судьбах волшебной сказки, следует отметить, что ее органичность или нарочитость каждый раз определяется конкретным текстом.

Вместе с тем заметным явлением в исполнительстве стал перевод сказки в фантастическую повесть, где авторское начало перекрывает традицию. Ярким примером могут послужить сказки Ф. Г. Фабрикова. Его рукописные материалы содержат около 80 текстов, среди них большинство сказок волшебных, где в полной мере Фабриков демонстрирует свою творческую индивидуальность. В сборнике публикуются две волшебные сказки — «Иван-царевич и серый волк» и «Ванька-зеленый». Это самые длинные тексты, размер которых определен подробным изложением сюжета с соблюдением всех повторов, а главное, тщательной разработкой всех эпизодов. Вот здесь-то и проявляется новаторство сказочника. Традиционная сказка всегда однонаправленна, действие стремительно движется к своему разрешению. Традиционную сказку не интересует, как совершаются события, не значимые для основного сюжетного действия. Так, в сказке «Сестра-изменница» главное — это предательство сестры и ее стремление убить брата и потому его женитьба служит лишь промежуточным звеном, мотивирующем прощение сестры и ее появление в сюжете, и сказочница как бы проговаривает этот момент («Увидела его царская дочь и влюбилась в него, повенчать их решили, свершилась свадьба»). И даже в описании центрального действия сказке важен лишь результат: герой махнул мечом — и отсек головы змею, прыгнул на коне — и сорвал перстень с руки царевны, перепрыгнул на коне стену, зашел во дворец — и взял клетку с жар-птицей... В сказках Фабрикова, напротив, подробно описывается каждый шаг героя, способы преодоления трудностей. И тогда волк или конь, чудесные помощники, превращаются в опытных инструкторов, которые предусматривает каждую мелочь на пути героя. А сами герои проявляет ловкость и хитрость бывалых людей. Сказочник использует широкий круг ассоциаций, дает волю собственным фантазиям, сравнивая, например, битву со змеем с воздушным боем само-

летов, домысливает ситуации, наполняя их бытовыми подробностями, создает развернутые диалоги, описывает психологическое состояние героев, их влюбленность, огорчение, удивление и пр. За всем этим ощущается, безусловно, талант рассказчика, его мастерское владение сюжетом, но обилие подробностей, картинных описаний утяжеляет сказку, отвлекает слушателей от основной сюжетной линии, путает главное и второстепенное. А это уже разрушение традиционной сказки. Ф. Г. Фабриков на основе традиционной волшебной сказки в сущности создает свои произведения, осознавая себя автором. В его архиве сохранилось письмо к матери, где он пишет о себе: «Ты ведь знаешь, что я любитель был слушать сказки в своем еще раннем детстве, и они, наконец, попали в ту эпоху, которая хочет знать таланты людей... хочу быть Инженером душ, я хочу рождать мысли Богатырских снов...». Примечательно, что фантазии сказочника более всего безудержны в волшебных сказках, бытовые же сказки сдержаннее и потому в значительно большей мере сохраняют свою традиционную основу.

Развитием данного типа исполнителя является уже попытка на основе устной традиции сочинять целые повести. Таковы сказки, присланные в 1939 г. в ГЛМ А. Г. Крыловым из г. Егорьевска (РГАЛИ)[24]. Крылов в качестве рассказчика вводит деда Никанора Страхова и его приятелей, которые, лежа ночью у костра, поочередно рассказывают сказки и былички. Несмотря на то, что в качестве основы Крыловым используются народные сказки, это уже откровенно авторское произведение, попытка создать литературную повесть.

Бытовые сказки, опубликованные в сборнике, чрезвычайно многообразны. Они представляет едва ли не все главные темы бытовых сказок. Раздел открывают сказки «Про Семилетку» и «Оклеветанная девушка» — сказки о умных делах и поступках, которые принято классифицировать, как новеллистические. Это сказки переходного типа, которые вбирают в себя черты и волшебной, и бытовой сказок. Но «бытовой фон», типы персонажей, характер отношений становятся определяющими в содержании и стиле рассказов. К ним близки сказки о храбром солдате, выручающем царя. Наиболее многочисленны — сатирические сказки о батраке, ловком воре, которые ловко проводят барина, попа. «Умные» барин и поп считают бедного мужика дураком, бедный же мужик точно знает, что умен-то он, и легко подстраивает ситуации, которые ставят в самое дурацкое положение его противников. Вот начало одной из сказок: «Жил был Климка бедный. А недалеко жил барин, и барин называл его дураком. Барин так его называл, поскольку был богатый. А он дураком-то не был, шутил». И далее Климка на спор с барином крадет у него лошадей, которых зорко стерегут слуги. И заканчивается сказка: «Кричат: «Климка жулик!» А он говорит: «Я не Климка, а Климентий Евлампиевич... Видишь, не я дурак оказался, ты — дурак. Садись ты на мое место, а я пойду в твой дом. И стал сам барином». Так в шутливой сказке народ по-своему выражал свое мнение о социальной справедливости. Популярность сказок на сюжеты о «шуте» чрезвычайно огромна. С утратой их социальной злободневности, они про-

должают бытовать как сказки о смелом, бесшабашном человеке, которому по плечу все, что он ни замыслит. Это один их любимых персонажей бытовой сказки, в котором можно усмотреть некий народный идеал вольного человека.

Особую группу составили сказки антипоповские, которых особенно много в записях 1930-х гг., что можно объяснить проводившейся в то время антицерковной политикой. В сборник были отобраны сказки с традиционными сюжетами, которые показывают разносторонность тем и образов таких сказок, например, «неграмотный поп — еще более невежественные прихожане» или «жадный и глупый поп — сметливый работник».

Сатирическая направленность бытовой сказки ощущается в большинстве сюжетов. Народная сатира направлена на те человеческие качества, которые мешают нормальным человеческим отношениям или не соответствуют должностному положению человека. Так, в сказках о нерадивых женах высмеивается леность женщины, ее нежелание выполнять домашнюю работу, упрямство, сварливость и пр. А в сказках о попах зло осмеивается безграмотность попа, его сребролюбие. Но более всего в сказках выставляется на смех глупость, ведь в сущности все — чрезмерная жадность, лживость, зависть и пр., в народном понимании, оказывается глупостью. Не случайно эта тема традиционных бытовых сказок перекочевала в анекдоты, дав превосходые типажи дураков.

При всем том, что стиль бытовой сказки близок разговорной речи, наблюдения над ее исполнением показывают, что эти сказки, возможно, как никакие другие, нуждаются в талантливом рассказчике. Отсутствие в ней традиционных поэтических формул, таких как в волшебной сказке, компенсируется мастерством рассказа, умением передать живой диалог, использованием игровых моментов. И не случайно, при характеристике сказочников-мастеров отмечается их общительность, остроумие, знание ими песен, частушек, присловий. Одним из таких сказочников является Василий Степанович Исаев из с. Негомож Коломенского р-на. Сказки были записаны экспедицией МГУ 1947 г., которой руководила С. И. Минц. В репертуаре сказочника большинство бытовых сатирических сказок (10 из 12). Исаев рассматривает сказку как своего рода притчу: «Тот, кто заинтересован в сказке, тот ее переймет и будет применять к случаю», и сам, рассказав сказку «Как муж хозяйничал», тут же привел сходную историю из жизни. Стремление приблизить сказку к жизни выражается и в том, что в некоторых сказках героем становится сам рассказчик, а действие происходит в родном или соседнем селе и в Москве. Вместе с тем его сказки сохраняют все присущие им поэтические особенности: действие стремительно, диалоги кратки и выразительны, ее «современность» выявляется не в привнесении в традиционную сказку новой лексики, новых понятий, а в умении выявить основную мысль, создать сатирический образ — типаж, который и оказывается современным.

В архивных записях довольно большое число сказок «скоромных»[25], как их называют в народе, или «заветных» — такое название им дал А. Н. Афана-

сьев, поместив их в особом томе. Выпуск «заветных сказок» отдельной книгой все же не был только следствием цензуры. А. Н. Афанасьев понимал их особый, своего рода сакральный, характер. А. И. Никифоров, исследовавший «заветные» сказки, подтвердил ограниченность их бытования определенной половозрастной средой[26], т.е. сам народ выделяет эти сказки среди других, устанавливая на них своего рода «запрет». Сказки эти разные, одни из них сродни народным «скоромным» загадкам, в других непристойное есть средство сатирического обличения пороков (антипоповские и антипомещичьи), есть и сказки откровенно порнографического свойства, Но очевидно, что такие сказки нуждаются в специальной публикации с необходимыми комментариями. Ограниченность объема настоящего издания книги и ее адресованность широкому кругу читателей, заставляет составителей воздержаться от их публикации.

Небольшой раздел сборника составляют небылицы, шутки и анекдоты — яркие образцы народного юмора. Небылицы от сказки отличает отсутствие сюжета — обычно это откровенная выдумка, ряд заведомо абсурдных ситуаций, которые преподносятся как реальные, ссылка на рассказчика лишь усиливает комизм. Рассказывание небылиц составляет сюжетный стержень некоторых бытовых сказок (см. «Небылица за огонь»), своего рода небылицами являются традиционные зачины и концовки волшебных сказок, подчеркивающие нереальность сказочных событий («В некотором царстве, в некотором государстве на ровном месте, как на бороне, верст пятнадцать в стороне жил-был...» или «Сыграли свадьбу, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»), но небылицы бытуют и как самостоятельные рассказы. Особенности содержания и поэтики небылиц определены использованием специфических художественных средств, таких как гипербола, оксюморон, ритмизованной речи, элементов сказового стиха.

Среди анекдотов мы публикуем очень незначительное число текстов, совершенно исключая анекдоты нашего времени, ибо их публикация могла бы составить отдельную книгу. Анекдоты, издаваемые сегодня массовыми тиражами, не могут быть достойным источником для научной публикации и исследования этого жанра. Для составителей настоящего сборника важно было отыскать подлинно народные анекдоты, показать их непосредственную связь со сказкой, в особенности бытовой, но именно таких записей оказалось немного.

С уходом традиционной бытовой сказки из живого бытования, функции рассказа, который может посмешить, позабавить взял на себя анекдот. Его содержательные и поэтические особенности формировались на основе бытовой сатирической сказки. И не случайно подчас трудно разграничить бытовую сказку и анекдот, особенно если ее персонажи — традиционные герои бытовой сказки. Бытовая сказка и анекдот чрезвычайно близки по своим жанровым характеристикам. Здесь можно отметить сходную сатирическую направленность против таких пороков и недостатков, как неверность, жадность, невежество и пр; сходное построение, основывающееся на эпизодичности, заданности быто-

вой ситуации и ее парадоксальном решении. С народными сатирическими сказками их объединяет и единое мировоззренческое начало, исходящее из традиционных этических представлений. Серьезное научное изучение этого жанра не только выявит в анекдоте преемственность фольклорных традиций, но и позволит проследить характер современных творческих процессов, особенности бытования и исполнения. Это в равной степени относится и к другим формам современной устной прозы — слухам, рассказам, устным переделкам литературных произведений и пр.

Предания и былички составили особый раздел — «несказочной прозы», т.е. произведений, которые в отличие от сказок имеют установку на достоверность, что подчеркивается их локальной и временной отнесенностью. Вымысел и достоверность, особенно в преданиях, в них очень тесно переплетены. В преданиях и быличках можно видеть отголоски древних верований, наслоения сказочных элементов, которые вносят в них элементы поэзии и фантастики, фантастическое создается и интерпретацией фактов, имеющих целью объяснить то или иное событие.

Опубликованные в сборнике предания не отражают их содержательного многообразия и широты бытования. Тех, кто желает более обстоятельно познакомиться с этим материалом, мы отсылаем к книге «Московские легенды, записанные Евгением Барановым» (М., 1993). Среди опубликованных нами текстов есть предания исторические и топонимические. Первые несут на себе следы общерусской традиции и связаны с именами Ивана Грозного и Петра I. Но если рассказы о Петре I являются вариантами преданий, которые широко бытуют на всей территории России, то предания об Иване Грозном имеют четкую отнесенность к Москве или Подмосковью, даже если этот рассказ представляет традиционный сюжет («Царь Иван и лапотник», «Иван Грозный и ребенок»). Любопытным является предание о видении пустыннику Буколу будущего града — Москвы, а также ряд рассказов исторических и топонимических, связанных только с местной традицией — о названиях поселений, урочищ, истории церквей и т.п. Одно из таких преданий — о церкви Трех святителей у Красных ворот (зап. Е. Н. Елеонской). Многие из преданий и легенд, опубликованных Е. Барановым, также убеждают, что в Москве существовал особый пласт устных рассказов, который составил своеобразную летопись города. Московские предания, как никакой другой фольклорный жанр, нуждаются во внимании со стороны фольклористов, поскольку именно эти устные рассказы представляют собой живую традицию. Сформировавшись как жанр, предания остаются открытыми со стороны тем, образов, отражая народное восприятие российской столицы на всем протяжении ее 850-летней истории.

Раздел быличек также невелик, хотя рассказы о нечистой силе до настоящего времени широко бытуют как в городах, так и деревнях Московской области. Большинство записей относится к 1970—1990-м гг. Публикуемые тексты о лешем, черте, домовом и др., поверия о цветке папортника, колдунах и др. в

целом несут на себе печать общерусских мифологических представлений, содержат традиционные сюжеты быличек[27], хотя некоторые из рассказов достаточно специфичны и позволяют говорить о местных разработках ряда традиционных образов и мотивов, как например, «окаяшках» (нечисти), снятии порчи с дома с помощью яйца.

Современные собиратели фольклора отмечают, что постепенно меняется отношение рассказчиков и слушателей к традиционным персонажам быличек: для многих информантов — это то, что рассказывали прежде, сами рассказы интересны своей необычайностью, но в целом к ним заметно скептическое отношение. Но можно отметить и другое: мифологизацию новых явлений, отсюда и появление в современных рассказах «барабашек», «инопланетян», колдунов и др. При этом новое осмысливается традиционными формами и, в сущности, сегодня мы можем наблюдать процесс формирования современных быличек, которые предстоит записать и осмыслить как явление фольклора.

Произведения несказочной прозы подчас очень зыбки в своих жанровых границах. Так, например, предание о каком-то событии, доме, лице, может включать в себя рассказы о нечистой силе; былички о явленных мертвецах основаны на поверьях и т.д. В сборник включены два устных рассказа, которые могли бы быть причислены к такой жанровой разновидности, как «предсказание», имеющее глубинные корни в мировом фольклоре.

Таким образом, настоящий сборник — первый свод устной народной прозы Москвы и Московской области — не только подтверждает существование на Московской земле развитой традиции устного рассказа, знакомит с ее основным жанровым и сюжетным составом, но и открывает большое исследовательское поле, где работа будущих фольклористов позволит проследить факторы, способствующие поддержанию традиции и вместе с тем определить современный исполнительский репертуар, пути создания новых фольклорных произведений, жанровых структур, в которых находит продолжение традиция устного рассказа.

Принципом публикации материалов являлось невмешательство в текст, сохранение орфографии и пунктуации первоисточника. Для удобства чтения в сказках, опубликованных без разбивки на абзацы, выделены абзацы, что отмечено в примечании. В тех случаях, когда текст не был озаглавлен, его условное название отмечено — < >, этим же знаком помечены пропуски частей слов. Круглые скобки — ( ), или [ ] — это знаки первоисточников, означающие или название сказки, которое давалось составителем сборника, или комментарии собирателей. [ ] в тексте означают зачеркнутые места, сделанные собирателем. Орфографическое написание слов приближено к современным нормам.

Н. М. Ведерникова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Новокомский П. И. Книга о московском посольстве /Пер. с лат. А. Малеина, 1908.

[2] Чернышев В. И. Русские сказки в изданиях XVIII в. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности». Сб. статей. Л., 1934, с. 609.

[3] Там же, с. 606.

[4] Там же, с. 607.

[5] См.: Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.-Л., 1961.

[6] Арх. ГЛМ, инв. № 23, ед. хр. 364. Фонд Е. Н. Елеонской.

[7] Арх. ГЛМ, инв. № 52.

[8] Арх. ГЛМ, инв. № 143.

[9] Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 1—5.

[10] Арх. ГЛМ, инв. № 42.

[11] РГАЛИ, ф. 1548, оп. 1, ед. хр. 31.

[12] РГАЛИ, ф. 841, оп. 1, ед хр. 453.

[13] РГАЛИ, ф. 1426, оп. 1, ед. хр. 13.

[14] РГАЛИ, ф. 1450, оп. 1, ед. хр. 1.

[15] РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 88.

[16] РГАЛИ, ф. 1516, оп. 1, ед. хр. 16—17.

[17] Науч. арх. ИАЭ РАН, № 1395.

[18] Записи сказок Р. С. Липец 1934 г. в Рязанском р-не бывш. Моск. обл.— РО ИРЛИ, р. V, кол. 47, п. 11, 16.

[19] Сорокин В. Б. О собирании фольклора в Подмосковном этнографическом регионе // Русский фольклор. XXII, Л., 1984, с. 30—34.

[20] РГАЛИ, ф. 1503, оп. 1, ед. хр. 16.

[21] РГАЛИ, ф. 1531, оп. 1, ед. хр. 1—13.

[22] Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965.

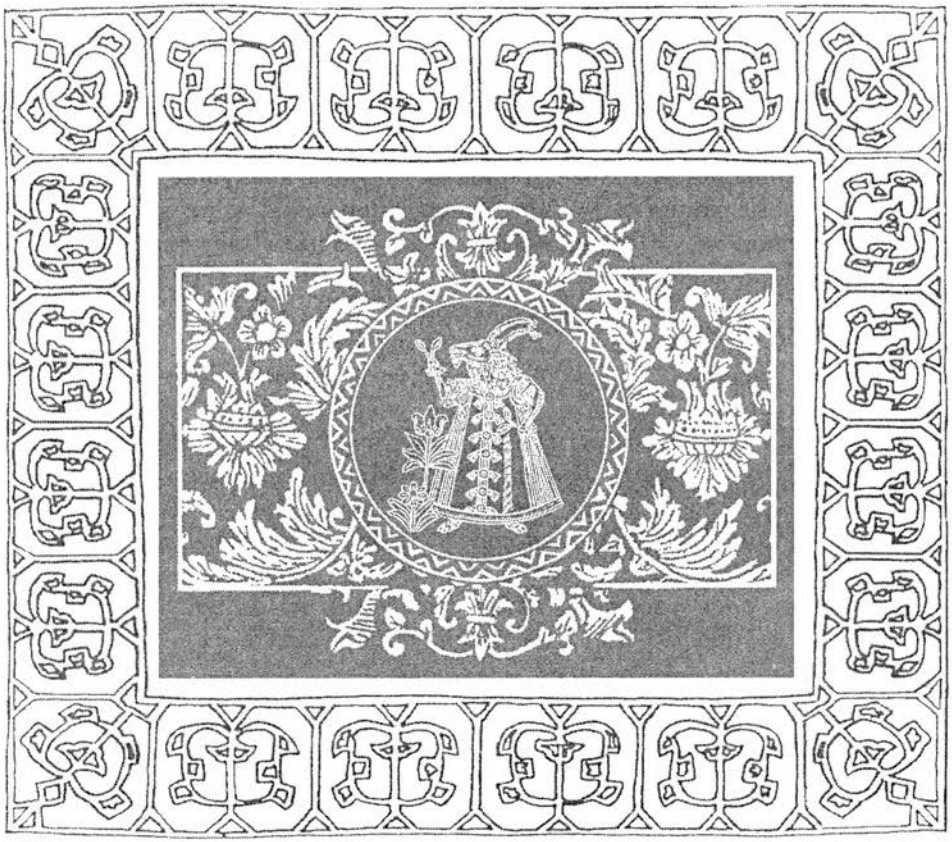
[23] Никифоров А. И. Народная детская сказка драматического жанра. Сказочная комиссия в 1927 г. Л., 1928, с. 49—63.

[24] РГАЛИ, ф. 1470, оп. 1, ед. хр. 14—15.

[25] Сказки такого рода записывал Е. Э. Баранов.— См. РГАЛИ, ф. 1418, оп. 1, ед. хр. 9. Запретные сказки, песни. анекдоты, пословицы и поговорки, записанные на Кавказе, в Москве, в Ростове-на-Дону. 1920—1930 гг.

[26] Никифоров А. И. Эротика в великорусской народной сказке // Художественный фольклор. 1929, IV—V, с. 120—127.

[27] См. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах. Сост. С. Айвазян при участии О. Якимовской / Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 162—182.



СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. ТЕРЕМ МУХИ

Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норышка и спрашивает: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» Никто не отзывается. Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове. Пришла лягушка-квакушка: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Я, мышка-норышка; а ты кто?» — «А я лягушка-квакушка».— «Ступай ко мне жить». Вошла лягушка, и стали себе вдвоем жить. Прибежал заяц: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Я, мышка-норышка, да лягушка-квакушка; а ты кто?» — «А я на горе увертыш».— «Ступай к нам». Стали они втроем жить.

Прибежала лисица: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш; а ты кто?» — «А я везде поскокиш».— «Иди к нам». Стали четверо жить. Пришел волк: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде поскокиш; а ты кто?» — «А я из-за куста хватыш».— «Иди к нам». Стали пятеро жить. Вот приходит к ним медведь: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде поскокиш, из-за кустов хватыш».— «А я всех вас давишь!» — сел на голову и раздавил всех.

2. <ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК>

Была лиса кума. Ну, побегла в лес. Патом два волка.— Лиса кума рыбки наловила. Ну, ана и эта лиса кума к ним идет.

— Ну, вы, серы волки, где были?

— В лесу.

— Ну, я вас адману.

— Ну, как ты нас адманишь?

— Я фперёт вас рыпьки налавлю.

И рыпьки налавила, влезла на стажок, ест рыбку; ну, патом и гаварит. Аны абратились к ней: «Лиса кума, дай рыпку». Ана им атвецаит:

— Ишь ты, глаткай, краснай, ступай, сам налави.— Ну патом и говорит јим апеть: — Нати вам, красны, глатки,— и бросила јим рыпку.

Аны съели, патом аны ей гаварят:

— Лиса кума, как ты налавила?

— Да я вот как налавила. Идити, я вас пауцу.

Ну и пашли. Ана јим привезала кашолоцку. Ну, патом пашли, и пабегла, и они пошли с ней, она јим путь указыват в озера. Привезала к хвостам кашолку, и аны пашли лавить. Ана ходит крук берега, а аны батаицут. Ну, патом ана им говорит:

— Марос, марос, ясни, у волка, у медведя хвуост замерьзни.

Патом оны ей говорят:

— Лиса кума, ты цаво гавариш?

Ана јим говорит:

— Да я малю: лавись, рыбка крупнинькя и мелинькя. (До трех раз).— Она опять: — Марос, марос, ясни (будь сильнее), у волка, у медведя хвуост замерьзни.

Ну, патом у волка, у медведя хвост замерс. Она пабегла в деревню, лиса кума, и крицыт: «Бабы, идити, идити, какую я вам пабасинку скажу». Ну, бабы вышли. Ана сказала:

— Идите, идити, пагледити, у вас на зери какая вешшинка.

Бабы пабегли.

— А вы бегити с тапарами, с валькями и с малатками, там два волка замерьзли, рыпку лавили, лиса кума јих адманула.

Патом аны пабегли, лиса кума асталась в деревни.Ну, патом аны ушли, была маслина, бабы пекли блины, лиса кума — у нах стаяла на стале малако — ана у них лись-пались. Патом аны аттуда идут с озира. Патом аны гаварят. А лиса кума на голову тесто налепила себе. Ана јим гаварит:

— Бабы, какая у вас праклята деревня, фсю меня избили, голову до мозгу фсю разбили.

Патом лиса кума побегла в лес, сарвала лыцка, ну, патом и гаварит — идёт апеть в другуй деревню. Ну, пришла:

— Бабы, пустити нацавать.

Ну да, патом аны говарят:

— Мы бы тя пустили, радима, нацавать, у нас хлеп, квашня да ребят казна.

Ну, пабегла лиса кума дальшы в другой двор. Ну, патом в другом дваре выпрасилась: «Пустити нацавать»,— и выпрасилась.

— Ну, вот цаво. На вот тебе лыцка вам. А лыцка прападёт, аддадити мне ремёшык.

Ну, ноц пирнацавала и говорит: «Бабы, дайти маё лыцка». Бабы искали, искали, не нашли её лыцка. Она скаранила лыцка.

— Ну, давайти мне, када лыцка прапала, давайти ремёшык мне.

Ремёшык ей дали. Патом ана побегла в другуй деревню на третью ноц. В третью деревню прибегла, стуцыт в акошка: «Путити нацавать!» Ну, патом она нацавала у них, аны пустили её. Ремёшык аддала јим.

— Нати вам ремёшык на саблюденья. Ремёшык прападёт, аддадити курыцку за ремёшык.

Патом этат ремёшык тожы прибрала. Ну, хвать-похвать! Аны утрам встают, ана и гварит: «Бабы, аддайти мой ремёшык». Ну, бабы искали, искали, ремёшка не нашли, оддали ей курацку за ремёшык. Ну, патом и побегла с этай курацкай в деревню. Апеть тожа проситца нацавать и курыцку аддала.

— Нати вам, бабы, курыцку, а курыцка прападёт, аддадити мне гуськя,— а сама ноцью фстала и курыцку эту съела, а пёрышки под навос скаранила.

Ну, патом аны утрам встали, ищут её курыцку. «Давайти мне, бабы, курыцку». Бабы ищут, не нашли и оддали ей гуськя за курыцку.

Ну, патом з гуськём апеть пабегла в лес. И адумала лиса кума: как бы мне сделать луччи; если мне ево, гуськя, съесть, у меня ницаво и не выйдя. Патом ана обдумала план на эти жа абароты: как хадила в деревни, так она апеть пашла в деревни.— «Ну, бабы, пустити нацавать!» Да бабы адны атказали, ана в другой двор: «Бабы, пустити нацавать!» Бабы пустили.

— Нати маво гуськя. Гусёк у меня прападёт, аддадити мне быцка.

Ну, патом и нацавала у них. Ну, гуськя сваво добрава ноцью съела. Ну, патом и утром фстаёт и баит: «Бабы, давайти маво гуськя». Бабы туды, бабы сюды, гуськя нету. Патом бились, бились, оддали лисицы быцка за гуся. Ну, патом она этава быцка взела, павела в лес. Запрегла ево ф санки, патом и едит. Де ни взелись волки: «Лиса кума, пасади нас». Ана и говорит:

— Ах ты, глаткай, краснай, ступай сам потрудись. Я сколька хадила, трудилась.

Ну, фсе-тки лиса-кума јих пасадила ф санки. У лисе куме сламалась аглобля. Ана ево послала, волка, за глоблей. Ну, он срубил аглоблю, несёт толстую аглоблю, ну да!

— Що ты, глаткай, краснай, несёшь такую та, ввернём ли её, она толста больна.

Патом бежит заиц. Просит у лисе куме сесть на сани: «Ну, лиса кума, пасади меня!» Ана гварит:

— Ишь ты, касой заиц, ступай сам патрудись. Я сама трудилася.

Патом ана ево сужалела, касова зайца, и пасадила. Ну, патом аны паехали дальшы. Патом аны ехали, ехали, сламалась у них аглобля. Ну да, ана им и говорит:

— Ну, ступай ты теперьца, касой заиц, ступай ты, сруби.

Ну да, он пашол, несёт тоненькяй прутик. Ана ему и гварит:

— Ну, куды ты, касой заиц, такой прутик несёшь? Он больна тонак, ни гадиццыть.— Ну патом и говорит: — Аставайтись, стойти тут, я пайду сама, стойти у быцка.

Ну, патом ана пашла в лес. Пака там прарубила, прахадила, волки съели этава быцка и ей этава быцка апчикатурили и набили саломкай. Она идё, несё аглоблю, а аны дёржут. Стали запрегать быцка этава абадратава, а он не идё; ана запрегла ево, лиса кума, а он не идё. Ну, патом ана и гаворит: «Но! Но!» — а он не идё, быцок этат. Патом и павалилси этат быцок и упал. Лиса кума, волки все, какие были при лисе куме, и разбежались, и зайцык был, и он убек. И асталась лиса кума адна и думат: «Цава мне буди делать. Я асталась адна. Давай я какой ни на буть рукамесло буду апеть делать».

И пашла лиса кума — бабы жнут. Стаит у баби кушыньцык. Патом ана, лиса кума, ататкнула кушыньцык с малацком. Лиса кума нацала лапацкой выгребать сперва. Ну, ей не показалась. «Дай-ка я скарей налижусь, всуну ф кушиньцык голову». Ф кушыньцык голову вдела, а вынуть,— пабаталась, пабаталась, никак не вынить. Патом пабегла лиса кума на реку. «Дай, я там ево утаплю». Патом влезла с кушыньцыком в озера. Думала она ево, кушыньцык, утапить, а кушыньцык её утапил.

3. <ЗА СКАЛОЧКУ — ГУСОЧКУ>

Стукнули хоть тут, у Гришкиных, под акошкам и говорят: «Пустити нацевать».— «А,— говорит,— у нас тесно».— «Да, де тесно, сюды меня унесло. Сама ляжу на лавацку, хвостик пад лавацку, руцки в пецурацку, ношки на гарнушецку. Ну, нате маи лапатки, атнесите курацкам спать». Ну, утрам паспала, стаёт. «Ну, хазяйка,— говорит,— несити маи лапатки».— «Ну, там их,— гварит, нету».— «Нету,— гварит,— ну, несити курацку мне. Ну,— гварит,— я апеть пайду па лугам с этай курацкай».

Ну, приходит ка мне, стуцит в акошка, ну и апеть гварит: «Пустити нацэвать». Ну, несогласна. Говорит: «Несити маю курацку, ну, несити её к гускю нацэвать». Ана гварит: «У нас гуська нету».— «Ну, теперь несити г барану, г бараньцику». Ана гварит апеть: «У нас бараньцика нету».— «Ну, теперь несити г быцку». Ну, ана взела этава быцка и патом пашла к папу. Ну, украла у нево вожжи, украла у нево дугу, ну и хамут, седёлку и запрегла и пайехала и зыграла песню, зыграла: «Па лапаткам курят, па курятам гусят, па гусятам баран, па барану быцок, Радаманов шлыцок. Ну, пру, не стой, хамут не свой, вожжи крадены, дуга крашена». Ну, теперь эта фся скаска.

4. КОЛОБОК

Жил-был старик со старухой. Старик и говорит старухе: «Баба, испеки мне колобок», а старуха и отвечает: «Из чего же я тебе испеку колобок? У меня нет муки». А старик ей и говорит: «По амбарам помети, по сусекам (закрома) поскреби». Старуха набрала муки, замесила колобок и посадила в печку. Когда колобок испекся, она вынула его и положила на окно, чтобы он остыл. Колобок полежал, полежал на окне, соскучился и покатился по дороге.

Катится, катится, а навстречу идет ему заяц и говорит:

— Колобок, колобок, я тебя съем.

А колобок отвечает:

— Я по сусекам скребен, по амбарам метен, я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, и от тебя уйду.

Покатился дальше. Навстречу ему идет волк и говорит:

— Я тебя съем.

А колобок начал ему петь свою песенку:

— Я по сусекам скребен, по амбарам метен, я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, я от зайца ушел и от тебя уйду.

Колобок покатился дальше. Встретился с медведем и, наконец, встретился с лисой. Она и говорит ему:

— Колобок, я тебе песенку спою.

Колобок заслушался, она его и съела.

5. ВОЛК И ЛИСА

Жил-был старик со старухой. И старик поехал рыбу ловить на озеро. Приехал на озеро, наловил рыбы, наклал в сани и поехал домой. А лиса заметила это дело. Она притворилась, легла на дороге, как будто мертвая, и ждала, когда подъедет старик. Старик подъехал, подошел к лисе, пошевелил ее кнутиком, она не шевелится. «Ну,— говорит,— будет бабке воротник». Кладет эту лису в сани, а сам пошел вперед лошади, дорогу ей казать.

А лиса-то была не мертвая. она накушалась досыта и давай по рыбке, да по рыбке сбрасывать по дорожке. Так старик и не заметил. Когда всю рыбку перекидала лиса, спрыгнула с саней и давай эту рыбку собирать.

А старик ехал домой, не замечал: он впереди шел. Приехал когда домой, перезяб и говорит: «Бабка, иди отпрягай лошадь, я тебе подарок какой привез». Она: «Какой подарок?» — «Вот там увидишь». Бабка пришла, лошадь отпрягла, в санях рылась, рылась, никакого подарка нет. И давай старуха ругать своего деда: «Обманываешь меня!»

Теперь она (лиса), значит, собрала всю рыбку и сидит покушивает. А этим временем шел волк и говорит:

— Кумушка, угости меня рыбкой-то.

Она:

— Ох! Куманек, она мне больно тяжело досталась-то,— говорит.

— Да ну, угости,— говорит,— я попробую сам наловлю, тебя угощу.

Ну она, значит, угостила его. Поел он рыбки.

— А как,— говорит,— ты эту рыбку ловила?

— Да очень просто,— говорит,— привяжи к хвосту кувшин, опусти в прорубь и сиди, а я к тебе приду скажу, кагда вытаскивать.

Ну, волк так и сделал: привязал к хвосту кувшин, опустил в прорубь и сидит. Приходит лиса проверить, бегает вокруг пруда и поет:

Ясни, ясни на небе мороз,
Морозь волку хвост!

А он не поймет:

— Что ты, кумушка, говоришь?

— Да я все тебе рыбку на хвост называю.

Ну, теперь лиса видит, что уже он примерз, говорит: «Ну, теперь пробуй!» Он стал пробовать — хвост-то у него не отрывается. Лиса давай по деревне бегать, собирать людей, кричать, что на пруду волк: «Волк на пруду!» Вот, значит, люди все собрались, побежали, а лиса этим временем давай по домам шарить. Забежала к одной бабушке, наелась блинов, а тестом голову вымазала и на улицу.

А на волка как набросились все, стали бить-то его. он до того рвался, что у него хвост оторвался. Волк, значит, убежал. А лиса как раз с ним и встречается, он ей жалуется:

— Вот с твоей рыбой мне всю и голову разбили, кровь течет.

А лиса говорит:

— А у меня не то что кровь, мозг из головы течет!

— Ну что ж, кому из нас везть друг друга?

Она говорит:

— Конечно, ты меня вези!

Волк ее и повез, значит. Он ее везет, она поет:

Битый небитого везет,
Битый небитого везет.

А волк не поймет: «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Ох, кум, куманек, очень голова болит».

Но волк все же догадался, что она его обманывает. Когда подошел ближе к лесу, выбрал такое дерево, только она запела «Битый небитого везет», он ее тряхнул, и она об дерево убилась.

6. ЛИСА И КОЗЕЛ

Бежит лиса, зазевалась на ворон и попала в колодец. Воды в колодце было немного, утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идет козел, умна голова; идет, бородищей трясет, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидал там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисонька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик,— отвечает лиса.— Там, наверху, жарко, так я сюда и забралась. Уж как здесь прохладно и хорошо. Водицы холодненькой сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

— Хороша ли вода-то? — спрашивает козел.

— Отличная,— отвечает лиса,— чистая, холодная. Прыгай сюда, коли хочешь, здесь обоим место будет.

Прыгнул сдуру козел — и чуть лису не задавил. А она ему:

— Эх, бородатый дурень, прыгнуть-то не умел,— всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца. А козел остался в колодце, чуть было с голоду не пропал; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

7. <КАК ЗВЕРИ МЯСО ДЕЛИЛИ>

Вот сошлись волк, лисица и медведь, и нашли они кусок свинины и думают: «Если разделить на всех, то никто не будет сыт». Вот лисица и придумала, так как она обладает хитростью, дала предложение своим товарищам: «Вот, друзья, что я хочу вам сказать. Давайте сделаем

так: кто всех старше, тому и отдадим этот кусок».— «Ладно,— согласились волк и медведь.— Ну, говори, кума-лиса, когда ты родилась?»

Лисица думала, думала и говорит: «Я тогда была дева, когда не было Адама и Евы».

«Хорошо,— сказал волк, сел на задние лапы, посмотрел на небо, потом на свинину, проглотил слюнки, облизал свои волчьи губы.— Да, стара ты, кума, но свинина тебе не попадет. Я старше тебя. А я тогда еще был сед, когда не был еще белый свет».

Очередь говорить медведю. Вот он и думает: лиса придумала хорошо-хорошо, а волк еще лучше, а мне, медведю, уже нечего сказать. А свинину тоже не хочется упустить. Сел медведь тоже на задние лапы, посмотрел на лису и волка, потянул в себя воздух и вдруг молвил: «На мне,— говорит,— нет ни одной седины, фиг вам, а не свинина». Сгробастал этот кусок свинины и сожрал, а волк с лисой — старик со старухой,— остались ни при чем, торговать битым кирпичом.

Вот так-то, кто смел, тот два съел.

8. ЛИСА И КУВШИН

Один крестьянин поехал пахать в поле и взял с собой кувшин молока. Когда он пахал, к кувшину подошла лиса, просунула в кувшин свою мордочку и все молоко выпила. Но мордочку засунуть — засунула, а вынуть не может. Долго она мучилась, а потом говорит кувшину:

— Слезай, кувшин, а то я тебя утоплю.

Но кувшин молчит. Тогда она пошла к реке и зачерпнула полон кувшин воды. а она в этой воде задохнулась.

9. КОТ И ЛИСА

1. Лиса гуляла по лесу и встретила под елкой кота и спрашивает: «Откуда ты?» А он говорит: «Да меня вот хозяин прогнал». Она его забрала к себе, там накормила, напоила, и он у ней стал жить. Стала она ему добывать пищу.

Один раз пошла, значит, поймала утку, несет, а ей навстречу идет волк и хотел у ней отобрать эту утку. А она ему говорит:

— У меня кот, воевода из сибирских лесов присланный, будет здесь хозяйствовать. Так что, если вы меня обидите, то он вам отомстит за это.

Волк перепугался, отпустил ее. Теперь попадается медведь. То же самое, хотел у нее утку отобрать, а она ему рассказала, что у нее этот кот-воевода. Тоже он перепугался и ее отпустил, но спросил, что за воевода, чтобы его посмотреть. А она говорит:

— Приносите,— значит, медведю велела принести быка на полянку, договорились, на какую, а волку — барана.— И вот, значит, тогда,— говорит,— посмотрите, что это за кот-воевода.

Ну, они так и сделали. Медведь задрал быка, принес на поляну, а волк — барана.

— Только,— говорит,— вы ему не кажитесь, а то он очень опасный.

Значит, они так и сделали: положили быка, барана. Медведь залез на елку, чтобы ему посмотреть с елки, а волк зарылся в листья, чтобы не заметил его кот. Теперь, значит, приходит лиса с котом. А кот, как обычно, сразу на мясо набросился и начал быка грызть, ворчит там: мавр-мавр. А им-то послышалось, что «мало». Волк говорит:

— Что такое! Небольшой вроде зверек, а быка ест и мало!

Ужас его взял. Он стал шевелиться в листьях, чтоб посмотреть получше. А коту и быка не надо, а чтобы мыша поймать. Он как бросился и как раз в глаза волку. Волк соскочил бежать, а кот-то его испугался — и на эту елку, где сидел медведь, а медведь подумал, что за ним лезет. Он с этой елки-то грохнулся и убился.

Вот на этом сказка-то и кончилась.

2.

Встретила однажды лисица кота и говорит ему:

— Кот Котофеич, Иван Мурафеич, женись на мне! Что ты ходишь бобылем, а я бедной вдовушкой. Тебя некому обмыть, обчесать, а за меня, за вдовушку, нет заступника. Чем мы не пара с тобой? Женись, котик, будем жить с тобой припеваючи. Работать я тебя не заставлю, работников я найду на наш век, только женись, котик. Уж я тебя, миленький, буду жалеть-лелеять, всю жисть за тебя отдам. Очень ты мне, котик, мил и дорог, всю мою сердечку зажег. Давно я хотела тебя увидеть и поговорить с тобой. А то вот эти постылые все ко мне таскаются — волк и медведь, все уговари-

вают. Плевать я на них хотела! Противны они мне, котик, ты один-разъединый мил мне на белом свете!

— Ну, коли так уж, то будет так. Давай поженимся,— согласился кот.

— Ох, миленький мой, дорогой мой! Как я рада, что ты согласен!

Обмыла лиса кота и повела к себе в дом, угостила она кота, чем бог послал, уложила спать, а сама в это время пошла похвалиться волку и медведю, что она вышла замуж за Кота Котофеича за Ивана Мурафеича. Вот встречает она волка и говорит:

— Здравствуй, кум волк!

— Здравствуй, кума лиса! Ну как, кумушка, поживаешь? — спросил волк.

— Ничего, кум волк, хорошо теперь живу, замуж вышла.

— Ну-у! — удивился волк.— За кого же это ты, кума?

— За Кота Котофеича, куманек.

— А как же, кума, его посмотреть?

— Как? — удивленно сказала лиса.— Вот как. Иди поймай овцу да принеси к моему дому, положь насупротив того дуба, а шкуру сними обязательно, положь ее, а сам эдак в листья закопайся. Да смотри, не шевелись, а то такой он у меня сердитый — сказать невозможно, разорвет! На мелкие части!

— Ох, кумушка, какого ты себе мужа-то нашла! Хотя страшновато, а посмотреть хочется. Ну, я пошел за овцой.

— Ну, иди, да смотри, кум, будь тогда поосторожней, а не то...

«Ну,— думает лиса,— одного дурака обманула, еще одного надо обмануть». Так лиса размышляет. Навстречу ей идет медведь. Идет она, будто не замечает медведя, медведь и говорит:

— Здорово, кумушка! Как поживаешь?

— Да ничего, куманек.

— Я слышал, ты замуж вышла? Кум волк мне сказал. А как, кума, мне-то можно твоего мужа посмотреть?

— Да почему ж нельзя-то?

— А как же сделать это?

— Вот как. Иди убей быка, да половиночку принеси к моему дому и положи, где положит кум волк овцу, а сам полезай на дуб, да повыше, куманек, и сиди потише, а то он у меня такой сердитый: клочка живого не оставит, а первым долгом глаза выдерет, если узнает, что ты там. Он подумает, что ты ко мне пришел. Ревнивый он у меня ужасно!

— Какой же он у тебя, кума?

— Вот такой: уж на глаза никто не попадайся!

— Хотя страшно, кума, но посмотреть хочется. Ну, я пошел за быком.

— Иди-иди, кум, да смотри тогда поосторожней будь.

Ну, вот и другого дурака обманула. Медведь пошел за быком, а лиса пошла домой. Пришла лиса домой, котик ее все спит. Она одела его своей шубкой и легла тоже отдохнуть. Вот проснулся кот и говорит:

— Женка моя золотистая, я жрать захотел.

— Ох, миленький мой котик, завлекательный носик, сейчас пойду посмотрю, не принесли ли наши работнички чего-нибудь нам.

Вышла лиса посмотреть, не пришли ли волк с медведем, не притащили ли барана с быком. А вот и они прут: волк — барана, медведь — полбыка. Она к ним на цыпочках:

— Ну, кумушки, потише да поскорей кладите и прячьтесь по местам, а то он сейчас выйдет, увидит вас — так вам будет плохо. Умывается он у меня.

Волк с медведем положили свою добычу. Медведь полез на дуб, а волк у дуба закопался в листья. Пошла лиса к своему Коту Котофеичу:

— Ну, котик, пойдем, я тебя попотчиваю. Работники принесли кое-что и еще пошли.

Коту не до работников — жрать захотел. Только они вышли из избы, как кот увидел-учуял мясо, как прыгнет на нее, а сам «мау-мау-мау». Волк лежит в листьях и думает: «Что за зверь — все ему мало? Да мы с медведем этого не съедим, а ему мало». Хотел волк получше посмотреть, стал голову приподнимать, ухами шевелить — листья зашуршали, кот и подумал, что в листьях мышь, да как прыгнет на волка! Волк испугался, думал, что он его заметил и хотит разорвать и съесть, так как ему все мало барана и полбыка. Как вскочит и давай бог ноги удирать, а кот сам в это время испугался да от волка прямо на дуб! А на дубу медведь сидел и видел всю историю. Медведь думал, что кот уже сожрал волка и лезет за ним, так как ему все мало, и кубарем полетел с дуба медведь. Не успел он повыше залезть, а то бы до смерти расшибся! Вскочил наш Мишка и тоже пошел от Кота Котофеича удирать.

Встречает лиса на следующий день обоих своих кумовьев — волка и медведя.

— Ну,— говорит,— хорош мой муж? Если бы не я, то он вас вчера обоих разорвал. Уговорила я его, он мне так сказал: если они мне не будут носить каждый день пищи, то я их изо дна моря достану и съем!

— Ох, кумушка, скажи ему, чтоб он об этом не заботился: будем вам носить чего только захочете!

— Ну, то-то,— сказала лиса: ей этого было и нужно.

10. КОМУ ДРУГОМУ — КУРГУЗОМУ ПЕРВОМУ

Тот, кто заинтересован в сказке, тот ее переймет и будет ее применять к случаю. У нас есть пословица: «Кому другому — кургузому первому»,— и все. Это только начало.

Шел портной по лесу с аршином. Ему попался, значит, волк навстречу, и он говорит:

— Я тебя,— говорит,— портной, съем.

— Да как же ты меня съешь, как я в тебе помещуся?

— *Упоместишься, не упоместишься — другой вопрос, а я тебя съем.*

— Давай мы тебя смерим. Вот у меня аршин, я тебя смерю. Если я упомещусь, то ты меня съешь.

— А как ты меня будешь мерить: с головы или с хвоста?

— С хвоста.

Он как стал его мерить: и вот он ему закрутил левой рукой хвост, чтоб не оторвался, и как даст аршином — хвост остался в руках, волк бежать, у него кровь текеть, и кричит, на помощь товарищей зовет.

Слетелись еще десять волков, спрашивают его, в чем дело. Он и говорит:

— Попался навстречу портной, и я ему, дескать, говорю, что я тебя съем. Портной и говорит: «Давай я тебя смерю». Вот, понятно, он меня смерил аршином и удар нанес по спине. Да,— говорит,— держал хвост, хвост в руках у него остался, как он сильно держал.

— Давай,— говорять,— его догонять.

Значить, они бегуть, эти десять волков. Когда они бегли, портной увидал: глянул вправо, влево и видит дерево подходящее, и он взгромоздился на дерево, сел и сидит. Волки это учуяли, что он на дереве, они и думають, как его достать. Влезть им неспособно. Думали, думали и додумались.

— Давай,— говорят,— волк на волка садиться, давай взгромоздимся друг на друга, и мы его достанем.

Кургузый — он побывал у него в руках — он вниз и громоздится, остальные — на него, один за другим. Они уже лезуть один на одного, девять волков влезли, только осталось десятому — если б десятый влез, то они бы его достали.

Портной, видя его безвыходное положение, что его сейчас достанут, он и кричит:

— Кому другому, а тебе, кургузому, первому!

Кургузый здесь заробел, он вывернулся — волки все рассыпались и убежали.

Вот что представляет из себя этот рассказ — «Кому другому, а кургузому первому». Она ведь к делу говорится: другой какое-нибудь дело делает, она и говорится: «Кому другому — кургузому первому».

11. ВОЛК И БАРАН

Один раз под горой встретился волк с бараном. Волк и говорит:

— Баран, я тебя съем.

— Ешь, только вот тебе трудно будет меня есть. Давай лучше я полезу на гору, разбегусь и прямо к тебе в рот попаду. А ты меня проглотишь.

Волк согласился. Баран разбежался да как стукнет волку — волк так и перевернулся. А когда опомнился, барана уже не было.

12. КОЗЛЯТА И ВОЛК

Жила-была коза, у ней были детки. Вот коза пошла на добычу, приказала детям строго-настрого сидеть, никуда не шевелиться, не ходить никуда. А волк это узнал, что коза-то ушла, стучится:

Ваша мама пришла,
Молочка принесла!

А они говорят: «Покажи ручки!» Он руки показал, а они у него черненькие. Они не отперли. Он пошел на мельницу, намазал белым руки, пришел, стучится опять: стук-стук:

Ваша мама пришла,
Молока принесла.

Они говорят: «Покажи ручки!» Они беленькие. Но они не отперли, говорят: «Голос не подходит». Теперь он опять пошел, переменил голос, приходит:

Ваша мама пришла,
Молочка принесла.

Говорят: «Покажи руки-то!» Показал — ручки беленькие, голосок подходит. И отперли. И он всех поглотал. Один козленок остался на часах, спрятался и рассказал все козе.

А волк наелся, пошел на речку пить и лег спать, храпит. Коза взяла ножницы и пошла с этим козленочком, расстригла ему брюхо, вынула козляточек, напихала ему камней туда, зашила. Он полез пить и утопился.

13. <МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА>

Пахал мужык сецу [новь]. Волк идет: «Я у тя, мужык, кабылу съем». А он говорит: «Лажись в мёжу. Я сецу дапашу, сам её аддам». Ну, волк лёк, лежыт в меже. Ну, лиса выбигла и гварит: «Мужык, цаво у тибя в меже лежыт?» А он говорит: «Пенёк». Ана говорит ему, лиса: «Как был бы пенёк, был бы тапор ваткнут». А он говорит, волк: «Мужык, ваткни мне,— говорит,— тапор-ат». Ана апять вышла, лиса, к нему. «Ежли бы пенёк бы был — и верёвкай бы был завязан». Мужык свезал ево и засек ево.

Лиса патом говорит: «Мужык, ты цаво мне дашь за это?» — «Иди,— говорит,— я тебе пару кур дам за это белых». Ну, он привёл лису, завезал двух сабак, в мешок пасадил. Ну, лиса шла, шла с сабаками и развезала мешок, и вышли две сабаки за ней, пабегли за лисой.

Ну, ана ат их бегла, бегла, фсётки забегла в сваю кануру, где ана находицца, ну и спрашыват: «Вы, глаза, цаво делали?» — «Мы гледели, как бы нам ат сабак убец бы паскарей».— «А уши, вы цаво делали?» — «Мы слушали, далёко ли сабаки бегут».— «А вы, ноги, цаво делали»,— спрашыват лиса апеть.— «Мы бежали, тарапилися апеть фсё ат сабаки».— «А ты хфост, цаво делал?» — «А я мешалси, щобы ты упал и сабаки разарвали». Ана и думала, що сабак нет, ана и высынула сюды фост. «Нати вам, сабаки, хфост». Оны и вытащили ее и разарвали.

14. СТАРЫЙ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

Бежал волк от охотников. Мужик молотил на току. Волк подбегаеть к мужику и говорить:

— Мужичок,— говорить,— спаси меня. Сейчас охотники убьют мене,— говорит.

— А как,— говорить,— я тебя могу спасть?

— Да вот посади мене в мешок, завяжи, как-будто рожь, и все тут,— это волк мужику говорить.

Он его посадил в мешок, завязал. Подходять эти самые охотники к мужику, какой молотил-то, и спрашивают его:

— Мужичок,— говорят,— не видал ли ты серого волка?

А мужик и говорить:

— Нет,— говорить,— не видал.

Значит, они проходят далее. Мужик развязывает этот самый мешок, выпускает оттеда волка — из мешка. Волк и говорить:

— Мужик,— говорить, я тебя съем.

— Да как же ты меня съешь,— говорить,— какое я тебе добро сделал, а ты мене съешь?

— Мало ли,— говорить,— старый хлеб-соль забывается.

(Вот, «Старый хлеб-соль забывается» — это примерный рассказ).

— Ну, уж раз такое,— говорить,— дело, давай уж трех дел, каких спросим, какие попадутся нам, дескать, на глаза.

Вот они приходять к одному оврагу, попадается им дряхлая такая лошадь, какая уже пришла в негодность. Мужичок спрашивает ее:

— Лошадушка,— говорит,— матушка, скажи, пожалуйста, что — старый хлеб-соль забывается или нет?

Лошадь и говорит:

— Забывается. Я своему хозяину служила верой-правдой, возила сто пудов и бегала не тихо, но пришла в негодность, он мене бросил на произвол, вот я теперича в овраге,— говорит,— и нахожусь.

Значить, эта штука мужику не на руку. Проходят далее. Попадается им собака: под глазами гной — прямо страшно взглянуть на нее от старости, она тоже пожилая. Мужик спрашивает ее:

— Собачка-матушка, скажи, пожалуйста, что — старый хлеб-соль забывается или нет?

Собачка говорит:

— Забывается,— говорить.— Я,— говорить,— своему хозяину была самым крепким замком. Куда уйдеть и уедеть — под моим руководством все было сохранно. Вот стала такая, как видите, он мене прогнал на произвол.

Значить, приходится, один предмет остается еще — безвыходное положение этого самого мужика: приходиться отдаваться волку. Вот навстречу им бежить лиса. Мужик и говорить:

— Лисанька-матушка, подойди поближе, расскажи нам всю правду, что — старый хлеб-соль забывается или нет?

Лисица видит, что сурьезного значения дело. Она говорить:

— В чем дело, не пойму.

Мужик объясняет ей: «Волк бёг от охотников, я его спас». Лисица задеть вопрос:

— Как спас?

— Я его посадил в мешок и завязал. Приходють охотники, спрашивають мужика: «Не видал ли сера, мужичок, волка?» Мужик говорить: «Нет, не видал». И, значить, они пошли дальше. Когда мужичок выпустил этого волка из мешка, он и говорить: «Давай,— говорить,— я тебя, мужик, съем». Я ему говорю: «Как же ты съешь, я тебе сделал вон какое добро, а ты меня съешь?»

— Я, говорить, не могу поверить, что волк мог уместиться в мешок,— это уже лиса говорить.

— Да вот,— говорить,— упоместился.

— Это дело,— говорить,— должно усовершенствоваться фактом: опять в мешок его посадить, доказать, что он в мешке был,— (лисице охота волка в мешок посадить).

Мужик расправляеть мешок, чтобы волку ловче влезть в него. Когда он влез в мешок, лиса и говорит:

— Завяжи его покрепче.

Она его спросила: «Завязал?» Он отвечает: «Завязал».

— Ну, молоти, как,— говорит,— ты рожь молотил, так и по нем молоти.

И он берет цеп и начинает по нем молотить.

— А еще,— говорить,— как подбивають-то ее.

(Рожь-то ведь сначала молотят — вот так, а потом подбивают — вот так,— показывает жестами).

Он и начал — как подбивают ее, а она наклонилась посмотреть, он ей по носу и дал, и обоих их убил. Ее-то нечаянно убил: цепильник-то соскочил и ей по носу, а по носу — это самый вред.

(Вот этот рассказ, а то «старый хлеб-соль забывается», а рассказа к этому нет).

15. СТАРУХА

Захотелось старухе медвежатинки, посылает она своего старика. «Старик, а старик! Ты бы мне принес медвежатинки, добыл бы где!» — «Постой, старуха! Вон там медведь спит; я пойду, его ладыжку тебе принесу!» Вот он отрубил, принес ладыжку. Она зажарила ладыжку, шерсть сидит прядет, мясо ест, а на шкуре сидит.

Вот этот медведь на трех ногах припрыгал и кричит:

По селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит,
Смутьянка не спит,
На моей коже сидит,
Мое мясо ест.

Взошел медведь в сени, опять то же кричит:

По селам спят...

Эта старуха испугалась, убежала на полати. Медведь в избу зашел, стащил старуху с полатей за паневу, затащил в лес, посадил на пенек.

Потом сам пошел за стариком, а старуха на пеньке сидит и говорит: «Пенек, пенек! Расти выше! Пенек, пенек! Расти выше!» Пенек вырос большой, выше всякого дуба. Медведь старика не нашел, пришел опять к ней, глядит: она на дубу сидит. Он полез туда за ней. Она сломила сук да его по лапам-то стук-стук! Он упал и околел тут. Она потом и говорит: «Пенек, пенек! Расти ниже! Пенек, пенек! Расти ниже!» Пенек опять сделался маленький, она слезла и поныне живет.

16. <ЕРШ>

Был ершышка-ябедницишка и спрасилси в сине море гулять рыбе-белуге, судье праведной.— «Рыба-белуга, судья праведна, пусти меня в сине море погулять». Рыба-белуга согласилася, пустила. Ершышка разросся, стал велик,

Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникова. Вт. пол. XVIII в. Гравюра на меди. Раскрашена. Гос. исторический музей. Коллекция И. Забелина. (Лубок. Русские народные картинки 17-19 вв., илл. 57. Л., 1984)

да и стал он рыбу абижать; ну и рыба стала жалаваццa на нево рыбе-белуге. «Ах, рыба,— говорит,— белуга, судья правидная, каков же ты нам ершышка коловатава в море пустил, мы ат нево места не находим, он нас,— гыт,— коля». Рыба-белуга сабрала схотку: «Ну, пади,— говорит,— Багдан, лави ершышку». Ну, Багдан атказываццa. «Ну,— говорит,— пади ты, щука». Щука атказываеца: «Мне,— говорит, ево не ащупать».— «Ну, пади,— говорит, линь!» А линь: «Я,— говорит,— я линь талевой, а ум прастой, мне,— говорит,— ево не паймать».— «Ну, ступай,— говорит,— ты, платица!» Платица отказываеца: «Я,— говорит, резка, мне ево не паймать, ершышка коловат».— «Ну, пошол,— говорит,— Никан». Никан и стал по озеру колья тыкать. Ну, пашол за ним Багдан; ему ерша Бох дал. Пришол Сава и надрал из нево палтара пуда сала. Пришол Вавил, паднял ерша на вилы. Пришла баба дура, развалила ерша на цатыря блюда. Всево ево ерша и вздула. И вся.

17. СКАЗКА ПРО СНЕГУРУШКУ

Жили-были дед и баба. Была у них внучка Снегурка. Как-то раз пришли к Снегурушке подружки — в лес за малиной звать. А она у бабушки спросить пошла: пойду, бабушка, в лес за малиной. Бабушка и говорит: «Не ходи, внученька, в лес, а то ножки поколешь». А внучка-то и говорит: «А я, бабушка, тапочки возьму!» Бабушка снова внучке говорит: «Не ходи, Снегурка, а то дождик намочит». Отвечает Снегурушка: «А я, зонтик, бабушка, возьму».

Пошла Снегурушка с подруженькам, заблудилася в темном лесу. От подружек отстала — ночь настала. Страшно Снегурке ночью в лесу. Залезла она на березу. Сидит она высоко-высоко, а самой страшно: что же будет?

Подходит к ней волк. «Спускайся»,— говорит. А Снегурка не хочет пошевелиться — боится. «Нет, волк, съешь ты меня».— «Зачем мне тебя есть?» — говорит он. А Снегурушка сидит на березе, не слезает. Вот постоял волк, постоял и ушел.

Сидит Снегурка, дрожит — холодно стало-то ночью. Вдруг глядит — лисичка-кумушка идет. Подходит и говорит: «Что ж ты, Снегурушка, на дереве сидишь? Слезай сюда!» — «Нет, ты меня съешь»,— говорит. Но лисичка отвечала, что не будет ее есть. Тогда Снегурка слезла с березы, села на лисичку, и поехали они домой.

Едут они, а Снегурка и говорит: «Дома бабушка сейчас, она тебя накормит, напоит». Но лисичка говорит: «Не нужно меня ни кормить, ни поить. Ты мне лучше курочку дай». (Ведь известно, что лисички курицу любят, вот она и просила ее.)

Приехали. Снегурка с лисичкой домой, а бабушка с дедушкой рады-радешеньки: внучка вернулась. Говорят: «Давай, Снегурушка, мы лисичку напоим, накормим, творогу дадим ей». А внучка просит: «Заруби, бабушка, курочку». Та спорить не стала — зарубила. А лисичка увидела курицу, схватила ее — и в лес убежала. Так вот сказка и кончилась.

18. <ВЕРШКИ И КОРЕШКИ>

В Гжели все репу сажают. Выехал мужик сеять, а медведь и лежит. Прежде медведей много было. «Мужик, давай вместе сеять, тебе корешки, а мне вершки». Хорошо. Уродилась репа, мужик бросает медведю ботву — не ест. Стал мужик гречиху сеять, медведь идет. «Обманул, мужик, теперь мне корешки, а тебе вершки». Хорошо. Поспела гречиха, собрал мужик, а медведю нет ничего. Мужик и блинов напек.

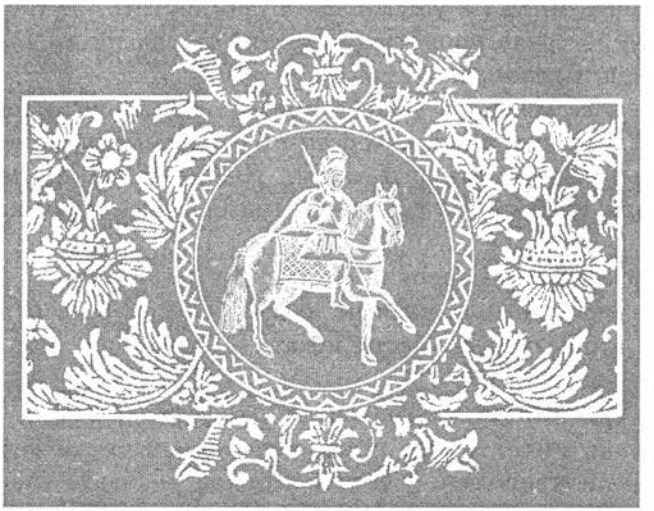
А медведь его подстерег около лесу: «Я тебя съем».— «Подожди, не ешь». Ушел медведь, а лисица бежит: «Я тебе, мужик, помогу». Медведь опять идет, а лиса бежит, стучит. «Что это?» — спрашивает медведь. «Охотники».— «Спрячь меня».— «Ложись в телегу». Лиса спрашивает: «Мужик, а мужик, что это у тебя в телеге?» — «Пень».— «Кабы пень, топор бы был воткнут». Мужик топор в медведя и всадил, убил его. А лиса говорит: «Ну, мне пару петушков!» Хорошо. Взял двух собак в мешок, да и дал ей. Она зашла на гумно, развязала мешок, а собаки — на нее и взяли лису.

19. ВЕТЕР, СОЛНЦЕ И МОРОЗ

Шел мужик по полю и поклонился. Увидали это ветер, солнце и мороз и начали спорить, кому поклонился мужик. Ветер говорит:

«Мне». А мороз говорит: «Мне». Долго спорили и решили догнать мужика. Догнали, спросили. Мужик ответил: «Ветру».

Тогда мороз сказал: «Я его заморожу». А ветер ответил: «Если ветра не будет, ты его не заморозишь». А солнце говорит: «Я его сожгу». А ветер ответил: «Если ветер поднимется, ты его не сожжешь».



ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

20. [ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЦЬ]

Лазарь Лазаревиць, а у него сын, Еруслан Лазаревиць. У Лазаря Лазаревица двенадцать баһатырёв. Еруслана Лазаревица отдал он сына в уцылишша, и стал в уцылишши шутки шутить, шутки немалыя: каво ухватит за руку — рука проц, каво ухватит за голову — голова проц. Лазарь Лазаревиць и говорит:

— Ах, дитё маё милая, я у Боһа просил: «Дай мне, Господи, дитя при младости на пагледенье, а при старости на призренья, при последнем каньце на памин душы». А ты, маё дитё милая, урадилася ни при младости на погледенье, ни при старости на призренья, ни при паследнем каньце на памин души.

Еруслан Лазаревиць и говорит сваму атцу:

— Ну, дай мне, папаша, каня не ежженава, седло не надёваная, плётку не хлыщеную, я паеду себе место искать, а ты аставайся с двенадцатьми баһатырями.

А Лазарь Лазаревиць ему говорит:

— Ну, ступай, дитё, в маю стаду канёвую, выбирай себе каня такова, знаишь, у меня пастырь там, у каней пастырь — звать ево Ивашкой. Ну, спроси ево, какова он тебе каня падарит.

Приходя Еруслан Лазаревиць к Ивашки пастырю.

— Ну, пастырь Ивашка, дай ты мне каня, каторый может на меня па гроп жыжни маей служыть.

— Ну, патходи, говорит, в двенадцать цасоф к реке, я пригоню каней. Ну, выбирай каня, каторый подайдет к реке и станет на колени, припадё на колени и будит он пить, ат нево вална пайдё.

Ну, он, Ивашка, падашол и хлыснул каня сваей плёткай. «Стой, кляц! Невежа! Дай доброму молотцу тея аседлать». Еруслан Лазаревиць падашол и аседлал ево, ну и сел на каня, сел на каня и паехал. Пастушок крицыт ему взат:

— Що ж ты, Еруслан Лазаревиць, едишь, не спрашиваешь ты меня, далёка ль ты атправляисси.

— Я еду, Ивашка, себе род жыжни, места искать.

— Ну, где же вы едите?

— Куды,— говорит,— Господь докацнё.

— Ну,— говорит,— ты куды задумал? Здесь тибе не праехать: там стаит змей аб двенадцать галоф, он тебя не прапустя, а он за три версты свистам побивая.

Еруслан Лазаревич. Литография с гравюры на меди. 1858. Москва. Мастерская А. Логинова. Из частного собрания. (Русский лубок XVII—XIX вв. илл. 73. М.-Л. 1962.)

— Ну, каг же мне,— говорит,— Ивашка, праехать?

— Ну, на,— говорит,— маю плетку. Он свистнит, а ты скажы ему: ах пьёс (так), невежа, са свисту тваво, ну дай мне свиснуть.

Взял он этай плёткай свиснул, Ивашкинай, и снёс с нево все двенадцать галоф змеинавых и палажыл их в чимадан и вынул из нево жолуць (так) и взял опеть убрал в чимадан и паехал.

Лежит Расланеева галава, ну он к ней слес и сел на неё и говорит: «Какая же эта галава лежит?» Ана ему атвецяит: «Эта я, Расланеева галава. Ну, ты далёка ли едишь?»

— Я еду себе род жыжни, места искать.

— Ну, ступай,— говорит,— ты, где задумал, там тебя ажгут агнём, там тебе не праехать. Ты припади на калени, и яны увидют, што ты покарилси и примут тебья. Ты с ними пайдешь ф сад гулять, у нево прикрасная девушка. Ты с ним обращайси вниманіи, дабром служы на нэво, ну он тебья буде з зятем принимать, на тэбья он испаложытця. Ты в саду пагуляишь с ним и вазми мець складенець, и бей ево сразу. Ну, он будит гаварить: бей меня до двух рас, а ты ему атвецяй: маладецка рука, ана бьет аднава. Ну, вазми эту голову ево к себе в чимадан, ну и паежжай апеть назат.

Еде назат. Расланеева галава и остановила ево.

— Ну, каг же, Еруслан Лазаревиць, тваи дела? Испалнялись ли?

— Расланеева галава, що мне тебя ажывить?

А ана ему и говорит:

— Если я буду памирать апеть, то меня не ажывай, а если я буду вешна жыть, то меня ажыви.

— Нет, Расланеева галава, будишь памирать, лучше не ажывай меня апеть.

Приежая в сваё царсво. Ево царсво всё разбитая, двенатцать баһатырёв все забратыя, глаза јим пакалотыя, и Лазарь Лазаревиць тоже забратай, ево атэць, и глаза выкаланы. Он подъежжая, где они забратыя, и стал он замки ламать.

— Здрасвуйти, двенадцать баһатырёф!

Баһатыри ему атвецяют: «Хто же эта будя?» Он говорит: «Я, Еруслан Лазаревиць!» — «Если бы Еруслан Лазаревиць, то он отсэда нас отпустил, вывел бы хоть». Взял, растварил он дьвери и распецятал чимадан. Вынимая жолуць и памазал им глаза, и стали аны видеть. Ну спросил он пра сваво Лазаря Лазаревиця:

— Где ш мой папаша, Лазарь Лазаревиць?

— Он тоже в сталбу,— говорят,— завоёваный.

Патходит к этаму столбу, где он завоёваный, и атпирая апеть замки. «Здраствуй, папаша, Лазарь Лазаревиць!» Он ему не уверяя.

— Если бы был мой сын, Еруслан Лазаревиць, то он меня бы отсэда бы вывел.

Взял чимадан, аткрыл и памазал ему жолцем глаза, и привёл jих в сваё царсво всех.

21. ПРА БЕЛЫЙ СВЕТ

В адном царстве-государстве прапал белый свет. Царь сабрал множиству народу, чтобы атыскать белый свет. Никто ни взялся. Он в другой рас вдвое больше сабрал народу, в третий рас ещо больше народу. Адин Малыскар (?) выбигаит, говарит: «Я пайду». Слухи и дашли царю. Царь пазволил. Он говарит: «Типерь мне надо двух таварищев». Ему дали самых хароших. Он говарит: «Нет, эти ни гадятца». На втарой рас ещо лучше ему дали. Он говарит: «И эти ни гадятца». В третий рас ему ещо лучше дали. Он говарит: «Вот это так». Он сказал: «Типерь давайти нам самых хароших каней». Ему дали самых хароших каней. Он сказал: «Эти ни гадятца». Ему дали ещо лучши. Он выбрал только из этих адин. На третий рас ему дали ещо лучши. Он сказал: «Вот эти вот гадятца». Он сказал: «Типерь давайти нам харчей». Ани сели и паехали.

Ехали, ехали. Патом он дал карты этим двум таварищам. Ани сели на луг и стали в карты играть, а он паехал. Ехал, ехал, видит избушку. Вот он ударилса ап стенку и сделался кошкый. Он замяукал. Баба-яга ево накармила. Патом он апять ударился ап стенку. Сел на каня и паехал к таварищам.

Ани ехали, ехали, к змеиному дому подъезжають. Он сказал: «Вы аставайтесь тута». Наставил им три стакана вады и говарит: «Как в стакани заявитца крофь, так кричити на все двинадцать галасоф». А сам лек под мост.

Вот едит трехглавая змея. Она сказала: «Что эта сабачка залаила, салавьем заливаитца?» Он сказал: «Атдай белый свет». Ана говарит: «Ни атдам». Он срубил ей голывы, голывы палажил пад мост.

Едит шестиглавая змея. Она сказала: «Что эта сабачка залаила, салавьем заливаитца?» Выходит, говарит: «Атдай белый свет». Ана сказала: «Ни атдам». Он ей атрубил голывы. Голывы палажил пад мост.

Вот едит двинадцатиглавыя змея. Она сказала: «Что эта сабачка залаила, салавьем заливаитца?» Он вышил, говарит: ««Атдай белый свет». Она говарит: «Ни атдам». Он с ей долга боролся. Он срубил одинныцать галоф,

адна асталась. Он говарит: «Атдай белый свет». Ана говарит: «В каробычке лижит утка, в утки яичка, в яички белый свет».

Он пашол, нашол белый свет.

А таварищи ево спят. Адному в голыву кирпичом, а другому бривном. Ани вскачили и закричали на двинадцыть галасоф. Патом ани сели и паехали.

Ехали, ехали, падъизжают к аднаму лугу. Там сидели две барышни красивые. Ани хатели сесть атдыхать. Патом падъизжают к другому, ещо красифии лугу и красифым барышням. Ани сели атдахнуть. Тут жа их (таварищеф) разырвало.

Он паехал адин. За им бижала Баба-яга, памелом слет замятала. Он скарей в кузню. Ана разарвала каня. Патом стала бегать кругом кузни. Ани нашли клещи агнянные и сказали: «Лижи стену». Ана прализала, ани схватили за язык клищами и атарвали. Малыскар (?) сказал: нельзя ли каня из ей сделать? Ана сказали: «Можна». Сделыли ему каня и сказали: «Вот, где будут музыка, ты ни сдумай плисать, а то конь прападеть».

Вот он ехал, играют на музыки. Он ни задумал паплисать. Идут дальши. Ещо мужики на музыки играють. Он задумал паплисать. Конь у ево и прапал.

22. БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. У него было три сына: Василий, Петр и Иван-дурак. Старшие были умные, а младший все на печи лежал, и его за дурочка держали.

Вот повадился в их царство-государство змей летать. Вот прилетит — деревню сожжет, народ пожрет и улетает. Совсем житья от него не стало. Полцарства уж поел, а все ему мало. Вот царь государства этого указ объявил, что, значит, тот, кто змея убьет, получит полцарства и царевну еще в жены. Все богатыри царства-государства собрались и поехали змея бить, да только никто не вернулся!

Царь опять указ — кто змея победит, тот все царство получит. Опять собрались богатыри, и опять никто не вернулся.

В третий раз издал царь указ — что тот, кто змея победит, сам царем станет. Тут уж и братья Ивана-дурака засобирались. Плохо ли царем-то стать! Ну, и Иван-дурак с ними увязался, да только они его прогнали.

Опечалился Иванушка и пошел по дороге, а навстречу ему старушка.

— Что опечалился, Иванушка?

— Да вот братья поехали змея бить, а меня не взяли.

— Не печалься, а лучше пойди к царю и попроси у него его старую ржавую саблю да коня из стада. Когда коня пойдешь выбирать, возьми самого плохого, самого захудалого.

Пошел Иванушка к царю, попросил саблю и коня. Царь саблю ему дал и велел выбрать любого коня из стада. Пошел Иванушка в стадо и нашел клячу клячей, уродину облезлую — на ногах кое-как стоит. Взял он ее, а она говорит:

— Ты меня выкупай, выкорми и три дня в лугах паси.

Он так и сделал, а как пришел через три дня, увидел коня богатырского. Сел он на него и поехал. Приехал он к реке Смородине, под ракитовым кустом его братья сидят — не знают, что делать, видать, умны шибко. Он им и говорит:

— Братья мои родные, давайте в ночь на стражу выходить на Калинов мост.

Братья согласились. В первую ночь пошел Василий. Пришел к мосту, сел и заснул. А Иванушка вышел его проверить, видит: брат спит, он его под куст положил, телогрейкой прикрыл — и спи. А сам пошел и под мост спрятался. Вот полночь пришла, вдруг все потемнело и едет змей трехголовый, конь под ним ворон, у ног его пес темен, а на плече его ворон черен. Вдруг ворон конь споткнулся, темен пес оскалился, а черен ворон встрепенулся. Змей трехголовый как гаркнет-крикнет:

— Что ты, ворон конь, споткнулся, темен пес, оскалился, а черен ворон, встрепенулся? Уж не смерть ли вы мою почуяли? Так смерть моя еще на свет не родилася, а если родился Иван-дурак, так он еще мал — свет не видал!

Тут Иван-дурак выскочил и стал со змеем драться, и отрубил ему все три головы. Спрятал их под мост, а сам спать пошел. Утром пришел Василий и говорит, что все тихо было.

На следующую ночь пошел другой брат. Пришел к мосту, лег и уснул. Иван-дурак и его проверять пошел. Видит: брат спит, он его под куст, телогрейкой накрыл, а сам под мост спрятался.

Вот полночь настала. Вдруг все потемнело — едет змей шестиглавый. Конь у него ворон, пес у него темен, а ворон у него черен. Вдруг ворон конь споткнулся, темен пес оскалился, а черен ворон встрепенулся. Змей шестиглавый как крикнет-гаркнет:

— Что ты, ворон конь, споткнулся, темен пес, оскалился, а черен ворон, встрепенулся? Уж не смерть ли вы мою почуяли? Так смерть моя еще на свет не родилася, а если родился Иван-дурак, так он еще мал — свет не видал!

Тут Иван-дурак выскочил и стал со змеем драться, и отрубил ему все три головы. Спрятал их под мост, а сам спать пошел. Утром пришел брат и говорит, что все тихо было.

На третью ночь сам Иван пошел в дозор. Под мост спрятался и ждет. Вот полночь настала. Вдруг все потемнело: едет змей девятиглавый. Конь у него ворон, пес у него темен, а ворон у него черен. Вдруг ворон конь споткнулся, темен пес оскалился, а черен ворон встрепенулся. Змей девятиглавый как крикнет-гаркнет:

— Что ты, ворон конь, споткнулся, темен пес, оскалился, а черен ворон, встрепенулся? Уж не смерть ли вы мою почуяли? Так смерть моя еще на свет не родилася, а если родился Иван-дурак, так он еще мал — свет не видал!

Тут Иван-дурак как из-под моста выскочит и стал со змеем драться. И он победить не может, и змей не может. Тут змей исхитрился и вогнал Ивана-дурака в землю по щиколотки, а Иван исхитрился и вогнал змея по колени. Стали они опять драться, и отрубил Иван-дурак змею три головы, а змей исхитрился и вогнал Ивана-дурака в землю по самые ноги. А Иванушка взял да и отрубил змею еще три головы. Тут запросил змей отдыха. Отдохнули они и снова драться стали. Тут Иванушка кинул свою рукавицу в конюшню и разбудил своего коня богатырского. Прибежал конь богатырский к мосту и стал змея ногами топтать, зубами кусать. А Иванушка исхитрился и отрубил змею последние три головы.

Затем разбудил он братьев, и поехали они домой, а змеи все перевелись.

23. ИВАН-КОБЫЛИН СЫН

Жил старик со старухой в великой бедности. Потом старуха старику и говорит: «Старик, что ты лежишь на печи, пошел бы в лес, наплел бы лаптей, пошел бы в город, продал бы». Пошел старик, набрал лык, наплел 12 обувей, пошел в город, продал за 12 коп. асс.: тогда дешевы были. Идет назад, видит: двенадцать братьев тащат кобылу под гору. Старик и говорит: «Братцы, продайте матку!» — «Давай 12 к. асс.». Он, что за лапти взял, отдал за матку.

Эта матка под горой встряхнулась, сделался у ней хвост жемчужный, грива золотая, и говорит она старику: «Ну, старик, садись на меня, да не цепляй головой за облака!» Он сел и приехал на ней к старухе. Старуха

очень обрадовалась, схватила серп, побежала с ним по межам, по рубежам, нажала травы, накормила матку. Эта матка в первый час стала жерёба, во второй ожеребилась. Жеребёнок растет не по дням, а по часам.

Выехал этот мужичок на этой матке пахать близ большой дороги. Жеребенок бегает, играет по пашне, по колено в землю тонет. Господа ехали по большой дороге, увидели этого жеребенка, очень раззарились на него. Эти господа и говорят: «Мужик, продай нам жеребенка!» — «Покупайте».— «А что тебе за него?» — «Давайте 500 рублей». Помещик не стал разговаривать, отдал 500 рублей, привязал жеребенка и уехал.

Потом старик возвращается к старухе с деньгами. Старуха очень этому обрадовалась. Наняли работника себе, разбогатели. Сделали бал, а про эту матку и позабыли: корму ей не дали. Она подошла к окну: «Мужичок! Что ж ты сам пьешь, гуляешь, а про меня и забыл!» Старик сейчас выслал работника послать рогожку, насыпать овса, сколько она может съесть. Матка встрепехнулась, поднялась на воздух и улетела.

Прилетает она в вольную степь, сама себе думает: «Кто меня будет здесь кормить, поить?» И говорит она: «Первый час была бы я беременна, во второй час родила бы Иван-Кобылина сына!» Вот родился у ней Иван-Кобылин сын, растет не по дням, а по часам. Вырыл колодец, сделал с насосом, накосил стог сена, обгородил его, говорит: «Вот тебе, мать, сено, вот тебе вода, а я пойду: у нашего царя дочь унес змей о двенадцати голов в свою землю; я пойду ее выручать!» Пошел.

Идет, встречается с ним Горыня-богатырь. «Ах, говорит, Иван-Кобылин сын, не было тебя слыхом слыхать, привел бог в очи увидать!» Идут они вместе. Где гора, Горыня боком упрется, раздвигает гору: им все ровное место. Шли ни мало, ни много. Встречается им Дубыня-богатырь. «А, говорит, Иван-Кобылин сын, не было тебя слыхом слыхать, привел бог в очи увидать».— «Здорово, говорит».— «Куда идешь?» — «Идем царскую дочь выручать».— «Возьмите, говорит, меня в товарищи!» — «Ну, хорошо». Пошли. Где придет лес, Дубыня раздвигает боком деревья: им все ровное место.

Пришли они к змеиной конуре, надобно в конуру опускаться. Свили канат, сажают Дубыню-богатыря. На половину конуры опустили, Дубыня качает канатом. Вытащили его назад. Иван-Кобылин сын и спрашивает у него: «Что ты, брат?» — «Нет, брат, жутко! Ступай сам!» Садится Иван-Кобылин сын, опустился.

Видит: змей лежит у царской дочери на коленях. Во всех двенадцати головах она ищет. Она была очень ему рада и показывает ему на полку: «Вон там, говорит, по правую сторону стоит сила, так ты поставь ее по левую! А по левую сторону стоит бессилье, так поставь его по правую!» Он переста-

вил. Вдруг змей просыпается. «Фу, фу, фу! Русским духом пахнет!» Бросился по правую руку пить бессилье, а Иван-Кобылин сын по левую пьет силу. Взяли по сабле, начали драться. Иван-Кобылин сын уж из силы выбился и говорит: «Змей проклятый! Оглянись назад: твое царство горит!» Он оглянулся. Иван-Кобылин сын с него все двенадцать голов и срубил. Царская дочь очень обрадовалась, сняла с своей руки брильянтовый перстень, ему на правую руку надела. И посадил он ее на этот канат, на котором он опускался. Горыня и Дубыня богатыри вытащили. Потом опускают за ним канат. Он их мысль знал, что они хотят его убить; взял привязал камень. Они наполовину подняли, перерубили канат: камень упал. Иван-царевич горько заплакал, царскую дочь спас, а сам погиб.

Остался он в змеином царстве один. Откуда ни взялись двенадцать голубиц, все родные сестрицы. «Ах, говорят, Иван-Кобылин сын, не было тебя слыхом слыхать, пришлось в очи видать! Как ты попал сюда?» Ну, он им рассказал все свои похожденья. «Ну, тебе, видно, хочется опять на свою Русь».— «Да, говорит, не худо бы, если можно!» — «Да почему нельзя! Только сделай то, что мы тебе прикажем!» — «Что можно, я, говорит, все исполню!» — «Зарежь ты, говорит, двенадцать быков, испеки двенадцать печей хлебов, изрежь на мелкие части и к такому-то числу изготовь все!» Он все изготовил. Которого числа они назначили, прилетают в змеиное царство. Кладет он им все, что заготовил, на крылья и сам садится. Они летели двенадцать ден, двенадцать ночей, потом уж показывается свет, лунно. Провизии и не достало, птица истощала. «Иван-Кобылин сын! Мы тебя бросим!» Иван-Кобылин сын сейчас из кармана вынимает перочинный ножичек, вырезал из правой ноги икру, на двенадцать частей разрезал, бросил им и сразу всех их накормил, в одну минуту они его и вымахнули на свет. Птицы выхаркнули ему икру, он снова стал с ногой.

Видит он: мать его прибежала, убилась о камень: воронья таскают уж кости ее. И поймал он молодого вороненка. Старый ворон просит его, чтобы он отпустил вороненка, и говорит: «Что ты, Иван-Кобылин сын, задумал, я все исполню!» — «Когда исполнишь, тогда отпущу вороненка». Через трои сутки возвращается ворон, принес живой и мертвой воды. Собрал Ивану-Кобылину сыну материны кости, сбрызнул мертвой водой — обволоклась шкура, сбрызнул живой водой — матка встрепехнулась, как ни в чем не была. Иван-Кобылин сын с ней простился и послал ее в то место, где она была. «А я пойду на свадьбу: вот такого-то числа у нашего царя свадьба!»

Там царскую дочь за Дубыню выдают замуж. Встречается с Иван-Кобылиным сыном нищий; он с него снял отрепанное платье, надел на себя, а свое отдал ему. Приходит во дворец. Стал в передней просить милостинку

ради Ивана-Кобылина сына. Невеста с женихом сидит за столом, услыхала, что просит ради Иван-Кобылина сына милостину, просит своего отца и мать, чтобы подать милостыню нищему из своих рук. Царь приказал (позволил). Невеста подает милостыню. Иван-Кобылин сын берет правой рукой. Невеста и узнала свой брильянтовый перстень и вдруг вскричала странным голосом. «Ах, говорит, не тот мой жених Дубыня-богатырь, а вот мой жених Иван-Кобылин сын!» Тут она царю все рассказала. Царь приказал Дубыню по полю размыкать, а ее отдал за Ивана-Кобылина сына и поручил ему все царство.

24. ТРИ ПОДЗЕМНЫХ ЦАРСТВА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три прекрасных дочери-красавицы, ни в сказке сказать, ни пером описать. Пошли однажды царевны в зеленый сад гулять, тут налетел вихрь и унес царевен не знамо куда. Опечалился царь и крикнул клич, что, кто царевен спасет, тот получит одну из них в жены и полцарства в приданое.

А у одного мужика в деревне был сын и уж так силен! Услышал он про царский указ и пошел царевен выручать. Идет-идет, видит: сидит парень и камни руками ломает.

— Ты кто?

— Я Иван-камнелом!

— Пойдем со мной царевен выручать!

— Пойдем!

Идут они вместе, видят: сидит парень и деревья руками из земли, как сорняки, дергает.

— Ты кто?

— Я — Иван-вырви дуб!

— Пойдем с нами царевен выручать!

— Пойдем!

Пошли они втроем. Идут-идут, пришли в лес, а в лесу стоит домик, малая избушка. Зашли они, видят: хозяев нет. Разложили припасы, Иван-мужицкий сын и Иван-камнелом в лес пошли, а Иван-вырви дуб дома остался обед готовить. Нажарил-напарил, как на Маланьину свадьбу, а сам у

окошка сел кудри черны чесать. Тут откуда ни возьмись появился мужичок с ноготок, борода с локоток и говорит:

— Дай мне поесть!

— Да угощайся!

Мужичок взял да и все съел.

— Ах ты такой-сякой! Нам ничего не оставил! Вот я тебя!

Только замахнулся Иван-вырви дуб на мужичка, мужичок его хвать! Побил да и под лавку загнал, а после ножичек достал и из спины ремень вырезал. Захохотал и исчез.

Приходят парни, а еды-то и нет.

— Ты чего валяешься-то?

— Да я угорел!

Ну, ладно! Приготовили снова, поели. На следующее утро опять разложили припасы, Иван-мужицкий сын и Иван-вырви дуб в лес пошли, а Иван-камнелом дома остался, обед готовить. Нажарил-напарил, как на Маланьину свадьбу, а сам у окошка сел кудри рыжи чесать. Тут откуда ни возьмись появился мужичок с ноготок, борода с локоток и говорит:

— Дай мне поесть!

— Да угощайся!

Мужичок взял да и все съел.

— Ах ты такой-сякой! Нам ничего не оставил! Вот я тебя!

Только замахнулся Иван-камнелом на мужичка, мужичок его хвать! Побил да и под лавку загнал, а после ножичек достал и из спины ремень вырезал. Захохотал и исчез.

Приходят парни, а обеда и нет.

— Ты чего разлегся-то?

— Да я угорел!

Ну, ладно! Приготовили снова, поели. На следующее утро разложили припасы, Иван-вырви дуб и Иван-камнелом в лес пошли, а Иван-мужицкий сын дома остался обед готовить. Нажарил-напарил, как на Маланьину свадьбу, а сам у окошка сел кудри белы чесать. Тут откуда ни возьмись появился мужичок с ноготок, борода с локоток и говорит:

— Дай мне поесть!

— Да угощайся!

Мужичок взял да и все съел.

— Ах ты такой-сякой! Нам ничего не оставил! Вот я тебя!

Только замахнулся Иван-вырви дуб на мужичка, мужичок его хвать! Хотел как и тех побить да и под лавку загнать, а после ножичек достать и из спины ремень вырезать. Не тут-то было. Иван его хвать, скрутил-свертел, да бороду в пень защемил.

— Посиди,— говорит,— пока. Видать, ты и есть угар моих братьев.

А сам снова все наготовил. Приходят те из леса, а все готово. А Иван-мужицкий сын им и говорит:

— Пойдемте, я вам ваш угар покажу. Подвел их к пню, а там только кусок бороды остался, а сам мужичок вырвался. Пошли они по его следам и пришли к большому камню. Отодвинули его, а там нора. Принесли веревку, и стал по ней спускаться Иван-вырви дуб. Спустился немного и кричит:

— Ой, тащите меня!

Вытащили его, а он говорит:

— Там такой холод начался, что я не стерпел!

Стал по веревке спускаться Иван-камнелом. Спустился немного и кричит:

— Ой, тащите меня!

Вытащили его, а он говорит:

— Там такой холод начался, я стерпел, а потом жар пошел такой, что я не стерпел!

Стал по веревке спускаться Иван-мужицкий сын, сначала холод был, он стерпел, потом жар — стерпел. Спускается и спускается все. Вот и дно ямы, а там дорожка. Пошел он по этой дорожке и пришел к медному дворцу. Выходит к нему старшая царская дочка и говорит:

— Уходи быстрее, а то прилетит трехглавый змей и тебя съест.

— Ну, это мы еще увидим! Я с ним биться буду!

Она его накормила, напоила. Тут шум-гром, летит трехголовый змей. Прилетел, увидел Ивана и кричит:

— Сейчас я тебя съем!

— А ты не хвались, змеюка подколодная, а лучше выходи на честный бой!

Стали они биться, и отрубил Иван змею все его три головы. Царевна обрадовалась и говорит:

— Спаси и сестер моих, они в плену у других змеев.

Пошел он дальше по этой дорожке и пришел к серебряному дворцу. Выходит к нему старшая царская дочка и говорит:

— Уходи быстрее, а то прилетит шестиглавый змей и тебя съест.

— Ну, это мы еще увидим! Я с ним биться буду!

Она его накормила, напоила. Тут шум-гром, летит шестиголовый змей. Прилетел, увидел Ивана и кричит:

— Сейчас я тебя съем!

— А ты не хвались, змеюка подколодная, а лучше выходи на честный бой!

Стали они биться, и отрубил Иван змею все его шесть голов. Царевна обрадовалась и говорит:

— Спаси и сестер моих, они в плену у других змеев.

Пошел он по этой дорожке дальше и пришел к золотому дворцу. Выходит к нему младшая царская дочка и говорит:

— Уходи быстрее, а то прилетит девятиголовый змей и тебя съест.

— Ну, это мы еще увидим! Я с ним биться буду!

Она его накормила, напоила. Тут шум-гром, летит девятиголовый змей. Прилетел, увидел Ивана и кричит:

— Сейчас я тебя съем!

— А ты не хвались, змеюка подколодная, а лучше выходи на честный бой!

Стали они биться, и отрубил Иван змею все его девять голов. Царевна обрадовалась и говорит:

— Спаси и сестер моих, они в плену у других змеев.

— Я их уж спас, собирайся домой!

Она стукнула золотой дворец палочкой — и он превратился в золотое яблоко. Пошли они назад, дошли до серебряного дворца, средняя сестра стукнула по дворцу палочкой — и он превратился в серебряное яблоко. Взяли они его и пошли дальше. Пришли к медному дворцу, старша сестра стукнула по дворцу палочкой — и он превратился в медное яблоко. Подошли они к веревке. Иван привязал старшу сестру и говорит:

— Ты станешь женой Ивана-вырви дуб.

Потянули ее на верх, а веревку опять спустили.

Иван привязал средню сестру и говорит:

— Ты станешь женой Ивана-камнелома.

Вытянули и ее. Стал привязывать Иван младшу, а та говорит:

— Золотое яблоко ты себе возьми.

Вытянули ее братья Ивана, а как увидили, что младшая царевна красавица, так решили Ивана убить. Веревку ему спустили, а потом обрезали. Упал Иван обратно в яму, но не убился. Пошел по дорожке и увидел дуб, а на дубу гнездо, а в гнезде — три птенца малые, а к ним ползет змея. Иван пожалел птенцов и убил змею. Тут прилетела птица большущая, увидела, что змея убита, и говорит:

— Кто детей моих спас — пусть просит, что хочет!

Иван и говорит:

— Вынеси меня на свет божий!

Птица вынесла его, и пошел он в свое царство.

Приходит, а там царский указ читают:

— Кто младшей царевне достанет золоты кольца, что она на том свете носила, тот станет ее мужем.

Иван ударил по яблоку золотому палочкой, яблоко превратилось в дворец, он вошел в него и достал золоты кольца. Принес их царю, младша царевна посмотрела на него и говорит:

— Вот мой спаситель!

Тут все раскрылось, но на радостях братьев простили, и стали они все жить-поживать и добра наживать.

25. ПОКАТИГОРОШЕК

В некотором царстве-государстве жила-была женщина, и у нее было трое сынов и красавица дочка. Раз пошли сыновья в поле, а сестра им обед понесла. Тут налетел на нее змей и унес в свое царство. Братья ждали-ждали, так и не дождались своего обеда. Пришли домой голодны, а сестры-то и нет. Догадались они, что ее змей украл, и пошли ее искать. Пришли к змею, стали с ним биться, а он их всех в камень обратил.

Ждала-ждала мать своих детей, не дождалась. Раз стала она мести пол и нашла горошину, взяла ее да и съела. И родила она от этой горошины мальчика, и назвали его Покатигорошек.

Рос-рос он и превратился в сильномогучего богатыря. Раз шел он и услышал, что у него были братья. Стал он к матери приставать с расспросами, а она молчит. Потом рассказала, что были у него братья и сестра, и что сестру унес змей, а братья пошли ее вызволять, да так и не вернулись. Покатигорошек собрался, взял палку железную и пошел к змею.

Пришел к змеиному дворцу, выходит ему навстречу девушка и говорит:

— Уходи быстрее, а то тебя змей съест.

— Я с ним биться буду!

Она и говорит:

— Там в подвале у него две бочки стоят, в одной вода сильная, а в другой бессильная. Ты бочки местами поменяй.

Он так и сделал, а как вышел из подвала, тут шум-гром-треск, летит змей трехголовый. Прилетел и говорит:

— Фу! Русским духом пахнет! Выходи!

Покатигорошек вышел, и стали они биться. Бьются с утра до вечера, тут стал змей отдыха просить. Покатигорошек ему отдых дал, а змей в подвал побежал и стал пить из бочки сильную воду, а Покатигорошек их уж поме-

нял, и змей совсем ослаб. А Покатигорошек выпил сильной воды и отрубил змею голову.

Как только змей умер, братья Покатигорошка превратились обратно в людей. И пошли они домой. И стали жить-поживать да добра наживать. Вот и сказка вся — больше врать нельзя.

26. <ЗВЕРИНОЕ МОЛОКО>

Жили-были дед с бабой. Было у них трое детей: два сына и дочь. Старший сын был умный, а младший, Иван-дурак; зато сила у него была немалая: он часто ходил на охоту и бил много зверей. Когда он занимался охотой, умерла его мать, а потом и отец, и оставил он все свое хозяйство старшему сыну, а младшему с дочерью — одну баню. Недолго прожили вместе; старший брат прогнал Ивана и сестру. Разрезали хлеб, взял Иван половину и пошел с сестрой в свою баню. Скоро вышел у них весь хлеб, а есть хочется,— что делать? Взял дурак ружье и пошел на охоту. Принес он дичи и говорит: «Вот тебе, сестра, жарь-парь!» Скоро надоела им дичь. Иван и тут не сплоховал: настрелял много дичи, продал ее и накупил посуды и разных нужных вещей.

Надоело ему все стрелять да стрелять, пошел он по грибы. Долго он шел, а грибов все нет; наконец лес стал такой частый, что пробраться через него нельзя. Тут дурак стал вырывать с корнями кусты и бросать их в сторону. Долго он шел и наконец пришел к большому дому; кругом него двор, сад, и все обведено стеною. Он постучал в ворота — никто не откликнулся; надавил он плечом — они и слетели с петель. Постучался Иван в двор — опять никого не слышно. «Что за оказия! — подумал он,— какой хороший дом, а никого нет». Увидел он лестницу и полез по ней к окну; оно было заперто. Дурак влез в дом, ходил, ходил; захотелось ему попить. Увидал он чан с водой, а сбоку привешен ковшик. Хлебнул он ковшом — ему понравилось, он — другой, третий, да так целый десяток и выпил. А в чану-то была водка; он и охмелел. Сел он у окна и запел песню. Вдруг приехали разбойники, с атаманом 36 человек. Услышали они, что кто-то распевает у них во дворце. Вот атаман посылает трех молодцов: «Пойдите,— говорит,— уймите этого певуна». А дурак совсем разохмелел, пустился в пляс. Пришли разбойники, и один стал ему наколачивать. Иван говорит: «От-

стань, чего лезешь? Смотри, худо будет!» Разбойник все бьет его. Тогда он как схватит его за волосы да как ударит об пол, так из него дух и вышел. Подошел к нему другой разбойник, а он схватил его за ноги да пустил им в третьего — сразу обоих прикончил. Подождал атаман и говорит: «Чего они так долго с ним болтают? Подите, прикончите его». Сколько он ни посылал разбойников, дурак всех побил. Видит атаман, что дело плохо, спрятался в саду. А Иван вырыл среди двора большую яму, закопал в нее всех разбойников и разровнял землю, как будто ничего и не бывало. Потом стал он ходить по дому и нашел много серебра и золота. Наложил он золотом полное лукошко; другому бы и не поднять, а он идет, словно грибы несет.

Пришел домой уже поздно вечером, показал сестре золото; она так и ахнула. «Долго мы с тобой жили в этой лаужке, надоело мне; я дом купил, пойдем туда!» На другой день дурак купил все нужное, самое лучшее, и зовет брата к себе в гости. Брат говорит: «Ну что мне у тебя делать? Вон пускай старуха идет». Как пришла его жена да как увидела золото и как у них все богато, сейчас же домой побежала и стала бранить мужа: «Дурак, ты дурак! Взял в наследство одни гнилушки, а вон у дурака целое лукошко золота». Старший брат пошел к Ивану да как увидел все богатство его, так и есть ничего не стал. Говорит он дураку: «Вот сколько у тебя золота, а у меня одни гнилушки, поделись со мной». Дурак говорит: «Бери,— говорит,— все лукошко, только больше ко мне не ходи». Тот стал поднимать лукошко, ан не тут-то было. Вот он стал просить дурака, чтобы он снес ему лукошко, а он говорит: «Завтра я уеду, тогда все и возьмешь».

На следующий день дурак с сестрой пошли к дому разбойников. Прошел дурак версту, глядит — сестра-то отстала на полверсты. Взял он ее под мышку и понес. Пришли они к тому месту, где он тропинку прочищал; сестра спрашивает, кто это прочистил; дурак рассказал, что прочистил он. Пришли они во дворец. Сестре сначала жутко показалось, а потом ничего, обошлось, и стали они жить да поживать.

Соскучился дурак без охоты, а сестра не пускает его из дому. Наконец пустила его, а сама пошла в сад погулять. Вдруг ей встречается атаман; она от страху так и присела, а он сам испугался, встал перед ней на колени и просит, чтобы она не говорила брату, что он здесь.

Долго они разговаривали и очень друг другу полюбились; она стала носить ему есть и пить. Через несколько дней она отвела атамана в комнату и заперла его, чтобы брат не видал. Один раз, когда Иван ушел на охоту, сестра говорит атаману: «Нам брат очень мешает; извести бы его, да не знаю как: уж очень он силен». А атаман отвечает: «Ты,— говорит,— притворись больной, а когда он будет спрашивать, как тебе помочь, ты скажи: «Приснилось, мол, тебе во сне, что за сто верст отсюда есть дворец, около

него сад, а в саду заграничные яблоки; так чтобы он принес тебе этих яблоков для здоровья; там живет много разбойников — от них он не уйдет». Она так и сделала. Воротился брат с охоты, а она легла в постель и сказала все, как атаман ее научил.

Что делать? Дурак пошел, а ходьбы ему взад-назад три дня. Пришел он к дому: стоит огромный дом, еще лучше прежнего, и весь кругом заперт. Сломал он калитку, вошел в дом и увидел, что одна комната заперта. Нашел он ключ, отпер одну дверь, а за ней другая; рядом другой ключ висит. Он отпер дверь и увидел там красну девицу-душу. Она говорит ему: «Зачем ты, добрый молодец, сюда зашел? Убьют тебя разбойники! Я — царская дочь, и взяли они меня на тринадцатом году, а с тех пор прошло семь лет». Поговорили они, и говорит ему царевна: «Запри меня опять и уходи отсюда поскорее». Дурак запер ее и пошел в сад, а там стоит заграничная яблоня; вот он и думает: «Нарвать мне яблоков или всю яблоню из-под корня вырвать?» Схватил он яблоню и вырвал с корнем. Только это он несет ее по двору, а навстречу ему — разбойников триста человек. Завидели его разбойники и говорят: «Экой шут, целую яблоню унести хочет». Стали они его затрогивать, а он говорит: « «Что вы меня, братцы, бьете?» Прошел он бочком к воротам, вынул большой железный засов и давай их крошить. Всех покрошил. Потом вырыл на дворе яму, свалил их туда, засыпал, заровнял и пошел во дворец. Пришел он во дворец, отпер царевну и пошел с ней назад. Она все отставала; тогда он взял ее под мышку и принес к себе. Увидала его сестра и притворилась больной; он дал ей яблоков, и ей пришлось встать с постели.

Прошло несколько дней — дурак опять отправился на охоту. Сестра названая отговаривала его, говорила, что ей страшно будет без него, а потом пустила на час и дала ему часы. Он сроду не видал часов, а все-таки она ему растолковала, и он понял. Идет он и все на часы смотрит, чтобы, значит, не пропустить время; так все смотрел и ничего не поймал.

Раз он ушел на охоту; сестра говорит царевне: «Ты бы пошла погуляла в саду». Царевна еще раньше заметила, что та все посылает ее из дому, когда дурак уходит на охоту. Вот она и спряталась около той комнаты, где был разбойник. Сестра пошла к атаману и говорит ему: «Как бы мне похитить брата?» А тот говорит: «Научи его,— говорит,— в карты играть и сделай такой уговор, что если ты его введешь в дураки, так ему в первый раз завязать руки простым канатом, во второй раз — смоляным, а в третий — волосяным, а ежели он тебя в дуры выведет, так тебе вязать руки платочком». А царевна-то сидит в другой комнате и все слышит.

Пришел дурак с охоты, сестра и говорит ему: «Что ты все охотишься? Не хочешь ли в карты поиграть?» — «Да я,— говорит,— не умею».— «А

вот давай я тебя научу», и научила его. Стали они играть в дураки, а царевна не стала. Стала спрашивать ее сестра: «Что же ты, сестра названая, не играешь?» — «Что-то у меня,— говорит,— живот болит; привыкла я у батюшки носить ременный пояс; так дай мне саблю поиграть». Дали ей саблю, и она привесила себе. В первый раз сестра осталась дурой; вот связал ей дурак руки платком, а она и платок разорвать не может. Другой раз она ввела его в дураки и связала ему руки канатом. Он как понатужился — так канат и лопнул. Опять сели они играть; опять он дураком остался; скрутила ему сестра руки смоляным канатом, а он опять разорвал его. Еще раз сели играть; опять дурак остался; связала она его волосяным канатом, не мог он разорвать. Тут она пошла к атаману и позвала его. Только он всунул голову в дверь, как царевна выхватила саблю и отсекла ему голову. Увидал это дурак, рассердился, рванул канат — он и лопнул. Тут схватил дурак сестру за голову да за плечи и разорвал ее пополам.

Стал дурак жить с царевной. Раз она говорит ему: «Теперь ты мне не брат будешь, а жених, и потому хочу я тебя грамоте учить». Сейчас же она начала его учить и скоро выучила. Потом пошли они к царю, свадьбу сыграли, и теперь все живут в мире да в согласии.

27. СЕСТРА-ИЗМЕННИЦА

Брат с сестрою были, бедно жили; жили, жили, да и пошли куда глаза глядят. Идут и видят: дом богатый, хороший дом. Брат и говорит: «Зайдем, сестра».— «Ну, что ж, зайдем». Зашли они, а это богатый дом разбойников. Вошли они, никого нет. Попили, поели. Брат-то и понял, что это разбойников дом. Он и говорит сестре: «Ты, сестра, ложися, отдохни, а я пойду за ворота, погляжу».

Подъезжают разбойники, видят отворенные ворота и говорят между собою: «Кто это у нас был, не токма за хлеб, за соль не благодарил, а и ворот за собой не затворил?» А брат стал стрелять, всех перебил, один атаман был очень силен. Стали они бороться, брат ему руки-ноги выдергал (повредил) и запер его в комнату, убить — не убил.

Ночевали сестра с братом, наутро брат и говорит: «Ну, сестрица, отдыхай, а я пойду постреляю чего; вот тебе ключи от всех комнат, а в одну эту комнату не ходи»,— показывает на ту, где у него убитые люди навалены.

Царь Салтан Салтанович. Гравюра на дереве. XVIII в. Коллекция Дм. Ровинского (Русский лубок XVII—XIX вв., илл. 35, М.-Л., 1962)

Пошел брат, а сестра пошла по дому ходить: посмотрит, где одежа, где золото, где серебро. Очень ей антиресно, не утерпела, отворила дверь в ту комнату, куда брат ей не позволил, и слышит голос: «Не убойся, девушка, входи». Она оторопела, опять слышит голос: «Не убойся»,— она вошла. Атаман это там сидел и говорит ей: «Достань из-под доски два пузырька». Она вытащила, он ей сказал, как ему руки и ноги примочить. Она примочила, все исправила, стал он здоровый да красивый, она в него и влюбилась.

Брат приходит, а они веселятся, пируют. Куда ей атамана девать? Спрятала она его, а сама легла, захворала. Брат ее спрашивает: «Что с тобой, сестра?» — «Нездорова,— говорит,— а вот вчера приснился мне сон (это ее атаман научил), нужно у волчихи шерсти и молока достать, на молоке лепешку замесить, вот тогда поправлюсь. Брат пошел к волчихе, а они думают: волчиха его съест.

Приходит брат к волчихе, она его спрашивает: «Что, Иван-царевич, тебе нужно?» Он ей объясняет, что сестра у него заболела, что ей нужно от волчихи шерсти и молока. «Не только молока, а и волчонка своего дам»,— говорит волчиха. Взял он шерсти, молока и волчонка и пошел домой. А сестра с атаманом увидали его и говорят: «Ах ты, жив идет!» — «Ну, теперь пошли его к медведихе, пускай принесет шерсти и молока»,— это ее атаман учит.

Брат приходит, приносит сестре от волчихи молока, замесили лепешку, спекли — ей не полегчало. Она и говорит: «Сходи к медведихе, принеси мне молока — от него легче станет». Брат подумал: «Что это она его все посылает?» Пошел он, медведиха ему не токмо молока дала, а и медвежонка своего. Сестра с атаманом глядят в окна: «Ах, опять жив идет, куда его послать?» — «Пошли его ко львихе, та уж съест его».

Брат приходит, подает сестре молоко, та принимает — ей не полегчало, а похужело. Посылает она его ко львихе. Идет он и думает: нет ли чего у сестры? Задумался. Приходит ко львихе, объясняет ей и просит молока. Она говорит, что не токмо молока, а и львенка своего дам. Возвращается брат домой. А сестра и говорит атаману: «Опять он жив идет, что делать, куда его девать?» Атаман и учит ее: «Есть мельница, на ней двенадцать снастей, двенадцать дверей, из кажной пусть возьмет по щепотке мучки, а как будет брать, двери железные будут сами запираться, он живым не выйдет».

Брат приходит, приносит львиного молока, сестра принимает, только ей не полегчало, и посылает она его на мельницу за мукой. Он пошел — навстречу ему заяц: «Далеко ли ты идешь, возьми меня с собою».— «Ну, что ж, пойдем»; — он с собою всю охоту взял.

Вошли они, все двери заперлись, а назад нельзя выйти. Думали, думали. Лиса и говорит: «Я буду над твоей охотой старостой». Надо все-таки выходить. «Заяц, цапай ты». Заяц цапал, цапал. «Волк, ты теперь старайся».

Волк еще больше начал. Медведь начал садить, а лев доцапал — двери сломали, вышли все на волю. А он рассудил головой, пошел к сестре со всей охотой. Приходит, сестра и говорит: «Ах, какая гадость»,— на зверей-то. Лев на стул вскочил. Атаман-то в гардероб спрятался. Звери его нашли и в мелки клочья разорвали. А сестрице он оставил фунт хлеба да фунт воды, запер и ушел.

Шел, шел путем-дорогой, стоит царский дворец. Увидала его царская дочь и влюбилась в него, повенчать их решили, свершилась свадьба. И спрашивают его, неужели никаких родных у него нет. Он и рассказал, что у него сестра заперта и за что. Стали его просить: простите сестру, да простите. Он пошел, взял сестру, привел, а сестра ему волшаный (волшебный) зуб под подушку положила, он повернулся на постели, зуб ему в лоб воткнулся, он и умер. Как его хоронить? Спрашивают сестру, а она отвечает: «Сделайте дубовый гроб, положите его, а вокруг гроба три обруча железные — забейте и повесьте гроб на три дуба. Так и похороните его на весу».— «А куды его охоту девать?» — «А охоту — в яму, бросьте туда жареных кур, туда звери они кинутся, их и зарыть, землею завалить».

Звери кур в яме съели. Староста их, лисица, говорит: «Вылезать надо». Стали они землю расцапывать — расцапали, вывела их лисица; пошли они искать хозяина. Лиса все знала, где он похоронен. Шли, шли... «Вон гроб висит». Подкопали они дубы, гроб спустили наземь. Надо обручи сбивать. Лиса и говорит: «Волк, беги мимо кузницы, закричат: волк, волк; все убегут, тащай клещи да молоток».

Волк побежал мимо кузницы, увидали его, закричали: «Волк, волк»,— разбежались, волк схватил клещи да молоток и принес. Сбили обручи. Как оживлять мертвого? Стали его ворочать, зуб-то изо лба выскочил да в зайца и попал. Иван-царевич встал, а заяц упал. Жалко ему зайца: «Волк, тащи зуб». Волк стал тащить — вытащил, зуб выскочил да волку в лоб попал, волк помер — заяц встал. Жалко и волка. «Ну, теперь, медведь, тащи». Медведь тащил, тащил — зуб выскочил, медведю в лоб попал. Волк встал — медведь упал. Жалко и медведя. Лев стал тащить, цапал, цапал, зуб выскочил да льву в лоб попал. Медведь встал — лев помер. «Ну, лиса, тебе тащить». Она и придумала: «В деревне, в крайнем доме, баба блины печет,— говорит она,— я побегу по деревне, бабы все за мной побегут, а ты, волк, смотри».

Побежала лиса по деревне, бабы за ней, волк вскочил в избу, схватил сковородку, да и кадочку с опарой захватил. Лиса убежала. Пришли они в лес, лиса сковородку на лоб приложила, стала зуб тащить — зуб выскочил, да по сковородке и попал. Лиса жива осталась. Все живы, поели блинов.

Иван-царевич пошел к жене. Там его с восторгом принимали. Стали они жить-поживать.

(«А с сестрой что он сделал?» — собиратель. «А сестру кончил, а, может быть, она и ушла).

28. <БЫЧОК-СПАСИТЕЛЬ> **1**. Были три систрицы, пашли в лес за ягытками, ани заблудилися. Нашли в лесе домик на куриных лапках, на виритяных пятках. Там живеть старик старый в этый стариковый избушке. Зашли три сестрицы к дедушке в домик:

— Дедушка старый, правади нас дамой!

Вот он сказал:

— Пабудьти у миня, я завтра блиноф напику, тагда вас праважу.

Две сестрички стали блины есть, третья не стала. Ну, двух он правадил, а третью у сибя аставил. Внес сани, старыи, бальшии. Влес в сани:

— Девычка-белянычка, качай миня!

Девычка-белянычка качая и плача:

— Бай-бай! Дедушка старый ни праводит дамой!

Укачала дедушку, вышла, на крилечке сидит, плача. Где ни взялся заиц:

— Девычка-билянычка, па чём ты плачишь?

— Как жи мне, касой заиц, ни плакать: дедушка старый ни праводит дамой.

— Пайдём, я тибе праважу.

— А где ш тибе, касой заиц, правадить мине?

Ну, всё-таки ана пашла с зайцим.

Дедушка старый прислушиваитца — девычки-белянычки неты. Сел на ступу, талкачом паганяя, метлом размитая. Дедушка зайца касова даганяя, девычку-белянычку атнимая, дамой апять ее праводя. Ложитцы в сани, девучку качать заставляя. Ана ево баюкая:

— Бай-бай, дедушка старый ни праводит дамой!

Ну, всё-таки ана ево укачала и вышла на крыльцо. Сидить и плача. Идеть телка-дристунья, спрашивая:

— Девычка-билянычка, па чом плачишь?

— Как жа мне ни плакать? Дедушка старый ни праважаит дамой.

— Пайдем, я тибе праважу.

— Где тибе, телка-дристунья, правадить миня?

А все-таки решилась ана с телкай-дристуньей ухадить ат дедушки.

Дедушка старый прислушиваитца — девычки-белянычки нету. Он кричит:

— Девычка-белянычка, качай миня!

Сел на ступу, талкачом паганяя, митлой размитая, телку-дристунью наганяя. Хочит взять девычку-билянычку. А телка-дристунья ему в рыло дрисни. Старик умоитца, а телка-дристунья все с ней дальша и дальша.

А все-таки телка девучку-билянычку увизла ат старика старыва. Старик девычку из виду упустил и пашол дамой.

Девучку телка-дристунья все-таки так савсем и увизла.

2.

Жили-были старик со старухой, и не было у них малых детушек. (Вот мы, бывало, сидим с ними, с детьми-то, ну, вот и рассказываю. Ах, вот все рассказала бы, да память изменять стала). Ну, потом они взяли хлопочек, положили в печурочку, и зародилась у них девочка — Снегурочка. Пришли девки:

— Бабочка, бабочка! Пусти девочек по ягодки.

Ну, они взяли кувшинчик, пошли в лес по грибки, по ягодки. Ну и потеряли девочку. Девочки собрались: «Где наша девочка Снегурочка? Потеряли».

Откуда ни возьмись баба Яга. Подхватила эту девочку, взяли эту девочку. Ну, она кричит:

— Кот, петух, баран! Унесла меня баба Яга — костяная нога.

Она привезла ее домой, слегла в люльку (это в качку, значит):

— Качай меня.

Она и качает:

— Бай-бай бабу Ягу.

— Ты не так меня качаешь — Бай-бай боярскую дитю...

Девочка села на завалиночке и плачет. Идет петушок.

— Девочка, о чем плачешь?

— Как же мне не плакать? Унесла меня баба Яга — костяная нога.

— Ну, садись на меня. Я тебя к дедушке, к бабушке во стороночку унесу.

Проснулась баба Яга, села в ступу... Толкачом погоняет, кочергой загребает, помелом заметает — догнала боярскую дитя. Ну, и опять она уснула, спит, а эта опять на завалинке сидит и плачет.

Идет бычок. Ну, да опять:

— Девочка, девочка, о чем плачешь?

— Ну, как же мне не плакать? Унесла меня баба Яга. Мне хочется к дедушке, к бабушке на свою сторонку побывать!

Ну, да бычок повез на свою сторонку.

Ну, вот опять села в свою ступу, толкачом погоняет, кочергой загребает, помелом заметает,— догнала бычка. Ну, да только хотела ее схватить, а бычок ка-ак ее хвать хвостом по глазам. Она покамест глаза-то протирала, бычок и уехал к бабушке, к дедушке. Ну, и привез ее. (Сказка-то длинная. И курочка, и петушок, и барашек спасали, а бычок-то справился).

29. <КАК ПАРЕНЬ СТРАХ ИСКАЛ> Жили три сына и отец. Два сына все боялись, все боялись, а один ничего не боялся. Вот он, значит, говорит: «Тятенька, мне хочется бояться, мне братья говорят, вот мы в Москву ездили, мертвецы такие висят». Нарочно ему говорят, пугали. Вот сын один, который ничего не боится, и пристает к отцу, чтобы ему испугаться.

Вот, значит, пришел к ним пономарь, а он все пристает к отцу. Пономарь и говорит: «Что ты плачешь, али страху не видал?» Как будет 12 часов, приходи на колокольню отзванивать. Час отзвони, двенадцать, а там и испугаешься». Он пришел на колокольню, отзвонил одиннадцать, двенадцать, потом только начинал первый час выбивать — вдруг перед ним очутился в саване мертвец. Он взял топор и говорит: «Кто ты? Кто ты? Если ты не скажешь мне, кто ты, до трех раз, то я тебя убью». Потом и говорит: «Ну, начинаю. Раз. Говори, кто ты? Два. Говори, кто ты?» А ему все не откликается. Потом стал последний раз говорить и замахнулся топором и снес пономарю голову. (Это пономарь его испугал). Потом стало рассветать, Алеша (мы его назовем) пошел домой. Стал он спускаться с лесенки и споткнулся на пономаря. Потом он приходит домой и рассказывает отцу: «Меня пугали мертвецами, а я не испугался ничего».

Потом он спросил у отца денег и пошел искать еще испугаться. Потомо он идет, идет улицами, идет деревнями. Попадается ему извозчик. Вот он садится на извозчика и едет. Сидит он в пролетке и спрашивает извозчика: «Где бы мне найти страху?» А извозчик говорит: «Дурак что ли ты? А пошел...». Потом извозчик ему сказал: «Я поеду прямо, а ты ступай влево, прямо по дороге». Потом он подходит к двум столбам и ложится под эти два столба. Вот спит он ночь, спит он другую, стал он третью ночь спать. Только стал засыпать, двенадцать часов. Перед ним очутились — висят три мертвеца. Вот один мертвец говорит: «За что меня повесили — я убил семью». А другой говорит: «Меня удавили за то, что я поджег два дома».

А третий говорит: «А я ничего, сам по себе умер». Этот Алеша сказал: «Что вы все разговариваете, не даете мне спать?» Потом он и уснул. Просыпается наутро и идет дальше.

Идет он лесом дремучим и прозяб. Хотелось ему погреться, растопил он костер и сел около костра, стал греться. К нему забегаются все чертенячки и садятся около костра. Вот Алеша им и говорит: «Грейтесь, грейтесь, миленькие». Потомо протопился костер, Алеша взял сумку и пошел дальше.

Приходит он в один трахтир и садится чай пить. Потом Алеша напился чаю и стал спрашивать хозяина. И говорит: «Хозяин, где мне найти страху?» Алеше хозяин говорит: «Эх ты, молодой юноша, что ты ищешь страху, лучше ты иди домой». Он опять стал приставать к хозяину. Хозяин стал ему рассказывать: «Вот иди, иди по этой дороге, попадется тебе дворец, ты иди во дворец и спроси там царя, он тебе все расскажет». Алеша пошел. Приходит он во дворец. Попадается ему на дворе царь. Царь говорит: «Вот туто есть дом у меня на дворе, кто туда войдет, все помирают от страха этого. Вот если ты три ночи проночуешь, я тебе отдам свою дочь замуж». Он обрадовался и взошел в этот дом. Подходит ночь. Вот видит он — 10 часов, сидит он — 11 часов, потом стало 12 только что стало подходить — катится труба большинская (протяжно). Из этой трубы сделалась половина человека. Потом и еще катится труба. Стал такой-то человек большинский, борода-то большая. Потом еще прибегают маленькие чертенята, и етот старик говорит: «Кто этот железный пень не расколет, то я съем, а кто расколет — не съем». Вот етот Алеша взял топор и стал раскалывать этот железный пень. Раскалывал, раскалывал, но не раскалол. Потом берет этот старик топор и начинает колоть. Ударил он один раз по пню — и пень разлетелся (трещина сделалась). И етот старик обрадовался и стал глядеть. Потомо, только он перестал глядеть, борода его попала в трещину. Вот Алеша и говорит: «Показывай все сундуки с деньгами, а то я всю бороду у тебя сорву». Намотал на руку: «Показывай, где серебро, золото». А у етого старика вся сила была в бороде. Вот, значит, он стал ему показывать, где сундуки, где все. Потом стало ночи час, и никого нет, он лег и уснул. Стало рассветать, приходит царь в этот дом. И думал, что Алеша весь разорванный. Но Алеша сидит около печи и смеется. Царь даже удивился.

Пошел он на вторую ночь. Тоже 12 часов. Тоже такой же старик и все эти окаяшки-чертяки. Все потом и говорят: «Давайте играть в карты», а у них карты были черепа (от людей). Если будет (с ними!) этот Леша играть в свои карты, то выиграет, а если в эти, все свои деньги проиграет. Вот эти окаяшки согласились играть в эти Алешины карты. Вот Алеша выиграл у них кучу серебра и золота. Наутро стало рассветать, он уснул. Царь приотворяет дверь и думал, что Алеша уже умер. Только хотел его брать за

руку тащить, где все люди, вдруг он проснулся, и царь весь побледнел, побледнел и стал спрашивать: «Как ты эту ночь провел?» Алеша рассказал.

Вот на третью ночь послал. Стал Алеша опять сидеть на этой скамейке. Вот стало 12 часов, вдруг окаяшки несут мертвого человека. «Вот,— говорят,— отогрей нам этого окаяшку. Если не отогреешь, мы тебя разорвем». Вот он отхватил крышку от гроба, взял его себе на постель и стал отогревать. Потом понемножку стал отогревать, этот окаяшка стал его душить. Он говорит: «Я тебя отогрел, а ты меня душить начинаешь!» Хватает за ноги этого окаяшку — и об пол. Он опять умер. И убил его. (Он-то был не мертвый, а тут убил его). Алеша взял его в руки, положил в гроб и заколотил. Потом лег опять на койку. Вдруг койка зашевелилась и поехала. А этого окаяшку поставил себе под постель. Койка стала ездить по погребам, по чуланам. А етот окаяшка, который убит, подбежит: «Вот так тебе и надо»,— в дом глядит. Потом он наконец упал. Етат Алеша упал около двери и уснул. Вот стало рассветать, никого нет. Приходит царь. Алеша стал просыпаться. «Ну вот, я за тебя отдам свою дочь». Алеша еще ничего не испугался.

Вот живет с женой, стало ему много лет, старик уже стал, вроде дядя Василий, и все стонет: «Вот,— говорит жене,— как бы мне увидеть страх». Жена говорит: «Будешь спать ночью — испугаешься». Уснул Алеша, а эта жена взяла расстегнула ему ворот, позвала прислугу и говорит: «Прислуга, давай сходим с тобой на пруд». Они пошли на пруд. Прислуга зачерпнула воды, набрали всяких букашек, рыбок, лягушек, гнилой тины. Вот приносят домой и выливают эту воду ему за ворот. Вот он вдруг просыпается, вздрогнул и говорит: «Вот я когда испугался».

30. КАК ЦАРСКАЯ ДОЧЬ ЗАХОТЕЛА НУЖДУ УЗНАТЬ

Рабочие работали. Царская дочь слышала, что нужда есть в миру, и захотела она узнать, что такое нужда; пошла искать нужду. Взяла там своих прислуг: кучера, фрейлинов, всех нянев забрала — и поехала нужду искать. Долго с ними ехала — никакой нужды не находить. Фрейлина сказала, что «я не могу ехать дальше». С этаго слова она ее уволила, а все нужды не видить. Много время ехала; никакой нужды не найдеть, все нет нужды. Потом няня тоже от ней отказалась, что, дескать, и я не могу ехать. Осталась она с однем кучером и все нужды не видить, все не находить ее. Кучер стал про-

ситцы у ней, что «отпустите меня, я не могу ехать». Так что она одна пошла. Долго шла, а все нужды не нашла.

Издалека видала она уж оченно прекрасное имение, хорошее, и «дай я, говорить, пойду туды. Во всех я, говорить, царствах перьбывала; а это что за местечко такое красивое?» Ну и пошла туды; подходить к эстому местечку: прекрасный большой сад, и таких светов, кажется, нигде и нет; в саду царский дворец, и преотлично он состроен, оченно фигуристо. Кругом дому очен хорошая решетка, и потом есть вороты; у ворот презлые, лихие львы. И все она нужды не находить. Проти ворот паратное; у паратной стоять львы. И все она нужды не находить. Как она подошла к паратному, львы ей поклонились. Опять она нужды не видить. Подошла к паратному — паратное отворилось; неизвестно, хто ее отворил. Всходить она в эфтот дворец; ей захотелось чаю попить; неизвестно, хто (вм. кем) ей столы накрыты, и чай готов. Опять все она не находить нужды. И закусила, как следуить. Пошла по всему дворцу, приходить в одну, к примеру, зало. Висит гроб на двенадцати цепях, и озле гроба патрет на стене, раскрасавец (это был заколдованный царевич); на столе лежить книга, и сказано: «Хто эту книгу прочитаить всю, тот этого себе в женихи получить». Она эту книгу взяла и читала; и кажный ей день утром чай и завтрак накрывается на стол, и подаеть неизвестно хто. И все она нужды не видить. И сколько она время это читаить.

В одно прекрасное время — ей скучно было — пошла она на море погулять. И моряки увезли девочку; и она сжалолась, стала стараться эту девочку отбить, некоторым кричала, чтобы помогли. Потом она эту девочку к себе взяла для охоты (своих денег много, да и готово все, дають есть). Эту девочку растила и выучила грамоте; тогда она ей помогала эту книгу читать. И все нужды не видить.

Сколько время читали; остается очень немного ее читать, этой книги. Царской дочери захотелось уснуть; она и говорить этой морячке, что «ты до эдакаго места дочитаешь — больше не читай». Девочка-морячка не послушала ее: очень любопытно ей было, что такие за листочки, что их не читать. «Дай прочитаю!» Вот она остальны-то прочитала, гроб-то и упал. Гроб упал, раскололси, и выходить царский сын, из гробу из эстаго встаеть; значить, яво отчитала. Он встаеть и спрашиваить: «Хто ты такая?» Она яму отвечаить: «Я,— говорит,— царская дочь». Он говорить: «Что ж ты одна здесь живешь?» — «Нет,— говорит,— у меня есть девочка-морячка». (Вот скоро нужду узнаить). Он с ней — уговариваться жениться. А девочке-морячке — она ходу не даеть ей. Она сидить одна в комнате и говорить: «Вот когда я нужду-то узнала! Я слушала, что крестьяне говорять про нужду-то». А он-то ходить мимо комнаты и говорить невесте своей:

— Что это твоя девочка-морячка все про нужду упоминаить?

— Да вот ее,— говорить,— мужички увезли, а я ее отбила, когда ходила гулять; вот она все про нужду и говорить.

Значить, этот царский сын приданое все сготовил и жениться собирается. Об этой девочке попомнил: «Надо и ее,— говорить,— одеть». И справили ей; а она (т.е. невеста) и говорить: «Что же ее очен-то и разодевать? Она — простая морячка, только что я ее обучила». Чем бог послал обули-одели ее, и потом — свадьбу играть. Пригласил всех своих друзей, царское все фамилие. Играли свадьбу, а девочка остаетцы с нуждой.

Потом, в одно прекрасное время задумал бал собрать царский сын, который был заколдованный. Всех приглашал царей опять, и царице своей готовил платье самое лучшее и морячке такое же. Он видит, что — не царская дочь — никакого нет обращения — и что морячка не простая. Все им сделал одинаковое. А она очень дерзко поступала с ним: «Зачем ты так разодел морячку?» А он сказал, что «я так хочу, чтобы на балу была девочка не обижена мной».

Началась танцыя. Эта замечательно танцуить, а эта, как мешок, топчется. Он в своем пылу-разгаре подходил к своим друзьям и спрашивал-советовалси: «Какая,— говорить,— царская дочь из них из обеих?» (Скоро нужда ее кончится). Тогда друзья показывали на царскую дочерю, что это — царская дочь. (Он ее скоро запикаить, застрелить за ложное показание).— «А это, говорить,— не царская». Он советовалси с ними: «Что мне с ней сделать, что она ложно показала?» Все присоветовали ее посадить под растрел. (Зачем она называлась так). Он привел к креслу и потчуить, угощаить. «Садись на кресло»,— говорить. И вынимаеть левольвер и выстрелил в нее, и была такова. (И нету морячки). Извиняется проти царской дочери, береть ее за руку, называить своей невестой. (А этой уж кавырка под ахом была).

Оне женились, а все люди удивились. Вот я там была и мед пила; по усам текло, а в рот не попало; вся моя труда пропала!

31. <ХИТРАЯ НАУКА> У старухи был сын, и повела сына во ученье. Навстречу идет купец. «Куда, старуха, идешь?» — «Да вот, батюшка, сына иду в ученье отдавать».— «Отдай мне».— «Ну что ж, возьми, все равно надо куда-нибудь отдать». Старуха

пошла домой, а купец привел мальчика домой и говорит ему: «Поди спили березку, сложи клеточку». Мальчик пошел, спилил березу, склал клеточку. «Дяденька, я сделал». Купец посадил на клеточку мальчика и зажег, потом золку разрыл, вынул оттуда яичко, оттуда — мальчик. «Что ты знаешь?» — спрашивает его. «Ничего не знаю».— «Ну, поди сруби березку, сложи клеточку». Мальчик срубил березку, сложил клеточку: «Я, дяденька, сделал».— «Хорошо». Купец посадил мальчика на клеточку, зажег ее, сгорела она; купец разрыл золку, вынул яичко, оттуда — мальчик. «Что ты знаешь?» — «Ничего я, дяденька, не знаю». Опять купец ему говорит: «Спили березку, сделай клеточку». Мальчик березку срубил, клеточку склал: «Я, дяденька, сделал». Купец посадил мальчика на клеточку, зажег, золку разрыл, вынул яичко, оттуда — мальчик. «Что знаешь?» — «Ничего, дяденька, не знаю».— «Дурак, когда так».

А мальчик выучился колдовать (он его колдовать учил), да не сказывал. Пошел он в сад с детьми играть, обернулся соколом и прилетел к матери.

— Иди, мама, к купцу, проси меня. Выпустит он на тебя двенадцать кобелей, все они на тебя бросятся, а я буду тебя за мизинчик держать. Потом выпустит двенадцать голубков — голубок к голубку — станут они зерна клевать, а я все буду отбегать. Потом выпустит он двенадцать молодцов, все они будут стоять смирно, а я буду мизинчик оттопыривать.

Научил он мать, как его узнавать, взвился соколом и полетел, стал мальчиком играть в саду с детьми.

Старуха пошла к купцу. «Здравствуй, старуха!» — «Здравствуй, батюшка!» — «Ты зачем пришла?» — «Да вот, батюшка, хочу сына домой взять, ничего он не занимается у тебя, я его в пастухи отдам».— «Погоди, старуха».— «Нет, батюшка, возьму». Купец рассердился: «Ну, узнавай, старая чертовка». Выпустил двенадцать кобелей, она узнала. »Почем ты знаешь, старая чертовка, что это он?» — «Да как же, батюшка, он мой сынок». Купец выпустил голубей, все голуби зерна клюют, один все отходит. Она опять узнала. Купец ее ругает: «Как ты, старая чертовка, узнала?» — «Да ведь он мне, батюшка, сынок». Выпустил купец двенадцать молодцов. Все стоят смирно, один стоит — мизинчик оттопырил. Старуха опять узнала. «Да как же ты знаешь?» — «Сынок ведь он мой, батюшка».— «Ну, отбирай, ступай».

Взяла его старуха, пошли они, идут — мост, на мосту — ракитовый куст, на ем птичка поет, поет-заливается, хорошо так поет. Мальчик и говорит: «Знаешь, мама, что птичка поет?» — «Нет, кто ее знает?» — «Не знаешь, а она поет, что я буду ноги мыть, а ты эту воду пить».— «Ах ты, сукин сын, что матери говоришь!» — и пихнула его с моста-то в реку.

Пихнула в реку, а он обернулся там ершом, а купец — за им, обернулся щукою, хочет его проглотить, а он зашел в ямку да обернулся к ней хвостом, говорит: «Как щука ни востра, а не съест ерша с хвоста».

Река текла мимо царского двора, царская дочь вышла за водой, он обернулся кольцом, да ей в кувшин. Колечко понравилось барышне, она его взяла, надела на палец. Купец пришел к царю: «Ваша дочка нашла колечко, это мое колечко». Она не отдает, очень ей понравилось. В одну прекрасную ночь колечко обернулось в молодца, очень красивого, и так он барышне понравился, влюбилась она в него. Молодец ее и учит: «Вы колечко купцу не отдавайте, если уж будут очень приставать, бросьте колечко об пол, оно рассыплется маком, одну маковину ногой заступи, купец обернется петухом и станет мак клевать, ему на шею наступи другой ногой».

Царевну отец просит: отдай да отдай кольцо купцу. Она с сердцов швырнула его на пол. Он рассыпался маком, петух клюет маковины, она одну ногой заступила, петух ей под башмак лезет клевать, она ему на шею наступила — задавила. Он околел, а из маковины молодец сделался, ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать — такой красавец. Барышня за него замуж идет.

Свадьба готовится. Спрашивают жениха: «А у Вас нет ли родных или знакомых каких?» — «Нет,— говорит,— а соберите бедных обедать». Бал отпировали, всех бедных собрали, пришли отец с матерью жениха — они были бедные. Сын их узнал и говорит: «А старика со старухой положьте спать со мной ближе.— Положили.— И воды нигде не ставьте».

У молодого ноги на ночь вымыли, таз-то с водой под кроватью оставили. Вот ночью захотела старуха пить, просто терпенья нет. «Старик, я из тазу напьюсь, что за беда, что молодой ноги мыл, они у него чистые».— «Куда ты, старуха, услышат, заругаются».— «Да я потихоньку, он крепко спит».— «Смотри, куда ты». Полезла старуха под кровать, достала таз, напилась, поставила, да тазом и тринкнула. «Кто там?» — спрашивает молодой. «Батюшка, прости, Христа ради, очень уж пить захотела».— «А, мама, разве я тебе не говорил, что я буду ноги мыть, а ты воду пить?» Старуха его и не узнала: знала, что сына в речку спихнула, думала, утонул. Бросилась к нему, обрадовалась. Ну и стали потом жить да быть.

32. ПРО ЧЕРТА

В некотором царстве, в некотором государстве, между небом и землей, на самом краю жили-были старик со старухой, и был у них единственный сын. Вот подрос парень, и надумал отец его в ученье отдать. Повел его по дороге в

город, а дорога через лес шла. Вот идут они по лесу и притомилися. Отец сел на пенек и говорит:

— Ох!

— Кто меня звал? — и тут старичок появился.— Что тебе надо?

— Я тебя не звал, я только «Ох!» сказал.

— Так меня Ох и зовут. Что тебе надо?

— Да вот я сына в ученье веду.

— Отдашь мне в ученики?

— Отдам.

— Тогда уговор: ты через три года за ним приходишь, и если сына узнаешь, то забираешь, а нет — он у меня остается.

— Идет! — сказал мужик, а сам думает: «Я своего сына и через десять лет узнаю!»

Вернулся он домой и стал жить-поживать. Прошло три года, стал мужик к Оху собираться. Вдруг видит: в окно голубь клювом стучит — известье, значит, принес.

Мужик вышел на двор, а голубь обернулся сыном и говорит:

— Отец, завтра ты пойдешь к Оху, он тебе покажет тридцать лошадей, все как одна. Это тридцать учеников Оха. Я буду копытом землю копать, вот ты меня и узнаешь.— Обернулся опять голубем и улетел.

Пошел мужик в лес, сел на пенек и позвал:

— Ох!

— Я тут! Пошли. Узнаешь сына — заберешь, а нет — останется у меня.

Пришли они в дом Оха, вывел он тридцать лошадей — все как одна, и говорит:

— Ну, где твой сын?

Мужик присмотрелся и видит: одна лошадь бьет копытом.

— Вот мой сын!

— Угадал — забирай!

Тут конь обернулся сыном мужика, и пошли они домой.

Утром парень говорит:

— Отец, я оборочусь конем, а ты отведи меня на ярмарку, продай, да только уздечку не продавай!

Пошел мужик с конем на ярмарку, обступили их торговцы: один сто рублей за коня дает, другой двести, третий триста. Мужик коня продал, а уздечку не отдал. Пошел домой, а тут и сын его догнал.

Стали они жить-поживать, тут деньги кончались. Сын и говорит:

— Отец, я оборочусь конем, а ты отведи меня на ярмарку, продай, да только уздечку не продавай!

Пошел мужик с конем на ярмарку, обступили их торговцы: один сто рублей за коня дает, другой двести, третий триста. Мужик коня продал, а уздечку не отдал. Пошел домой, а тут и сын его догнал.

Снова они прожили деньги. Сын снова говорит:

— Отец, я оборочусь конем, а ты отведи меня на ярмарку, продай, да только уздечку не продавай!

Пошел мужик с конем на ярмарку, обступили их торговцы: один сто рублей за коня дает, другой двести, третий триста. Тут появился богатый купец и дает за коня тысячу рублей золотом. Мужик обрадовался и забыл забрать уздечку. А купцом этим сам Ох был.

Приехал он к дому и привязал коня. А сам в дом пошел. Тут идет девушка-служанка. Конь ей говорит:

— Отвяжи меня!

Она его пожалела и развязала узел. Он обернулся голубем и полетел. Ох увидал его, обернулся коршуном и полетел следом. Уже почти нагнал, а тут река. Парень обернулся рыбой и в воду, а Ох обернулся щукой и за ним. Почти догнал, а тут царская дочка в реке белье стирала, обычай раньше такой был, чтоб каждая девка свое белье сама стирала, даже если царевна. Парень обернулся и стал кольцом — царевна его поймала и на палец надела. Принесла домой, он там оборотился парнем и говорит:

— Вот придет Ох к твоему отцу и будет у него кольцо просить, твой папаша согласится, а ты, когда кольцо с пальца снимешь, брось его на пол.

Вот пришел Ох к царю и стал ему войной грозить, если тот кольца не отдаст. Царь велел дочь позвать, та пришла и кольцо с пальца сняла, да и бросила на пол. Кольцо пшеном рассыпалось, и одно зернышко к царевне под каблук закатилось. Ох обернулся петухом и ну клевать, а парень из того зернышка взял да и в лису оборотился, петуха и загрыз. Принял он свой человечий облик и женился на царевне и отца к себе взял.

33. ПРО ИВАШКУ

Жили-были дед и баба. И не было у них детей. Вот раз старик принес домой полено и положил его за печь. Вот прошло время, и из-за печи голос:

— Папа, мама, выньте меня!

Заглянули они за печь, а там мальчик. Назвали его Иванушкой. Попросил Иванушка сделать ему лодочку и стал кататься на озере. Вот покатается, а мать придет и кричит:

— Ивашка, Ивашка! Плыви к берегу — поешь кашки!

Он подплывет, а она его накормит-напоит, и он опять плывет.

Вот увидала это Баба-Яга и решила Ивашку съесть. Пришла она на берег и стала кричать:

— Ивашка, Ивашка! Плыви к берегу — поешь кашки!

Ивашка подплыл, она его схватила и понесла к себе в лес, в избушку на курьих ножках. Принесла и велела своей дочери Алёне его изжарить, а сама пошла по делам.

Алёна взяла лопату и стала Ивашку на эту лопату пристраивать, а он то руки в стороны, то ноги — никак в печь не лезет.

— Покажи мне, Алёнушка, как в печь лезть?!

Она села на лопату, а он ее в печь засунул и заслонкой закрыл. Изжарил. А сам на дерево залез. Пришла Баба-Яга, съела мясо Алёнки и ну по траве кататься. А Ивашка сверху кричит:

— Что, Баба-Яга, хорошо кататься, Аленкиного мяса поевши?!

Яга его увидала и стала дерево грызть. Тут летит стая гусей:

— Гуси-гуси, унесите меня к папе с мамой!

— Там за нами летят!

Летит другая стая:

— Гуси-гуси, отнесите меня к папе с мамой!

— Там за нами летят!

Летит один гусенок.

— Гусенок-гусенок, отнеси меня к папе с мамой!

— Садись.

И взял Ивашку к себе на спину, и принес его домой.

А дерево на Ягу упало и прибило ее.

34. ПРО ХИХИЛЮШКУ И БАБУ-ЯГУ

Жили-были кот да Хихилюшка. Однажды кот пошел на промысел, а Хихилюшку посадил на яблоню играть золотыми яблочками. Вот приходит к яблони Баба-Яга и говорит Хихилюшке:

«Хихилюшка,
Мой батюшка!
Дай яблочко из ручки в ручку».

Только он протянул руку, как Баба-Яга схватила его и потащила. Тут Хихилюшка закричал: «Котику-братику, выручи меня!» Услыхал кот, догнал Бабу-Ягу и отнял у нее Хихилюшку. Другой раз кот пошел на промысел и посадил Хихилюшку на яблоню выше прежнего. Опять утащила его Баба-Яга, но кот его снова выручил. Третий раз, уходя на промысел, он посадил Хихилюшку на самую верхушку яблони. Опять Хихилюшка попал к Бабе-Яге в руки и закричал: «Котику-братику, выручи меня!» Но кот уже так далеко ушел, что не слыхал его голоса. Баба-Яга принесла Хихилюшку к себе домой и велела своей дочери его изжарить, а сама ушла. Та поставила на шесток лопату, какой в печь хлебы сажают, и сказала Хихилюшке: «Садись на лопату».— «Покажи мне, как сесть: я не умею». Она села, а Хихилюшка взял да всунул ее в печь; так она там и сгорела. После этого он пошел на чердак. Идет Баба-Яга и поет:

«Покатаюся,
Поваляюся,
По Хихилюшкиным костям».

А Хихилюшка ей с чердака отвечает:

«Покатайся-поваляйся
По дочерниим костям!»

Она полезла на чердак, а он столкнул ее с лестницы; она упала и убилась до смерти. А Хихилюшка пришел домой, и стали они с котом жить-поживать да добра наживать.

35. ПРО ФЕФЕЛЮ

Жили-были два брата да Фефеля с ними. Вот два брата были хорошие, а Фефелюшка дурачок был. Два брата пошли в лес и говорят:

— Фефеля, ты яблоки карауль, чтобы никто не пришел, не сорвал.

Ну ладно. Он пошел и сел на яблоню. Пришла к нему Буряга:

— Фефеля, Фефеля, дай яблочка.

Он сорвет плохое и даст, бросит.

— Ты мне хорошенькое, из ручки в ручки.

Он стал давать, Буряга-то его и утащила. Утащила, а он и кричит:

— Уж кот и баран,
И Фефелюшка лобан,
Утащила меня,
Меня Бура-Яга
За калиновый мост,
За кудрявый куст,
За темные леса,
За крутые берега.

Услыхали его братья, летят и отняли у Буряги-то. Посадили и говорят:

— Ну, Фефеля, никому не давай, мы опять пойдем, не услышим.

Ну вот они ушли. Буряга к нему опять пришла: «Фефеля, дай яблочка». Стал яблочка ей давать-то, а она его и опять утащила. Он кричать опять:

— Уж кот и баран,
И Фефеля лобан,
Утащила меня,
Меня Бура-Яга...

Они услыхали, опять прилетели, опять отняли.

— Ну, если ты еще, Буряга придет, будешь яблоки давать,— не услышим, еще дальше пойдем.

Вот она опять пришла: «Фефеля, дай яблочка!» Он его стал ей давать, она его и утащила.

Притащила домой — братья не услыхали — и говорит: «Давай с тобой в баньке попаримся». Послала работницу баню топить. Натопила печку жарко-прежарко. Вот работница пришла и говорит:

— Фефеля, Фефеля, дай я тебя покатаю на лопате.

Он говорит:

— Я садиться на нее не умею, ты покажи мне, как это надо сделать-то.

Она села на лопату-то, он ее в печку-то и ширкнул, закрыл заслонку. Ширкнул, вот она антеда и кричит ему:

— Фефеля, Фефеля,
Открой меня,
Отопри меня,
Отвори меня.
На потолке в уголке
Висит денег мешок —
Я тебе их отдам!

Он говорит: «Нет, не открою». Она его опять просит:

— Фефелюшка, лобанушка,
Открой меня.
На потолке в уголке
Висит денег мешок,
Тебе отдам!

Он ее не открыл. Она там изжарилась. Бура-яга приходит и говорит: «Ах, русским духом пахнет». Наелась этого жареного мяса, вышла на двор, валяется, приговаривает:

— Покатайся, Бур-яга,
Поваляйся, Бур-яга,
На Фефелиной руке,
На Фефелиной ноге,
На Фефелиной косточке.

А Фефеля ей с дерева отвечает:

— Покатайся, Бур-яга,
Поваляйся, Бур-яга,
На работницыной косточке.

36. НЕВЕСТА-ЛЯГУШКА Жил-был царь. У царя было три сына. Надо женить их; царь взял три стрелочки, дал каждому: «Стрелите, кто куда попадет». Первый выстрелил — попал в царство, средний — в купеческий дом, а Иван-царевич — в лягушку, в болото. Кричит ей: «Отдай стрелку!» — «Не отдам, возьми замуж».— «Куда я тебя такую?» — «Не отдам»,— говорит. Бился, бился — не отдает. Обещал ее замуж взять.

Идут они домой к царю. Те веселы, а этот голову повесил. «Ну, что ж?« — спрашивает царь. Один говорит: «Я попал в царство»; другой говорит: «А я — в купеческий дом»; а Иван-царевич говорит: «Я попал в болото, в лягушку».— «Ну, что же, видно, судьба, не обижайся».

Отец купил по рубашке, отдает сыновьям, чтобы невесты сшили, кто лучше. Иван-царевич голову повесил, пошел к болоту. «Ну, лягва поганая, как ты сошьешь?» — «Ложись спать, Иван-царевич, рубашка будет гото-

ва». Взяла разрезала материю на мелкие лоскутки, выбросила за окно: «Ветры буйные, возьмите лоскутки, унесите, а мне от батюшки рубашку принесите, которую он в светлый праздник надевает». Ветры подняли лоскутки, принесли ей рубашку. А другие невесты прислали девку Чернушку поглядеть, что она будет делать. Девка все пересказала. Они разрезали материю на лоскутки, выбросили за окно: лоскутки лежат, ниоткуда ветер не дует, ничего не несет. Уж скоро утро, давай покупать материю, давай кумекать, насилу успели.

Старший сын подает отцу рубаху. «Ну, эту конюху носить». Средний подает. «Эту — дворнику». Иван-царевич от лягушки подает. «Вот эта хороша, это, когда будет большой бал, надену». Иван-царевич повеселел.

Купил тут царь по ковру вышивать невестам. Пошли они. Иван-царевич голову повесил, пошел к болоту. Лягушка его встречает: «Что, Иван-царевич, не весел?» — «Вот, на, лягва поганая, нужно ковер вышивать».— «Ложись спать, утро вечера мудренее». Те невесты прислали девку слушать, что лягушка будет делать. Она взяла ковер, изрезала на лоскутья, выбросила за окно: «Ветры буйные, возьмите, унесите лоскутья, принесите мне от батюшки ковер в Светлый день на стол постилать». Те невесты изрезали ковер и за окно бросили. У лягушки ковер готов, а у них лоскутья все под окном лежат. Уже утро, они — покупать, стебунять кой-как. Сыновья понесли ковры отцу. Старший подает. «Это у порогу стелить». Средний подает. «Это в кухне постилать». Иван-царевич от лягушки подает. «Это, когда будет большой бал, на передний стол постилать».

Скоро будет свадьба. Царь дает, чтобы невесты по пирогу испекли. Иван-царевич приходит к болоту и говорит: «Ну, лягва поганая, надо пирог печь».— «Ложись спать, Иван-царевич, утро вечера мудренее». Те невесты прислали девку смотреть, как лягушка будет пирог печь. Она взяла муку, разболтала в воде да на холодную печь вылила, сама крикнула: «Ветры буйные, принесите мне пирог от батюшки, который на передний стол для гостей подавать». Энти то же сделали, ничего не вышло, они — скорее покупать, творить: поставили, наварганили.

Утром сыновья понесли отцу пироги. Старший подает — «Это людям отдайте». Средний подает — «Это свиньям бросьте». Иван-царевич от лягушки пирог подает — «Ваш пирог на передний стол подавать».

Венчанье назначили, братья дожидаются невест к венчанью — приехали они, а лягушки нет. Вот едет золотая карета — братья смеются: «Это лягушка в коробушке, знать». Лягушка сделалась старенькая старушка, поехали венчаться. Повенчались, бал начали, угощенье. Лягушка все вилки, ножи, ложки в рукав кладет. Снохи смотрят на нее — то же делают. Водки им поднесли — она в рукав вылила. Пошли молодые танцевать. Она пере-

вернулась, махнула рукавом, нож вытряхнула — стала канава круг дома; еще раз махнула, ложка вылетела — вода стала в канаве; третий раз махнула — корабли поплыли, а на них птицы райские сидят, коты заморские гуляют. Снохи глядят: дело-то антиресное; махнули они рукавом — вилка выскочила, в глаза попала, выколола глаза; махнули рукавом — ложка выскочила, кому в лоб попала — лоб проломила; махнули рукавом — водка вылилась, всех залила. Иван-царевич в восторге, как у его невесты все вышло.

Кончился бал, спать все легли. Лягушка (старенькая старушка) кольцо снимает с руки — и стала такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А утром опять лягушкой стала, а ночью — красавицей. Иван-царевич, как она сняла кольцо, украл его, в море и бросил. Она и говорит: «Прощай, Иван-царевич, я жить не могу с тобой»,— и ушла от него, прямо в море скрылась. Она, может быть, и выходила бы, кабы он кольца-то не брал, а то в море ударилась, больше и не вернулась.

37. ПРО ЦАРЕВНУ-ЛЯГУШКУ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына: Василий-царевич, Федор-Царевич и Иван-царевич. Настало время сыновьям жениться. Дал им царь лук со стрелами и велел стрелять. Куда стрела упадет, там и жена.

Выстрелил старший царевич — упала стрела на царев двор, стала его женой царевна. Выстрелил средний — упала стрела на купеческий двор — женой стала купеческая дочка. Выстрелил Иван-царевич — упала стрела в лесу в болото. Поехал Иванушка ее искать и нашел в лапах у лягушки.

— Лягушка-лягушка, отдай мне мою стрелу!

— Возьми меня в жены, я тебе пригожусь!

Подумал-подумал царевич: «Видно судьба моя такая!»,— и взял лягушку с собой.

Вот пришли все сыновья со своими женами, и велел им царь испечь пирог. Старшие невестки позвали слуг и велели им испечь пироги. А Иванушке кого просить?! А лягушка ему и говорит:

— Не печалься, утром будет у тебя пирог.

Вот заснул царевич, а лягушка сбросила шкурку и обернулась царевной, красоты несказанной. Вышла она на крыльцо и закричала:

— Мамки-няньки, испеките мне пирог, что у батюшки моего ели по праздничкам.

Пирог и появился.

Утром понесли пироги сыновья. Увидел пирог старшего сына царь и говорит:

— Отдайте нищей братии!

Увидел у среднего:

— Покормите голодных в тюрьме!

Увидел у Ивана-царевича:

— Этот пирог я сам есть буду!

Велел царь на следующий день принести каждому из сынов ковер, чтоб на нем все было изукрашено. Старшие невестки все слугам поручили, а лягушка скинула шкурку, обернулась царевной, красоты несказанной. Вышла на крыльцо и закричала:

— Мамки-няньки, подайте мне иголки и нитки, которыми я у батюшки шила.

И тут же все появилось. Она нитками ковер изукрасила, иголками все вышила.

Утром приносят сыновья царю работу. Посмотрел царь на работу старшей невестки:

— На порог положите.

Посмотрел на работу средней:

— Лошадей прикройте!

Посмотрел на работу младшей:

— Повесьте,— говорит, на стену в моей спальне-опочевальне!

Велел царь всем сыновьям с женами на пир явиться. Старшие разукрасились, а лягушка говорит:

— Ты, Иванушка, ступай, а я после приеду. Ты как услышишь шум, так говори: «Это моя лягушонка едет».

Все пришли, а Иван один.

— Где жена?

— Да после приедет!

Вдруг шум да звон пошел, все повскакали с мест, а Иван и говорит:

— Не бойтесь, это моя лягушонка едет.

Выглянули в окно, а там карета золоченая, а в ней царевна красоты неписаной. Иванушка говорит:

— Вот моя лягушонка!

Тут пошел пир горой, а Иванушка побежал к себе, нашел шкурку лягушачью и сжег ее. Тут обернулась царевна кукушкой и улетела в окно. Опечалился Иванушка и пошел ее разыскивать.

Идет-идет и пришел в дремучий лес, а там стоит избушка на курьей ножке, и все вертится-крутится. Он говорит:

— Избушка-избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка повернулась, вошел Иван-царевич и видит: сидит там Баба-Яга костяная нога.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич! Зачем сжег лягушачью шкуру? Теперь Василиса у Кощея Бессмертного в плену сидит.

— А как мне победить Кощея этого?

— Его смерть в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в медведе, медведь в ларце, ларец на дубу, дуб на острове, остров на море, а море то в тридесятом царстве. На тебе клубочек, куды он покатится, туда ты и ступай.

Клубочек покатился, а за ним и царевич пошел. Идет-идет, проголодался, видит: медведица медвежат кормит, он прицелился, а она ему говорит:

— Пожалей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь!

Не стал стрелять Иван-царевич, пошел дальше. Видит: волк своих волчат кормит. Прицелился, а он говорит:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел его Иван-царевич и пошел дальше. Видит: сокол запутался в силках:

— Помоги мне, Иван-царевич, я тебе пригожусь!

Отпустил Иван-царевич сокола и пошел дальше. Видит: щука на берегу бьется:

— Помоги мне, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Бросил Иван-царевич щуку в море, а сам нашел лодку и поплыл к острову. Приплыл, видит: стоит дуб, а на дубу сундук. Он на дуб полез и сундук сбросил. Из сундука медведь выскочил. Тут откуда ни возьмись медведица, схватила она того медведя и разорвала. Из медведя заяц выскочил — а тут волк прибежал и зайца поймал, из зайца утка вылетела, тут сокол ее клювом тюк — и из него яйцо выпало и упало в самое синее море. Тут выплывает щука, и в зубах у нее яйцо. Разбил его Иван-царевич и достал иголку.

Пошел он к Кощею во дворец и нашел там свою жену.

— Пойдем,— говорит,— домой!

— Что ты, нас Кощей поймает!

А Иван-царевич достал иголку и сломал. Кощей и умер.

А они вернулись домой и стали жить-поживать.

38. ВОЛШЕБНИЦА И ЗОЛОТАЯ УТКА

Жил-был мужик, у него была дочь. Один раз пошел мужик в поле хлеб убирать и говорит: «Жена! Пришли мне в поле обед с дочерью». Приходит полдень. Дочь взяла обед и понесла к отцу. Идет она мимо реки и видит: у берега щука кружится в воде. Она ее поймала, хочет взять с собой. Щука и говорит ей человеческим голосом: «Не бери меня, красная девица! Пусти лучше в воду, я тебя сделаю счастливою». Девушка и говорит ей: «Как же ты это сделаешь?» — «А вот, говорит, как: если ты заплачешь, у тебя из глаз посыплется жемчуг, а если засмеешься, бриллианты». Девушка ей не поверила. Щука велела ей засмеяться — и посыпались у ней бриллианты. Она взяла и пустила щуку.

Приходит она (девушка) к отцу, отец начал ее бранить (за то), что долго не приносила обедать. Девушка заплакала — и посыпался у ней из глаз жемчуг. Отец удивился, расспросил у ней о всем. Она ему все рассказала. Прошло с тех пор малое время, мужик с дочерью стали люди богатые, а эта девушка — прекрасавица.

Проезжал через эту деревню, где они жили, царский сын и увидал он эту девушку. Полюбил он ее, выпросил у своего отца, у царя, позволенья жениться на ней. Стала она жить во дворце и зваться царицей. При дворе жила одна волшебница с дочерью, и этой волшебнице очень хотелось свою дочь отдать за царского сына, а он женился на другой, на этой девушке. И захотелось ей извести эту царицу.

Сделалась в то время война, царь сам поехал с войском на войну и приказывает фрейлинам: «Смотрите! Если будет царица, жена моя, скучать без меня, сейчас же напишите ко мне письмо. И утешайте, и берегите ее пуще глаз своих!» Уехал царь. Фрейлины стали развлекать царицу разными веселостями, чтобы она не тосковала по муже. Однажды приезжает к ней волшебница и стала просить ее к себе в баню вымыться. Фрейлины долго не соглашались отпустить ее, а, наконец, отпустили. Волшебница привела к себе в баню царицу, обратила ее в золотую утку и пустила по белому свету, а вместо нее привела во дворец свою дочь. (Она была очень похожа на царицу). Фрейлины ее не узнали и приняли ее вместо царицы. Скоро после того приехал царь, стал расспрашивать у фрейлин: «Не скучала ли без меня царица?» Они говорят: «Нет». И стал он (царь) с ней жить, как жил с прежней женой.

А между тем та царица, как обратила ее волшебница в золотую утку, полетела от бани, куда глаза глядят.

Устала, села на реку отдохнуть и плавает по ней. А мимо этой реки шли царские охотники, и увидали они, что плавает утка вся золотая, зарядили ружья, выстрелили — не убили. В другой раз выстрелили — не убили и в третий раз то же; сколько ни стреляли, никак не могли ее убить. Лишь только выстрелят, она поднимается кверху от воды, пролетят пули, снова сядет на воду. Пошли охотники, докладывают царю об этой утке. «Плавает, говорят, на реке утка вся золотая, и сколько мы в нее ни стреляли, никак не могли ее убить!». Пошел сам царь, хочет ее подстрелить. Приходит к реке, сколько ни стрелял, никак не может ее убить, с досады плюнул на берег. Вдруг эта утка подлетела к берегу, схватила его слюны и полетела. Прилетела к лесу, ударилась оземь, сделалась по-прежнему женщиной и родила двух прекрасных малюток и говорит им: «Дети мои милые! Отнесу я вас в царский дворец, посажу на двор, сидите и играйте там!» Дала она им по золотому яичку и велела им никому не показывать эти яички.

Между тем царь задал пир своим министрам и вельможам; веселье такое идет. Среди пира выходит царь на двор освежиться и видит: два прекрасных мальчика играют во дворе. Приказал он их принесть к себе и спрашивает их: «Чьи вы, малютки?» А яички, благословенье матери-то, за них отвечают: «Маменькины!» — «А где же ваша маменька?» Яички и говорят за них: «Мы не знаем». Царь приказал их оставить у себя и очень полюбил их. Услыхала об этом волшебница и приказала своей дочери извести этих малюток. Вот приходит ночь. Уложил царь малюток спать в особой комнате и пошел сам спать. Немного погодя приходит к малюткам царица и спрашивает их: «Что, малютки, спите?» А они давно спали, только яички за них и отвечают: «Нет!» Опять немного погодя подходит царица, спрашивает их: «Что, малютки, спите?» Яички отвечают: «Нет»,— говорят. В третий раз подходит царица, спрашивает их: «Что, малютки, спите?» Яички-то и молчат, потому что время было за полночь, а после полуночи они не говорили. Царица взошла к ним (малюткам) в спальню, зарезала их и дала им в руки по ножику, чтоб подумали, что они сами зарезались.

На другой день проснулся царь рано и пошел проведать малюток. Увидел, что они зарезались, и начал горько плакать. Потом приказал вынесть их в церковь и нанял дьячка читать псалтырь и не велел их до трех дней хоронить. Приходит ночь, читает дьячок псалтырь. Вдруг церковь осветило: влетела утка, ударилась о пол и сделалась царицей. (А дьячок знал ее прежде). Начала плакать над малютками, а жемчуг так и сыплется у ней из глаз, много наплакала жемчугу. Обратилась потом к дьячку и говорит: «Скажи своему царю: если хочет он меня видеть, пусть завтра ночью придет сюда, и когда я влечу, то вели ему затворить двери, чтоб я не могла вы-

лететь, тогда и вели ему меня ловить, а иначе он меня никогда не увидит». Сказала это, сделалась опять уткой и улетела.

Приходит утро. Пришел дьячок во дворец и рассказал царю все секретно. Вспомнил царь, что прежде жена его, когда плакала, сыпался у ней из глаз жемчуг, а когда смеялась, то бриллианты, и пошел испытать это. Приходит к царице, начал ее бранить. Царица заплакала, а из глаз жемчугу нет. Потом он начал ее утешать, шутить с ней. Царица улыбалась, потом и засмеялась, а бриллиантов нет. Царь заметил это, и, как только пришла ночь, пошел в церковь и спрятался там.

Приходит полночь. Вдруг церковь осветило, и влетела золотая утка, ударилась о пол, сделалась царицею и начала плакать о детях. Жемчуг так и сыплется у ней из глаз. Смотрит царь и дивится. Пока дивился этот царь, она снова сделалась уткой, улетела из церкви. На третью ночь царь опять пришел в церковь. В полночь прилетела эта утка, принесла с собой два пузырька: мертвой и живой воды. Сделалась царицею, взбрызнула малюток живой и мертвой водой, и они ожили. Лишь царица превратилась опять в утку, хотела вылететь из церкви, царь притворил двери и начал ее ловить. Летала, летала утка по церкви, устала, упала на пол, сделалась опять царицею и говорит царю: «Ну, теперь я опять твоя!» Царь очень обрадовался, начал расспрашивать у ней, отчего это случилось; она все рассказала. Царь взял ее и малюток во дворец, волшебницу приказал казнить, дочь ее отправил в монастырь, а с этой царицей стал жить да поживать.

39. ПРО СЕРУЮ УТОЧКУ

Жил-был царь, и была у него жена, молодая и красивая. Раз отправился царь на войну, а жене говорит:

— Ты,— говорит,— никуда не ходи, а то что-нибудь с тобой случится.

А сам уехал. А царевна ребеночка ждала.

И вот пришла как-то к ней колдунья и говорит:

— Что ты тут все сидишь, тебе гулять надо, воздухом дышать, в твоем-то положении. Пойдем к озеру.

Ну, забыла царевна, что ей муж наказывал, и пошла к озеру. Пришли они к озеру, и тут колдунья взяла да и спихнула царевну в воду. Спихнула и говорит:

— Плыви ты серой уточкой!

Та и оборотилась. А колдунья нарядила свою дочку в царевнины одежды и отвела во дворец. Приехал царь и ничего не заметил. Она ему глаза отвела, колдунья эта.

А уточка снесла три яичка, и из них вывелись детки. Три мальчика, и таких хорошеньких. Раз пошли ребятишки в царский сад гулять, и увидела их колдунья. Позвала к себе, накормила, спать положила, а сама пошла за мертвой водой. Спрыснула детишек этой водой и на двор мертвеньких положила.

Утром встает царь, выходит на двор, а там над мертвенькими детишками уточка летает и так жалобно кричит, убивается. Тут царь догадался, что его дурят. Что не так что-то. Руку протянул, а уточка к нему на руку и села. Он ее поцеловал, и она превратилась в царевну, а колдуньина дочка убежала.

Приказал тут царь колдунью поймать и привести к нему. Ее привели, и он приказал ей оживить своих детей. Она спрыснула мальчиков живой водой, и они опять стали живыми и здоровыми.

А ведьму сожгли на костре и пепел развеяли.

40. ЮЖИК

Пошли раз девки купаться, выполз южик и лег одной девушке на белье, вот все вылезли, стали одеваться, а та не может: юж на нее шипит, не дает одежу. «Пойдешь,— говорит,— за меня замуж, так отдам». Что ей делать? Хоть нагая иди в деревню — обещалась. («Не пойду»,— думает). Юж уполз. Она приходит домой. «Что печальна?» — спрашивает ее мать. Она рассказывает: «Обещалась за южа замуж».— «Когда это еще будет, мы его зарубим».

Пришло время. Ползет их ужас сколько, вся деревня удивилась, вышла глядеть. Юж взял эту девушку и увел в водяное царство. Там, в водяном царстве, также, как и мы живем. Пожила она с им два года, уж у нее девочка и мальчик, и попросилась она к матери, соскучилась. Он ее отпустил, она взяла детей, и он ее вывел. Приходит она к матери, мать рада ей, не пускает ее назад: «Убью его»,— говорит. Дочь говорит: «Нет, мама, нужно итти, я обещалась». Пошли они к озеру (пруду), подходит мать к воде: «Юженька, юженька, выдь ко мне...» Он и выходит. Она на него кинулась и зарубила его. Дочь плачет, жалеет, благословила она своих деток. Сыну говорит: «Будь ты соловьюшком, пой по зорюшкам»; а дочке: «Будь ты ласточкой, летай над водой и плачь по батюшке (отец ведь он ей был), а я стану кукушкой, буду плакать по своему юженьке».

41. ЦВЕТОЧЕК АЛЕНЬКИЙ

Давным давно это было. Жил в одном царстве-государстве купец, и было у него три дочери. Две просто бабы, а одна с придурью. Все на романтику тянуло. Чего-то необыкновенного от жизни ждала.

Вот отправился отец на ярмарку и спрашивает:

— Дочери мои пригожие, чего вам привести?

Старшая говорит:

— Мне зеркало!

Средняя:

— Мне шаль с кистями!

А младшая думала-думала и говорит:

— Привези мне, батюшка, цветочек аленький.

Поехал купец, продал товары, купил старшей зеркало, средней — шаль с кистями, а младшей не нашел цветочка аленького. Он бы плюнул, а знал, наверное, какой крик дома будет. Поэтому очень печальным домой поехал и с дороги сбился.

Заехал он в дремучий лес и видит: стоит дворец. Он зашел — никого нет. Прошел в комнату — пусто. Он сел и подумал: «Вот бы поесть». И откуда не возьмись стол с едой. Он поел и лег спать. А утром проснулся и пошел по саду погулять, а в саду увидел цветочек аленький. Так обрадовался купец, что не подумал и сорвал его. Тут шум да треск пошел, и появился перед купцом зверь невиданный-неслыханный.

— Ты зачем сорвал цветочек аленький? Я сейчас тебя за это убью!

— Да я для дочки своей сорвал. Она страсть как цветочки любит. Просила привезти ей цветочек аленький.

— Ну, раз для дочки, то я тебя отпущу, а дочку ты мне пришлешь. Вот тебе колечко, ты его с правой руки на левую переодень и окажешься у себя дома, а когда дочка ко мне отправится, пусть с левой на правую руку его переоденет.

Переодел купец кольцо и очутился у себя дома. Отдал дочерям подарки, а сам сидит печален. Тут эта младшенькая его и спрашивает:

— О чем ты печалишься, батюшка?

— Да вот, когда добывал я тебе цветочек аленький, попал я к зверю страшному, и тот велел мне за цветочек тебя к нему прислать.

— Ах! Ах! Я во всем виноватая, мне и отвечать!

Переодела кольцо и очутилось у зверя в доме. Тот обрадовался и говорит:

— Ты теперь тут хозяйка.

Жили они поживали, да тут захотелось ей родню проведать. Отпросилась она у зверя, и тот ее отпустил, но только велел к ужину вернуться, к семи часам.

Она дома очутилась да и сестрам все рассказала, а те решили ее домой не отпускать и все часы перевели назад. Ну, она всех повидала да к зверю своему собираться стала. А сестры говорят:

— Куда ты, еще рано.

Она посмотрела: и, правда, шесть часов.

— Ну,— говорит,— еще часик посижу.

А тут часы восемь уж стали бить, на площади-то. Она испугалась — и кольцо переодела. Очутилась в доме у зверя и видит: лежит он и почти помер от тоски. Она его пожалела и как заголосит:

— На кого ты меня оставляешь, друг сердечный! Мне жизни без тебя не будет! Я тебя люблю крепко!

Тут он ожил и превратился в красавца писаного. И поженились они, и стали жить-поживать и добра наживать.

42. ФИНИСТ

В некотором царстве-государстве жил-был мужик, и было у него три дочки, умницы-красавицы. Вот отправился отец на базар и спрашивает, чего им привезти. Старшие тряпки какие-то попросили, а младшая перо Финиста — ясна сокола. Сама, небось, не знала, что такое.

Приехал мужик на базар, купил старшим дочерям гостинцы, а перышка нет. Тут подходит к нему старичок и говорит:

— Перышком Финиста — ясна сокола не интересуетесь?

— Интересуюсь,— говорит.

Сторговались они, и мужик домой поехал. Дочерям гостинцы раздал.

А ночью младшая дочь вдруг как кинет перышко на пол — и к ней прилетел Финист, ударился о землю и превратился в красавца принца.

И стал он каждую ночь к ней летать, подарки носить и разговоры разговаривать.

А сестры услыхали и напихали в окно ножей да иголок. Прилетел Финист, порезался и улетел. Она утром проснулась и увидела, что все окно в крови. Поняла она, что беда случилась, и пошла Финиста искать.

Шла-шла и пришла в дремучий лес, а там стоит избушка на курьей ножке и вертится. Она говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка повернулась. Вошла в нее девушка и видит, что на печи Баба-Яга сидит. Девушка ей про свою беду рассказала, а Яга дала ей три вещицы: золотое яблочко, золотую иголочку и золотое веретено. Золотое яблочко катится по блюдечку и разные разности показывает, веретено само нитку сучит, а иголочка сама вышивает. Указала ей Яга, куда идти и что делать.

Пришла она в царство Финиста, а там готовятся к свадьбе — Финист женится на соседней королевне. Вот девушка пришла, села у колодца и стала яблочко катать. Увидела его королевна и стала его торговать. А девушка говорит:

— На яблочке-то завет! Мне с Финистом ночь ночевать.

Та Финиста сонным зельем напоила и привела к нему девушку. Та будила-будила — спит Финист. Утро настало, она яблочко отдала, а сама стала веретено крутить. Королевна стала веретено торговать, а девушка говорит:

— На веретене завет! Мне с Финистом ночь ночевать.

Та Финиста сонным зельем напоила и привела к нему девушку. Та будила-будила — спит Финист. Утро настало, она веретено отдала, а сама стала иголочкой вышивать. Королевна стала иголочку торговать, а девушка говорит:

— На иголочке завет! Мне с Финистом ночь ночевать.

Та Финиста сонным зельем напоила и привела к нему девушку. Та будила-будила — спит Финист. Она заплакала, и слеза горючая Финисту на щеку упала. Он проснулся и поцеловал ее. А королевну они прогнали и жили долго и счастливо.

43. СНОХА

Жил-был старик со старухой. У них был сын, этого сына женили они. Посылает свекровь сноху овец брить (стричь). А у ней не овцы, а медведи. Вот сноха села на дуб, кличет: «Медведюшки, вы серушки, придите, сами побрейтеся!» Пришли они, сами побрились. Потом пошла она, принесла эту шерсть к свекрови.

Потом свекровь посылает ее коров доить. А у ней не коровы, а волки. Она села на дуб и кличет: «Коровушки-буренушки! Придите, сами подой-

тися!» Они пришли, сами подоилися. Вот она принесла это молоко к свекрови своей.

Потом свекровь посылает ее к своей сестре, к ведьме, попросить у ней бедра. Пришла она к этой ведьме. «Тетушка! Дай, говорит, матушке бедрочка!» — «Племянница! Сядь, потки мне». Потом пошла эта ведьма под пол зубы точить. Поточит, поточит и говорит: «Племянница! Ты тут?» — «Тут, тетушка!» Потом она (эта племянница) плюнула на все четыре стороны. Ведьма и спрашивает: «Племянница! Ты тут?» — «Тут, тетушка». Потом ушла эта племянница домой, коту дала ком масла, рогач с молитвой поставила в избе. Дверь взбрызнула водой и с молитвой ее затворила. А собаке дала кусок говядины и ушла.

Пришла баба-яга, увидала, что она ушла. «Кот, ты на что ее пустил?» — «Она, говорит, мне ком масла дала, а я, говорит, сколько у тебя жил, горелой корки не видал». Потом она и говорит: «Рогач, ты на что ее пустил?» — «Я, говорит, век у тебя жил, горелой корки не видал. А она меня с молитвой поставила».— «Дверь! Ты на что ее пускала? Ты бы ее прихлопнула!» — «Я, говорит, у тебя век жила, горелой корки не видала, а она меня с молитвой прихлопнула!» — «Ты, собака, что ее не загрызла?» — «Я, говорит, у тебя век жила, горелой корки не видала, а она мне кусок мяса дала». Так сноха и ушла.

44. СКАЗКА О МАШЕНЬКЕ И АГАШЕНЬКЕ

Жили в одной деревне старик со старухой, и была у них дочка Машенька, уж такая-то девочка хорошая, умная да работящая, и собой красавица. Вдруг раз заболела старуха, похворала-похворала да и отдала Богу душу.

Погоревал старик, поплакал, да и взял себе другую жену, Машеньке мачеху. У новой жены была дочка Агашенька, лентяйка вовсе, не приведи Бог! Как увидала мачеха, что старикова-то дочь лучше её, и начала она с тех пор бедную Машеньку обижать; а иногда и била она ее. А Машенька — девочка была добрая и отцу не жаловалась. «Бог,— думает,— не велел жалиться, терпеть надо...» И Агашенька сводную сестрицу свою очень обижала. Вот и решили оне с мачехой бедную Машеньку куда-нибудь спровадить, чтобы она не попадалась им больше на глаза.

Наступила зима. Раз в сильный мороз призвала мачеха Машеньку, да и говорит ей: «Убирайся ты, Машка, с глаз моих долой»,— и выгнали оне с дочерью бедную девушку в лес. А старика дома не было; при нем оне, наверное, так бы не осмелились, не угнали Машеньку вечером в лес.

Стоит Машенька одна в лесу и говорит: «Господи, Господи, как мне быть теперь? Милая матушка, помолись за меня. Господи, Иисусе Христе, не оставь меня, сохрани и помилуй». Пока она так в лесу стояла, вдруг видит в стороне малый огонечек. Пошла она туда, видит: стоит избушка на курьих ножках и вертится — войти ей нельзя. Она и говорит: «Избушка, избушка, встань ко мне передом, к лесу задом». Избушка остановилась, и Машенька вошла. Видит она: стоит стол, за столом сидят звери всякие-всякие. Тут же стоит Баба-яга, костяная нога, с большим носом, и разливает им щи из чугуна большим половником и раздает кашу. Машенька перекрестилась, поклонилась и говорит: «Здравствуй, тетенька». Баба-яга на нее и не поглядела, сказала: «Здравствуй»,— и опять начала разливать щи. Машенька села в уголок под иконами, сидит. Есть ей хочется, щи мясные вкусно пахнут, а она ничего не говорит. Баба-яга глядела-глядела на нее, видит, что она ничего не просит, положила в миску на донышке кашки и сунула ей в руки. Машенька поблагодарила, хочет есть уж начать — бежит мышка, на шее у нее колокольчик: «Динь-динь-динь. Машенька, Машенька, дай мне кашки!» Машенька девушка добрая была. «Что ж,— говорит,— мышка, на тебе кашки!» Мышка поблагодарила и убежала. Подходит медведь: «Машенька, дай и мне кашки». Машенька и ему дала; а потом стали и другие звери подходить, просить каши, и Машенька никому не отказала, так у нее кашки совсем не осталось. Сидит она голодная, а звери все ушли. Баба-яга положила ее спать на лавку, а сама на печке легла. Ночью пришли звери из лесу и принесли ей полный сундук нарядов всяких, шуб и платьев.

Утром приехал старик из города домой и говорит: «А где же моя Машенька?» А оне и отвечают: «Пошла она с вечера в лес за хворостом и домой не вернулась». Заплакал старик, да и говорит: «Пойду я в лес искать Машенькины косточки; верно, ее совсем звери съели, да не оставили ли хоть косточек?» Вот запряг он лошадку в сани и поехал в лес. Подъезжает к избушке Бабы-яги, входит, да и говорит: «Скажи мне, Баба-яга, не видала ли ты мою дочку Машеньку или хоть ее косточки?» А Баба-яга отворила дверь в соседнюю горницу, да и говорит: «Там твоя дочь». Вошел он, да и ахнул: сидит его дочь в богатой шубейке, а около нее стоит сундук со всяким добром. Посадил он ее в сани, а сундук насилу стащил, и поехали домой.

Как увидала мачеха, что падчерица не умерла, а еще целый сундук добра привезла, рассердилась она и говорит: «Иди ты, Агашка, в лес, да без товаров ко мне не возвращайся». Да не к добру, видно, она это молвила...

Пришла ночь. Пошла и Агашенька в лес, увидала огонек, потом и всю избушку; крутится избушка, вертится — войти ей нельзя. Вот она и говорит: «Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!» Изба остановилась, девушка взошла. Богу не молится, никому не кланяется, ни с кем не здоровается. Села в уголок, смотрит: стоит стол, сидят звери, Баба-яга, костяная нога, с большим носом, щи наливает да кашу раскладывает, да такая-то сердитая, не приведи Господь! Встала Агашенька, подошла к Бабе-яге, да и говорит: «Дай и мне кашки-то!» Грубо так, нехорошо сказала... Баба-яга зацепила ложкой каши, швырнула в миску, дала Агашеньке. Села та за стол, да так-то кашу за обе щеки уплетает. А тут мышка бежит, на шее колокольчик позванивает: «Агашенька, Агашенька, дай мне кашки!» А Агашенька как ее деревянной ложкой по лбу хлоп! Мышка попищала-попищала да и подохла. Как тут все звери кинутся на Агашеньку, разорвали ее в клочки, а косточки собрали, в сундук положили и заперли.

На другой день старик поехал в лес, приехал к избушке, вошел, да и спрашивает Бабу-ягу: «Не видала ли ты мою дочку Агашеньку?» Баба-яга отворила дверь в соседнюю горницу, да и говорит: «Там твоя дочь!» Вошел старик — видит, один сундук стоит. Он и подумал: «Видно,— говорит,— это ее приданое». Открыл сундук и видит — лежат одне косточки обглоданныя. Взвалил он сундук на сани и поехал домой.

Старуха выскакивает: «Где,— говорит,— дочь?» А старик молчит, открыл сундук, посмотрела старуха да тут же упала и душу Богу отдала.

А Машенька вскоре после этого замуж вышла за хорошего непьющего парня и старика-отца к себе взяла.

45. ПРО МАШУ И НАТАШУ

Жили-были старик со старухой. У старика была дочь Маша, а у старухи — Наташа. Старикова дочь была красивая, умная, работящая, правдивая, а старухина — лживая, ленивая и некрасивая. Ну, старуха не любила старикову (дочь), не могла та ей потрафить. Однажды говорит старику: «Вези ее в лес. Пусть там пряжу прядет!» Жалко было старику, да делать нечего. Запрёг Пегашку, взял донце, веретенце, горшочек круп-

ки, спички, водички, посадил Машу, повез в лес. Въехал в дремучий лес. Темно, лес шумит, никого нет в лесу. Привозит он Машу в развaленную сторожку и говорит: « Вот тебе, доченька, дровишки, печку топи, кашку вари, огонек не переводи, а я завтра рано приеду!» Поцеловал и уехал.

А Маша прямо села прясть. Устала, затопила печку. Заварила кашку. Только кашка стала поспевать, мышка из-под печки: «Красная девица, дай ложечку кашки, я тебе пригожусь, я тебе услужу!» А Маша была добрая: «На, мышка, ешь,— зачерпнула ей полную ложку,— не надо мне твоей службы». Мышке много не надо. Поблагодарила и спряталась под печку. Только Маша поела, стала прясть — стук-стук, дверь открывается — медведь с дубиной. Как зарычит, закричит:

— А ну, красная девица, давай в жмурки играть! Завязывай мне глаза, а тебе вот колокольчик, бегай и звени. Если поймаю, все кости поломаю, а если не поймаю, дам воз добра, воз серебра и стадо коней.

У Маши руки затряслись. А мышка прибежала: «Давай мне колокольчик, не бойся, полезай в мою норку». Маша завязала медведю глаза, полезла в норку, а мышка стала с медведем играть. Мышка-то маленькая. В уголке зазвенит — медведь туда — хлоп об угол головой, заревет от боли, а мышка уж в другом месте: то на стол, то под стол, на лавку, под лавку, на печку, под печку. Упарился медведь, а поймать не может, измучился и говорит: «Ну, красная девица, ловка ты в жмурки играть! Развязывай глаза, давай мой колокольчик». А мышка из-под печки Маше: «Вот тебе колокольчик!»

Медведь ушел. Маша стала мышку благодарить, а мышка говорит: «Ты добрая девушка. Я тебе всегда помогу». Только Маша хотела уснуть, как загремит, зазвенит — въезжает сундук с добром-серебром и табун коней — все кони белые!

А старуха старику говорит: «Старик, ступай, поезжай за Машкой, чай, помянуть нужно. Небось, волки загрызли!» Старик ночь не спал и лошадь не распрягал. Сейчас тулуп на плечи и поехал. Едет и плачет всю дорогу. Боится, дочка не жива. Подъехал — стадо коней видит, думал, привидение. Открыл дверь, а Маша уже оделась: и платье поднебесного цвета на ней, и пальто, и платок пуховый. Старик думал — боярыня. Взял добро, коней в три веревочки гуськом и поехали. Выехали на полянку — деревню видно.

А у старухи и старика собачка была Жучка: «Тяф-тяф! Старик едет, везет Машеньку, разукрашенну, разнаряженну; везет воз добра, воз серебра, стадо коней!» А старуха услыхала: «Не бреши, на, дура, блин. Скажи, что это Машкины косточки гремят!» А она съест блин и опять свое.

Подъезжает старик. Старуха во(о)чию увидела, что Маша везет воз добра, воз серебра, стадо коней. Старуха пуще прежнего взбеленилась:

— Вези, старик, мою Наташу в лес. Моя Наташа не твоей Машке чета. Она привезет два воза добра, два воза серебра, два стада коней!

Старик не перечит. Берет все там и едет. Также везет в ту же развалённую сторожку. Также ей говорит: «Вот тебе дровишки, печку топи, кашку вари, огонек не переводи, сиди да пряди, а я завтра рано приеду!» Поцеловал и уехал. А Наташа была ленивая, прясть не стала, затопила печку, заварила кашку. Только кашка стала поспевать, мышка также из-под печки: «Красная девица, дай ложечку облизнуть, а я тебе услужу!» Наташа схватила палку, да как запустит в мышку. Мышка взвизгнула и кричит из норки: «Быть злой Наташке битой! Быть злой Наташке битой!»

Только села Наташа кашу есть, как застучит, как загремит. Лохматый медведь с дубиной входит:

— А ну, красная девица, давай в жмурки играть. Завязывай мне глаза, а тебе вот колокольчик, бегай и звени. Если поймаю, все кости изломаю, а если не поймаю, дам воз добра, воз серебра, стадо коней!

Наташа завязала ему глаза, стала в уголок, зазвонила — он ей сграбастал, изломал ей кости и бросил.

А старуха посылает старика за дочкой, а сама белые пироги печет. Старик подъезжает — коней нет; открыл дверь — Наташа изломана, еле дух переводит. Взял на руки, вынес на дровни, прикрыл зипуном, поехал домой. На поляну выехал — она и дух вон.

А Жучка дома: «Тяф-тяф! Старик едет, Наташкины косточки гремят!» Старуха ей: «Дура, на пирог, это добро звенит, серебро гремит!» А она съест пирог и опять за свое. Подъехал старик, и увидела старуха во(о)чию свою мертвую дочку. Хоронить пришлось.

А старик с Машенькой зажили счастливо. Вышла она за принца за богатого да красивого. Жили долгие годы счастливой и богатой жизнью.

46. НА ПЕНЕК

Жил стало быть мужик; у него жена умерла, осталась девочка. Он другую жену взял с девочкой. Жене не полюбилась девочка, она и говорит мужу: «Свези Машеньку на пенек». Он свез ее в лес, посадил на пенек, сидит она. Мороз как треснет. Машенька и говорит: «Мороз, не Бог ли тебя

нанес?» Он дал ей шубу. Опять Мороз треснул, Машенька говорит: «Мороз, Мороз, не Бог ли тебя нанес?» Он ей дал муки, круп, снаряду — всего. Опять треснул Мороз. Машенька говорит: «Мороз, Мороз, не Бог ли тебя нанес?» Он ей дал собачку, кур...— всего. Стала она жить хорошо. Мачеха стосковалась и говорит мужу: «Она, наверно, замерзла, сходи похорони». Отец приехал, все забрал, везет домой.

А собачка говорит: «Дочку-барыню везут». Мачеха говорит ей: «Цыть! Волк тебя заешь! Говори: в гробу кости гремят». Привез старик Машеньку. Увидала мачеха и говорит: «Свези теперь Дунюшку». Свез ее мужик, посадил на пенек. Сидит она. Мороз как треснет! Она и говорит: «Мороз, Мороз, не шут ли тебя нанес?» Он и заморозил ее. Тут и нету.

47. МАШКА-СОПЛИВКА Жила-была царица, у ней были сын и дочь. И, умирая, оставила она сыну своему кольцо: «Кому оно впору, говорит, будет, на той и женись!» Он ходил по всему свету: никому не впору кольцо. Приходит он домой и положил его на окошечко. Сестра пришла да и надела его: ей впору. Брат увидал, говорит: «Сестра! Я на тебе женюсь! Мне, говорит, так и мать приказала!» Она и говорит: «Ну как же я выйду за тебя замуж?» Убежала она: села на дуб, в дупло. Сидит в дупле. Бариновы дети пошли на охоту. Собаки увидали на дупле эту девушку, так-то начали лаять. Братья увидали, стащили ее оттуда. Привели ее к матери, к отцу, а шкатулочку свою она оставила в дупле. «Мамаша! Мы девку нашли в лесу!» Спрашивают у ней: «Как тебя звать?» — «Маша-сопливка!» Стала она у них жить.

Барин собирается в собранье. Маша-сопливка и говорит: «Барин, возьмите меня!» Он как сапогом ее треснет! «Куда тебе, Машке-сопливке!» Только барин уехал, она и просится: «Позвольте в лес сходить за грибами!» — «Ступай, да поскорее». Пошла она в лес, взяла из шкатулочки лошадей, карету, купила барыне грибов, поставила в лесу. Приехала на бал. Ни с кем не раскланивается, только с барином. Ему и хочется узнать ее фамилию, спрашивает ее. «Сапог!» — говорит. Приезжает назад, все сложила в шкатулочку, принесла барыне грибов.

На другой день барин опять собирается на бал, утирается полотенцем. Машка-сопливка и говорит: «Барин, возьмите меня!» Он ее ударил полотенцем. Только барин уехал, она отпросилась в лес за грибами. Пришла в

лес, из шкатулочки все, что надо было, вынула, грибов купила, приезжает на бал. Ни с кем не раскланивается, только с барином. Барин и спрашивает, как ее фамилия. Она говорит: «Полотенце!» Уехала с балу, переоделась, все спрятала в шкатулку, приходит домой, приносит барыне грибов.

На третий день стал барин собираться на бал, чистится перед зеркалом. Машка-сопливка и говорит: «Барин, возьмите меня!» Он ее зеркалом — зеркало разбилось. Уехал он на бал вместе с детьми. Она тотчас отпросилась в лес за грибами. Пришла в лес, достала там всего, переоделась, приезжает на бал. Опять барин ее спрашивает: «Как ваша фамилия?» — «Зеркало!» Потом дети его подходят, спрашивают: «Как так ваша фамилия — Зеркало?» — «То, которое ваш папаша разбил!» Они сейчас ее взяли, увезли с собой. Заехали в лес, взяли шкатулочку. Баринов сын и женился на ней.

48. СТРОЕВА ДОЧЬ

Жил был Строй с женой. Жена-то померла, от нее осталась дочь: мать умирала, оставила ей корову. Строй женился на другой жене, и у этой жены родилась тоже дочь и тоже выросла большая. Мачеха стала на свою падчерицу нападать. Она падчерице дала три фунта льну прясть, а есть не дает. А своей дочери прясть не дает, а есть дает. Вот падчерица пошла под бугорочек, говорит: «Коровушка, буренушка! Приди ко мне, подсоби мне!» Коровушка пришла к ней и стала у ней лен жевать. «Я буду лен жевать, после буду изо рту выпускать, а ты мотай!» Вот она живо отпряла, приносит мачехе. Та удивилась. «Как это она так скоро стала прясть! Верно, не она прядет, а кто-нибудь ей помогает».

Вот мать свою дочь покормила, а строевой дочери дала обгорелую корочку. Она и плачет, падчерица-то. Приходит она к коровушке-буренушке, плачет: «О чем ты плачешь?» — «Как же мне не плакать? Мачеха мне есть не дает».— «Ты,— говорит,— влезь мне в правое ухо, а вылезь в левое!» Она была красавица лицом, еще полнее, красивее стала.

Мачеха опять дает падчерице шесть фунтов льну отпрясть. Она пришла под бугорочек, села, стала кликать: «Коровушка-буренушка! Приди ко мне, подсоби мне!» Коровушка пришла, стала жевать, та только сматывает. Отпряла, приносит мачехе. Та удивилась. «Верно, ей кто-нибудь помогает!» Свою дочь посадила обедать, а той дала обгорелую корочку. Она заплака-

ла, пошла к коровушке-буренушке, влезла в правое ухо, вылезла в левое, стала еще полнее и красивее.

Мачеха задает ей холст выткать. Она и стала кликать свою коровушку: «Коровушка-буренушка! Приди ко мне, подсоби мне!» А мачеха выслала свою дочь за ней подсматривать. Вот корова стала жевать, а она стала скатывать. Дочь пошла, матери своей все пересказала. Принесла эта падчерица холст. Опять мачеха свою дочь накормила, а ей ничего не дала. Она опять плачет. Коровушка увидала. «О чем ты,— говорит,— плачешь? Влезь мне в ухо правое, а в левое вылезь!» Вот она в одно ухо влезла, в другое вылезла, стала еще красивее. Мачеха и увидала это.

«Муж, муж! Зарежь эту корову!» Муж говорит: «Нет,— говорит,— я эту корову не зарежу». Жена сделалась больна. Опять пристает: «Муж, муж! Зарежь эту корову!» — «Нет, не зарежу!» Девушка эта опять плачет. Увидала коровушка, спрашивает: «О чем ты плачешь?» — «Как же мне не плакать? Тебя, коровушку-буренушку, хотят зарезать».— «Если,— говорит,— меня зарежет твой батюшка, возьми требуху, задние и передние ноги и зарой перед своим окошечком!» Вот мачеха пристала к мужу, он и зарезал корову. Вот она и просит у батюшки требуху и ножки. «На что тебе?» — «Коровушка велела у вас попросить!» Он ей дал.

Она зарыла их перед своим окошечком. Поутру встала, отличный видит сад перед своим окошком. Едет барин мимо этого сада, а эта девушка сидит подле окна. Барин спросил: «Чей это сад с золотыми яблоками?» Она отвечает: «Это мой сад!» — «Продайте мне этот сад!» — «Этот сад не продажен: кто меня замуж возьмет, тот и этот сад возьмет!» Приезжает он за нее свататься. Стали готовиться к свадьбе,

Мачеха взяла одела свою дочь, лицо ей накрыла, посадила ее в переднее место, как невесту. А строеву дочь под лавку посадила под корыто. Барин и садится с дочерью мачехи. Прилетает петух, садится на окно: «Кукуреку! Строева девка в корыте под лавкой лежит, а строихина (мачехина) дочь с барином сидит». Мачеха бросилась: «Кши, курин сын! На тебе конец пирожка!» Он опять то же: «Кукуреку! Строева дочь в корыте под лавкой лежит, а строихина с барином сидит!» — «Кши, кши, курин сын! На тебе конец пирожка!» Он в третий раз то же кричит: «Кукуреку! Строева дочь в корыте под лавкой лежит, а строихина с барином сидит!» Барин догадался, вытащил ее оттуда, вымыли ее, за стол посадили. Тут у них был девичник, повез он ее к себе, у него уж будет свадьба. И сад за ними поехал. Приехали они туда, повенчались.

Вот живут они год с ним, родился у них сын; она пожила еще с ним, полгода мальчику стало. Стала она просить мужа отпустить ее к мачехе повидаться. Он ее долго не отпускал, наконец, отпустил, дал ей тройку лоша-

дей. Она и поехала. Приехала она к мачехе. Она ей очень обрадовалась. «У, дочь моя милая! Пойдем, я тебя завтра в баньке попарю!» Зовет она ее в баню, она и пошла с ней в баню. Разделась она, мачеха и стала ее веником парить, стала бить да приговаривать: «Чтоб тебе отныне и довеку Рысью бегать!» Она и убежала от нее в поле; бегает она по полю рысью (рысь — зверок).

А дома так-то ее дитя плачет. Няня пошла с ним прогуляться. А она знала, что мачеха обернула ее в рысь. Вышла няня с дитятей в поле, запела: «Ой, рысь, поле нарыскалось, твое дитя наплакалось!» Гонят стадо коров. Она и спрашивает: «Пастухи, пастухи! Не видали ли вы рысьего стада?» — «Видели очень далеко». Вот она снова запела: «Ой, рысь, поле нарыскалось, твое дитя наплакалось!» Гонят овечье стадо. Она и спрашивает: «Пастухи, пастухи! Не видали ли вы рысьего стада?» — «Видели, близко!» И она дождалась, что рысье стадо пришло. Строева дочь выбежала из стада, сняла шкурку, положила под кустик, стала дитя кормить. Накормила, опять шкурку надела, пошла с своим стадом.

Вот барин стал замечать, что сын оттуда возвращается всегда весел. Раз и пошел он тайком за нянькой. Также прибежало рысье стадо; строева дочь сняла шкурку, выбежала, стала кормить дитя. Он сейчас взял шкурку сжег. Сам потихоньку подкрался близко к ним. Когда она передавала ребенка няне, он схватил ее поперек, она и стала у него в руках обращаться сперва ужом, потом жабой, наконец, веретеном. Он взял это веретено переломил, один конец бросил перед собой, а пяточку за себя, говорит: «Будь за мной белая береза, а передо мной прежняя княгиня!» Она и стала по-прежнему. Тут она ему все рассказала. Стали они жить да поживать.

49. ИВАНУШКА

Было у родителей три сына: два умных, а третий дурацок, Ванюшка. Ну, стал помирать атец. «Ну, дети,— говорит,— помру и хто к могиле маей придё, постоит па мне?» Бальшой сын говорит: «Я, батюшка, пастаю», втарой сын говорит: «И я, батюшка, пастаю». И Ванюшка дурацок: «И я, батюшка,— говорит,— постаю».

Приходит бальшому сыну стаять ноц перву, ну он и забоялся итить и говорит: «Ванюшка, сходи за меня, пастой».— «Ишь ты, братиц, ты баишси, и я баюсь».— «Ну, я тибе калац куплю, схади». Ну, Ванюша за калац согласилси.

Выходит к нему атец и спрашыват: «Ты,— говорит,— бальшой сын, стаишь?» — «Нет, бачюшка».— «Ты, середний?» — «Нет,— говорит.— бачюшка».— «Ну, ты, Ванюшка дурацок?» — «Я,— говорит,— бачюшка». Ну, и пашол этта атец куда надо, а сын дамой. Падходит другая ноц. Приходитси середнему сыну итить, и этат говорит: «Баюсь». Ванюшку стал прасить. Ванюшка опеть пашол за него. Падходя третя ноц. Ну, Ванюшке итить за сея. Он стал братев просить. Братя не согласились за нево итить; сам ы пашол опеть. Атец выходит к нему. «Ты, большой,— говорит,— сын, стаишь?» — «Нет, бачюшка»,— говорит.— «Ты, середний?» — «Нет, бачюшка».— «Ты,— говорит,— Ваня дурацок?» — «Ну я,— говорит,— бачюшка».— «Ну на,— говорит,— тебе, сын, алена залтарогава и свинку залатую щетинку, кабылицу аб семидесят семи жеребёнкаф». Ну, патом он пашол дамой.

У цэря невеста и не выбрала себе жениха никакова. «Ну, выйду, говорит, я на крыльцо, и какой жених мне пондравитца, таво я наклемлю ево (клемом сваим)». Ну и стали там сабирацца нарот и женихи харошыя.

Ну, Ванюшка вышел на луга и крыцит свою лошать: «Кабылица-латица аб семидесят семи жеребёнкаф, стань переда мною, как лист перед травою». В права ухо влес, а в другое вылез. Иванушко дурацок стал прекраснай, добрай моладец, и паехал мима јихава дварца цэрёва. Летит, що пыль пылит, и эта невеста ево наклемила, Ванюшку дурацка. Ну, стали сабирать, а он, Ванюшка дурацок, завезал платок и лёк на пецку. Снохи сабирают абедать и просють ево, он не слазит.— «Я ходил по грибы, глаз себе напорол»,— говорит Ваня. Ну, ани говорят: «Слась», а он не слезя. Патом стала схотка сбирацца гледеть, которава жениха, кто наклемлёный. Ну, все собрались, а Ванюшка дурацок не идё. Стали братев спрашивать: «Що ваш брат не идё?» — «Он, говорит, ходил в лес, глаз напарол».— «Не может быть, а все-таки выведите ево сюды». Вывели — у нево клемо на лбу, царской доцери клемо. Ну, быть потому этой невесте за ним.

Стала невеста плакать, видит — дело неустойкя. Стали прочава жениха искать ещо, ну стали искать, а Ванюшка дурацок приходя сватать опеть её. Ну, ана взяла харошава апеть жениха и Ванюшку дурака взяла опеть за жениха и аднаво в спальню палажыла и другова палажыла. Энтат стал падушки класть, харошый жэних. «А гусина,— говорит,— за лебедина перо завалилась. Надо выкинуть ево». А Ванюшка: «А,— говорит,— кленова за дубова завалилась, надо выкинуть ево». А невеста слушат, патом и говорит: «Ну, папаша, этат жених вот какии реци отвецаит, у нево паленями швыряит». Ну атец и говорит: «Вот что, женихи, я вас пошлю, хто бы из вас алена мне залтарогава привели, тот будет и жених маей невести».

Ну, другая ноц падходя, а он и говорит апеть: «Ну, хто мне свинку залатую щетинку приведё, тот мой жених, а ещо кабылицу-латицу ап семидесят семи жеребёнкаф, тот мой и жених».

Ванюша пашол на луга и стал. «Ален залатарогай, евися ка мне», и ален залтарогай явился к нему. Ванюшка идё и алена ведё. Харошый жених навстречу ему идё. «А, добрый моладец, прадай мне алена залтарогава».— «Он у меня,— говорит,— не прадажный, а так аддажный».— «Що стоит,— говорит,— за нево?» — «Вырежь,— говорит,— из спины у себя ремень, мне и дай ево, я тебе,— говорит,— аддам алена». Тот рат, взял и вырезал и дал ему. Патом апять приходя к государю дурацок апять безо всево, а этот ведё алена, харошый жених. Патом на другой день говорит: « Ну, ступайте, женихи, приведите свинку залатую щетинку, хто из вас приведё?»

Пашол дурацок, вышел на луга. «Свинка залатая щетинка, пазволь ка мне». Свинка евилася, он и ведёт её апеть по лугам, Ванюшка дурацок, а навстрецу этот харошый жених апеть идёт ему. «Ванюша,— говорит,— аддай мне свинку залатую щетинку».— «Ана,— говорит,— у меня не прадажна, а так аддажна. Ну, атриш от наги мизиниц палец, я тебе и аддам свинку залатую щетинку». Ну, приводит к нему, государю, свинку залатую щетинку, а энтат налавил галак, сарок и ещо кой-какую птицу. Ну, и гаворит харошый жених: «Я привел свинку залатую щетинку», а Ванюша: «А я вот, Ваше Царьское Величество, всякой штуки вам привёз».— «Ну, ступайте,— говорит,— на третий день, приведите мне кабылицу-латицу, хто из вас приведё?»

Ну, и пашли апеть аны на луга. Ванюша апеть: «Сивка-бурка, вечная каурка, встань переда мной, как лист перед травой». В адно ухо влес, а в другое вылез. Стал Иванушка дурацок добрай моладец и едет по лугам. Дабрай жених настрецу ему и не узнал ево. «Ну, добрый молодец,— говорит,— продай мне эту кабылицку-латицку и ап сямидесят семи жеребёнкаф». Тот и говорит: «Ана у меня не прадажна, а аддажна. Атрешь мне от правай руки палец мизинец, ну я тагда тебе аддам». Ну, тот атрезал палец и ведёт ее к цэрю. А этот опеть налавил там галок и птицы всякой, сарок.

Патом приходит к цэрю жених харошый и приводит кабылицу-латицу ап семидесят семи жеребёнкаф, а Ванюша приносит всякую птицу. Ну, вот царь и говорит: «Ну, Ванюша, ты ступай дамой теперь». Ванюша атвецаит: «Хто же, Ваше Царська Величество, хто же вам доставил алена залтарогава? Ну-ка, харошый жених, сыми-ка с себя рубашку». Ну да! Он ы снял, мялся, мялся, снял. Он вынаит из кармана этот ремень, который из спины вырезаный. «Ну нате,— говорит,— встафьте, вот хто ево добыл, алена за-

лтарогава». Потом свинку опеть. «Ну-ка, ваше благароде, сымите с правой ноге сапок с нево», а сам из кармана вынае палец. «Ну, нате,— говорит,— вот пристафьте ево. Ну, вот хто вам свинку залатую щетинку даставил. Ну, вот гледите у нево на правой руке палец мизинец». Вынае из сваво кармана и приставляя. «Ну вот,— говорит,— вам и кабылицу хто даставил». Взял царь вниманя и павенцял доц на нём, на Иванушки дурацки, и царство ему своё отдал.

50. ДМИТРИЙ-ЦАРЕВИЧ В некотором царстве, не в русском государстве жили три брата: Василий-царевич, Иван-царевич и Дмитрий-царевич. Поехали все они на охоту. Один брат поймал лисицу, другой зайца, а третий ничего. Попался ему на глаза олень — золотые рога. Он за этим оленем погнался, олень в воду — и он за ним. Он вел его все дальше да дальше, увел его в другое царство. Когда ушел он в другое царство и думает, что ему делать? Не знает, куда выйти. А у него были волосы золотые. Вдруг он вышел на дорогу и пошел этой дорогой. Приходит к пастухам, отдает им свою одежду, а у них просит их. А пастухи его не понимают и давай его прочь гнать. Вот он увидел селенье и пошел к этому селенью. Выпросил крестьянскую одежду и думает, что теперь делать ему с головой? Пошел на бойню, где бьют скот, взял пузырь, надел его на голову. Пришел к царю за милостыней, выпросил милостыню и просится у царя ночевать ночь или две. Царь и спрашивает: «Как тебя зовут?» — «Плешь».— «По отечеству?» — «Плешавница».— «Откуда родом?» — «Я прохожий, сам не знаю откуда». Царь счел его за дурака, позволил ему ночевать две ночи. На третий день царь определил его в сад.

В ночь он весь сад поломал. Царю пришли жаловаться, что которого он приставил, Плешь Плешавницу, тот весь сад поломал. Царь сказал: «Что делать с дураком? С ним и пива не сваришь!» В другую ночь он сделал такой сад, что лучше всех садов. В третью ночь поломал другой самый лучший сад. Царю и докладывают, что человек «в ночь тот сад сделал лучше всех царских садов, а в другую ночь лучший царский сад поломал!» Царь сам пошел глядеть и увидел, что который он сделал сад, тот сад лучше прежнего, лучше царского саду. И вместо того, который он теперь сломал, он сделал такой сад, что описать нельзя. А в царском саду были пруды, он все их засыпал. Царю докладывают, что Плешь Плешавница все пруды за-

валил. Царь и говорит: «Пусть его делает, что хочет!» На другую ночь он сделал такие пруды, каких никому и не снилось. Царь его призвал: «Я, говорит, вижу, что ты не простого рода. Скажи, как тебя зовут?» — «Плешь!» — «По отечеству?» — «Плешавница!» Не добился царь ничего. А он в саду сделал такие ключи и фонтаны, что подобных не было. И ходил к ним каждое утро умываться.

У царя было три дочери. Меньшой дочери нянька вставала рано, выходила на балкон и смотрела всегда в этот сад. Вдруг нечаянно увидела: Плешь Плешавница снял пузырь с головы и начал умываться, голова-то его так и осветила! Она этому удивилась и говорит меньшой царевне, что «у нас Плешь Плешавница, видно, не простого рода, а какой-нибудь королевич или царевич!» Царевне это очень понравилось. Стала она рано вставать, всходить на балкон. Вот вышла она, смотрит: Дмитрий-царевич стал умываться, снял пузырь: голова у него золотая! И необыкновенная у него красота. И она ужасно в него влюбилась. Стала она просить у царя, чтоб он позволил, чтоб Плешь Плешавница служил ей, а не в саду. Царь и велел, чтоб он был всегда при ней, все бы ей подавал... Приходит Дмитрий-царевич к царской дочери. Она и спрашивает его: «Как тебя зовут?» Он ей и отвечает: «Плешь!» — «А по отечеству?» — «Плешавница!» А она никак не хотела верить: ужасно была влюблена. Когда стали сватать женихи всех трех сестер: старшая пошла за короля, средняя — за принца. Стали спрашивать меньшую: «Я, говорит, пойду за Плешь Плешавницу!» Отец и мать ее уговаривали и смеялись. Она и знать ничего не хотела и вышла за него замуж.

Жили несколько времени. Вдруг на этого царя открывается война. Царь и просит зятей своих, чтоб дали ему помощь. Король и принц дали помощь и сами поехали на войну. Младшая сестра и говорит мужу: «Плешь Плешавница! Вот мои братья идут на войну, а ты что?» Он взял прогнал ее поленом: «Поди ты прочь от меня!» Вот он приходит к тестю: «Батюшка! А, батюшка! Дай мне какую-нибудь клячу, и я поеду на войну!» — «Ну, где уж тебе ехать на войну, сиди лучше дома!» — «Нет, батюшка, и я поеду!» — «Дайте,— говорит царь,— ему какого-нибудь коня!» Вот он пошел выбирать коня и выбрал такого, какого нигде не было. Выехал в поле, снял пузырь: сделалась голова золотая, взял меч. Зятья приехали на войну, и он за ними поспел. Приехал и всех победил. Зятья никак не могли его узнать! Победивши, и съезжаются и кланяются. Зятья благодарят его и просят его к царю. И он им сказал: «Я к царю не поеду!» Они дали ему с ноги по пальцу, он взял пальцы, положил в карман, скрылся из виду, переоделся, приехал домой и лег. Зятья приезжают и рассказывают, что они

всю силу победили. Царь для них сделал бал и говорит младшей дочери: «Приведи и ты своего, хоть бы посмеяться над ним!» Она приходит к нему и говорит, что царь сказал. Он опять прогнал ее. На балу сестры и народ веселятся, а она сидит пригорюнившись: «За кого, дескать, я вышла замуж?»

Через несколько времени опять открывается война. Опять братья отправились на войну. Поехал потом и Дмитрий-царевич, приехал, побил всю силу. А братья узнать его не могли. Только тут его ранили. Зятья и просят его опять, что им можно было сказать отцу, что они одни силу победили. «Хорошо, говорит, только дайте мне по пальцу с руки!» Потом скрылся, переоделся, лег спать. Приходит жена его и видит: у него рука раненая, она перевязала шелковым платочком. Догадалась она, что он был на войне. А меж тем приехали братья и говорят, что вот они всю рать побили. Царь для них сделал бал. Младшая-то и говорит своему мужу: «Вот, говорит, они над нами смеются!» — «Пусть их смеются, потом плакать будут!»

Потом через несколько времени опять сделалась война. Поехали братья. Поехал и Дмитрий-царевич, оделся в прежнее платье, снял пузырь, поспел за братьями и всю силу побил. Зятья опять его не узнали, просят его, чтоб им сказать отцу, что они всю силу побили. «Хорошо, говорит, только дайте из спины по ремню!» Взял ремни, уехал прежде всех, приехал домой и во всей одежде лег. Меж тем приехали и братья, говорят, что всю силу побили. Царь сделал великий бал, всем велел съезжаться. Царь и говорит младшей дочери: «Приведи ты своего мужа, пусть он хоть на народ посмотрит!» Приходит она домой и видит его во всей одежде. Она и говорит ему: «Плешь Плешавница! Нас батюшка звал на бал!» — «Я не Плешь Плешавница, а Дмитрий-царевич. Одевайся в самое лучшее платье, чтобы лучше тебя не было. А я приду. Ты меня смотри: я буду в этом платье и приду через кухню».

Она оделась лучше всех, пришла на бал. Царь и говорит: «Что ты лучше всех оделась? Неужели твой Плешь Плешавница лучше всех?» — «Да, лучше всех». Через пять минут приходит и Дмитрий-царевич. Гости все были в зале, и царь был в зале. Она взяла его за руку и подвела его к отцу: «Вот мой Плешь Плешавница!» Зятья увидали и ужасно побледнели. Начался разговор о войне, как победили силу. Тогда Дмитрий-царевич сказал: «Да ведь я всех победил: за первую победу я взял с братьев по пальцу с ноги, за вторую — по пальцу с руки, за третью — по ремню из спины!» И вынул их. Зятья остались в самом низком месте, а Дмитрию царь отдал полцарства своего. И тут был у них окончательный брак. Стали жить да поживать, да денежки наживать.

51. ВАНЬКА ЗЕЛЕНЫЙ

Давно это было. Жил-был один купец. И у этого купца была жена и еще кобыла была. Что жена была — гладка, как боров, и кобыла тож не удавала <уступала> жирности своей хозяйке. И вот эти самые две гладюхи — одна не родила, а вторая — не жеребила.

Вот идет так один раз купец и думает: «Вот живу я, все у меня есть, всего хватает, а придет время — умру, кому это все достояние достанется? Хорошо бы был у меня хотя один сын или хотя бы дочь». Идет так и размышляет. Встречается с ним старушка и говорит:

— О чем ты, сударь, идешь призадумался?

— Так и так, бабушка, как не задуматься? Детей у меня нет, вот иду и думаю.

— Хорошо,— сказала старушка.— Раз тебе хочется, чтоб были у тебя дети, так вот, возьми у меня это яблочко и, придя домой, разрежь его пополам и половину отдай жене своей, а половину — кобылице.

Отдала эта старушка купцу яблоко и исчезла. Пришел купец-молодец домой, разрезал яблоко пополам, положил одну половиночку на тарелку, а другую взял и пошел в конюшню отдать кобылице. Когда он пошел в конюшню, жена-барыня, ну, купчиха, взошла в эту комнату, где лежала половина яблока, и от этого яблока такой шел ароматный запах. Она подошла, взяла его и слопала, а другую половину купец отдал кобыле.

Вот с того дня, как покушали яблоко, купчиха забеременила, а кобыла стала жереба. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пролетело девять месяцев, и купчиха родила сына, а кобыла ожеребила жеребчика. Сына купец, конечно, окрестил и сделал такой пир — чуть не на весь мир, ну, а жеребчик так и остался жеребчиком. Сына назвали Иваном, а жеребчика ближние, которые знали, что в один день были рождены они, называли братом Ивана.

Годы шли, дни летели, стали братья наши большие. Иван попросил у отца, чтобы он сам ухаживал за своим братом-жеребчиком. Отец, конечно, разрешил. И Ваня в эту осень пошел в школу, мышлявый был паренек. Ну, так ходил в школу, а из школы приходил — прямо первым делом заходил к брату, кормил, поил, чистил, холил. Так и шли дни за днями. За это время у купца вышли товары — он уехал за товаром в другие земли.

А у этого купца был приказчик, и он был вроде волшебник. Вот он и подсватался к купчихе. Ну, и обжились, приладились, спали вместях, повадились. Купчиха к нему привыкла: дыхать без него не может. Конечно, он

дал ей такого зелья, вот она об нем и мёрла. Вот один раз и говорит он ей, что так и так, мол, сын у Вас растет недобрый, он Вам будет не почетчик, он Вас замучает по острогам. «Давай,— говорит,— его отравим. Вот этот порошок,— говорит,— запеки в лепешки и, когда он пойдет в школу, отдай ему с собой».

Согласилась дура-баба, взяла; а на другой день было все исполнено по указаниям ее любовника. Ванюшка, конечно, когда бы то ни было — ночь, в полночь, если просыпался, ходил навещать своего брата-жеребчика. Вот Ванюшка проснулся утром и первым долгом — к брату, а брат, как только взошел Иван, брат голову опустил, и слезы у него, как у человека, падают из глаз.

— Эх, брат, о чем ты повесил голову? Не вешай головушку, не печаль хозяина. О чем, брат, ты плачешь, как человек? Али горе великое у тебя? — сказал Иван.

— Как же, брат, не вешать мне голову и как мне не плакать: великое у нас с тобой горе-горюшко, о котором ты не чуешь и не ведаешь. Вот ты пришел ко мне, а сам не знаешь, что тебя нонешний день хотят отравить,— сказал жеребчик человеческим голосом, поднял голову и посмотрел на Ивана и продолжил: — Ну, вот слушай: придешь домой, будешь собираться в школу, мать даст тебе с собой две пышки, ты возьми, но... не ешь их, встренутся по дороге с тобой две собаки — и отдай им эти пышки каждой по одной, и ты увидишь, что будет. «Хорошо»,— сказал Иван и пошел домой.

Пришел в избу и стал собираться в школу, а мать давно уже дожидалась, когда Иванушка будет собираться в школу. Она уже около его так и увивается, как... Никогда так она его не убирала и не ухаживала. Почуял Иванушка, что дело по делу, а суд идет по форме. Собрала. Всегда, бывало, хлебушка давала с собой, а нынче: «Вот, Иванушка, на тебе с собой пышечек, да смотри — никому не давай: ешь сам».

— Хорошо-хорошо, мамушка родимая, желанница моя хорошая, я никому не дам, сам буду есть,— сказал Ванюшка и с тем отправился в школу.

Идет он так дорогой — бежит собака. Вынул Ванюшка лепешку и кинул собаке. Собака, как только съела лепешку, и тут же издохла. Идет дальше — бежит вторая собака. Так же сделал — и получилось то же самое. «Эге,— думает Ваня,— вон они какие дела-то». Ну, отучился наш Иван-болван, идет домой. Не успел взойти Ванюшка, мать к нему: «Ну, Ваня, как? Вкусны были пышки?» — «Очень даже: язык, было, мамушка, проглотил»,— ответил Ванюша.

Вот подошла ночь. Мать Ванюшкина и ее возлюбленный лежат и обнимаются, а Ваня — у своего брата: рассказал ему обо всем случившемся и

остался было ночевать в конюшне, но жеребчик сказал: «Иди, Ваня, в свою спальню, спи, не беспокойся».

Так и сделал Ваня. Прошла ночь. Настало утро. Иван проснулся, убрался и пошел к брату-жеребчику. Всходит он так в конюшню, а брат его копытом навоз роет и низко голову опустил. Иван — к нему и говорит:

— О чем, брат, так затужился и копытом навоз роешь?

— Эх, брат Ваня, ничего ты не знаешь. Нынче еще хуже вчерашнего предстоит беда. Ну, это еще не беда: беда будет впереди,— сказал жеребчик и задумался.— Вот, Ваня, придешь сейчас домой, так тебе мать будет давать новую рубашку, чтобы ты пошел в школу. Не отказывайся, возьми ее и пойди вроде в свою спальню одеть ее, но не надевай ее, а сделай так, чтобы тебя никто не заметил, приди с ней ко мне.

Так все и получилось. Пришел Ванюшка домой — в избу, мать — к нему с новой рубашкой и говорит:

— Давай, Ваня, одень нынче рубашку новую, а то ты у меня совсем зачумазел.

— Давай, мамушка, одену, а то, право, я зачумазел.

Взял и вроде пошел одевать в свою спальню, и в удобный момент шмыгнул в конюшню к брату-жеребчику, а брат-жеребчик давно его ожидал.

— Ну, брат Иван, получил? — сказал жеребчик.

— Получил, брат,— ответил Иван.

— Ну, хорошо. Так. Теперь эту рубашку одень вон на тот столб, который стоит посреди конюшни.

Иван исполнил приказание жеребчика. Как только одел Иван на столб рубашку — и увидел, что рубашка стала сжиматься и так сжала столб, что тот даже захрестел: на что был сух, а то потек из него сок. «Вот видишь, брат Иван, что творится?» — сказал брат-жеребчик. «Вижу»,— ответил Ванюшка. «А выдержало ли бы твое тело от такой волшебной силы?» — «Конечно, нет»,— ответил Ванюша. «Ну, вот смотри, что будет». Брат-жеребчик дунул-плюнул на рубашку, и та стала разжиматься. Когда разжалась, брат-жеребчик приказал снять со столба рубашку ту самую, которая сжимала столб, и одеть на себя. Иван исполнил приказание своего брата: снял со столба и одел на себя — рубашка боле уже не сжалась.

Пришел наш Иван, одел шубку и пошел в школу. Мать его не заметила, как он ушел в школу, и думала, что он не надел рубашку. Возвратился Иван из школы как ни в чем не бывало. Мать его увидала в той рубашке, которую ему дала, и удивилась: она знала, что должно было произойти, но ничего не сказала.

Пришла ночь. Пришел ее любезный и спросил: «Ну, как дела с Ванькой?» Она ответила: «Дела, милый, как сажа бела: рубашка на нем, а ни-

чего не подействовало».— «Так, значит, в этом деле виновен его брат-жеребчик. Он все это дело делает. Теперь один только исход — зарезать этого жеребчика, и тогда только мы с тобой заживем».— «А как это сделать, милый мой?» — спросила Ванюшкина мать.— «А вот как. Завтра приедет твой муж, а ты возьми да заболей; будут у тебя врачи — не поправляйся. Когда затоскует твой муж, ты и заставь его зарезать этого жеребчика и достань из него печенку. Скажи: мне хоть понюхать этой печенки или чуть-чуть покушать».

На следующий день приехал Ванькин отец, привез добра много. Ехал — радовался, думал: «Вот приеду, жене подарок привезу, небось, бедная, заждалась». А она-то и голову об нем не ломала. Слуги его встретили да Ванюшка, а жена заболела, голову завязала, стонет: «Ох, ох, смерть моя». Пришел Ванькин отец, сел подле ее, а она:

— Ох, милый мой, ждала я, ждала тебя и не дождалась, заболела. Помру я.

Затужил, загоревал купец, послал слугу за доктором. К богатым уж, знамо, что врач-грач не замедлит: все это быстро дело делается. Вот и врач пришел, ослушал, осмотрел и говорит: «Опасного ничего нет, не горюй, купец-молодец». Ушел врач.Она, его жена-то, еще хуже расхныкалась. Сколько уж докторов было — нечисленное число, а она, сволочуга, не поправляется. Отступились доктора от купчихи, не поймут: какая болезнь в ней. На следующее утро проснулась купчиха и велела позвать мужа. Приходит ее муж. Она и говорит:

— Так и так, мол, видела я сон; сон, милый мой, такой: если мне из нашего жеребчика покушать печенки или хоть понюхать, то я поправлюсь.

Почесал затылок купец и молвил: «Это нужно у Вани спросить. Ну, ладно, это все дело будет сделано». Повеселела купчиха.

В это время, когда купец сидел подле купчихи и уговаривались насчет печенки жеребчика, Ванюшка, как обычно по утрам, пошел к брату-жеребчику. Входит Ванюшка к конюшню и видит: брат его жеребчик бьет обоими копытами о землю, и глаза у него покраснели.

— О чем, брат-жеребчик, ты так загрустился? О чем запечалился? О чем ты так плачешь и бьешь землю копытами? Или новую беду почуял?

— Да, брат Иван, почуял. Но это еще не беда — беда будет впереди. Вот слушай, что я тебе расскажу. Придешь ты сейчас домой, тебя будет просить отец, чтобы меня зарезать и достать печенку, которой должна ваша мать лечиться. Ты сперва не соглашайся, потом согласись на таких условиях, чтобы купил он в двадцать пять пудов канат и нанял плотника сделать на дворе помост, и нанял шесть мясников, которые будут меня резать, но мясников таких — самых сильных.

Храбрый витязь Францыл Венециан. Гравюра на дереве. Раскрашена. XVIII в. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Русский лубок XVII—XIX вв., илл. 34, М.-Л., 1962)

Выслушал Ванюшка брата-жеребчика и сказал: «Хорошо»,— и с этим отправился домой. Приходит домой, отец к нему:

— Сынок мой милый, выслушай, что я тебе хочу сказать и попросить — не откажи в моей просьбе.

— Говори, в чем дело,— ответил Ванюшка.

— Вот, Ваня, в чем дело. Мать наша, ты знаешь сам, что больна и никак не поправляется, вот она и просит: если зарезать твоего жеребчика и достать из него печенку и если она покушает этой печенки, то поправится.

— Да что ты, батюшка! Разве не хватит у нас капитала, чтобы купить подобного жеребчика? Разве рынок клином свело? Поедем на рынок и купим подходящего жеребчика,— ответил Иван.

— Да нет, Ваня, обязательно, чтобы твоего жеребчика, так как вы с ним вместе родились.

— Ну, ладно, отец, раз ты ничего не знаешь и не понимаешь, вот условия, какие должны быть, если решено зарезать моего брата-жеребчика. Купи в двадцать пять пудов канат, найми плотника сделать помост на дворе на четырех столбах и найми шесть резаков-мясников самых сильных.

— Хорошо,— ответил купец и с этими словами пошел действовать.

Долго ли богатому да знатному купцу это дело сделать! Веревка была куплена спрошенного веса, помост был сделан по последнему слову техники, резаки-мясники были наняты. Настал час резать жеребчика. Взошли резаки-мясники в конюшню, чтобы взять коня и повести на помост для резива — вот тут-то жеребчик нагнал жары мясникам так, что и веревку оставили в конюшне и боятся больше входить! Послали за Иваном-братом, чтобы тот вывел им жеребчика из конюшни и привязал. Пошел отец Ванькин сам за Ванькой, приходит, а Ванька сидит невеселый, будто бы горюет, а сам сидит — чуть не прыскает: он всю историю видел в окно, как мясники выскочили из конюшни без шапок и бледные, как мел.

— Сын мой почтенный,— сказал отец,— есть к тебе просьба: твой жеребчик никого не подпускает к себе, никак невозможно его вывести на помост. Иди, сын мой прекрасный, и выведи его нам.

Ванюшка, не говоря ни слова, встал и пошел. Всходит в конюшню, жеребчик заржал и улыбнулся. Подходит Иван к жеребчику — тот говорит:

— Видел, братишка, каких резаков-дристунов нанял твой папаша меня резать?

— Видел,— ответил второй.

— Ну, вот, бери веревку и веди меня на помост, привяжешь, а сам сядь на меня верхом, тогда приказывай подходить резакам: мы тогда им еще жары прибавим, так что они полны колышки напустят.

Стал Ванька подымать веревку-канат, никак не подымет, и говорит: «Брат, я не подниму канат».— «Пустяки»,— сказал жеребчик, дунул на Ваньку, и Ванька сделался сильным, хоть еще давай такую веревку. Взял канат Ванька, завязал за шею жеребчику и вывел из конюшни и повел на помост.

Резаки за углом стоят, наблюдают, как справляется Ванька с делом. Привязал Ванька своего брата-жеребчика и сел верхом, и приказал резакам-дуракам подходить и резать. Те засучили рукава, взяли кинжалы, во какие здоровенные, и идут к жеребчику, как разбойники. Подходят резаки-разбойники почти вплотную к жеребчику, тот как вдарит ногами по помосту — помост развалился, резаки-дураки остолбенели. Ка-ак еще жеребчик рванет — и столбы из земли вырвал. Резаки-разбойники покидали свои кинжалы и кто куда попало пустились удирать. Жеребчик — за ними, они — от него: всем резакам досталось помаленьку столбами, которые на веревке тащились сзади жеребчика. Резаки все валяются без памяти, отец Ванькин удрал домой, забрался под лавку и сидит дрожит, как в лихорадке. Напотешился жеребчик над мясниками, остановился, стряхнул с себя веревки и сказал:

— Ну, брат Иван, держись крепче: сейчас мы с тобой поедем в другие земли, нечего нам тут делать!

Иван уцепился за гриву жербчика. Жеребчик обежал круг во дворе, разбежался и прыгнул через воротни. По тех пор видели Ваньку с жеребчиком!

Долго ли, коротко ли они так ехали — неизвестно. Подъезжают они так к одному селу. Остановился жеребчик и говорит:

— Ну, брат Ваня, слезай и иди в это село, найди там кожевника, купи у него четыре овчины, и мы сошьем тебе кожух.

Так и сделал Иван: пошел — нашел кожевника, купил четыре овчины и кой-что купил пошамать. Осталось у него полтора рубля. Приходит Иван на то место, где оставался брат-жеребчик,— он неподалеку кормится. Подходит Иван к жеребчику. Жеребчик спросил: «Купил овчины, брат?» — «Купил»,— ответил тот. «Ну, давай теперь сошьем кожух и отправимся дальше в путь-дорогу». Дунул-плюнул жеребчик — и кожух был готов.

— Вот, брат, теперь ты будешь не Иван, а Ванька-зеленый. Приедем мы с тобой в одно царство, ты ничего не говори, окромя «Ванька-зеленый».

— Хорошо,— ответил Иван, одел кожух, сел на жеребчика, и они отправились в путь дальше.

Ехали день, другой, третий и наконец приехали в чужое царство. Вот и царев сад: обнесен оградой. Большущий-большущий сад. Разбежался жеребчик — прыг через ограду. Перепрыгнул через ограду, конь-брат и говорит:

— Ну, Ванька-зеленый, городи себе шалаш и живи в нем. Кто тебя спросит — кто ты, откуда — говори одно: «Ванька-зеленый» и больше ничего.

— Хорошо,— ответил Иван и стал городить себе шалаш, а конь пошел кормиться и на прощанье сказал:

— Когда понуждюсь я тебе, крикни два раза: «браток-браток»,— и я тогда явлюсь к тебе.

Так и расстались. Живет Ванька день, другой, слуги подойдут, спросят: кто он и откуда,— а он одно знает: Ванька-зеленый. Слуги доложили царю: «Так и так, мол, живет у нас какой-то дурак в саду. Что его ни спроси, одно лишь знает: Ванька-зеленый и больше ничего».— «Пусть живет, раз вреда не делает,— ответил царь слугам,— не трогайте его».

Живет так Ванька-зеленый и горюшка не знает. Вот к нему повадилась младшая дочь царя. Приедет она так к нему, спросит: кто он таков. Он отвечает: «Ванька-зеленый»,— и больше ничего. Ну, так она ходила и носила ему кой-что поесть. Приходит она один раз, принесла кой-что покушать, а сама невеселая, снаряжена во всем черном, и говорит:

— Ну, Ванька-зеленый, у нас севодниший день великое горе.

— Какое? — спросил Ванька-зеленый. (Первое слово услышала от Ваньки царевна).

— А вот какое: трехглавый змей просит у батюшки старшую дочь на съеденье.

Ничего Ванька не ответил, только посмотрел на молодую царевну — та плакала.

За это время царь разослал по свому государству афиши. В афишах было написано: «Его Императорское величество в большом горе и в великой ненависти к трехглавому змею, который просит на съеденье старшую дочь Его величества. Кто спасет дочь царя, тот получит полцарства». Никто не шел к царю-батюшке за полцарством. Нашлись три удалых цыгана. Приходют к царю и говорят: «Мы спасем».— «Хорошо, вот хорошо»,— обрадовался царь. Напоил, накормил царь цыганей, и стали собирать царевну со спасителями в путь-дорогу к месту побоища. Царевну повезли в карете, цыгане шли следом за каретой пешком, так как к тому времени они рассчитали, что подойдут. И царевну быстро отправили на место. Карета возвратилась, а цыгане шли и рассуждали, как им быть с положением дела.

В то время, когда отправляли царевну, звонили загробным переводом в колокола и пели похоронные песни. Ванька-зеленый лежал в своем шалаше и слушал. Когда приутихло это все, Ванька-зеленый встал и пошел к царю. Приходит к царю и говорит: «Царь-батюшка, дай мне коняшку покатать-

ся». Царь посмотрел на Ваньку и подумал: «Истинный дурак, тут горе великое, а он покататься вздумал».

— Дайте ему там какого побоевей жеребца,— сказал царь слугам.— Пусть он его потрепит.

Слуги вывели что нет лучшего коня, влез Ванька-зеленый на царского коня — конь задрожал, поехал Ванька на нем, а он шатается. Выехал Ванька-зеленый в поле, и конь сделался точно в мыле: употел и совсем остановился. Тогда Ванька-зеленый слез с него, взял за хвост, дернул и снял всю шкуру с коня царского-государского, и крикнул:

— Птицы небесные! Звери земные, собирайтесь поминать царскую дочь.

Тогда он вспомнил о своем брате-жеребчике и крикнул: «Браток, браток!» И браток тут как тут. «В чем дело?» — спросил жеребчик. «Вот в чем, брат, хочу спасти царскую дочь».— «Хорошо. Полезай ко мне в левое ухо, а в правое выходи». Так и сделал Ванька-зеленый. Вышел таким молодцом — удивишься: с мечом в руке. «Садись»,— сказал жеребчик. Ванька сел, и они понеслись так, что пыль столбом оставалась позади. Догнали они цыганей. Жеребчик приостановился. Ванька спросил цыганей:

— Далеко ли путь держите, добрые молодцы?

— Так и так, идем спасать царевну,— ответили те.— Не поможешь ли нам, добрый молодец, нашей беде? Поделимся мы с тобой не худо.

— Почему ж не помочь? — ответил Ванька.— Так вот! — подумал Иван и сказал: — Отрежьте по правый сустав с левой руки мизинца, я тогда один буду биться, а вы смотрите.

Недолго думая, цыгане отхватили каждый по суставу от мизинца и передали Ваньке-зеленому. Тот завязал в тряпочку и положил в карман и отправился дальше к месту положения. Оставалось ехать недалеко, так что цыганям было видно, как он остановился, подошел к царевне и пустил коня. Цыгане подошли поближе, залезли по шейку в болото и из-за тростников посматривают.

Тогда Ванька-зеленый подошел к царевне, и та сказала:

— Зачем ты, добрый молодец, сюда приехал? Мне уж поневоле приходится помирать, а ты по доброй воле сам изволил приехать.

— Я не помирать приехал, а спасать царевну.

А царевна сидит на перекладине камня, сама после того, как сказал Ванька-зеленый, плачет. Посмотрел Ванька вокруг царевны: прямо глянул — озеро громадное, глянул влево — болото топкое, в котором сидят цыгане-молдаване, глянул вправо — лес дремучий в облака вершинами упирает. Глядит Ванька на озеро — озеро потемнело, забурлило. И вдруг выходит трехглавый змей и говорит с усмешкой:

— Я просил, чтобы мне прислали закуску, а мне прислали закуски да еще с прикуской.

— Подавишься! Морское чудо! — сказал Ванька-зеленый.

— Не подавлюсь,— ответил змей,— мне спорников здесь нет. Есть один — купеческий сын Ванька-зеленый, да ворон на хвосте его ведь не принесет сюда.

— Ворон не принесет — добрый молодец сам изволит приехать.

Трехглавый змей посмотрел на Ваньку-зеленого, а Ванька заметил, как у него затрепетал хвост от страха и смешное выражение стало страшным. Вот змей и говорит:

— Что ж, будем биться или мириться?

— Нет уж, давай биться: не для мира я приехал сюда.

Змей застонал и сразу кинулся на Ваньку. Ванька-зеленый не сплоховал: мгновенно отскочил в сторону, выхватил меч и одним взмахом отделил от туловища три головы чудовища. Дело обошлось без жеребчика, а он, жеребчик, стоит около уже Ваньки. Царевна к Ваньке-зеленому бросилась на шею: плачет, умоляет, чтобы он поехал к отцу ее батюшке, и умоляет, чтоб он ей назвался женихом. Ванька молча поднял большой камень и положил под него все три головы, сел на жеребчика, и по тех пор видела царевна своего спасителя.

Цыгане из болота всю историю видели. Как только скрылся из глаз Ванька-зеленый, цыганы вылезли из болота и прямо к царевне, все в грязище — мокрые и страшные — говорят царевне: «Говори, что спасли мы тебя. Клянись нам, что никому не скажешь, что тебя спас кто-то другой, ешь гористь земли». Царевна туда-сюда, пришлось съесть гористь земли. Когда она съела гористь земли, цыгане стали в надежде, что она уж никому не скажет, и они отправились к дому.

Царь в то время сидел на балконе и ожидал цыганей с царевной. Наконец он заметил, что по этой дороге, откуда он ожидал, идут четыре человека. Царь приказал бить в барабаны. Встретил царь цыганей с царевной с музыкой. На цыганях грязь призасохла. Царь приказал истопить баню и вымыть цыганей и сменить с них одежду.

Вымыли-выхолили цыганей, напоили-накормили и спать уложили. Но на следующий день царь получает второе извещение от шестиглавого змея, который просит у царя среднюю дочь на съеденье. Стал царь упрашивать опять цыганей, чтобы они так же спасли и среднюю дочь, обещал за всех троих отдать своих дочерей. Известное дело — цыгане согласились. Опять такая же церемония была с проводами.

Опять такая же история получилась у Ваньки-зеленого. Опять он выпросил у царя коняшку, опять так же шкуру снял, зверей и птиц позвал на

пир, так же крикнул своему брату, так же взошел в левое ухо, а вышел в правое, но сделался лучше прежнего — красивей и сильней. Так же догнал опять цыганей, и те так же опять его просили, и он опять так же согласился, но с мизинца попросил другой сустав от каждого. Суставы так же немедленно были отрезаны и отданы Ваньке-зеленому. Положил Ванька-зеленый суставы мизинцев цыганских в карман и помчал дальше к месту.

Подъехал к тому озеру и тому же месту, где находилась царевна. Он пустил коня, а сам подошел к царевне, которая сидела на камне, под который вчера положил Ванька-зеленый три головы, и плакала.

— Здравствуй, молодая девица, красавица-сестрица! О чем слезы горькие точишь, серебристый жемчуг на сыру землю роняешь? — сказал Ванька-зеленый.

— Эх, добрый молодец, как мне не плакать, слез горьких не лить? Я еще молода и хочу пожить! А вот шестиглавый змей попросил меня у батюшки на съеденье. Я поневоле сижу, жду своей смерти, а Вы — по доброй воле, добрый молодец, приехали умирать. Садитесь скорее на своего коня и уезжайте, а то Вы погибнете, загубите свою молодость.

— Не для того я приехал, чтобы свою молодость погубить. Я приехал, чтобы и другим молодость спасти.

Не успел Ванька-зеленый договорить, и заметил, как взбушевалось озеро. Тогда он крикнул: «Браток-браток!» И жеребчик тут как тут!

— Садись быстрей,— сказал жеребчик.

Не успел как следует и сесть Ванька-зеленый, как из озера вылетел шестиглавый змей и загоготал:

— Го-го-го! Я просил лишь закусить, а мне прислали закуски да еще с прикуской.

— Подавишься, чудо морское: поперек глотки встанем, а в утробу твою не пойдем.

— Ого! Откуда это такой смельчак приехал? Невидаль какой: еще разговаривает со мной! Да мне!!! Мне ни одного спорника нет тут. Я — Я! — царь и бог всего тут, а он еще раздражает мой аппетит. Правда, есть мне один спорник — Ванька-зеленый. Ворон на хвосте что ли его сюда принесет?

— А что там ворон! Добрый молодец сам изволит приехать,— сказал Ванька-зеленый.

Змей хотел что-то сказать и заикнулся — и глаза у него остолбенели: смотрят на Ваньку-зеленого двенадцать остолбеневших глаз, потом, немного погодя, чуть-чуть заморгали. Змей молвил:

— Ну, раз ты Ванька-зеленый, что ж, Ванька-зеленый, биться или мириться будем?

— Не для мира я приехал сюда, давай потягаемся силами,— сказал Ванька-зеленый.

Застонал змей, зубами заскрипел, глаза кровью налились — и они разошлись, как расходятся бараны для битвы на долине, между озером и лесом. Разлетелся змей на Ваньку-зеленого, как молния. Конь Ваньки-зеленого отпрыгнул влево, Ванька-зеленый махнул мечом и отсек змею хвост: не попал первый раз по головам. Змей шестиглавый заревел так, что лес дремучий листьями затрепетал. Взлетел змей выше леса, а конь Ваньки-зеленого подпрыгнул наравне с лесом. Змей стал нападать на Ваньку — конь пошел вниз, змей камнем летел на Ванькину голову, осталась минута — и Ванька готов, но конь в это время вертанул в сторону. Все это происходило в воздухе. Поровнялся змей с Ванькой — Ванька махнул мечом — и три головы змея полетели вниз на землю. Точно гром загремел, когда упали змеиные головы, земля задрожала, царевна ниц упала. Цыганям глаза грязью залепило (они опять в том болоте сидели и наблюдали). Еще выше поднялся змей — выше леса и выше облаков. Конь стоял на земле и говорит Ваньке:

— Слушай, Ваня, сейчас змей будет делать косое падение, я отскочу назад, ты с меня упадешь — не теряйся: змей вдарится о землю, где я стою, и ошалеет. Ты не жди меня: смело подходи и отсекай последние три головы, оттолкни их от туловища, а то они могут срастись — тогда дело будет хуже.

— Хорошо, да будет так,— ответил Ванька-зеленый.

Проговорил так наш Иван и слышит, как в воздухе идет гуд. Глянул Иван вверх: точно комета летит змей косым падением — сзади его зеленый огонь остается. Ванька поднял меч, конь взвился на дыбы и отскочил назад. Змей как раз угодил в то место, где стоял конь. Ванька-зеленый саженей за двадцать с того места слетел с коня, и меч его до половины был в земле. Быстро вскочил наш Иван, вырвал меч из земли — и к змею. Змей еще не опомнился, лежал на земле, язык высунул, что хлебная лопата, даже шире, слюни ядовитые коблуком валют. Ванька-зеленый взмахнул мечом и отсек последние три головы, а туловище оттолкнул ногами саженей за десять. Не видали цыгане, как последние три головы отсек Иван, в то время они глаза протирали, которые им грязью обдало-залепило.

Собрал наш Ванька-зеленый все головы, подошел, поднял камень и положил их под камень. Царевна все лежала. Поднял ее Ванька-зеленый и сказал:

— Вот и жизнь молодая тебе остается: живи — наслаждайся, смотри на белый свет и никого уж не бойся.

Она к нему на шею: «Милый мой, такой-сякой, хороший». Много она наговорила ему, и в женихи просит, а он и вниманья не обращает. «Какой я там еще жених!» — сел и опять уехал.

Как скрылся он из глаз, цыгане опять так же вылезли из болота, только еще страшней: одни зубы да белки у глаз белеются, таким же способом поступили они и с этой царевной: заставили ее съесть горьсть земли. Царь так же с музыкой встретил цыганей. Вымыли, одели все новое и получили большое благодарство.

Прошел день, другой. Пьют, гуляют цыгане, за дочками царскими ухаживают. Не милы они царевнам — из души вон, но что делать? На третий день царь получает известие от двенадцатиглавого змея. Двенадцатиглавый змей просит у царя младшую дочь. Царь уж так не тужил, как по первой — спаситель есть. Приходит он так к цыганям и говорит:

— Ну, зятюшки-батюшки, я опять к вам: последнюю дочь у меня просит двенадцатиглавый змей на съеденье. Я надеюсь, что вы сможете и с этим чудом расправиться, а тогда после победы мы вас обвенчаем. «О! Отец наш родной! Да мы! Мы не токмо что: мы всех на свете разобьем за наших жен! Кто б лишь посмел!» — ответили цыгане в один голос.

На следующее утро стали собирать младшую дочь царя на съеденье к змею. Она, как обычно перед отъездом, понесла Ваньке-зеленому покушать. Пришла она так к нему невеселая, принесла съестного больше, как всегда, притом и бутылку рому, говорит:

— Ну, Ваня-зеленый, увезут меня сейчас к змею на съеденье, кто тогда тебя будет кормить? Помни тогда обо мне.

— Хорошо. Да ты жива будешь — тебя спасут.

Он выпил залпом бутылку рому, и что принесла царевна, он поел под чистоган. Царевна поцеловала нашего Ваньку-зеленого в лоб и убежала со слезами на глазах. Услышал Ванька-зеленый звон колоколов, песни похоронные — сжалось его сердце, до боли жалко ему стало младшую царевну-добродетельницу. Крикнул он: «Браток-браток!» И его браток-жеребчик тут как тут.

— В чем дело, брат Иван? — сказал жеребчик.

— Вот в чем, брат-жеребчик. Хочу спасти свою добродетельницу, которая меня кормила и поила,— повезли ее на съеденье к змею.

— Да, это дело будет посложнее: не так-то просто. Ну, ладно! Коли уж на то пошли,— ответил жеребчик и продолжал,— возьми с собой нож и кожух. Нож этот отдашь своей добродетельницы и прикажешь ей: когда я споткнусь и запутаюсь в поводья, пусть она смело подбегает и перерезает этим ножом повод. И если она не успеет перерезать, то мы все трое погибнем. Жизнь наша будет зависеть от нее. А кожух понадобится: с первого

сражения двенадцатиглавый змей будет дышать огненным пламенем — кожух будет защищать. А теперь полезай в правое ухо, а в левое выходи.

Взошел наш Ванька-зеленый в правое ухо, а в левое вышел такой молодец! В мире нет и не было таких — настоящий богатырь! А меч — не меч, просто огонь-меч. Одел наш Ванька-зеленый кожух, сел на коня. Конь, его брат, тронулся, перскочил ограду, и вот по этой дороге несется, по которой шли опять цыгане,— лишь земля трясется. Поровнялись опять с цыганими. Цыгане опять попросили Ваньку-зеленого, чтоб он им помог в битве с двенадцатиглавым змеем. Ванька-зеленый согласился, но попросил с мизинца третий сустав с каждого. Они, конечное дело, согласились. И наш Иван помчал дальше.

Поъехал наш Ванька-зеленый к месту положению, царевна сидела на том камне, под которым лежали девять голов. По лицу ее было заметно, что кручинушка у нее великая, и она не заметила, как подъехал Ванька-зеленый. Ванька постоял минуту, посмотрел на царевну-добродетельницу и сказал:

— Здравствуй, молодая девица! О чем ты так горько закручинилась?

Царевна вздрогнула и молвила:

— Ох, добрый молодец, зачем ты сюда пришел-приехал? Садись на добра коня и скорей уезжай, а то вот-вот выйдет двенадцатиглавый змей: он Вас, добрый молодец, в живых не оставит и Вас съест.

— Подавится! — ответил Иван.— Не за тем я приехал,— и они разговорились.

Много о чем говорили. Она — царевна — и капельки не узнала, что это Ванька-зеленый. Вот Ванька ей отдал приказ и передал нож, чтоб во время, когда запутается конь во время битвы в поводьях, она, не страшась, перерезала б поводья. Потом сказал:

— А теперь меня, красавица, поищи, а когда взбушуется озеро и если я буду спать, то ты меня уколи булавкой в плечо, и я проснусь. Если я не буду просыпаться, то ты пускай булавкой до конца по ушки и коли три раза подряд.

— Хорошо,— согласилась царевна, и она стала искать в голове Ваньки-зеленого, но ничего не находила. Ванька-зеленый вскоре захрапел богатырским сном. Царевна копошилась в шелковистых волосьях Ваньки, сама напевая нежную песенку:

Спи ты, спи, мой сокол ясный,
Спи и бредь во сне,
Что с тобою нас, мой милый,
Обвенчают по весне и т.д.

Не допела царевна песенку, глянула на озеро, а озеро точно кипит, бьет волной о края, из берегов выходит. Поняла царевна, в чем дело, стала будить Ваньку. А озеро все свирепей становится, вода через края хлыщет. Три раза пускала царевна булавку до ушков Ваньке в плечо — не просыпается Ванька. Что делать? Залилась царевна горючими слезами. Не себя ей было жаль: ей было жаль доброго молодца. Упала бисерная слезинка царевны Ваньке на щеку: точно огонь обожгло Ваньку. Ванька-зеленый вскочил и сказал: «Ух, как я долго спал!» Только что успел вскочить Ванька, и в тот момент из озера показались двенадцать голов змея.

Точно ураган пронесся над озером, взрогнула земля, зашумел дремучий бор вершинами. Змей кашлянул — и точно гром раздался над землей. Цыгане перепугались и улезли в тину почти совсем: оставили глаза да нос, чтоб не задохнуться. Хотел было Ванька крикнуть своему коню, обернулся, а конь стоит позади его и копытом роет землю.

— Ого, какой добрый царь! Я просил, чтоб мне царь прислал закуски, а он прислал закуски да еще прикуски,— сказал змей.

— Подавишься, страшилище морское, не проглотишь: глотка разорвется у тебя от такой прикуски,— ответил Ванька.

— Ха-ха-ха, посмотрим, как разорвется моя глотка от такого паршивца. Мне спорников нет ни в одном государстве, есть один купеческий сын Ванька-зеленый, но ворон на хвосте его не принесет сюда! — сказал с усмешкой змей.

— Ворон не принесет, это верно. Но добрый молодец изволил сам приехать,— ответил Ванька.

Змей строго осмотрел Ваньку, коня, царевну и сказал:

— Ну, что ж! Биться или мириться будем? — сказал змей.

— Не для того я приехал, чтоб мириться,— ответил Иван.

— Ну, раз так, то будет так,— озверевши, сказал змей. И змей взмыл под облака.

Ванька в то время вскочил на коня, одел кожух и приготовился к сражению. Конь понес Ваньку к бору, царевна шла следом по долу, держа крепко нож. Змей стал нападать на Ваньку-зеленого. Конь Ваньку мчит к бору — змей следом несется и пускает огненное пламя вслед Ваньке, но кожух защищал, и пламя не брало Ваньку. Конь Ванькин несся — знал, куда,— он стремился в бор, и, наконец, они оказались в бору под огромными тысячелетними дубами, которые прикрыли их своими ветвями и листвой от пламени змея. Конь остановился и сказал: «Ну, слушай, брат Иван: змей сейчас будет палить бор, дым покроет долину, и мы выедем в долину — тогда действуй».— «Хорошо»,— ответил Иван. Так и получилось: змей начал палить бор, и густой дым вскоре покрыл долину. Царевна остановилась:

дальше она идти не могла. Бор горел все сильнее и сильней, дым становился гуще — змей потерял Ваньку из виду. Понял змей, в чем дело, что он сделал худо для себя. Полетел змей набрать из озера воды для того, чтоб залить бор и найти Ваньку-зеленого. Только что припал змей к озеру — и слышит топот коня Ваньки-зеленого, а конь несется, что нет мочи. Не успел оглянуться змей, и вот Ванька-зеленый занес меч. Взвился змей, прыгнул и конь — битва началась в воздухе. Хотел Ванька отсечь те головы, из которых валил пламенем змей, но промахнулся, отсек три головы, в которые успел набрать змей воды. Головы змея полетели вниз на землю, а сам змей взвил еще выше. Еще хуже стал палить змей огненным пламенем на Ваньку и коня, но конь стремительней нападал на змея, не берет уж пламя змеиное Ваньку и его коня. Рассердился змей и хотел своей огромной тушей сбить своего врага. Он не ошибся — он сбил своей огромной тушей Ваньку и коня, но и сам остался не без потерь: трех дышащих огненным пламенем голов было не в дочете. Но еще у змея оставалось шесть голов, а Ванька с конем летели кубарем на землю. Конь Ванькин в то время, как летел кубарем, запутался в поводья, и Ванька был ранен: зуб змея от самого плеча левой руки и до конца среднего пальца точно провел борозду сохой, и из раны Ваньки сильно струилась кровь. Конь Ваньки-зеленого стоял ни с места на земле: ему поводья не давали ходу. Ваньке слезть не было возможности с коня и распутать его, так как змей летел следом, но уж не спеша, думая, что коню и Ваньке вот-вот будет конец. Думал, что конь и Ванька расшибутся об землю, и он не хотел тратить свои последние силы. Змей этим глубоко ошибся. Конь встал на землю обыкновенно, и Ванька, как сидел на коне, так и остался, держа свой окровавленный меч. Змей заметил это и всей тяжестью рухнул на Ваньку и коня, думая этим их придавить своей тяжестью. Но Ванька не сплоховал: подставил свой меч, и меч пронзил грудь змею. Змей, чувствуя сильную боль в груди, не выдержал, подал назад, и этим временем Ванька сыграл особо важную роль. Не успел еще совсем освободиться змей от меча, Ванька-зеленый падал назад, рванул на себя меч и быстро подался вперед. Как молния, сверкнул меч — и еще на туловище змея не оказалось трех голов. А так как от сильного толчка и от сильного взмаха тяжелого меча без задержки прорезал твердое тело змея, и Ванька-зеленый от этого перелетел через голову коня, меч вонзился в землю, налетел на камень и переломился. Тем временем, пока все это происходило, подоспела и молодая царевна. Она, не страшась, подскочила под коня и перерезала поводья, в которые был запутан конь. Ванька-зеленый лежал пластом на земле, держа в руке половину меча, не опомнясь от сильного толчка о землю головой. Змей был уже готов схватить Ваньку и разорвать пополам. Но в это время как раз был освобожден от поводьев конь.

Он со всей силой ринулся на змея, оттолкнул его назад и начал биться со змеем, так как Ванька был еще без памяти. Конь бил змея и ногами, и зубами, но ничего не мог сделать. Змей мог бы его сразу убить, но не мог его изловить. Вот конь что нет силы заржал и остановился подле Ваньки, махнул хвостом, зацепил Ваньке за нос, Ванька чхнул и вскочил. Змей был в трех саженях от них. Еще секунда — и конец Ваньке и коню. Но совместная смекалка выручила братьев. Змей с молниеносной быстротой ринулся вперед, но Ванька и конь очистили змею дорогу. Ванька подался вправо, а конь влево. Только что поровнялся змей с конем, хотел повернуть на Ваньку и, стало быть, хотел развернуться,— конь в этот момент прыгнул змею на хвост, змей перевернулся и хлопнулся спиной на землю и перевернуться уж не может. Подбежал Ванька-зеленый к змею и занес поломанный меч над змеем. Змей взмолился:

— Давай,— говорит,— Ванька-зеленый, передохнем.

— Нет, отдыхать некогда: время дороже отдыха,— ответил Ванька и взмахнул мечом, и отсек две головы, так как на третью голову меча не хватило.

Осталась одна голова у змея. Змей с досады, разъяренный, перевернулся, хотел взвиться и улететь, но конь в этот момент выбил последние два глаза из последней головы. Испустил змей последний дикий предсмертный рев и скончался на глазах у Ваньки, трепеща хвостом и сжимая крепко когти. Облегченно вздохнул Ванька-зеленый и отер пот со лба. Конь покатался на песке, встал, отряхнулся, потянулся и молвил:

— Ну, брат, подбери эти головы и тоже положь под камень, и отсеки эти последние головы и тоже отправь под камень, а туловище пусть останется тут.

— Хорошо,— ответил Иван, собрал головы, подтащил к камню, поднял и положил под камень.

Царевна все время следовала за Ванькой-зеленым. Ванька-зеленый крикнул коню и хотел отправиться, но царевна кинулась на шею Ваньке, стала его умолять, чтоб он назвался ей женихом. Но Ванька никак и никогда не хотел согласиться, сколько ни умоляла царевна. Потом царевна сказала:

— Ну, раз ты не соглашаешься быть моим возлюбленным, так дай я надену на твой палец свое кольцо в знак благодарности и перевяжу твою рану.

Ну, на это согласился Ванька-зеленый. Надела кольцо и перевязала рану царевна Ваньке. Ванька сел на коня, попрощался с царевной и отправился.

Цыгане все это видели, и как только скрылся Ванька, цыгане вылезли из тины — и к царевне, и так же, как первых двух, заставили съесть горьсть земли и никому не говорить, что ее спас там кто-либо другой. «Говори, что

спасли мы тебя». Поневоле пришлось согласиться царевне молчать. Но не выполняя их приказаний, землю она отказалась съесть, дала слово, что все будет в порядке, и они отправились домой к царю.

Ванька-зеленый приехал к своему шалашу, пустил коня, сам написал записку такого рода: «Буду спать. Двенадцать, день, 11 июня, Ванька-зеленый». Положил эту записку себе на грудь и крепко заснул после горячей битвы.

Царь встрел с великим торжеством цыганей со своей дочкой и был очень доволен цыганами. Пока цыганей обмывали, убирали, а за это время молодая царевна, как всегда, понесла Ваньке покушать и посмотреть: как будто показалось, что змей поминал, что ему спорник один есть во всем свете и имя его Ванька-зеленый. Когда она пришла в шалаш, то увидела, что Ванька спит, но на груди у него она увидела записку. Она прочла, глянула ему на руку, увидела свой платок, каким перевязала ему руку. Она от великой радости заплакала и кинулась целовать Ваньку. Долго целовала она Ваньку. Успокоившись, царевна села подле Ваньки и обдумала план действий. Возвратилась царевна домой и никому ни слова.

Прошло дня три, цыгане стали просить царя, что, мол, пора и под венец. Царь, конечно, не против, но дочерям царя не хотелось, чтоб их обвенчали с цыганами. Царь стал готовить все к свадьбе. Все уж было готово, но, к несчастью, заболела младшая невеста: свадьбу отложили на три дня.

Прошло три дня, но невеста не поправлялась. Царь призвал самого наилучшего доктора к больной невесте. Доктор оследствовал невесту и сказал, что невеста поправилась и пригодна под венец. Но молодая невеста и не думала болеть: она тянула время, пока проснется Ванька-зеленый. Оставалось три дня, и Ванька-зеленый должен проснуться. Цыгане уж стали не скоротенько тормозить царя и невест к венцу. Но вот опять беда получилась с младшей невестой. Нельзя ей в таком положении идти под венец, в котором она находилась: закон божий нарушать нельзя. Ловко обдумала невеста: аккурат дотянула до того дня, в который Ванька-зеленый должен проснуться.

Прошел день, другой — к свадьбе было все готово, а на третий день стали уж съезжаться гости, и невест стали наряжать к венцу. Убрали-снарядили невест. Вот младшая невеста и говорит: «Я сейчас приду — схожу в нужное место»,— и оставила своего жениха, сама быстро удалилась. Черным ходом вышла царевна в сад по направлению к шалашу. Взошла она в шалаш и видит — Ванька перевернулся на бок, и она подумала: скоро должен проснуться. Она села подле его и начала его толкать в бока. Толкала-толкала царевна Ваньку-зеленого — не просыпается Ванька, заплакала с досады царевна, села и сидит хнычет. Прошло с полчаса, невеста сидит возле Ваньки и только плачет.

Жених молодой царевны стал беспокоиться о своей невесте: куда его невеста запропала. Весь дом забеспокоился, стали кликать невесту, а сестры ее рады, что она не приходит, умоляют, чтоб она подольше не приходила. Пока искали да кликали царевну, прошло еще полчаса.

Царевна из терпенья вышла, схватила Ваньку за волосы, и ну его качать с усердием. Потянулся Ванька-зеленый, чхнул и открыл свои очи. Царевна поцеловала его в лоб. Ванька молвил: «Ух, как я долго спал». А царевна ему ответила: «А я думала, что ты и вовсе не проснешься. Вставай, мой спаситель, вставай. Вставай-подымайся, пойдем к батюшке на пир. Давно тебя ждут гости, пойдем, не отказывайся».

Ванька, видя, что ему не отвязаться от молодой царевны, встал, и они пошли. Всходют они в гостиную, где собралось множество гостей, ожидающих роскошной свадьбы. Два жениха с невестами сидели в почетном углу, и третий расхаживал между гостей и рассуждал о будущем. При всходе Ваньки и невесты жених остановился и встал, как истукан; вторые женихи сидели за столом, закусывали, и при появлении Ваньки у одного так и остался за скулом недожеванный рябчик, а у второго застряло в глотке, и он поперхнулся. Гости были в недоуменье. Женихи узнали Ваньку и от стыда то побледнеют, то покраснеют, боясь, что все это дело выяснится. Так и вышло. Старшая и средняя невесты тоже узнали Ваньку и вскочили со своих мест и закричали:

— Вот он, вот он — наш спаситель! Спас нас вот этот самый, но не эти сидящие с нами женихи, они нас заставили съесть по гористи земли для того, чтоб мы молчали.

Цыгане возмутились и говорят:

— Как же не мы? Спасли мы вас, но вы, видно, не любите нас и вот привели этого молодца вместо спасителя.

— Вы? — спросил Ванька.— Вы? Спасли? Хорошо! Ну так покажите свои руки.

Цыгане руки показывать Ваньке не соглашались. Дело дошло до спора. Цыгане показали руки, и у каждого их них не оказалось по мизинцу. Ванька и спросил цыганей:

— А куда девались ваши мизинцы? — И достал из кармана тряпочку с мизинцами и показал цыганям: — Это не ваши мизинцы?

Цыгане не признавались.

— Ну раз к своим пальцам не признаетесь, так скажите, куда вы девали головы змей?

— Под камень,— ответили цыгане в один голос.

— Идем, идем смотреть! — закричали гости.

Собрал царь войско, и все гости вместе с войском отправились на место битвы, где бились цыгане со змеями. Пришли все на место брани, Ванька-зеленый и говорит:

— Ну! Покажите, где головы змей?

— Вот под этим камнем,— ответили цыгане.

— Хорошо! Ну, покажите народу, какие головы змей,— сказал Ванька-зеленый.

Цыгане стали подымать камень и никак не подымут, даже с места не стронут. Подозвали полк солдат, чтобы помочь цыганям поднять камень; и полк солдат, и цыгане пыжутся над камнем, но поднять никак не могут. Тогда подходит Ванька-зеленый, взял одной рукой за край камня и приподнял, где лежали змеиные головы.

— Вот, народ добрый, смотрите — вражьи головы.

Народ увидел, и все закричали:

— Казнить, казнить обманщиков! Спаситель — Ванька-зеленый! Судить надо! Судить цыганей!

Цыгане испугались, все лыдочки трясутся, и за спиной пот пробивает. Опустили руки цыгане, и слова не могут молвить.

— Слышите, что народ шумит? — сказал Ванька.

— Слышим! — ответил старший цыган.— Прости нас, Ванька-зеленый, не дай нам помереть, жить душа хочет.

— Хорошо,— согласился Ванька,— отпущу вас живыми. Слушайте, народ, что я хочу сказать,— крикнул Ванька-зеленый: — Мое такое соображение: не убивать цыганей, а пустить их на свет, ничего не дать — ни земли, ни дома. Раз они обманщики, то пусть ходют по белу свету и добывают обманом себе хлеб.

— Да будет так! — закричал народ.— Им никто не даст и крошки за обман! Они с голоду помрут! Да будет так! — ответил народ, и цыганей отпустили.

Младшую дочь царя первенчали с Ванькой-зеленым, и задали такой пир — чуть не на весь мир, и Ванька-зеленый стал царевичем.

Живет Ванька год, другой и третий у царя, ни о чем не думая. На четвертый год заскучал наш Иван о родине и говорит царевне:

— Ну, милая моя, надоело мне жить у вас, хочется повидать родину.

Царевна туда-сюда, умоляет, чтоб он не ездил, боясь, что Ванька-зеленый бросит ее. Увязывалась было и с ним, но Ванька-зеленый сказал, что путь далекий и она не выдержит продолжительного пути. Долго был об этом разговор, в конце концов договорились. Ну, царь и царевна просили Ваньку возвратиться. Ванька дал слово, что он через полгода будет обратно с ними. Собрали в путь-дорогу нашего Ваньку-зеленого. Дали ему самого

наилучшего коня, харчишков каких получше, и Ванька-зеленый отправился в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли ехал Ванька-зеленый — неизвестно. Но вот он доехал до родных полей. Выехал он из лесу, остановил коня, окинул взором родные поля и увидел на полях стадо свиней. Свиней пас старик старый-старый, а кнут у него был здоровенный — не то пудов пять весом был кнут. Ванька направился к пастуху. Подъехал Ванька-зеленый к пастуху и говорит:

— Здравствуй, дедушка! — сказал Ванька.— Бог на помощь.

— Спасибо,— ответил старик.— Далеко ль путь держите, добрый молодец?

— Я еду проведывать батюшку. А чье вы берегете стадо? — спросил Ванька.

Старик пастух объяснил.

— Ну, вот как раз вы и пасете стадо моего отца. Погоним стадо домой, и я прикажу отцу, чтоб он дал тебе денег, чтоб хватило до твоей смерти, а пастуха найдем помоложе.

— Спасибо, добрый молодец, на добром слове,— поблагодарил старик Ваньку-зеленого.— Да знаешь ли, молодец, какие капризные эти свиньи? Трудов стоит угнать их домой! Станешь их собирать, они, нагрешные, подымут хвосты — подойдешь тогда к каждой свинье, поцелуешь ее в задницу, тогда только они пойдут. Да еще когда подгонишь к воротам — такую же штуку проделают, и опять когда приложишься к каждой, тогда только войдут в вороты,— объяснил старик Ваньке.

— А ну-ка, собирай их — мы посмотрим, что у них за каприз!

Стал старичок собирать свиней, чтоб погнать домой, а они, как и бывало, подняли хвосты и ни с места.

— Ага, вон они какие у тебя,— сказал Ванька.— А ну-ка, дай кнут.

Дал старичок Ваньке-зеленому кнут, Ванька и начал промежду ушей взбадривать капризных свиней. Свиньи было туда-сюда, и назад попятются, и в сторону повернут — не хотят идти, думают: Ванька слезный поцелует их в задницу. Но не тут то было: Ванька так их разжолудил, что пришлось им хвосты поджать и бежать по направлению. Посадил Ванька пастушка к себе на коня, и они погнали свиней к дому отца Ваньки-зеленого. Подбежали свиньи к воротам и остановились, опять подняли хвосты и не хотят идти в вороты. Ванька ссадил старичка, и ну опять взбудывать свиней — то вдоль спины, то вдоль бока. Вертелись-вертелись свиньи, до горячо пробрал их Ванька, и начали задние через ограду прыгать во двор, дошла очередь и до передних. И передним Ванька намылил бока, опустили хвосты и передние свиньи и ринулись кучей в вороты, друг дружку сбивая

с ног. Взлетели свиньи гурьбой во двор сами: ух-ух-ух — жарко. Глядит Ванька: идет приказчик и орет:

— Кто позволил так смело обращаться с моим стадом?

Ванька в нем узнал любовника матери, который теперь распоряжается отцовским хозяйством.

— Я! — ответил Ванька.

— Я тебе покажу, что значит»я»,— ответил приказчик.

Вынимает шпагу и несется к Ваньке. Ванька, не долго думая, развернулся — и хлоп в ухо кулаком приказчику, и приказчик со шпагой полетел кверх ногами. Ванька соскочил с коня, наступил ногой на ногу приказчика, а за другую взял рукой, потянул не так тихо — и из приказчика получилось две половинки, по тех пор и жил приказчик.

Всходит Ванька-зеленый в дом. Отец сразу узнал Ваньку: бросился его обнимать-целовать, и мать, тоже глядя на отца, хотела обнять своего сына Ивана, но Иван рукой ее отстранил в сторону и сказал: «Ты мне не мать, а...»,— так и сказал, не постеснялся. Мать села перед Иваном на колени и стала умолять, чтоб он ее простил за все глупости и тупости. Долго умоляла. Наконец, Ванька-зеленый простил ее. Пожил-погостил несколько время. Собрался в путь обратно к своей молодой царевне, забрал отца и мать с собой, а пастушка-батюшку оставил управлять имением своим.

Когда вернулся наш Ванька-зеленый обратно в то государство, его уж там давно избрали царем, так как после его отъезда царь вскоре помер и народ ожидал приезда нашего Ивана-зеленого. Принял Иван от народа трон и теперь живет-царствует. Дела у него идут хорошо, живет — не запирается, заходят к нему прохожие, толкуют о былом, толкуют и о будущем. Конец.

52. <ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК>

Вот жил царь Додона, у него была дочь Алена, еще было у него три сына: Алексей-царевич и Давид-царевич и Иван-царевич. Был у царя большой-большой сад, а в этом саду была у царя одна яблоня. Яблоня эта не простая, на ней росли яблоки золотые. Вот пошел царь один раз к этой яблоне, пересчитал яблоки: трех яблоков на этой яблоне и не хватает. Задумался царь, думает: «Кто бы это мог у меня воровать яблоки, которых я еще сам не кушал?» Собрал царь своих сыновей и говорит им:

— Ну, дети мои, собрал я вас не попросту. Хочу вам сказать то, что у нас в саду неладно: кто-то у нас ворует с золотой яблони яблоки. Как бы нам поймать этого вора?

Алексей-царевич говорит:

— Ну, батя, я пойду нынешнюю ночь караулить, может быть, я поймаю этого вора.

— Хорошо, сын мой. Иди, поймаешь — награду получишь.

Пришла ночь, пошел Алексей-царевич караулить вора. Дело уж к полночи подходит. Вот слышит Алексей-царевич: игде-то далеко-далеко распевает какая-то птичка,— и так хорошо, что у Алексея-царевича дух захватывает. Сердце то сожмется, то разожмется от такого хорошего звука. Слушал-слушал Алексей-царевич и заснул. Проснулся — со<л>нце уж давно взошло и осветило яблоню. Пересчитал Алексей-царевич яблоки — одного не хватает. Затужился Алексей-царевич, пошел невеселый домой. Подходит он так к дому, встречает его царь и спрашивает:

— Ну как, Алексей-царевич, не поймал вора?

— Нет,— сказал Алексей-царевич,— но яблока, батюшка, одного нет.

Затужился и царь. Призывает теперь Давида-царевича:

— Ну,— говорит,— Давид-царевич, нынче черед твой идтить караулить вора.

— Хорошо,— сказал Давид-царевич,— нонче я пойду: не уйдет от меня вор.

Пришла ночь, пошел Давид-царевич на караул. Такая же история получилась, какая получилась с Алексеем-царевичем, и тоже одного яблока наутро было не в дочете.

На третью ночь очередь караулить Ивану-царевичу. Набрал Иван-царевич в карман пышков и отправился под яблоню. Сидит он так, посматривает на небо, звезды считает, а сам пышки оплетает. Дело было уж к полночи, вот видит он: одна звезда все ниже и ниже спускается, и хорошо-хорошо игде-то поет птичка. Замирает сердце от такого звука у Иван-царевича. «Что за чудо,— думает Иван-царевич.— Звезда спускается, и песнь такая чудесная откуда-то льется, даже в сон клонит. Нет, я уж не усну!» Протер Иван-царевич глаза и видит: в саду светло-светло, что день глядит так,— и думает: «Отчего бы это было так светло?» Вдруг сразу его ослепило; протер он свои сонные глаза и видит: на яблоне сидит птица — не птица, а жар-птица, вот от ней-то так и светло. «Ага!» — подумал себе Иван-царевич.— Вот кто оказывается вор-то». Недолго думая, подкрался Иван-царевич — цоп за хвост эту жар-птицу: «Стой! — говорит.— Теперь ты не уйдешь от меня». Забилась-затрепыхалась жар-птица у Ивана-царевича в руках, закричала на разные голоса, клюет ему руки, а Иван-царевич все

крепче сжимает. Собралась жар-птица, наверно, со всеми своими силами, как дернет, рванулась и полетела, жалостно-жалостно запела. Стоит Иван-царевич, как истукан, смотрит в ту сторону, куда полетела воровка, жалко ему стало, что он упустил невиданную в свете воровку. Скрылась жар-воровка из глаз Ивана-царевича. Опомнился Иван-царевич, глядит: у него в руке остался хвост от жар-птицы, но только одно перо. И от этого пера по всему саду идет свет, как от солнушки, что твой жар. «Ладно,— думает Иван-царевич,— все-таки есть чем мне оправдаться перед батюшкой. Братья совсем пустые приходили». Завязал Иван-царевич эту перо в платочек и пошел домой.

Пришел он домой, зашел в свою спальню, развязал платочек — его спальня осветилась так, что даже от жара так не будет светло, как от пера этой ночной воровки. Завязал он ее опять в платочек и положил на стол, сам лег спать.

Проснулся поздно царь на этот день. Умылся, [сопли] высморкал, причесался, посмотрел в лоханку и подумал — хоть женись! — приободрился и пошел в сад. Идет, сам думает: спит, небось, караульщик молодой во все ноздри, игде уж ему укараулить! Подходит царь к яблоне, глядит, а Ивана-царевича нет. Поглядел царь во все стороны: нигде не видать Ивана-царевича. Стал царь считать яблоки и увидел: один яблок наполовину съеден. «Стой! Это что-нибудь не так! Половина яблока нет и караульщика тоже, чтоб это значило?» — подумал царь и пошел домой.

Пришел царь домой и велел позвать к себе Ивана-царевича. Пошел слуга звать Ивана-царевича, а Иван-царевич сказал [он еще не вставал с постели]: пусть он придет ко мне сам. Пришел слуга к царю и говорит:

— Он Вас просит, чтобы Вы, царь-государь, сами к нему пришли.

— Хорошо,— сказал царь.

Сам пошел к Ивану-царевичу в спальню. Входит царь, говорит:

— Добрый день, Иван-царевич.

— Спасибо, батюшка.

— Ну как, Иван-царевич, твой караул? Видел ли ты, слышал ли ты что-нибудь при своем карауле?

— Да, батюшка! И слышал, и видел. Не только слышал — видел, и даже в руках вор у меня был. Вор, тятя, был непростой.

— Кто же это был бы, Ваня, а? — спросил царь.

— А вот на столе посмотри, в платочке, в доказательство мне вор оставил; а сам улетел.

Взял царь платочек, развязал, не так что! Не успел развязать даже: ка-ак сразу — осветит! Ка-ак царь назад отскочит: «Штой-то это такое? Гос-

поди Исусе!» Сам глаза закрыл руками, а сам через пальцы подсматривает: все-тки любопытно.

— Что это такое, Ваня, есть, а? — спросил царь, а сам уж совсем глаза открыл и подходит к столу.

Иван-царевич все ему объяснил по порядку, как было дело и как от этого вора был освещен сад. Так рассказал Иван-царевич своему отцу, что тому пришлось задуматься. Взял царь это перо и ушел, поблагодарив Ивана-царевича за службу.

Днем царь завязывал это перо в платочек, ночью развязывал, и эта перо освещала его комнату. В общем, когда нужен был царю свет, он развязывал — был свет без лучины и дыма, а когда не нужен был свет — царь завязывал перо, и света не было.

Не прошло так приблизительно дня три-четыре, собрал царь своих сыновей и говорит:

— Вот, дети мои, прошу вас услужить мне службу. Служба такова: во что бы то ни было достать эту жар-птицу. Вот вам по коню и мечу булатному. Кто достанет, тому я отдам свое царство.

Согласились дети царя. Собрали-снарядили их, и они отправились в путь-дороженьку. Вот ехали-ехали-ехали они и доехали до леса. А по лесу дорога разъединяется на три пути: прямо, вправо и влево. Вот тут на огромном дубе прибита была доска, а на доске надпись такого рода: «Кто поедет прямо, тот останется жив, но... примет холоду и голоду; кто поедет влево, конь останется жив, а сам погибнет; кто вправо поедет, конь погибнет, а сам будет жив». Задумались братья, всякий размышляет, по какой дороге кому ехать.

— Ну,— сказал Иван-царевич,— я еду вправо.

— А я еду прямо,— сказал Алексей-царевич.

— И я,— сказал последний,— прямо поеду.

Вот и поехали братья — двое по одной, а Иван-царевич один направо. Едет Иван-царевич, насвистывая песенку и думая о своей будущности. Бор дремучий как будто своими вершинами ему помогает петь песню былую и думу думать дальнейшую: перестанет Иван-царевич свистать — и бор уж не гудит, как будто прислушивается к его думам. Вот Иван-царевич во всю глотку ка-ак крикнет:

— Бор дремучий! Знаешь ли ты, что я думаю?

А в это время над бором летел гусь, отбившийся от своей стаи, и крикнул: «Ка-га!» — А эхо в бору откликнулось: — ага! «Вот те «ага», бабка Яга,— сказал Иван-царевич.— Что-то недоброе»,— подумал он.

Вдруг зашумел бор, затрещало вдали, конь Ивана-царевича шею сделал гребнем и правой ногой стал рыть землю. Шум стал усиливаться, треск все

ближе и ближе. Слышит Иван-царевич: конь под Иваном-царевичем встал на дыбы; не конь был, а прямо вихорь,— добре хорош был: что прыток был, что умен! И вот те на! Видит Иван-царевич: волк вцепился в глотку коню, потом ка-ак рванет волк что нет мочи — и вырвал до половины шеи коня. Жалко-жалко заржал конь и стал опускаться на колени. Жалко было расстаться Ивану-царевичу со своим конем, но тихо и спокойно слез с него и отошел в сторону. Волк подошел тоже спокойно к коню, допил последнюю предсмертную кровь. Конь потянулся, вздохнул, и дух из него вон — скончался наш конь Арипаш. Иван-царевич все это видел, но не горевал, думал, как ему продолжать дальнейший путь. А путь был далек и труден.

Подходит к Ивану-царевичу серый волк и говорит человечьим голосом:

— Какую,— говорит,— тебе службу услужить, Иван-царевич, и как ты сюда попал?

А про коня ни волк, ни царевич ни гу-гу. Объяснил Иван-царевич волку подробно: так и так, мол, я ехал достать жар-птицу.

— Ну, не горюй, Иван-царевич. Я тебе помогу в этом деле,— сказал волк.— Садись на меня, и я тебя довезу до места, игде находится жар-птица.

Недолго думая, Иван-царевич засел на волка, не рассуждая, куда завезет его волк. Волк мчит так, что лишь ветер гудит. Несет так волк Ивана-царевича, лишь и видит царевич: сверкают поля, луга, реки, горы, озеры, да слышит свист ветра позади. Вот волк так остановился на пригорке и говорит:

— Вон видишь внизу дворец, обнесенный забором?

— Вижу.

— А вон там, вправо, видишь помещение?

— Вижу.

— Вот в этом помещении есть жар-птица. Она находится в золотой клетке. Жар-птицу ты возьми, но клетку не трожь.

— Хорошо,— сказал царевич.

— Вот помни. А сейчас я тебя переправлю через забор, и по эту сторону я буду тебя ожидать. Садись,— сказал волк.

Сел царевич на волка, ухватился за ухи, и волк тронулся, сказал: «Держись крепче». Разбежался волк, прыг через забор, как стрела, а забор был высоченный. А ему хоть хны — и шерсткой даже не зацепил.

— Ну, иди, да смотри, клетку не тронь,— сказал волк.

И Иван-царевич пошел по направлению, где находится жар-птица. Подходит к воротам, видит: висят ключи, взял он их, отомкнул ворота, осмотрелся и увидел еще дверь. «Так, дело»,— приходится еще одну дверь открывать, а там может быть еще да еще, не в свой амбар пришел,— малень-

ко постукивает в задницу-то; открыл он и эту дверь. Сразу узнал, что тут жар-птица — ослепило его светом; осмотрелся он и видит: жар-птица хороша, а клетка, в которой она сидит, еще лучше. Встал, как болван, и думает: чем ее вынимать, да еще в чем я ее понесу — возьму со всем, с клеткой. И цоп, дурья голова, за клетку! (Зло берет: попадает дуракам талан — пользоваться не умеют).

Ухватился он за клетку — а от ней были проведены во все стороны звонки. Зазвенело-затрезвонило во всем дворце, и, конечное дело, со всех сторон набежали сторожа и связали-скрутили милока, повели к царю. Так. Привели к царю нашего царевича. Стража все царю объяснила: так и так, мол, хотел вот этот перец украсть у нас жар-птицу. «Угу, вот как»,— сказал царь и задумался. Потом сказал:

— Хорошо, видно, деловой малый. Как он мог пробраться сюда?

— Леший его знает, как уж он смог пройти, все вороты заперты, через забор ему не перелезть. И вот поймали мы его с клеткой жар-птицы.

Не стал больше разговаривать царь со своей стражей, приказал им удалиться счас же. Когда стража ушла, царь и говорит Ивану-царевичу:

— Вижу, ты храбрый молодец и не дурак. Мог бы я твою голову счас же повесить на кол, но я тебя жалею с условием. Вот в некотором царстве есть у одного царя конь-золотая грива. Если ты мне его достанешь, то я отдам тебе жар-птицу, если же не достанешь, то твоя голова будет висеть на том вон колу.

Царь указал в окно. Иван-царевич посмотрел в окно и увидел на частоколе одиннадцать голов [сидевших на частоколе]: глаза их как живые смотрят, только унывные, и третий кол с правой стороны был свободный — на этот кол и указал царь.

— Пройти другими путями-дорогами тебе будет негде. Пути тебе через меня, мое царство. Если не приведешь коня, будет твоя голова на этом колу.

— Это пустяки: конь-золотая грива достану. Но отдадите ли вы мне жар-птицу? — не робея сказал Иван-царевич.

— Накажи меня ветер и вода, если не отдам, только достань мне этого коня.

Гутарили-гутарили, догутарились: царь налил чарку кипучего вина Ивану-царевичу, тот выпил, закусил, и царь спроводил его за вороты и пожелал всего хорошего.

Идет наш царевич к тому месту, где должен его ожидать волк, задумался. Встречает его волк и говорит:

— О чем задумался, Иван-царевич?

Рассказал Иван-царевич всю правду волку. Волк ему сказал:

— Я говорил тебе, что не тронь клетку — худо будет,— не послушался. Ну, не горюй, помогу я тебе и в этом деле, садись на меня.

Иван-царевич сел, и волк пустился в путь-дорогу. Ехали они так ночь и день, и еще ночь. Утром волк остановился у одной большой речки. «Ну,— говорит,— слезай, Иван-царевич, уморился я». Иван-царевич слез, волк подошел к речке, напился, понюхал воздух и подошел к Ивану-царевичу и сказал:

— Ложись и спи спокойно, Иван-царевич. Когда нужно будет, я тебя разбужу.

Иван-царевич лег и крепко заснул. Спал крепко наш царевич, по-богатырски. Спит Иван-царевич и чует, как дрожит земля, проснулся и видит: волк лежит с ним рядом и шепчет ему:

— Лежи, не шевелись, Иван-царевич. Это гуляет по долине царь на коне золотогривом, вот конь-то бежит, а земля дрожит, потому ты и проснулся. Знай, этот конь ужо будет наш, ну, спи себе,— сказал волк, и Иван-царевич опять погрузился в сон, а волк пошел подкормиться.

Стало вечереть. Проснулся наш царевич: туда глядь, сюда глядь — нет серого волка. Глянул влево, видит высокую-высокую башню и около башни кругом дворцы все разрисованные, как в огне горят. Глядит так на ту башню и дворцы и видит: оттуда идет странник, не отошел этот странник — гоп, двое; и вдруг этот странник обратился в волка. Не успел Иван-царевич обдуматься, как волк очутился около него и говорит:

— Ну, Иван-царевич, давай перекусим, вот котомка у меня за левой лопаткой, доставай.

Достал Иван-царевич котомку и стал из ней вынимать всякой всячины: три бутылки горемыки, три — рома и две — не поймешь не разберешь какие — ненашинские. Там и колбаса медвежья, и сыр афронский, и жамки, и пряники — чего душе угодно — все двадцать четыре удовольствия! Вот выпили, закусили изрядно царевич с волком, волк и говорит:

— Ну так, Иван-царевич, вот тебе от меня наказ: подвезу я тебя к самой конюшне, а сам буду тебя ожидать на этом месте. Вот когда ты взойдешь в конюшню и увидишь коня златогривого, прямо бери его за гриву, выводи и веди ко мне. Но!.. Увидишь золотую уздечку, которая висит на стене,— не трожь.

— Хорошо, волк серый, буду помнить твой наказ.

— То-то,— сказал волк, посадил опять нашего царевича, и покатили к конюшне. Подвез, ссадил, а сам обратно укатил на старое место.

Так — не так, перетакивать никак нельзя. Крадется наш царевич к воротам конюшни. Подошел; к счастью, ворота были отперты. Понатужился-понапружился наш Иван-царевич — вороты скрипнули и отворились. Взо-

шел царевич внутрь конюшни и увидел коня златогривого. Затрепетало сердце Ивана-царевича, и как не затрепетать? — Не конь стоит перед ним, а картина. Глядит: тут же на стене уздечка висит — не уздечка, а прям... не знаю, как уж назвать. Вся блестит, как жар горит. Позабыл приказания волка царевич. И опять — цоп за уздечку, опять зазвенело-загремело во всем замке и такая ж произошла история: связали, забрали, тырчков надавали да потом к царю повели. Привели к царю, царь спрашивает: как и зачем он сюда попал. Рассказал Иван-царевич всю историю по правде.

— Хорошо,— сказал царь.— Я отдам тебе коня златогривого, если... только ты мне достань за это... вот в таком-то, в таком-то государстве есть царь, у царя есть дочь, звать ее Елена, но она краса и притом же у ней золотая коса. Вот если достанешь, то я тебе и коня отдам и еще хорошо награжу. Согласен?

— Согласен,— сказал царевич.

Царь напоил, накормил царевича, и тому подобное. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дела все больше складываются. Идет царевич, голову ниже груди склонил, думает: «Что мне теперь волк скажет?» Встречает его волк:

— Ну, как делишки, царевич?

Царевич почесал затылок и молвил: «Дела, как сажа бела, милостивый волк». Так и так, все ему рассказал, что было, как происходило.

— Говорил тебе, балда, что не трогай уздечки, а ты вот опять не послушал. Ну, ладно, не горюй, все пойдет на старый лад, поедем царевну добывать. Садись и поедем за царевной. Если там еще ошибешься, то обои мы с тобой пропали,— сказал волк и тронулся.

Сперва волк шел шагом и говорил царевичу:

— Так вот, Иван-царевич, сделал ты две ошибки, ну, эти ошибки невелики, ну а если сделаешь третью ошибку, то!.. Знаешь, царевна эта находится на башне высоко-высоко. Туда, как ты думаешь, сам сообразишь влезть? А? Подумай и потом мне скажи.

Думал-думал царевич и говорит:

— Нет, серый волк, не смогу я тебе сказать.

— Ну, вот слушай. На пути попадет нам камень и веревка, вот ты их подыми, привяжешь камень к одному концу веревки. У подоконника, где находится царевна, есть перекладина. Вот ты тогда кинешь камень, камень долетит до перекладины и обовьет эту перекладину и зацепит за крюк. Вот тогда ты и полезай по этой веревке, окно будет открыто. Взойдешь ты в спальню и сразу узнаешь Елену-красу золотую косу. Она будет спать. И еще увидишь ты много хорошаго, но не бери ничего. Возьми ты царевну и

спускайся обратно с ней по веревке, а я буду тут же, у веревки, тебя поджидать. Вот тогда будет дело у нас с тобой сделано. Понял?

— Понял,— сказал царевич.

Волк дал ходу, и пошла, и пошла. За все время волк не нес так Ивана-царевича. Уцепился наш царевич за ухи, присогнулся ближе к холке волка — слышит лишь, как ветер гудит. Долго ли, коротко ли мчал волк царевича, неизвестно! Вдруг волк остановился, язык высунул, хвост поджал, бока, как меха, раздуваются, слюни до земли растянулись.

— Слезай, Ванюша,— сказал волк.— Приехали до царства Елены-красы золотой косы. Давай отдохнем, перекусим и будем действовать.

Дело было к вечеру. Отдохнули, закусили наши друзья и поехали к замку. Дело было к двенадцати. Подвез волк царевича к замку и заставил царевича действовать. Иван-царевич наизусть помнил приказания волка. Взял в одну руку камень, привязанный к одному концу веревки, а другой конец веревки взял в другую руку. Собрался со всеми своими молодыми силами и кинул на подоконную перекладину камень, привязанный к веревке, а другой рукой за конец подернул, и камень перелетел перекладину, обвился раза три вокруг перекладины. «Вот молодец,— сказал волк.— Ну, полезай!» Царевич быстро стал подыматься по веревке, как кошка; не прошло и минуты, а царевич уж открывает окно. Открыл он окно и взошел в спальню царевны, царевна спала. Коса у ней блестит, как золото, а красивая — ужасть: во всем мире нет такой красавицы, ее красоту нельзя ни в сказке сказать, ни пером описать. Замерло у царевича сердце от такой прелести, хотел только что ее взять и видит: на столе лежит зеркало такое уж хорошее. Позавидовал царевич и подошел, хотел ее <т.е. зеркало> взять, глянул он так в нее — и весь мир увидел, даже братьев и отца своего, пока он смотрел. И за это время вспомнил приказ волка и подумал, и даже шепотом сказал: «Нет, не возьму, не обманут больше меня». Взял царевич Елену-красу на руки и быстро спустился, прямо на волка. Только что волк сказал: «Держись крепче, царевич»,— вдруг зашумело, засвистело, загремело, заржали кони, звон такой пошел — прямо а-яй. «Погоня»,— сказал волк и пустился во всю мочь удирать с добычей.

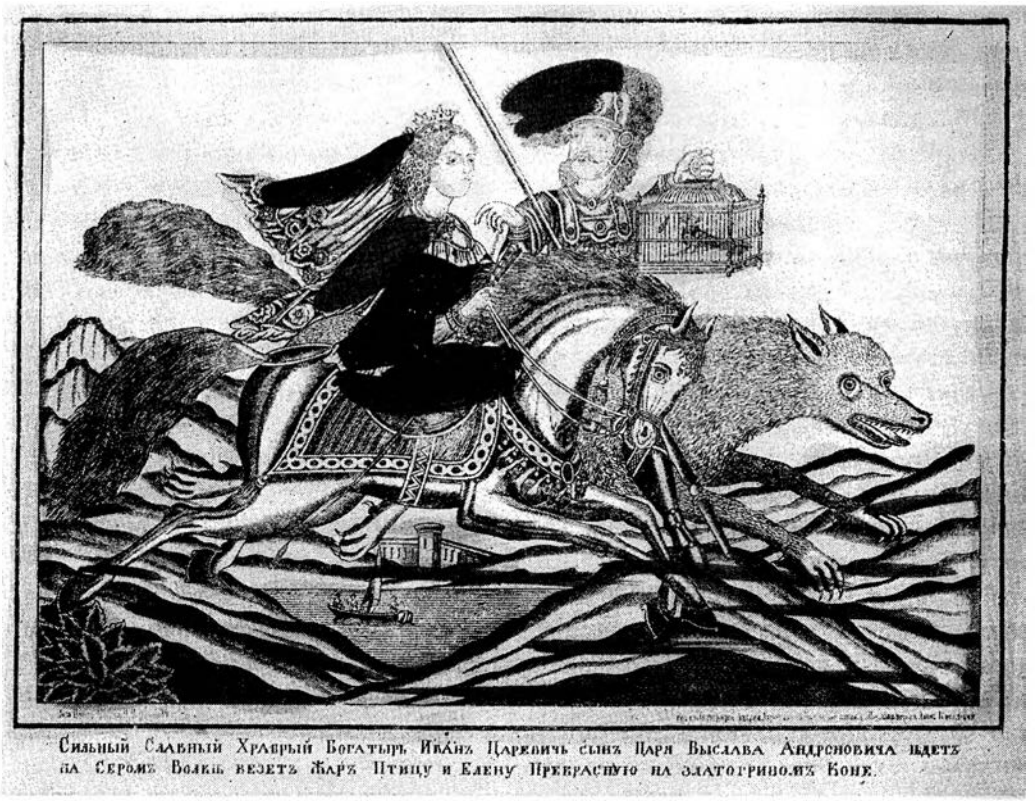
Не оглядывался наш царевич, только долго слышал шум. Погоня отстала, волк стал убавлять ход — тише и тише, и потом остановился.

— Ну, вот и приехали до царя, которому нужна Елена-краса золотая коса. Слезай, царевич, со своей царевной,— сказал волк.

Царевич слез, а на руках держит царевну, а царевна спит и не просыпается. Поглядел волк на Ивана-царевича и сказал:

— Как, хороша?

— Хороша,— ответил царевич.



Храбрый богатырь Иван-царевич. Литография с гравюры на меди. 1874. Москва. Мастерская Андрея Абрамова. Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Лубок. Русские народные картинки 17—19 вв., илл. 163, Л., 1984)

— Не отказался бы от такой? А?

— Да, не отказался бы! Да вся беда в том, что вот этому царю мы ее обещали, а за то получим от него коня златогривого.

— А мы сделаем так, что овцы будут целы и мои братья сыты. Положи ее вот под этот дуб, а сами пойдем к царю. Я обрачусь в Елену-красу золотую косу, вот меня ты отдашь вместо ее, а коня получишь и приведешь коня суда, а я через несколько времени тоже буду тут, и тогда поедем за жар-птицей.

Обрадовался царевич, обнял волка и поцеловал, а волк сказал:

— Не целуй меня, царевич, я ведь все знаю и понимаю, что для молодого человека нужно. Идем к царю.

Волк перкуртыкнулся и стал Еленой-красой. Иван-царевич посмотрел на спящую царевну и потом на волка и сказал: «Не дать, не взять — такая же ты царевна. А ну-ка, зажмурь глаза!» Волк зажмурил. «Тютелька-в-тютельку такая! Идем!» — взял под ручку царевну-волка, и пошли. А настоящая Елена осталась под дубом спать-почивать.

Идут они так, обнявшись, царь в окно увидел, послал слуг своих встречать новожданных гостей, а сам вышел на крыльцо и поглаживает свое жирное пузцо, которое жрет каждый день мясцо. А у Ивана-царевича кишочки пусты: три дня и ночи не попало кислой капусты. Иван-царевич за это время весь оборвался. Приходилось ехать большинство по лесам, а в лесу, брат, каждый сучок просит клочок.

Подошли царевич с Еленой к царю, и сзади царская свита — на бок сбита, посматривают на Елену-красу золотую косу с завистью, а на Ивана-царевича — с ненавистью: такой оборвыш и идет с такой разнаряженной и удивительной царевной! Как и не позавидовать: у ней что бока, что окорока, что передни лопатки. Идут они так с царевичем, и у ней коса по бедрам постукивает — то по тому, то по этому; а ножки! — ну все один к одному, так что у царской свиты дух захватывает, а у некоторых даже язык в пятки ушел от такой роскоши.

— Ну-у, как дела, Иван? — спросил царь.

— Как видишь, приказ Ваш выполнен — царевна вот. Остается получить с Вас коня златогривого. И еще попросил бы Вас не отказать в моей просьбе: дать с ним же и уздечку, и, прежде всего, перекусить.

Подумал царь и сказал:

— Коня и уздечку! Покормите его и отдайте коня с уздечкой — все равно ему на нем далеко не уехать.

Взял царь за руки царевну и повел во светлицу, а Ивана-царевича повели слуги потчевать, чем бог послал. Ну, все-таки подзаправился царевич и, не мешкая, потребовал коня. Ему его по приказу царя отдали. Сел наш ца-

ревич на коня златогривого и поехал на то место, где спала Елена прекрасная. А конь под ним так и пляшет, голову гребнем, хвост трубой — что твой победоносец! На картине не выписать такого всадника! Доехал до местоположения царевич и любуется Еленой.

В то время, пока царевич кушал да собирали ему коня, да кой ехал да приехал,— а за это время волк свое дело делал. Вот когда царь привел Елену-волка во светлицу, начал было приставать, а Елена-волк и говорит:

— Ты, царь-государь, сперва напои-накорми да спать уложи, тогда приставай.

Царь счас же приказал и жареного, и пареного, и вин дорогих подать. Все это быстро было подано, лишь одного птичьего молока не было, а то все было. Сидит царь, любуется Еленой-красой, а Елена-волк уминает все подряд, лишь скулы трещат. Выпьет Елена-волк чарку, тарелку охолостит и ставит друг на друга пустые тарелки. Какая кушанья понравится волку, он языком оближет. Не замечает этого царь. Сам он выпьет да утрется платочком, да вилочкой, да пальцы растопырит по-господскому, а Елена-волк всей пятерней охабачивает: жир и по губам, и по бороде, и по лицу размазался, а царь ничего не замечает — вот как влимонарился! Очистила Елена прекрасная все до одной тарелки, вылезла, подошла к царю, обняла и поцеловала. Царь-то рад был как, сам себя не помнит. А царевна-волк с целью поцеловала его, чтобы поделиться жирком — ну и поделились. Вот Елена-волк и говорит:

— Какая чудная погода, царь-государь, пойдем погуляем!

А царь рад стараться для красотки. «Пойдем»,— говорит. Вышли, идут так, любезничают. Елена и говорит:

— Милый мой, хотя мне и совестно тебе говорить, но скажу, невтерпеж мне стало, не могу больше терпеть.

— Говори. Говори, не боись меня, моя милая, авось, мы теперь свои.

Елена-волк и говорит:

— Я помочиться захотела.

— У-у, а я думал, еще чаво. Иди вон за дуб,— сказал царь.

— А ты не смотри на меня, заворотись,— сказала Елена-волк.

— Хорошо, я заворочусь,— ответил царь.

И зав<о>ротился, а Елене того и нужно было. Ударилась Елена об земь, обратилась опять в волка, и дал виру. По тех пор и была Елена у царя. Стоял-стоял царь и говорит: «Пора». Ответа нет. Он опять: «Пора. Сейчас оглянусь! — потом как крикнет: — Оглядываюсь!» А волк издали крикнул: «Оглядывайся!» Оглянулся царь-государь, подошел к дубу, думал — она за дуб схоронилась, обошел раза три и глазам не верит. Он уж и на дуб посмотрит, и под дубом — нигде нет. «Лена, Лена, где ты?» —

вопрошает царь с плачем, а волк издали крикнул: «Вот я!» Оглянулся царь и увидел волка, и подумал, что волк царевну сожрал, и он сразу упал в обморок. А когда взошел в память, встал, посмотрел в ту сторону, куда убежал волк, и сказал: «Эх, Лена, Лена»,— и прислонился к дубу, и стал опускаться мертвым: у него получился разрыв сердца. Стоило б посыпать на него перца — и тогда бы он оживел. Вот она что делает, брат, любовь-то: помереть можно.

Ну, это дело сделано, упокойник схоронен, а наши друзья отправились дальше. Теперь их стало четверо. Волку уже стало легче, так как Иван-царевич с Еленой спящей едет теперь на коне, а волк бежит впереди, показывая путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли они ехали, наконец приехали до того царства, в котором находится жар-птица. Остановился волк и говорит:

— Ну, Иван-царевич, слезай с коня златогривого и привязывай вот к этому дубу, а царевну положь к березе.

Исполнил приказания волка Иван-царевич, теперь волк ему и говорит:

— Вижу, друг мой, жаль тебе коня отдать.

— Да, это верно,— ответил царевич.

— Ну, не тужи, садись на меня, поедем к царю за жар-птицей.

Сел наш царевич, и они поехали. Доехали они так до ограды, волк приказал царевичу слезть. Царевич слез. Волк ударился об землю и превратился в коня златогривого. «Ну, теперь ты меня бери под уздцы и веди в ворота — они открыты»,— сказал волк. Царевич взял коня златогривого под уздцы и повел. Ведет он его, коня-волка, а он ему приказывает:

— Как получишь жар-птицу, и прямо иди на место к Елене и коню, и в скором времени буду я.

— Хорошо,— ответил царевич, и они прошли в ворота.

Когда они взошли в ворота, а царь-государь в это время сидел у окна в большой задумчивости. Может быть, в это время он и думал о коне златогривом — кто знает? Вот он так сидит и видит, что царевич ведет коня — золотую гриву. Глядит — и глазам не верит: зажмурил глаза — не видит коня, открыл — видит. Так он несколько раз проделал. А они — царевич с конем — тем временем подходят все ближе. Уверился царь, как вскочит как сумасшедший да заорет во всю глотку: «Слуги! Слуги! Коня ведут!» А слуги в это время чай пили, перепугались все и из стола выскочили: кто за стул, кто за стол ногой зацепился — и стулья, и стол — все вверх тормашками полетело, все чайники и чашки перебились, а половина слуг чаем обварились. Много было шума и гама — всё-тки встретили царевича с конем. Рад был царь, что теперь у него есть конь златогривый. Долго они не разговаривали. Но Иван-царевич потребовал жар-птицу со всем, с клеткой.

Долго калянился царь, наконец согласился и приказал слугам отдать Ивану-царевичу жар-птицу с клеткой. Получив Иван-царевич жар-птицу со всем с клеткой, отправился к месту любимых.

Пока он шел да пока пришел, да полюбовался на царевну Елену, а потом на коня, потом на жар-птицу и тому подобное, а за это время царь вздумал на коне златогривом покататься. Сел царь так на коня и стал потихоньку разъезжать по двору, потом ему захотелось узнать прыткость коня златогривого, и возьми да подхлестни он плеткой коня — золотую гриву. Ну, это, конечно, не конь был, а волк, а ему того и нужно было. Он ему, конечное дело, и показал, как подхлестывают. Как начал его трепать, как начал трепать! Выпустил царь поводья из рук, а потом и сам слетел, здорово ушибся, но вгорячах вскочил и заорал: «Держите, держите! Закрывайте ворота, чтоб не убежал!» Ворота были закрыты, но коню-волку это было плюнуть: ударился оземь и обратился в волка и махнул через забор, а царю хвостик показал. Царь-государь от зла помертвел, побледнел, позеленел, покраснел, и наконец его припадок забил, и вскоре этот царь помер. Пока царя бил припадок, а волк за это время со своими друзьями отправился в дальнейший путь.

Теперь наш царевич едет в полном порядке, с большой добычей. Ехали они, ехали и наконец приехали до того самого места, откуда разъезжались братья. Остановился волк и говорит:

— Ну, Иван-царевич, теперь я тебя довел до того места, откуда ты решил поехать по моей дороге, не жалея коня, и я тебе за то помог. Теперь ты дорогу знаешь до своего батюшки, приедешь — женись. Живи и наслаждайся,— и с этими словами волк скрылся.

Остались одне наши друзья. Так как был продолжителен и мучителен их путь, они приустали. Царевна еще спала — не проспалась. Так как Иван-царевич устал больше всех и всему делу голова, он встал подле Елены красы — золотой косы и маленько подумал. Взглянул на тот столб, где была надпись, вспомнил о братьях. Взглянул на опушку и заметил хорошую зелень, пригодную для закуски коня златогривого. Взглянул на дуб, под которым лежала красавица, и заметил сук, который можно было достать рукой. Не долго думая, наш царевич повесил клетку с жар-птицей на этот сук. Коня спутал, пустил на лужайку. Сам лег подле царевны и заснул богатырским сном.

Забудем теперь о счастливце. Вспомним о несчастных братьях, которые поехали по прямой дороге. Многое они видели: и холода-голода, и горя, но остались в живых и подъезжали к тому же месту, где находился наш царевич со своей добычей.

Прошло несколько времени, неизвестно, день или два, и они — братья — приехали, где спал, еще не просыпаясь, царевич. Дело было уже к

вечеру. Во-первых, они заметили коня златогривого, полюбовались, не говоря друг другу ни слова, переглянулись, молвили: «А кто был бы хозяин этому коню?» Оглянулись влево: что-то в глазах заблестело, ослепило, точно солнышком. Закрыли глаза, стали высматривать из-под ладони. Так как из-под ладони смотреть более удобно, они заметили под дубом двух спящих людей, и они направились к тому самому месту.

Когда они подъехали, сошли с коней, то в одном из лежащих узнали своего брата Ивана, а рядом с ним лежала Елена краса — золотая коса. Они позавидовали своему брату, что он рядом спит с такой красавицей, но молчали. Думал всяк про себя, потом переглянулись, и в то самое время заметили на дубу жар-птицу. Тогда Алексей-царевич и говорит:

— Видно, брат Давид, все это достояние нашего младшего брата Ивана.

— Да! Видно, так! — ответил тот не без ненависти.

— Давай его убьем,— сказал первый,— а это все поделим.

— Давай,— согласился другой.

О, они, ненавистники — родные братья зарубили родного брата Ивана и стали делить его достояние. Положили так: красавицу и коня вместе — один пай, а другой пай — одна жар-птица. И кинули жребий, кому что достанется. Старшему досталась красавица и конь, среднему — жар-птица. Забрали они имущество Ивана и поехали к отцу. Не будем более говорить о таких негодяях, возвратимся обратно.

Лежит труп нашего Ивана-царевича. Воронья почуяли добычу-пищу, вот уже кружатся над его трупом и скликают своих еще друзей, чтоб полакомиться царевиче<вы>м телом. Далеко отдалось эхо, услышали воронья весть о лаком<ом> кусочке и летят по направлению к трупу царевича. Было утро. Волк проснулся и вдруг слышит крик вороньев, но не разберет, о чем они так громко кричат. Волк прислушался: ваккурат пролетали над ним два ворона и разговаривали между собой. Вот один ворон говорит: «Это тот самый, который украл Елену, а его братья убили. Вот мы и полакомимся им». Понял волк, в чем дело, и, недолго думая, отправился туда, где оставил он царевича. Прибегает волк на то самое место, где оставил царевича. Глянул в ту сторону, где лежит убитый царевич, и видит: два ворона спустились на царевича и готовы выклевать глаза царевичу. Волк подкрался — цоп вороненка, а старый ворон взвился и сел на дуб и говорит:

— Кум волк, отпусти моего дитя.

А волк сказал:

— Нет, не отпущу до тех пор, пока ты мне не принесешь живой и мертвой воды.

Посидел, подумал ворон и говорит:

— Да это не скоро можно добыть.

— Ничего, я дождусь,— ответил волк,— а вороненок твой будет жив и невредим.

Полетел ворон за живой и мертвой водой. Долго ли, коротко ли летал ворон, нам неизвестно, но прилетел и принес два пузырька с водой: один — с живой, а второй — с мертвой. Взял волк у ворона пузырьки и отпустил вороненка. Воронья улетели. Волк взял пузырек с мертвой водой и вспрыснул царевича — все раны его тут же заросли. Маленько повременил волк, взял пузырек с живой водой и вспрыснул. Царевич чихнул раз, другой, третий и говорит: «Ух, как я долго спал».

— Да,— сказал волк,— если бы не я, то ты вечно бы спал. И где твоя Елена-краса? Где жар-птица? Где конь златогривый? И посмотри вокруг себя: где ты спал и почему ты спал.

Царевич посмотрел, где спал, и увидел лужу крови. Посмотрел, где лежала Елена,— ей не было, и заметил знакомые следы. Посмотрел, где висела жар-птица,— ее дух простыл. Посмотрел, где пасся конь златогривый,— тоже нет.

— Что это могло случиться со мной?

— А вот что: когда ты подъехал, лег отдохнуть, а братья твои подъезжали к этому самому месту. А когда ты спал, они приехали и позавидовали на все твое имущество, и решили тебя убить и все достояние взять и поделить на двух. Садись, царевич, я подвезу тебя до дома. Как раз ты попадешь на пир, хотя отец твой и жалеет о тебе и ждал, когда ты приедешь. Не хотел он без тебя собирать пир, но братья настояли собрать, потому что, зная, что ты не вернешься, так как они тебя убили, заявили отцу, что ты в дороге погиб. Но знай: Елена тебя знает и любит она тебя более всех. Когда тебя братья убили, кровь твоя попала ей на грудь — и она проснулась. Они ее взяли с угрозой и чтобы она отцу — ни-ни. Но она так любит тебя, что день и ночь, когда одна, плачет. Жар-птица так не светит. Конь златогривый не весело живет в конюшне, и золотая его грива не так красива, как была. Садись, все будет в порядке.

Царевич сел, волк помчал нашего царевича. Не прошло и полчаса, как они тронулись, но уже с горки, где остановился волк, было видно весь город как на ладони. Услышал наш царевич: в городе идет звон-трезвон, и увидел родной дом, и народ валит численно-нечисленно, но, видимо, на пир.

— Слышишь? Видишь? — сказал волк.

— Да, вижу и слышу.

— Вот это твои родные собирают пир. Теперь иди, и я там буду через несколько время,— сказал волк.

— Хорошо,— сказал царевич и пошел.

Идет наш царевич вместе с народом. Только что взошел во двор, заржал конь так, что все колокола заглушил; запела жар-птица так, что весь народ присел; улыбнулась царевна так, что всем гостям стало весело. Всходит наш Иван-царевич, где сидели почетные гости: старший брат сидит в углу с Еленой-красой, и с одной стороны — крестный отец, и с другой — крестная мать, а дальше — почетные гости. Отец разносил гостям золотой чарой шипучего. Средний брат стоял у клетки с жар-птицей, любовался и слушал, как она поет.

— Здравствуйте, гостечки! — крикнул Иван-царевич.

Отец оглянулся: как увидел своего сына, так и выронил чарку с шипучим. Кинулся в объятья к сыну. Старший брат весь побледнел. Елена-краса-то выскочила из-за стола — тоже к Ивану. Средний оглянулся, задрожал, побледнел и покраснел и вымолвить ничего не может. Много делов было. Все выяснилось, что и как было дело. Вот это слышал народ и закричал:

— Казнить! Казнить таких кровопийцев нужно!

Хотел было Иван-царевич простить братьев, но народ разошелся, озлился — никак не уговоришь. Связали братьев-злодеев и повели в поле. Вывели в поле, стали судить и приговорили к смертной казни — к такой: привязать к хвосту коня и пустить по бороздам. Братья умоляли Ивана-царевича простить их. Иван-царевич сказал:

— Я вас простил бы, но как народ.

Народ закричал:

— Нет! Нет злодеям прощенья!

Вот и привели коня златогривого, они хотели его отнять!

— Привязывай за хвост и пускай по бороздам,— кричал народ.

Так и сделали: привязали и пустили коня. Пошел конь златогривый по бороздам, потом рысцой, и на грех откуда ни возьмись — волк. Конь оглянулся, увидел волка и пошел, и пошел трепать по бороздам. Волк все преследует коня златогривого, повернул его обратно к народу. От злодеев на веревке остались одни кисточки. Подбежали конь и волк к народу. Народ увидел, что на веревке остались только одни кисточки. Были все довольны такой казней. Отвязали веревку от хвоста коня и кисти рук бросили в борозды, пальцы вздрыгнули на последний раз и вцепились в землю, как бы ухватываясь. Приказал Иван-царевич взять эти кисти и отнести на погост закопать. Сам сел на коня златогривого и поехал. Волк шел впереди, народ сторонился, давая дорогу. Приехали, задали такой пир: весь народ был в дым пьяный, вдрызг не жравши, отрезвились. Иван-царевич дал каждому по порции вина и вдоволь кушать. Наелся народ и выбрал царем Ивана-царевича, волка — помощником, Елену-красу — царевной, и вот тогда пошли дела на лад, стали кушать сладостный шоколад.

53. ЧУЖИМ УМОМ ЖИТЬ — ДОБРА НЕ НАЖИТЬ

Жил-был старик со старухой. Была у них одна дочь, а и ту они выдали замуж за Солнышко. Скучно стало старику. Вот и пошел он к Солнышку в гости.

Шел, шел, шел, шел, насилу пришел. «Здравствуй, старик. Чем тебя потчевать?» — молвило Солнышко и сказало жене, чтоб блинов испекла. Вот, когда тесто поспело, Солнышко уселось посреди пола и говорит жене: «Лей мне на голову». Жена налила тесто: блин и испекся. Понравилось это старику.

Пришел он домой и кричит старухе: «Эй, старуха, затевай блины!» Старуха было печь топить, а он говорит: «Не надо, замеси только тесто». Замесила старуха тесто. Подставил ей старик голову. «Лей,— говорит,— мне на голову». Налила ему старуха тесто, залепила старику и глаза, и уши, и нос, и рот. Блины не испеклись, а старик целый день после того в бане отмывался. После того старик часто повторял: «Чужим умом жить — добра не нажить».

54. ЗАКОЛДОВАННОЕ ДЕРЕВО ЛИПКА

Сидел вечером Ванюша с дедушкой, спрашивал у дедушки: отчего медвежьи лапы похожи на наши руки и ноги? Отвечал ему дедушка: «Послушай, Ванюша! Я что сам слыхал от старинных людей, то и тебе скажу. Старинные люди говорили: были медведи такие же люди, как и мы, православные христиане. В одном селе жил-был бобыль. Домишко у него был плохонький, лошаденки у него не было, коровки и в помине нет, дров у него не было. Зима пришла, а в нетопленной избе холодно. Бобыль взял топор и пошел в лес. И попалось ему на глаза заколдованное деревцо Липка. Он стук по ней топором и ну ее рубить. А Липка заговорила по-человечески: «Что хочешь, всего тебе дам. Богатства ли у тебя нет, жены ли у тебя нет — всего тебе дам!» Мужик и говорит: «А хорошо, если б ты, матушка, сделала меня богаче всех мужиков, а то у меня и коровки нет, и лошаденки нет, и домишко плох!» Липка сказала: «Ступай себе

домой! Все у тебя будет!» Мужик идет: дом у него новый, заборы бревенчаты, кони такие, что летать хотят, а хлеба анбары насыпаны. У бобыля недоставало, что жена была нехороша. «Что делать? Дай пойду к матушке Липке!» Взял топор и пошел в лес.

Приходит в лес к липке и стук ее топором. «Что тебе надо?» — «Матушка Липка! У людей жены как жены, а у меня такая негодная. Сослужи мне службу, дай мне хорошую жену». Липка сказала: «Ступай себе домой!» Бобыль идет: жена его встречает, такая хорошая, кровь с молоком, и полны чуланы всяким добром! Вот стал жить бобыль с молодой женой и думает: «Хорошо нам жить богатым, а все мы под начальством! Нельзя ли как мне быть самому начальником?» Подумал с женой. Пошел опять к заколдованной Липке.

Приходит в лес, стук ее топором. Липка спрашивает: «Что тебе, мужик, надобно?» — «А вот что, матушка Липка! Хорошо нам жить богатым, а все мы под властью, нельзя ли мне самому быть старостой?» — «Хорошо, ступай домой: все у тебя будет!» Не успел бобыль прийти домой — к бобылю бумага: «Быть бобылю старостой». Привык бобыль жить старостой и думает себе: «Хорошо быть старостой, а все у господина под властью. Нельзя ли быть самому господином?» Подумали с женой, посоветовались, и пошел опять к дереву Липке.

Приходит и стук ее топором. Деревцо и спрашивает: «Что тебе надо?» — «Спасибо тебе, матушка, за все, а как бы мне перед господином шапки не ломать, самому бы быть господином?» — «Что с тобой делать? Ступай себе домой, будет у тебя все!» Не успел прийти домой, как приехал губернатор, привез от короля бумагу: «Быть ему дворянином». Привольно быть дворянином, начал пиры да банкеты задавать. Хорошо быть дворянином, а все же бесчиновный! Нельзя ли быть чиновным? Подумали, посоветовались, пошел он к Липке, стук ее топором. «Что тебе, мужичок, надо?» — «За все тебе, матушка, спасибо. А нельзя ли мне быть чиновным?» — «Ну, ступай себе домой!» Не успел прийти домой, как приходит королевская бумага: пожалован чинами. Хорошо быть чиновным, а все у губернатора под властью. Нельзя ли самому быть губернатором? Подумал с женой, пошел в лес к заколдованному деревцу Липке.

Приходит к Липке, стук ее топором. Она и говорит: «Что тебе, мужичок надо? Чем недоволен?» — «Спасибо тебе, матушка, за все, да нельзя ли как быть мне самому губернатором и иметь богатую вотчину?» — «Трудно это сделать. Да что с тобой делать? Ступай себе домой». Не успел бобыль домой прийти, как пришла бумага: быть бобылю губернатором, и подарен вотчиной. Привык бобыль жить губернатором, точно отроду мужиком не

был. «Хорошо мне жить губернатором, а все у короля под властью». Подумал, пошел в лес к заколдованному деревцу Липке.

Приходит, стук ее топором. Деревцо спрашивает: «Что тебе надо?» — «Все хорошо; благодарю тебя за все, да нельзя ли мне быть самому королем?» Липка стала его уговаривать: «Безумный, чего ты просишь? Подумай, что ты был и что ты стал? Из бобыля стал знатен и все, а царь богом избран». Липка его уговаривала всячески, чтоб он больше не просил, а то все потеряет. Бобыль не отступал, приставал, чтоб она сделала его царем. А Липка ему сказала: «Этого нельзя сделать и не будет, и последнее потеряешь!» А бобыль все приставал. Липка и говорит: «Будь же ты медведем, а жена медведицей!» И стал он медведем, а она медведицей. Вот и пошли медведи.

Внучек и спрашивает: «Дедушка, неужели это правда?» — «Конечно, это басня, чего невозможно, того не желай; от мала будь доволен. Многого пожелаешь, последнее потеряешь».

55. СКАЗКА ПРО ИВАНА КУПЕЦКОГО СЫНА

Жил Иван у отца один. Отец отдавал ручному учению — ничего не выходит. Выходит пастух — да и кончено дело. Что же остается делать? При жизни своей отец и говорит матери Ванюшки:

— Триста рублей отказываю денег Ванюшке. Когда б он ни спросит, чтоб ему отдать.

Ну, Ванюшка и вышел в пастухи. Пошел к ребятам, в бабки стал играть, денег, например, нету, ну, ребята и не принимают. «Тебе отец отдал триста рублей. Ступай тащи, коли хочешь играть. Принесешь и будешь играть». Он пришел к матери:

— Дай, мама, сто рублей.

Та сразу и отдала сто рублей. Ванюшка с этими ста рублями отправился в город на базар и купил себе кота. Несет кота, ну, мать и спрашивает:

— Что, Ванюша, купил?

— Вот, кота.

— Сколько заплатил?

— Сто рублей.

— Ах, дурак, дурак...

— Ну, дурак дурак, а делать нечего. Вот и ходи за ним, за котом.

На следующий день опять пришел к матери.

— Мама, дай сто рублей.

— На что тебе?

— Пойду что-нибуль куплю.

Ну, дала еще сто рублей. Ванюшка пошел на базар. Смотрит — собачий рынок. Ходят собаки на веревке. Он остановился, глядит. «Что ты глядишь?» — спрашивают у него. «Что, собаки продажны?» — «Продажные».— «Сколько хочешь?» — «Сто рублей». — «Давай».

Приводит и собаку домой. «Ну вот, ходи и за собакой». Устроил ей Иван домушку. Мать стала ходить и за собакой. Ну, мать смотрит, что и другие сто рублей Ванюшка срасходовал: собаку купил.

На следующий день стал спрашивать у матери: «Дай, мама, сто рублей». Отдала последние.

Он шел, шел — ничего не попадается. Весь город прошел. Только видит, старый человек идет. Старик и говорит Ванюшке:

— Ты куда, молодой человек идешь?

— Да что-нибудь купить.

— А чего тебе купить?

— Что-нибудь.

— А сколько у тебя денег?

— Сто рублей.

— Ну, пойдем со мной.

Свернули они в сторону и налево пошли. Вот и пришли... »Ну вот, давай сто рублей, открывай чугунную доску, там в земле стоит гроб и горит свет. Лежит там девица, у ней на руке кольцо. Ты сними кольцо и мне подай, я тебе триста рублей дам за это»,— это старый человек говорит Ванюше. Ванюшка старику сто рублей отдал. Открыл доску старик. Ванюшка и марш туда. Пошел. Ходил, ходил, ничего не видит. Потом повернулся налево — увидел свет. Лежит в гробу девица, на руке кольцо, он кольцо снял. Снял и смотрит — очень хорошее кольцо. Пошел к доске, куда выходил выход по лестнице. Стучит. Старик открывает. «Принес?» — «Принес».— «Давай сюда».— «Поспею отдать». Старик взял и опять захлопнул доску. Что тут делать? Остается, буквально, делать нечего. Он кольцо скинул и надевает на другой палец на другой руке. Тут являются двенадцать молодцов.

— Иван Купецкий сын, что прикажете сделать?

— Да, пожалуйста, меня из ямы вытяните.

Тут Иван и понял, в чем дело: дело в кольце. Вышел он на волю, надевает кольцо на другой палец.

— Что, Иван Купецкий сын, прикажете сделать?

— Выстройте мне дом приличный вот на этом месте.

— Будем стараться.

— Пожалуйста, скорее.

Сочинили ему хороший дом.

— Потом из того дома перенести сюда старуху.

— Все сделаем.

Мать просыпается поутру, смотрит — Ванюшка тут, а дом другой. «Ванюшка, да где это мы?» — «Дома».— «Что ты, что ты...» — «Вот тебе и что ты. Я выстроил новый дом, вон видишь, старый стоит».

После этого пишет Иван письмо королю.

— Мама, вот тебе, например, письмо, ступай к королю, сватай мне невесту.

— Да что ты, Ванюша, с ума сошел? Да как я могу?

— Тебе говорят — ступай.

Старуха взяла письмо и отправилась. Приходит к королю и подает письмо. Король письмо, например, прочитал. «Вот в чем дело, если он принесет такой подарок, чтобы он дороже стоил моего царства — то отдаю дочь».

Ну, приходит старуха домой.

— Ну что, мама?

— Да что, сказал: принеси какой-нибудь подарок, чтобы был дороже его царства.

Ванюшка надевает кольцо на другой палец, является тут двенадцать молодцов.

— Что, Иван Купецкий сын, прикажете сделать?

— Вот в чем дело, пожалуйста, мне достать блюдо неоцененное.

Ну, двенадцать молодцов живо достали блюдо неоцененное.

Мать опять отправилась к королю. Приходит старуха к королю, подает подарок. Смотрит король — что за черт!

— Ну вот что, скажи ему, чтобы он выстроил от моего дворца до своего хрустальный мост. Тогда можно к венцу ехать.

Приходит мать домой.

— Вот что, Ванюшка, хрустальный мост нужно построить от твоего дома до его.

— Ладно!

Двенадцать молодцов буквально справили все — построили хрустальный мост. Ну, значит, надо к венцу ехать. Все, значит, готово. Отправились. Приезжают к венцу. Надо повенчаться. Обвенчались. Пошло тут пированье, как следовательно. Пировали, пировали, а собака с котом прибегли на свадьбу — Ванюшкины собака и кот. Кот и говорит собаке:

— Ты служи на дворе, у конюха, а я буду служить здесь. Тебя будут гнать, а ты ласкайся, как-нибудь устраивайся.

И вот, как пошел пир, кот, например, является. Сейчас кот берет блюдо и на задних лапах, например, подает. А собака в конюшне... Ну, хорошо.

Обвенчались и спать легли. Жена и говорит своему супругу:

— Как это ты такое мог сделать? Такую историю сотворить, хрустальный мост, например, выстроить?

Ванюшка сдуру и ляпнул, что кольцо все это делает: «Вот, гляди, что кольцо сделает». Надел на другой палец кольцо — являются тут двенадцать молодцов.

— Что, Иван Купецкий сын, прикажете сделать?

— Что захочу, то и сделаете.

«Ладно»,— думает жена,— я у тебя это кольцо подцеплю». Она возьми это кольцо и сними. Сняла и положила себе. А потом надела это кольцо на палец, тут явились двенадцать молодцов.

— Что прикажете сделать?

— Вот этого человека (это — своего мужа!) в грязь стащить — и больше никаких.

Они живо это сделали. Ивана отправили в грязь, а жена его тут осталась. У нее был раньше жених, вот она на нем и женилась. А кольцо это стала брать, например, на ночь в рот, боится, чтоб не утащили.

Вот легли спать. Кот служит и видит, что сделали неблагополучно. А тут мышь выбегла. Кот мыша — цап. Мышь и говорит коту: «Не ешь меня, я сделаю тебе, что надо». Ладно... Вот мышь и стала бегать около жены Ивана да хвостом в ноздрях шевелить. Иванова жена как чихнула — кольцо и вывалилось изо рта. Кот подхватил кольцо и бежать. Прибежал к собаке и говорит: «Кольцо выручил».

А Ванюшку уже в острог посадили. А надо было до острога морем плыть, агромадным озером. Собака и говорит: «Давай кольцо, садись на меня, я тебя перевезу». А коту что делать? У кота меньше сил. Кот отдал кольцо собаке, та взяла кольцо в рот, а кот сел на нее. Ну, поплыли. Плыли, плыли, тут собака захлебнулась, кольцо и упустила в море. Ну, что делать? Поплыли дальше. Переплыли на другой берег. Тут собака и говорит:

— Кольцо в море ушло.

— Ах ты, собака карнаухая,— и когтями изодрала.

Делать нечего. Видят, салаш <шалаш> на берегу, рыболов рыбу ловит. Подбегают они к салашу. Рыболов смотрит — являются к нему собака и кот. Они и стали ласкаться. Он не стал гнать их, видит, что не шалят. Тут они и остались.

Отправился рыболов рыбу ловить, а кот в салаше остался. Ничего не выходит. Рыболов поймал рыбу, приносит, например, домой. Стал ее резать, потрошить, а кольцо и есть в рыбе. Кот и смекни, в чем дело: «Стой, вот это дело, кольцо будет у меня». Ну, рыболов положил кольцо на полочку в салаше своем, положил и пошел рыбу ловить. Кот кольцо — цап и пошел с собакой. Ну, они прямо к острогу.

А кот знает, в каком окне сидит его хозяин Ванюшка. Прямо в окно и прыг. Ванюшка видит, что кот его здесь: «Батюшки, кот мой здесь!» И уж обрадовался ему, отворил ему фортку, кот кольцо и подал. Ванюшка кольцо надел на палец — сейчас же двенадцать молодцов явились.

— Что, Иван Купецкий сын, прикажете делать?

— Да, пожалуйста, чтобы меня вон отсюда вытащили!

Его сразу и вывели из острога.

Отправился он войной на короля и разбил в пух все его царство. Ну, а жить с женой своей, форменно, не стал.

56. [ВАНЮШКА-ДУРАЦОК] Был у старушки Ванюшка-дурацок, и ни в какую он работу не идёт, играит он всё по улицы. Идёт старицок. «Што ты, добрай маладец, играишь?» — «Я не умею работать». Он ребятишки и спрашиват: «Цей же этот маладец?» — «Это, говорят, вдавой старушки».— «Где же, говорит, оне живьё?» Оны ему даказали. Он приходя к старушки. «Старушка, твой щё ль сын играя па улицы?» — «Да, говорит, мой».— «Щож ты ево не апределяишь?» — «Он, говорит, у меня малаумнай».— «Ну, аддай, говорит, ты мне ево. Я ево абуцу». Ну, ана и аддала ево.

Он сутки ведёт ево. Ванюшка хоца паесть. Он ему не даё. Ну, пришли другии сутки. Он ево опеть ведё. Ну, он опеть просит: «Дедушка, дай мне паесь».— «Ну, говорит, пагади». Третьи сутки пришли. Ну, он говорит: «Дай мне, дед, паесть, я есть хацу». Стаит роща аграматная. «Давай, говорит, Ванюшка, мы эту рощу вырубим и завалим этот вот камень». Завалили каминь и подажгли. Старик говорит: «Этот камень абгарел». И здымают ево вагой. «Ну, лезь, Ванюшка, в эту яму». Ванюшка баитца, не лезет. «Полезай, а то я тебе есть не дам». Он взял и полез.

В эвтой яме всякое там ращение, все, що на свете есть: ягода, яблака,— всё, всё. Он трои сутки аттэда не вылазит. Старик ему крицыт: «Вылась,

Ванюшка», а он не вылазя. Другорет кринул: «Если ты не вылизишь, то я те камнем завалю». Он сё не вылазит. Он взял, каминь апустил, и зделалась там тёмно, не может он аттэда вылесть. Падходит к акошку, там окны. На окне нашол залатой перстинь и тронул этот залатой перстинь, и вышли ему три молатца. «Што тебе, Иван Аладьин, надо?» — «Щобы меня атцэда высадить и давести да двара».

И приехал он к деревне сваей и этим опеть малатцам отдал лошеть, щоб не было её, а сам надел худую адёжу, идё к матери. Мать ево стрецая и заплакала. «Ну, никуда ты, детишша маё, не гадно, знать». Ну, он и посылая: «Матушка, ступай к цэрю за доць сватайси».

Пашла, её не пускают до цэря. «Куды ты, такая старуха, идешь?» — «Нет, батюшки, допустите, говорит, меня». Патходит к цэрю. Царь её спрашыват: «Ис цаво ты, старушка, идёшь?» — «Ваша Царско Велицество, я за вашу доц сватать иду».— «За каво?» — «За сваво Ванюшку». Царь ей отвецяе: «Ну, ступай, старуха, домою. Ну, какой у меня дварэць, такой ты састрой дварэць. Если ты это не выстроишь, то вас завтра с сынам на виселицу». Старуха приходит, заплакала. «Щож ты эта зделал: нам зафтра с табой на виселицу». Иванушка говорит: «Лажись, матушка, утра мудрей вецера». Тронул свой перстинь, проявились три молотца ему. «Што тебе, Иван Аладьин, надо?» — «Так мне надо, какой у цэря дворэць, такой был у меня бы». В том же рази явилси у нево двор, как царскай. Патом Ванюшка опеть посылаит за царску доц сватать.

Ну, приходит старуха апеть к цэрю. «Що ж ты, старушка, пришла, исполнила ли маё дело?» — «Исполнила, Ваше Царское Велицество, все исполнила».— «Вот що, старушка, скажы тваму сыну, щобы завтра какии у меня кани и павоски, щобы были у вас такие то, и как за маей цэрицей ходят слуги, так щоб за тваей матирью хадили бы. Ну, а если вы не исполняите, то завтра вас опеть на виселицу с сынам». Приходя мать к сыну и говорит: «Нас завтра на виселицу апеть, если не исполняем». Он и говорит: «Лажись, матушка, утро мудряя вэцера». Тронул перстинь, праявились ему двенадцать малатцов. «Што тебе, Иван Аладьин, надо?» — «Какия у hасударя кани, такии были бы у меня кани; какия у hасударя павоски, тарантасы там, такия и у меня бы были; как за цэрицей ходят нянюшки, так бы и за маей матирью хадили». Ну, всё эта ему явилася, всё испалнялася.

И пасылаит апеть мать сватать. Ну, царь и говорит: «Ну, вот цево, баушка, стоит эта вот рошша, щоб её за ноц всю вырубить и спахать это место, и пасеить, и узреть, и памалатить, и в сусек пасыпать. Если вы эта не абделате, то вас завтра на виселицу».

Приходя мать, плацыт апеть. «Ну, сын, нам с табой завтра на виселицу, знать». Сын атвецяя: «Лажысь, матушка, утра мудрее вэцера». Поутру

тронул свой перстинь, проявилась ему опеть двенадцать молотцаф: хто рубит, хто пашыт, хто сеит, хто зреит, хто малотит, хто в сусеки сыпит — все абделали. Цырь выходя и глянул на площадь, на эту далинку, и отдал за Ивана-дурацка сваю доц и оддал ему всё царсво сваё.

57. КУЛИК

Жил старик со старухой. У них было три сына. Два умных, а третий дурачок. Умные поехали землю пахать, посеяли на этой земле горох. Когда горох поспел, послали дурачка караулить. Вот он сделал шалаш из соломы и сидит, караулит. Прилетает кулик горох клевать. Дурачок подкрался и поймал этого кулика, хотел ему голову свернуть. Он и говорит: «Иванушка! Не верти мне голову, я тебе пригожусь».— «Чем же ты, говорит, мне пригодишься?» — «Приходи ко мне: я тебе дам скатерть».— «На кой (что) мне ее? У меня своя есть».— «Есть, да не такая. Ты скажи моей скатерти: «Скатерть, скатерть! Развернись, раскатись, напой, накорми меня, доброго молодца!» Она тебя и накормит».— «Хорошо,— говорит. Пустил он кулика.

Потом идет к нему этот Иванушка, видит: пастухи лошадей стерегут. «Пастухи, пастухи, лошадиные духи! Где тут кулик живет?» Они говорят: «Ступайте дальше, там коров стерегут, там и скажут». Вот пошел он дальше, глядит: коров пастухи стерегут. Вот он и спрашивает у них: «Пастухи, пастухи, коровие духи! Где тут кулик живет?» — «Ступайте дальше, там свиней стерегут». Вот пошел он дальше, глядит: свиней стерегут, подходит он к ним и говорит: «Пастухи. пастухи, свиные духи! Где тут кулик живет?» — «Ступай: там овец стерегут, там тебе скажут!» Пошел он дальше, глядит: овец стерегут. Подходит он к ним: «Пастухи, пастухи, овечьи духи! Где тут кулик живет?» — «Ступай дальше, там гусей стерегут, там тебе скажут!» Подходит он к ним: «Пастухи, пастухи, гусиные духи! Где тут кулик живет?» — «Ступай дальше, там уток стерегут, там тебе скажут». Подходит он: «Пастухи, пастухи, утичьи духи! Где тут кулик живет?» — «Вон, говорят, ступай: там белые хоромы, красные подпоры, там кулик живет!» Он пошел.

Пришел к этому кулику, поздоровался и говорит ему: «Кулик, ты мне обещал скатерть. Давай ее!» Кулик дал ему скатерть. Вот он (Иванушка) сказал: «Скатерть, скатерть! Развернись, раскатись! Напой, накорми меня, доброго молодца!» Только он сказал, и все явилось. Идет он домой, на до-

роге встречает его баба-яга. «Батюшка Иванушка! Зайди ко мне; я тебя в баньке выпарю, накормлю, напою и спать положу!» Он пошел к ней, приходит к ней, она его в баньке попарила, спать положила. Ложится он спать и говорит: «Ты смотри, баба-яга, не говори: «Скатерть, скатерть! Развернись, раскатись, напой, накорми меня, доброго молодца!» Лег он спать. Она подошла к скатерти и говорит: «Скатерть, скатерть! Развернись, раскатись, напой, накорми меня, доброго молодца!» Скатерть развернулась. Она увидала, сейчас берет эту скатерть себе, а ему другую положила. Он встал, она подает ему совсем другую скатерть. Он взял ее и пошел домой. Приходит домой и говорит своему отцу: «Батюшка! Я хочу сделать пир, созовите невесток, братьев, всех родных!» Он всех собрал, положил скатерть. Он и говорит: «Скатерть, скатерть! Развернись, раскатись, напой, накорми меня, доброго молодца!» Она не развертывается. Братья и сестры думают, что он над ними смеется. Взяли его со двора прогнали.

Он пришел опять к кулику, пришел к нему и говорит: «Кулик, ты меня обманул!» — «На тебе лошадь!» — «На кой мне ее? У меня свои есть».— «Ты возьми, скажи: «Лошадь, лошадь! Заржи!» Она заржет, у ней изо рта золото посыплется!» Он сказал — у ней изо рту золото посыпалось, полну шляпу золота насыпал, поехал домой. Опять по дороге встречает его баба-яга, ну, он опять зашел к ней. Она сейчас истопила баню, вымыла его, укладывает спать. Он ей и говорит: «Ты смотри, не говори: «Лошадь, лошадь! Заржи!» Он заснул, она прибежала к лошади, говорит: «Лошадь, лошадь! Заржи!» Она заржала, у ней золото посыпалось. Она его лошадь себе взяла, а свою ему поставила. Он просыпается. Она отдала ему свою лошадь. Приезжает домой; отец его и спрашивает: «Зачем ты сюда пришел?» — «Лошадь привел».— «У нас своя есть!» — «Есть, да не такая. Ты вели невестке ковры постлать!» Вот разостлали ковер, он вывел, поставил лошадь на ковры, говорит: «Лошадь, лошадь! Заржи!» Золота и нет. Они опять его прогнали со двора.

Он опять пошел к этому кулику. Пришел и говорит: «Кулик, кулик! Ты меня обманул!» — «Ну, на вот тебе щипцы, скажи: «Щипцы, из коробки!» Он сказал. Щипцы выскочили, давай его щипать. Он и говорит: «Кулик, кулик, отними! Кулик, кулик, отними!» Кулик говорит: «Щипцы, на место!» Стали щипцы на место. Идет Иванушка опять домой. Эта бабушка опять встречает его. Баню для него истопила, стала класть спать. Он и говорит: «Ты смотри, бабушка, не говори: «Щипцы, из коробки!» Он заснул, она и говорит: «Щипцы, из коробки!» Они выскочили, давай ее щипать. Она закричала: «Батюшка Иванушка! Отыми, возьми свою скатерть и коня!» — «А, говорит, так это у меня ты воровала!» Отнял щипцы, взял скатерть и коня и пошел домой.

Приходит домой и говорит: «Ну, батюшка, собирай теперь всех родных, теперь я бал сделаю!» — «Ты, говорит, опять обманешь».— «Нет, не обману!» Позвал он всех родных; сел он за стол и говорит: «Скатерть, скатерть! Раскатись, развернись, напой, накорми меня, добра молодца!» И всего стало вдоволь. Потом говорит: «Стелите ковры!» Постлали ковры, вывел лошадь. «Лошадь, лошадь! Заржи!» Она заржала, у ней золото и посыпалось — полны ковры золота. Так им доволен отец стал. А братьям завидно стало. «Давай, говорят, украдем у него все это!» Вот они и украли у него коня и скатерть. Он и говорит: «Эх, братья, зачем вы украли у меня коня и скатерть?» Они рассердились на него за это, хотели его бить, он и говорит: «Щипцы, из кармана!» Щипцы начали их щипать. Они закричали: «Батюшка Иванушка! Отними! Возьми свою скатерть и лошадь!» — У них там теперь стоит бочка, на бочке корец, всей басне конец.

58. ОФИЦЕР И БАРЫНЯ

В некотором царстве, в некотором государстве, при царе было грозном бежал офицер из полка, шел лесом страшным. Вдруг навстречу ему идет солдат. Спрашивает его солдат: «Кто ты?» — «Я, говорит, бежал из такого-то полка!» — «Ну и я , брат, тоже».— «Давай, говорит, вместе жить». Вот поселились они в этом лесу, выстроили себе шалаш из прутьев.

Приходит первая ночь. Начали кидать жребий, кому достанется стеречь ночью. Досталось офицеру. Офицер стоит на часах, товарищ его спит крепким сном. Вдруг идет лесовой (леший). Офицер кричит: «Кто идет?» — «Здешний, говорит, лесовой. Молодец, говорит, солдат, что не оробел. Вот тебе за это салфетка!» — «Что ж мне с этой салфеткой делать?» — «Тряхни ее, так узнаешь». Приходит день, товарищ его встает, а есть им нечего. Офицер ему и говорит: «Вот, говорит, лесовой дал мне салфетку, велел тряхнуть». Он тряхнул, из нее и посыпался хлеб. Они и наелись.

Приходит другая ночь: солдат на дежурство нейдет. Стали жребий кидать: кому ночь стеречь? Досталось опять офицеру. Лесовой опять приходит в те же часы. Офицер опять кричит: «Кто идет?» — «Здешний, говорит, лесовой!» Подходит ближе. «Молодец, говорит, солдат, что не оробел: вот тебе за это перстенек!» — «Что же мне с этим перстнем делать?» — «Взойти в шалаш, надень его и скажи товарищу: «Здесь ли я?» Так тогда узнаешь». На другой день надел офицер перстень и говорит товарищу:

«Здесь я или нет?» Он отвечает: «Нет, тебя не видать!» Офицер снял кольцо: «Ну, теперь здесь ли я?» — «Здесь, товарищ-брат!»

Вот приходит третий вечер. Офицер опять на часы выходит. Опять в те часы приходит лесовой. Офицер кричит: «Кто идет?» — «Здешний лесовой!» — Молодец, говорит, солдат, что не оробел. На вот тебе кошелек!» — «Что ж мне с этим кошельком сделать?» — «Потряси — не вытрясешь: все в нем будут деньги!» Вот пришло утро. Офицер и говорит: «Вот, говорит, дал мне лесовой кошелек!»

Стали они трясти и натрясли денег, стали ездить в город на балы. Приехали они к барыне, стали играть в карты. Проиграли много денег и отправились домой. Вот приходит утро. Едет один офицер к барыне. Стали они в карты играть. Проиграл он все. Вытащили у него кошелек, и пришел он в бедность. Вот стал он думать и гадать, как бы кошелек у барыни взять! Пошел он в лес и увидал в лесу ягоды, съел он одну ягодку, съел другую, третью и целую дюжину ягод, и вдруг на нем выросло двенадцать рог: на спине, на боках, везде. Приходит он к кусту, на кусте росли другие ягоды. Съел он двенадцать этих ягод, и спали с него все рога, стал он красивый, прекрасивый. Пошел он разносчиком в этот город. Подходит к барыне к окну, кричит: «Ягоды! Ягоды!» Барыня и высылает собачку свою Омильку. Он дал ей ягодку. Омилька съела и сделалась человеком лучше барыни. Барыня подходит и покупает эти ягоды. Купила коробочек с ягодами, легла на постель и съела. Ни встать, ни пройти: выросли у нее рога. Стала она звать к себе докторов — ни один не берется лечить. Офицер нарядился в докторское платье. Явился и говорит: «Я вас вылечу!» Запер кабинет, начал ее пробирать (бить) арапником и приговаривать: «Отдай мой кошелек, отдай мой перстенек, отдай мою салфетку!» Барин кричит слугам, чтоб отдали. Те подали все. Офицер дал ей двенадцать ягод и уходит. Съела барыня ягоды, рога у ней тотчас спали.

Я там был, мед пил, по губам текло, а в рот не попало.

59. ВОЛШЕБНАЯ ДУДОЧКА

Жил-был крестьянин. У него было три сына: два умных, а третий дурак. У них была посеяна пшеница. И повадился кто-то ходить к ним в эту пшеницу и много топчет. Вот мужик посылает своего большого сына караулить пшеницу. Большой сын пошел. Приходит в огород, сел под

куст, сидел, сидел, до полночи просидел, да и заснул. Проснулся потом к утру, посмотрит — больше того натоптано! Приходит к отцу. Отец и спрашивает его: «Ну что, поймал?» — «Кого я там поймаю? Я не видел никого». Средний сын пошел, тоже не укараулил никого! Дурак пошел и выдернул из ворот клин. Как пришел к пшенице, лег и заснул. К полночи проснулся. Видит: большой человек подошел к пшенице и начинает ее топтать. Дурак потихоньку подкрался к нему, да как лопнет его этим клином, да как крикнет: «Ах! Не попал!» Лесовик начал его умаливать: «Пусти, что хошь тебе дам!» Дурак говорит: «Сколько ты пшеницы у меня натоптал, так столько же куч натаскай мне денег: медных, серебряных, золотых — тогда и отпущу!» Лесовик согласился. Начал таскать ему деньги. Натаскал, говорит: «Дурак, отпусти!» — «Нет, не отпущу, отдай мне теперь свою дудочку». Лесовик так-сяк — нет, пришлось-таки отдать дураку дудочку. Отдал, дурак и отпустил лесовика.

Приходит после того он домой и говорит: «Батюшка! Запрягай лошадей, да поди возьми деньги в огороде!» Мужик не поверил: думал, что дурак так нарочно говорит, потом запряг лошадей, поехал, посмотрит — ан и заправду деньги! Скорей эти деньги наложил на телеги, да и повез домой. С тех пор мужик забогател и зажил хорошим манером.

Вот только дурак-то не в долгом времени после того выпросил у отца своего свинью с тремя поросятами, взял их с собой и погнал прямо к царскому дворцу. Пригоняет их туда, сел на тумбочку и заиграл в дудочку. Свинья с поросятами начала плясать. Царская дочь увидела эту пляску и высылает к дураку свою служанку. Служанка выходит и говорит: «Мужик, мужик! Продай одного поросеночка!» — «Непродажный,— говорит дурак,— заветный!» — «А велик ли завет?» — «Пущай царская дочь покажется мне без платья!» Служанка пошла, сказала царевне. Царевна приказала послать его к себе. Дурак взял поросенка, приходит во дворец, осмотрел царевну по колено, отдал ей одного поросенка, а остальных двоих поросят со свиньей погнал опять домой.

Царевна сейчас же после него заиграла музыку для поросенка. Музыка гудит, а поросенок только визжит. Царевна и говорит: «Как дурак пригонит сюда завтра опять своих поросят, то куплю у него остальных и свинью, а то один этот очень скучает, оттого и не пляшет!» Дурак пригоняет назавтра опять свинью свою с поросятами в город. Как заиграл на своей дудочке — поросята со свиньей и начали плясать. Во дворце услышал поросенок музыку и тоже начал плясать. Царевна опять высылает служанку. Служанка и говорит: «Мужик, а мужик! Продай нам свою свинью с поросятами!» — «Непродажные,— говорит дурак,— заветные!» — «А велик ли завет?» — «Пущай царевна покажется мне вовсе без платья!» Служанка побежала к

царевне. Царевна приказала призвать дурака. Дурак приходит, царевна и говорит: «Пойдем, смотри!» Дурак осмотрел, отдал ей свинью с поросятами, а сам и пошел домой.

После того царь дает известие всем королям и знатным господам во всем мире: кто у моей дочери узнает приметы, за того ее и замуж отдам, а в приданое полцарства даю. Короли и господа собираются. Дурак тоже взял у батьки деньги, купил хорошую одежду и поехал во дворец. Приезжает, его принимают и не знают, что он дурак. Стали потом женихи узнавать приметы. Один скажет — то, другой — другое. Подходит очередь к дураку. Дурак и говорит: «У вашей дочери под правым плечом золотые волосики, под левым плечом — серебряные, на спине — золотая звездочка!» Сейчас взял царь дурака за руку и повел к своей дочери и говорит: «Вот тебе муж!» Она согласилась, перевенчались, так и зажили.

60. ДВА БРАТА

В таком же, примерно, городишке, как наша Руза, жили два брата. Один брат был семейный, у него много было ребят, он ходил на охоту. А другой брат был богатый. Он имел только жену. У них была чайная и столовая. У бедного было два сына — Ваня и Митя, похожие, как одинаковые. Этих ребят жена богатого любила, подкармливала: как готовит, так выделит. А бедный-то их очень плохо кормил. Один раз бедный пошел в лес охотиться. Шел он шел и увидел, как чтой-то блеснуло, как молния. Остановился он, подумал: «Что это такое увидел я светлое?» Присматриваться стал — там на гнездышке сидит птичка, как жар горит. Подкрался он, хвать ее, ан птица вырвалась, одно перо в руке осталось. Приносит перо домой, смотрит — перо прямо золотое. «Пойду брату покажу». Показал перо брату, говорит: «Вот, мол, видел птицу, она у меня выскочила, одно перышко осталось». Богач говорит: «Ты продай перо, я тебе дам два мешка муки». Обрадовался бедняк: ведь не было у него ничего, а тут вдруг два мешка муки! Отдал перо брату и забрал муку.

Стал бедняк туда ходить, чтобы поймать жар-птицу. Вот один раз он ее подсмотрел и поймал. Принес домой. У нее было на крылышке золотыми буквами написано: кто съест сердце птицы, тот будет получать каждый день два золотника золотом. Богатый брат прочитал и говорит: «Ты мне, брат, продай эту птицу». Задумался бедняк. Сколько же взять? Если за одно

перо два мешка, то сколько же за птицу? Нешто куда подороже продать? Бедный не знал грамоте. Говорит ему богач: «Дам десять — двенадцать мешков хлеба, продай. Чего же тебе еще?» — «Ладно, бери, брат». А ему хлеб очень нужен был, у него большая семья и кормить нечем.

Взял богач птицу и дал ему двенадцать мешков. Ушел бедный. Богач велел позвать работника зарезать птицу. Зарезали птицу, вынули сердце, заставили жену жарить. В это время пришли мальчики — Митя и Ваня. Она в это время вышла. А сердце, когда раскалилось, кусочки-то выскочили, ребята подобрали и съели. Она пришла, смотрит — нет сердца. Спросила ребят, не брали ли они сердце. Они отвечают ей: «Тетенька, мы не брали, а что-то жарилось на сковородке и выскочило, мы подобрали и съели». Она говорит: «Батюшки, он же с меня голову сшибет!» Велела работнику зарезать простую утку. Зарезал работник утку, вынул сердце, она сжарила его. Съел богач сердце. Приходит ночь, ложится богатый и думает: «Завтра утром буду золотники получать».

Вот стало бело, светло, смотрит богач — ни одного золотника нет. «Где ж,— думает богач,— золотые? Как же так промахнулся?» А у бедного ребята встают, мать убирает постель — и покатились золотые. Подобрала она золото, думает: «Что это? Откуда же это золото?» И так стало каждый день. И стали они богатеть. У каждого по два золотника каждый день. Богатый стал замечать — что это он богатеет? Встречает он брата, спрашивает: «Ты что это, брат, богатеешь? Так ты и меня скоро обгонишь».— «У, брат, ты не знаешь, у моих ребят каждый день под подушкой по два золотника появляются».

Пошел богатый домой, спрашивает он жену: «Как же ты могла искормить им сердце?» — «Ты меня прости, я не виновата». Рассказала ему все. Задумал богач погубить ребят. Приходит он к бедняку и говорит: «Твои ребята волшебники, ни у кого не было золота, а у твоих ребят каждый день появляется, за это я их сошлю».

Задумался бедняк, жалко стало ему ребят. Что делать? Сошлют ребят. Стал он думать с ребятами, как быть. Ребята говорят ему: »Вы не плачьте, мы уйдем от вас и скроемся, этим и спасемся». И вот они ушли от отца.

Идут они лесом дремучим, чтобы не схватили их. Шли, шли, шли и видят: избушка стоит. Входят в избу, в этой избе жил лесник-охотник. Увидел он их и спрашивает: «Ребятки, вы зачем сюда попали?» Они рассказали ему все подробно. Тогда он и говорит: «Вот что, оставайтесь у меня, я вас всему хорошему научу». Они с радостью согласились и остались у него жить. Вот пожили у него некоторое время. «Вот они хорошие, способные ребята»,— думает. Так ему их жалко, так он к ним привык. «Знаете,— го-

ворит,— мне вас жаль, что вы весь век со мной в лесу проведете. Скучно жить в лесу. Хочу я вас отпустить на волю. Хочу я вас проверить, хороши ли вы охотники». Дал им по ружью и пошли они делать пробу, как они могут действовать. Вот летит стадо гусей. Он и говорит Митрию: «Ты мне угадай во второго отпереди. А ты, Иван, застрели отзаду второго». И вот они так и сделали. Тот выполнил свое задание, и тот выполнил. Когда они пришли домой, он говорит:

— Теперь я уверен, что вы хорошие охотники, и теперь я вас провожу. Дам я вам по ружью и дам я вам по ножу. Когда разбредетесь врозь, чтобы узнать друг про дружку, воткните в землю ножи; если нож будет блестеть, то хорошо живет брат, а если заржавет, то брату плохо, надо выручать.

И вот пошли ребята. Идут лесом и видят: на поляне лежит медведица с медвежатами. «Ох,— говорят,— сейчас застрелим».— «Не стреляйте, мы дадим откуп за себя»,— говорит медведица. Они и пошли. Оглянулись — за ними бегут два медвежонка. Идут они дальше и видят — лежит волчиха с волчатами. «Ох,— говорят,— мы их подстрелим!» — «Не стреляйте нас, мы вам дадим откуп». И они пошли. Идут, а за ними бегут два медвежонка и два волчонка. Идут дальше — лежит зайчиха с зайчатами. «Вот мы их подстрелим!» — «Не стреляйте, мы дадим откуп»,— говорит зайчиха. Они и пошли дальше. Оглянулись, а за ними медвежата, волчата, зайчата.

Идут, идут, и попадается им две дороги, одна — вправо, другая — прямо. И захотелось им здесь расстаться. По какой дороге идти? Старший решил идти вправо, младший — прямо. Разделили они зверей: у одного медвежонок, волчонок и зайчонок и у другого. И вот они договорились, как им с ножами действовать, и расстались.

Вот шел Иван, шел и пришел в город. А город весь в трауре. Плачут ходят, народ грустит. И спрашивает он: « А где у вас гостиница?» — «А вон у нас гостиница!» Остановился Иван в гостинице, поселился со своими зверьками. Спрашивает он у начальника гостиницы: «А что у вас такая печаль, никто не радуется?» А он ему отвечает:

— Как же радоваться? У нас летает змей, всех девушек потаскал. Сегодня дочь короля утащит — и вот сейчас такое унынье, готовят королевскую дочь.

— А куда ж он ее потащит?

— Вон на той горе часовенка, туда он их и таскает.

Иван задумался. «Нешто мне,— говорит,— попытаться спасти эту королевну?»

— Что ты, здесь не такие бойцы и герои ходили выручать, он всем им головы срезал. А все-таки попытайся, сходи.

Вот он и пошел туда со своими зверями. Приходит туда, на эту гору, и заходит в часовенку. И в этой часовне написано: «Лежит здесь меч, его никто не может поднять. Выпьешь чашу — легко подымешь меч.» И вот там на престоле стоит чаша. Не хотел Иван пить чашу, попробовал поднять меч, но даже и потрогать меч не мог. Вот какой тяжелый был меч! Когда выпил чашу, тогда легко поднял меч. А в это время королевна уже была в часовенке. Он подошел к ней со своими зверями. Увидела она его и заплакала:

— Хороший человек, мне все равно погибать, и ты погибнешь со мной.

Говорит ей Иван:

— Нет, я пришел спасти тебя, а не погибнуть.

Тут сразу шум поднялся. Летит змей, а у змея семь голов. Иван спрятал королевну за себя и стал бороться. Как раз махнул — и отсек четыре головы. Тогда змей взвился, и у него изо рта пламя летит от злости. Замучился Иван — а у змея еще три головы осталось — и опять полетел на него и смахнул ему последние три головы. И змей готов.

Королевна все это видела, только она в то время в обмороке была. Тогда вышли они на травку. Солнышко, погода хорошая. Но очень они устали, и захотелось им спать. Вот Иван и говорит медведю: «Ты смотри, мы спать будем, а ты нас стереги, не спи». И уснул. Боялся он, как бы не украли у него королевну. Спят они, медведь сидит их стережет. Вот и его стал сон одолевать. Медведь и говорит волку: «Ты смотри, стереги, не спи, а то я тебя разорву». Сидит волк, не спит, но стал и его сон одолевать. Он и говорит зайчику: «Ты смотри, не спи, а то я тебя разорву». Зайчонок взялся стеречь, на кочку вскочил, но никак не может сон побороть. Тер он тер лапками глаза и заснул. Все они уснули.

А за этим движением все смотрел, все глядел один аферист. Ведь король-то обещался свою дочь замуж отдать и все королевство тому, кто змея одолеет. Видит аферист, что все спят, подошел и отсек Ване голову. Принес королевну домой и говорит ей: «Ты никому об этом не говори». Вот он принес королевну. Король обрадовался, все обрадовались, все готовятся пировать свадьбу. Только королевна была печальна. Она не могла смотреть на него, но сказать она не могла, так как она дала слово не говорить.

А там, на горе, проснулись звери. Проснулся медведь, видит — хозяин разрубленный лежит. Спрашивает он у волка. А волк соскочил, стал зайца трепать, заяц не знает, куда деваться. Увидел заяц ежа и стал его рвать со зла. «Ты меня не рви, я тебе пригожусь,— говорит ему еж,— я тебе живой воды достану». Отпустил его заяц. Этот еж спустился вниз и ловит подземельную ласточку. И эта подземельная ласточка находит живой воды. Еж

отдал живую воду зайцу, заяц — волку, а волк — медведю. Сбрызнул медведь Ивана живой водой — у Ивана голова приросла, и стал Иван как ни в чем не бывало.

Идут они в город и опять приходят в ту гостиницу. А в городе веселье идет. Спрашивает Иван начальника гостиницы: «А что тут у вас за веселье?» — «Да как же, спас тут один королевну, сейчас свадьба будет, а ты вот спасти не мог». Уж вот и гости на месте, королевна уже совсем готова. Иван говорит зайцу:

— Ты ступай сбегай к королевне, скажи, чтобы прислала огурчик со стола.

Зайчик пробрался к ней. Увидала она зайчонка, схватила в охапку и давай его обнимать. Дает она зайцу огурчик и пишет с ним записку. Знала она, что звери живы, а что Иван жив, она не знала. Дает она зайцу записку, зовет его на пир и дает им карету, которая была приготовлена под венец ехать. Эта карета приезжает туда, где он находился, к гостинице. Ваня взял своих зверей, посадил их в карету. Въезжает карета в королевский дворец. Народ кричит: «Волк едет! Волк едет!» Королева приказала дать им широкую дорогу. Выходит королева из-за стола, встречает Ивана и зверей, обнимает Ивана и целует. «Вот,— говорит,— мой спаситель!» А этот аферист видит, дело плохо, и убег. Здесь король узнал об этом и велел всем объявить. И стал Иван жить с королевной.

У Ивана любимое дело — на охоту ездить. Он каждый день со своими слугами ездил на охоту. А королева боялась, что с ним что-то случится, и велела слугам всегда охранять его. Вот раз поехал он на охоту со своими слугами. Пробежал мимо их олень, и они за ним помчались. У Ивана был быстрый конь, и он ото всех ускакал. Гнался он, гнался за оленем и въезжает в овраг. В овраге дуб стоит. А на дубу старуха сидит и от холода зубами стучит: бы-бы-бы-бы-бы!

— Ты чего там сидишь, слезай к костру,— говорит ей Иван.

— Я твоих зверей боюсь,— отвечает старуха,— нет, не слезу.

— Ничего они не сделают, слезай и грейся.

— Нет, не слезу, а вот на-ко возьми этот прутик и ударь им своих зверей.

Кинула она ему прутик, ударил им Иван своих зверей, и они все закаменели.

Ждали, ждали слуги Ивана, не дождались и поехали к королеве. «Где же вы Ивана дели?» — спрашивает их королева. «Мы его потеряли,— отвечают,— угнался за оленем и не вернулся». Стали искать Ивана, искали

день, два, три, обыскали и город, и рощу,— нигде нет Ивана. Горюют все люди.

А брат его, Митрий, жил в то время в другом городе и жил хорошо. Воткнул он раз нож свой в землю — нож и заржавел. «Знать, случилось что-то с братом, надо ехать выручать». Поехал он искать брата. Приезжает в этот город и пришел к королю. Они ж друг на друга так были похожи, что все подумали, что это король вернулся. «Нет,— говорит,— я не король, я брат его».— «Все равно,— говорят,— оставайся у нас, а то и с тобой что-нибудь случится».— «Нет,— говорит он,— не останусь, надо ехать брата выручать».

Поехал он с слугами в лес, увидал оленя и погнался за ним. Гнался, гнался и приехал в тот овраг, где его брат находился. Видит — дуб стоит, у дуба костер горит, а на дубу старуха сидит и от холода зубами стучит: бу-бу-бу-бу-бу. «Ты чего, старая, сидишь? Слезай с дуба, иди к огню греться!» А с братом тоже звери вместе всегда были. Старуха и говорит: «На вот, возьми прутик, ударь им своих зверей, тогда я слезу». А брат тут увидал, что Иван с зверями окаменевший стоит, и говорит старухе: «Нет, не надо мне твоего прутика. Это ты моего брата в камень обратила. Слезай с дуба, а то застрелю». Пришлось старухе слезть с дерева. «Ты за что моего брата погубила?» — «Как же мне его не губить, когда он моему сыну семь голов отрубил?» Старуха-то эта мать была тому змею. Стукнула старуха прутиком по зверям — звери встали, стукнула по Ивану — Иван ожил. Тут они растерзали, расстрелили старуху.

А в лесу стон стоит — их уже ищут. Увидели, что они целы-невредимы, обрадовались. Приезжают в город — их весь город встречает, все радуются. Сел Иван на свое королевство, а Митрий в свой город поехал, там он был очень нужным человеком, на высоком месте был. Тут они и расстались.

61. ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЕЛ

Дело было, братец, вот какое. Зашли однажды в кабак, может, и о празднике каком, два человека. Один из столяров был, так, значит, простой русский мужик; а другой, золотых дел мастер, сиречь, цеховой из мещанства. Зашли они в кабак и сейчас же, знамо, спросили себе водки. Столяр спросил себе маленькую, за пятачок, сиречь; а золотых дел мастер — за гривенник, выходит, большую. Ну, известно, стали тотчас оба выпивши и таки на поря-

док. Вот потом заспорили. Золотых говорит: «Я богаче, потому что я за гривенник выпил»; а столяр ему в ответ: «Нет, врешь,— говорит,— я богаче, хоша и за пятачок выпил». Ну, тотчас же шум да драка. Кабатчик видит, дело плохо, ну, известно, тоже боится, чтобы греха какого не вышло в заведенье, туда-сюда! А тут как раз на то время полицья мимо шла. Он к ней — «Так и так!» — говорит. Полицья тотчас же их тут захватила, и повели их, добрых молодцев, прямо к царю тогдашнему. В старину-то ведь это дело просто водилось — все к царю да к царю — за всяким делом.

Привели их так к царю. А царю-то тогда что-то некогда было. И послал он их к царевичу. Привели к царевичу. Царевич им и говорит: «Ну, что вы, ребятушки, мне скажете? Зачем вас привели ко мне?» — «Да вот, мол, так и так, ваше царское величество, яви божескую милость, рассудите нас по правде!» Царевич и говорит: «А вы вот что лучше сделайте, ребятушки! Сделайте-ка мне каждый по штучке такой; какую кто лучше сумеет и кто,— говорит,— лучше сделает, тот и прав будет,— тому, заведомо, и богаче быть!»

Умные речи сказал царевич. Пошли они от него по домам своим и давай выдумывать кажинный по мастерству своему такую работу, какую кто лучше умел. Через месяц али так, к примеру, и через два приходят опять оба к царевичу. Золотых дел мастер пришел, под мышкой с собой шкатулку красного дерева принес, и в шкатулке той у него что-то побрякивает. А столяр пришел с мешком толстеющим за плечами, и в мешке том у него тоже что-то постукивает. Пришли во дворец и просят дворецкого: так и так,— говорят,— доложи, добрый человек, его высочеству, что, мол, такие-то и такие-то пришли. Дворецкий доложил. Выходит к ним царевич и говорит: «Ну, что ж, ребятушки, принесли работы свои?» — «Принесли, ваше царское высочество!» Сейчас же золотых дел мастер шкатулку свою из подмышки вынял и говорит: «Осмелюсь вам доложить, ваше царское высочество, если уж хотите увидать мою работу вполне, так прикажите сюда,— сделайте милость, уж побеспокойтесь,— сначала воды целый чан принести!» — «Куда ж тебе ее столько?» — спрашивает его царевич. «А вот увидите, ваше царское высочество!» — «Ну, хорошо,— говорит царевич,— принесите ему воды столько!» Ладно. Принесли. «Теперича, ваше царское высочество,— говорит золотарь,— извольте-ка посмотреть сюда!» — и сейчас же отпер свою шкатулку. Царевич взглянул и что же, братец ты мой, увидал? В шкатулке той сидят рядышком, прижавшись друг к дружке, аки настоящие живые, три голубка золотые, как есть, из самого чистого золота червоного, так все даже и горят горьмя, а сами чуть только летать не подымутся. «Славная штука,— говорит царевич,— важно выдумал!» — «Нет,— говорит золотарь,— это еще что, ваше царское высоче-

ство, а вот извольте-ка посмотреть теперича!» Сейчас же взял он этих голубков своих и пустил на воду в чан, а они так и заплавали, словно утки живые. «Ну,— говорит царевич,— важно, люблю за такие дела! За это, говорит, я сделаю тебя самым главным золотарем при дворце своем!» Золотарь, известно, поблагодарил царевича за эти милости к нему и сейчас же к стороне.

«Ну,— говорит царевич,— что теперь ты мне покажешь?» — спрашивает, значит, столяра. Столяр сейчас же развязал свой мешок, взял его за кончики и высыпал оттуда целый ворох клиньев: «Не обессудьте,— говорит,— ваше царское высочество, на работе нашей, что сумели, то и сработали».— «Что же это такое? — говорит царевич.— Али ты вздумал надо мной смеяться?» — «Никак нет,— говорит,— ваше царское высочество, никакой насмешки тут нет, а если,— говорит,— вам угодно видеть мою работу в настоящем виде, так это вот что такое!» Сейчас же принялся он складывать эти клинья. Минутой сложил, и что ж бы, ты думал, вышло? Величающий, развеличающий орел-птица, какой в той земле и не видывано сроду и, ты-исть, как есть, аки живая, так даже индо и крыльями размахивает. Издивился весь царевич на такую выдумку и не знает даже, какое слово вымолвить столяру за такую выдумку. Так уж, значит, издивился он больно шибко. А столяр ему тем временем и говорит: «Не угодно ли, ваше царское величество, теперича покататься на моей птичке?» — «Ужли можно!» — говорит царевич. «Не извольте сумлеваться,— говорит столяр,— на чести сделано!» А сам, выходит, эту птицу только за нос придерживает, чтобы, значит, не улетела. «Нет,— говорит царевич, — ты такую штуку выдумал, какую, говорит, я доподлинно и не воображал себе и, значит, мне теперича даже страшно становится, что ты такой штукарь и выдумщик, потому таких диковинных птиц выдумываешь!» — «Да что ж тут страшного-то? — говорит столяр,— ваше царское высочество!» — «А то,— говорит царевич,— и страшного, что после того, Бог тебя знает, что ты такой за человек есть на свете, может, говорит, ты и колдун какой, потому виденное ли дело, чтобы из клиньев простых, как есть, деревянных, какая птица выходила, а у тебя вот вышла, так потому, говорит, и Бог тебя знает, может, ты даже надо мной и какую штуку сыграть хочешь!» «Ничего,— говорит столяр,— не извольте беспокоиться, ваше царское величество, птица моя, говорит, не настоящая ведь птица, а как есть самодельщинская — вся из дерева одного сделана, и тварь, выходит, вполне мастеровая, как, к примеру, и чугунка — дорога, али и там что такое и, стало быть, руке человеческой завсегда подвластна!» — «Нет,— говорит царевич,— как хошь, говорит, а запрям боязно, а лучше, говорит, сперва ты сам пока-

тайся на ней в виду у меня, а потом уж и мне покажи!» — «Извольте!» — говорит столяр. Сейчас же сел на своего орла, пришпандорил его, как следовательно, и полетела птица по всем палатам царским, аки стрела пущенная,— взвилась под самый потолок, крыльями замахала, головой замотала и полетела. Так и эдак летает, и повыше и пониже, и змейкой вьется, и турманом кружится и как, значит, тебе угодно, а столяр, сидя на ней, только клинышками разными управленье ей дает. «Важно,— говорит царевич,— молодец! Поучи теперича меня!» Столяр слез, стал его учить — выучил. «За эту выдумку,— говорит царевич,— я сделаю тебя самым приближающим ко мне человеком и дам тебе самое большое жалованье!» Так столяр и остался при царевиче первым человеком, а золотарь. Выходит, поступил уж во второй сорт.

Вскорости после того дело вышло вот какое. По соседству с тем царством, в котором жил этот царевич, жил-был еще король иноземный, и у него была дочь, красавица-невеста. А жила она в особом терему, высоком-развысоком, за железными решетками и железными замками, за железными дверями и железными затворами. И была у ней нянька приставлена, которая одна только к ней и хаживала, пить-есть ей давала, сказки на ночь сказывала и в постель укладывала. Даже матери родной и той запрет был сделан ходить к этой королевне, своей дочери, хоша сердце материнское и шибко зоблилось и скорбило об эвтом. И отец сам и тот не больше разу одного в год ее видывал, потому такой уж строгой жизни человек был и заботливый об своей дочери насчет баловства. А насчет посторонних людей уж и подавно, упаси Господи! Никто даже и глазом одним не видывал ее, не токмо что другое. И только, выходит, молва такая ходила об ней через няньку, что, дескать, есть такая-та, в терему содержится, королевна, красавица, красоты беспримерной, аки камень самоцветный, драгоценный, и больше ничего!

К этой-то красавице, королевне, и захотелось нашему царевичу побывать и самолично повидать, что, мол, запрям, за красавица такая писаная, невиданная, про которую такие слухи ходят. А уж как он имел такую птицу, на которой и по поднебесью летать можно было, так это дело ему, известно, и нетрудно было. И тотчас же, значит, собрался он в путь-дорогу, птицу составил из клиньев, сел на нее, мешок под мышку и марш! В ту ж минуту поднялся, Бог знает куда — под самые облака, увидал сейчас же королевство то иноземное, полетел туда. Летел, летел — видит наконец королевский терем. А ночь была уже на порядках темна. Видит: в одном окошке, в терему, огонек засветился, он — туда! Прилетел к окошку, видит: там и есть, сидит та самая красавица. Посмотрел на окошко, в нем железная ре-

шетка, а заперта замком. Он сейчас замок этот долой, решетку вынял и входит. А королевна его и спрашивает: «Кто ты такой, добрый молодец?» — «Да я царевич,— говорит,— прилетел издалеча, говорит, чтобы только посмотреть на красоту твою неописанную. Не бойся меня,— говорит,— королевна прекрасная, сделай милость, потому никакого худа, говорит, я над тобой не сделаю, окромя что разве скуку-время с тобой провести могу и добрым словом найтить также».— «Если так доподлинно,— говорит королевна,— так взойди, сделай милость, потому доброму человеку я всегда рада». А царевичу только то и надо было. Сейчас же орла своего он разобрал, клинья в мешок спрятал и подходит к ней эдак аккуратно и говорит: «Не обессудьте,— говорит,— королевна прекрасная, что мы так невзначай залетели к вам в такую пору, а если, говорит, это вам не нравится, так мы, пожалуй, и назад можем!» — «Нет,— говорит королевна,— мне даже очинно приятно с человеком таким время провести!» Ну так, значит, они тут посидели, потолковали, долго ли коротко ли, по любви, потом он и собираться стал домой. «На предки,— говорит королевна,— милости просим, если когда вздумаете!» Ну, известно, тоже скука в четырех-то стенах одной жить. «Беспременно,— говорит царевич,— постараюсь побывать». С теми словами он и был таков. Орла своего опять собрал, мешок под мышку и марш! Королевну поцеловал на дорожку разок, другой и третий, настрого запретил об себе сказывать — с тем и улетел.

На другую ночь опять таким же манером к окошку, опять куры-муры, и так кажинную ночь! Королевна под конец к нему и привыкла, ну, и он к ней также. И так покамест шло все это дело. Он к ней летал к терем, она его принимала — никто об этом не знал, даже нянька, потому что королевна завсегда ее усылала куда-нибудь в это время. И так пока все шло, как по маслу — шито-крыто, тихо-смирно. Да, наконец, няньке маленько в догадку стало, что будто иной раз по ночам слышалось, будто в королевниной опочивальне иной раз решетки в окне поскрипывали!.. Да и то думает: мало ли, дескать, с чего? Может, ветер велик, вьюга застучит, воронье насядет — птица беспокойная, да и мало ли еще с чего,— с нами крестная сила!.. Вот только потом она стала и сама это дело примечать. И на другую же ночь, подкравшись потихоньку к королевниной опочивальне, подошла к ней, да и слушает. Слушает так, а там слышит, голос чей-то у ней посторонний, словно мужчина разговаривает!.. Сейчас же она приотворила маленько дверцу, да и смотрит. Смотрит эдак и видит вдруг, что у королевны-то какой-то молодец сидит. У старухи от этого так индо и ноги подкосились, в глазах зарябело, рассудок сомрачился и насилу, насилу она устояла тут на ногах с отчаянности. Да и легко ли запрям оно?! Только потом пришла опять в себя и думает: как бы теперича горю помочь, коли дело еще

не опознано? Думала, думала так, да на другой же день ранним еще ранешеньким и пошла к ее матери, значит, самой королевне, да все ей дочиста и рассказала. Делайте, мол, теперича надо мной, что хотите, сколько сил моих и усердия к вашей дочери хватало, я старалась, а супротив силы окаянной ничего не поделаешь, а оттого только, говорит, и вся оказия-то эта вышла! Знамо, матери такая весточка не в сладость показалась.

Припечалилась королева, а впрочем и то думает: «Мало ли что старухе могло на ум придти? Из ума, может, выжила, так и показалось, может, что во сне, а она за правду приняла!» Однако отпустивши ее от себя, она тотчас же оделась и пошла к самому королю. Приходит к нему и говорит: «Король и муж мой любезный! Несчастье великое повстречалось в нашем семействе!» — «Что такое?» — спрашивает король. «Так и так, мол!» — «Может ли быть?» — говорит король. «Нянька, говорит, сказывала заподлинно». Король сначала ей не поверил, а впрочем, говорит, ступай, посмотри сама! Королева пошла. Пришла, ну, знамо, поздоровались и говорит: «Давно, дочка милая, не видала я тебя, а под конец, мол, уж даже и соскучилась, сегодня, говорит, уж нарочно у отца выпросилась, чтобы на тебя посмотреть!» — «И я, маменька,— говорит,— очинно рада тебя видеть!» — «А все ли,— говорит королева,— ты в добром здоровье?» — «Ничего,— говорит,— живу помаленьку». А мать все к ней пристает с расспросами. Королевна видит, что дело уже неминучее пришло, мать-то больно напирает, как ударится в слезы, да тут же во всем и повинилась: как, значит, царевич-то этот к ней летал, как первый раз прилетел, как потом, и все такое; не сказала только одного: из какой именно он земли был, потому и сама доподлинно того не знала. Ну, потом, мало ли, много ли посидевши у ней, королева ушла и прямо к королю. Приходит к нему, а на самой и лица нет! Король как только ее увидал, сейчас же обо всем догадался и говорит: «Ну,— говорит,— все вижу, хошь и не говори! Ступай теперича домой, а дальше уж мое дело, как поступать с этим мошенником!» Королева ушла в большом горе, а король после нее стал думать да гадать, как бы этого человека изловить? Думал, думал так, мало ли, много ли, потом призывает к себе слугу своего верного и говорит ему: «Так и так,— говорит,— к королевне повадился какой-то молодчик ночным временем шататься, да ты,— говорит,— смотри, ни гу-гу! Не дохни никому об этом, не то сейчас же голову долой. Так слушай дальше: иди,— говорит,— теперича в терем тот дочернин, выспроси у няньки дело это все до точности и на той же ноге будь здесь!» — «Слушаю-с, ваше королевское величество!» — говорит слуга. В ту же минуту помчался, а через минуту опять приходит. «Этот самый молодчик,— говорит слуга,— прилетает к королевне кажинный день на деревянной птице близко полуночи. Как только прилетит,— говорит,—

тотчас же сбросит с себя на окошко эпанчу свою верхнюю, потом птицу свою разберет, уложит ее в мешок и с этим мешком никогда не расстается, а все под мышкой носит. И как,— говорит,— чуть что стукнуло, сию же секунду птицу свою опять составит и хоть лететь готов».— «Ладно,— говорит король,— иди теперича в город, позови ко мне всех лучших советников моих и мудрецов и приходи с ними сюда вместе!» Слуга тотчас пошел. Когда они все опять пришли, король и говорит им: «Загану я вам загадку: не в нашем царстве, не в нашем государстве такое-то и такое-то дело случилось. Как бы теперича,— говорит,— изловить этого мошенника? Кто умный совет даст, того первым человеком в королевстве сделаю и большие деньги заплачу, потому что мне эту загадку самому загадали. А не скажет никто, так десятого — в солдаты! Вот теперича и думайте и гадайте, да мне скорее ответ подавайте!» Мудрецы думали, думали, ничего не выдумали, только один из них выискался, говорит: «Можно,— говорит,— вот какую штуку сделать, можно,— говорит,— выдумать такой состав, которым можно вымазать все окна в опочивальне той королевны. И как только этот молодец прилетит в опочивальню да сбросит с себя на окошко одежину свою, так она сейчас же так и прилипнет к ней, так что после и не отдерешь, а потом по этой одежине можно уж найти и мошенника этого». «Важно,— говорит король,— выдумайте мне теперь состав такой!» Тут мудрецы тотчас стали выдумывать состав этот, сейчас же выдумали и подают королю. Король послал им вымазать тотчас же окна в терему дочернином.

К вечеру после того прилетает опять, по-прежнему, в опочивальню к королевне наш царевич и только хотел сбросить на окошко одежину свою, а королевна как ахнет!.. «Ах,— говорит,— милый мой, зачем ты сбросил здесь одежину свою! Тебя ведь ловят,— говорит,— и окошко это вымазали каким-то составом!» Царевич, услыхавши такие речи, как рванет вдруг эпанчу свою, глядь — ан полы одной как не бывало — оторвал, прилипла! «Ну,— говорит царевич,— оставил теперича память по себе!» Ну, тут он посидел немножко с королевной, потолковал кое о чем, обещался похлопотать об свадьбе своей поскорее, собрался опять в путь-дорогу и улетел назад. На другой день в опочивальне королевниной нашли кусочек этой эпанчи царевичевой, представили ее к королю. Король велел разрезать ее на мелкие кусочки и послать по лавкам суконным, по всему своему королевству, по одному образчику в каждую лавку с таким приказом: ежели кто будет спрашивать такого-то сукна, так чтобы сейчас же представляли этого человека к королю! Ну, известно, он надеялся, что может кто и из его королевства подмазывался так к королевне-то!

А царевич, прилетевши домой, на другой же день хотел было уж идти к отцу за дозволеньем об свадьбе, да только то подумал, как же, мол, это я

без полы-то пойду? А помимо этой одежины-то нельзя было другой надеть, потому эта подарена была ему отцом самим, а царь настаивал, чтобы царевич только в ней одной и являлся во дворец к нему. «Так вот что,— говорит царевич,— теперь я сделаю: прикупить, говорит, необходимость скорее сукна такого, полу новую вставить, а потом и идти!» Призывает он потом дворецкого своего и говорит: «Так и так,— говорит,— ночным временем шедши по улице, напали на меня собаки и оторвали полу. Сыщи,— говорит,— мне теперича скорее точь-в-точь такого же сукна и отдай портному вставить полу!» Дворецкий пошел за сукном. Только искал, искал такого, весь город обшаркал, а сукна не нашел. Приходит домой и говорит: «Нету,— говорит,— нигде, ваше царское величество!» — «Отыщи, — говорит царевич, — где хочешь, хоть со дна моря достань, а сыщи, без того и глаз ко мне не кажи!» Дворецкий думал, думал, как быть? Потом и размышляет: пойтить, говорит, разве к купцу такому-то, ездит он часто за границу, так, может, говорит, и достанет его где! Вздумано — сделано. Приходит к купцу и говорит: так и так, мол, над царевичем случилось, не можешь ли где достать такого сукна? «Можно,— говорит купец,— это сукно из такого-то королевства, а мне, говорит, даже скоро туда путь лежит за товарами».— «Так сделай милость,— говорит дворецкий,— похлопочи!» Купец согласился. Приходит потом дворецкий домой и сказывает: так и так, мол, заказал с таким-то купцом из такого-то королевства достать! А это, значит, и было то самое королевство, в которое царевич-то летал. Царевич и говорит ему: «А скоро ли он привезет его?» — «Да обещался, говорит, скоро, а впрочем, и то сказать — Бог его знает — путь тоже не близкий лежит».— «А коли так,— говорит царевич,— так я сам еще скорее его скомандую!» Сейчас же собрал орла своего, сел на него и марш! Дворецкий не успел даже и глазом моргнуть, а уж царевича и след простыл.

Только проходит после того и день, и два, и неделя, и месяц, а царевича все нет. Дворецкого стало это маленько подмывать. Не свалился уж где, думает он, разве с орла-то своего? Не сломил ли себе шеи? Не заплутался ли как в поднебесье? Не попал ли куда ошибкой в другое королевство? Али орел-то уж не оборотень ли какой? Задумался так дворецкий, закручинился, думал, думал так, да и пошел к царю самому. Пришел и говорит: так и так, ваше царское величество. Царь спросил: «Кто царевичу орла такого сделал?» Дворецкий сказал: такой-то столяр! Царь велел тотчас же его в тюрьму засадить, а тут еще золотарь подбавил, сказал царю, что этот столяр колдун и первый в свете мошенник. Ну, знамо, он это сделал из ненависти да с досады, что тот, как сделался самым близким человеком к царевичу, иной раз и хвалиться над ним стал и ругаться, особливо в хмельном

виде. А царь-то все эти кляузы его за чистую правду принял, да и велел столяра-то сослать навечно. Сейчас же заковали его в кандалы, да и сослали туда по шоссейной дорожке. Так он и поплатился за выдумку свою да за гордость, потому пословицу забыл: тише воды, ниже травы будь — особливо наше мужицкое дело!

А что же теперича с нашим царевичем сталось? А вот что: как только он тогда долетел до того королевства, в котором сукна-то хотел купить, сейчас же спустился сначала на поле около одного города, разобрал там свою птицу, клинья поклал в мешок, мешок под мышку и пошел к этому городу. Приходит, спрашивает себе сукна такого, показал образчик, а его, друга милого, тут же и признали, да к королю. Привели к королю, ну и, знамо, сперва допрос: кто ты такой и откуда? «Я, мол, купецкий сын от такого-то царства».— «А это,— говорит,— что у тебя под мышкой-то?» — спрашивают, значит, про клинья. «Это, мол, по нашей торговле, аршины да полуаршины такие!» Ну, знамо, ему в этом не поверили, а говорят: врешь, ты, должно быть, какой-нибудь мошенник. И тотчас же послали его в полицию и засадили под самый строгий караул. Сидит здесь царевич наш и день, и два, и неделю, и месяц, а все не выпускают. Видит царевич, дело плохо, пожалуй, эдак и голову присудят долой. Вот он и пустился на выдумки. Сейчас же сказал полицейским, что он вовсе не купецкий сын, что так он показал сначала со страху, а что он фокусник из такой-то земли и что для этого у него и клинья такие имеются. Полицейские сейчас же его просят: покажи да покажи нам свои фокусы! Он и говорит: «Пожалуй, это мне нетрудно, только для этого мне надо просторную комнату с большими окнами». Полицейские сначала мялись, думают, чтобы, пожалуй, какого еще мошенничества не вышло. Только уж, наконец, захотелось им больно посмотреть на эти фокусы-то. Они сейчас и отвели ему такую комнату. Царевич взошел в нее, посмотрел, видит: хороша, тотчас же высыпал из мешка свои клинья, составил из них птицу, сел на нее и говорит: «Смотрите теперича!» Да с этими словами как шмыгнет мимо их в окошко! Полицейские туды-сюды, ахать, охать — как же, мол, это так? Да делать-то нечего: что с возу упало, то, должно быть, навсегда пропало. Так полицейские и прозевали нашего царевича.

А царевич, слава Богу, прилетел благополучно домой и прямехонько к дворцу своему. Увидал дворецкого и спрашивает: «Ну, что тут у вас без меня поделывается?» Дворецкий, известно, обрадовался. «Батюшка,— говорит,— дорогой ты наш царевич, в живых видать!» Сейчас же прямо к нему на шею. Царевич тоже обласкал его, сейчас же спрашивает про отца и про все. Дворецкий рассказал ему все, сказал даже и об столяре. «Может ли быть,— говорит царевич,— чтобы так случилось?» — «Верно!» — го-

ворит дворецкий. Царевич сейчас же пошел к царю, так даже не раздеваясь, а прямо как есть, по-дорожному. Царь, известно, обрадовался, увидавши его в живых. Сейчас же для такой радости задал пир на весь мир, музыку приказал настроить, бал, вины всякие, и нашему брату там сивушки поднесли.

Только пир пируют господа да министры, а царевич все как-то не весел. Царь его и спрашивает: «Чтой-то ты, сынок любезный, не весел у меня и сумрачен? Али, говорит, уж не красавица ли какая на балу моем защемила твое ретивое, так ты скажи, говорит, только, и сейчас же тебе всякое удовольствие будет!» — «Нет,— говорит царевич,— государь мой батюшка, не от того совсем я сумрачен, а задумался я, говорит, о двух вещах, только не знаю, как об них и слово вымолвить».— «Говори,— говорит царь,— сделай милость, не робей и не мучь меня лучше своими хмурыми бровями!» — «Первая дума моя,— говорит царевич,— красна девица, красавица, королевская дочь из такого-то королевства, и на ней мне, государь мой батюшка, хочется жениться».— «А на то,— говорит царь,— вся твоя добрая воля».— «Другая дума,— говорит царевич,— как бы столяра моего из ссылки воротить!» — «И на то,— говорит царь,— даю тебе свое разрешение, только с одним уговором, чтобы впредь он не выдумывал птиц таких, а ты,— говорит,— сделай милость, потешь меня, старика, изруби и сожги ты этого проклятого орла, который мне столько горя сделал».— «А на то,— говорит царевич,— вся твоя добрая волюшка, государь мой батюшка!» Так тем все горя и кончились.

После того царевич скорешенько женился на королевне прекрасной. Свадьба была такая, что об ней по всей вселенной говорили, из пушек палили, в колокола звонили. Простонародью сделан был приказ: три недели кабаки все были отперты и всякий пил своей рукой, сколько душе за угоду было. Под этот раз из ссылки и столяра воротили, да только уж после того недолго он нажил, а стал хиреть да хиреть, да так и умер, а вместе с ним пропал навечно и секрет, как из дерева летающих птиц делали.

62. ДВА БРАТА МЕЛЬНИКИ

Жили два брата мельники. Вот один брат мелет муку, дорого берет, а другой подешевле. Вот у этого, который дешевле мелет, народу очень много. Вот другому брату стало завидно. Зовет он его в лес. «По-

едем, брат, поищем мне вал на мельницу!» Вот только этот богатый взял хлеба, всего, а этот бедный ничего не взял. Вот только день проходит, два. Этот бедный мельник есть очень захотел. Просит у брата: «Брат, дай мне поесть!» — «Что ж, говорит, ты из дому не взял? Дай глаз выколю, дам тогда». Вот он думал, думал: «На, говорит, коли глаз, нечего делать». Он ему глаз выколол, дал ему хлебца кусок. Вот они по лесу ходили, ходили, опять есть захотел этот кривой. Вот только опять он просит: «Брат! Дай мне хлебца!» — «Дай, говорит, другой глаз выколю!» Вот он думал, думал. Есть хочется, а глаз жалко ему. «Нечего делать, говорит, на, брат, коли!» Вот он выколол глаз, дал хлебца ему и ушел от него этот брат.

Вот только ночь пришла, залез этот слепой мужичок на сосну. Приходят три окаяшки, залезли под сосну и говорят промеж собой. Один говорит: «Я, говорит, вот что знаю: кто слеп, утром встань пораньше, до свету, помажь росой глаза — прозреет!» А другой говорит: «А я вот что знаю: в одном месте мельницу делают, пруд копают, воды нету. Если в кусте раскопать, в пруду много воды будет!» Третий говорит: «А я, говорит, вот что знаю. У царя дочь больна. Поймать лягушку, изжарить, отдать ей съесть, здрава будет!»

Только мужичок выслушал все эти дела. Ушли они, он слез с сосны, помазал себе глаза росой, немного стал видеть. Помазал еще раз, еще больше стал видеть. Помазал в третий, совсем прозрел. Отправился он, где мельницу делают, пруд копают, туда. Только пришел он к ним: «Что вы, братцы, делаете?» — «Копаем пруд, воды нет».— «Что даете, я вам воду пущу?» Вот подрядчик и говорит: «Вот тебе, говорит, лошадь и денег, сколько хочешь, дам, только сделай, пожалуйста!» Вот только он им и сказал: «Вот в эдаком-то месте куст раскопайте!» Раскопали куст, воды очень много стало. Этому мужичку денег очень много дали за это.

Только мужичок отправился к царю. Подходит ко дворцу, там спрашивают: «Что за человек такой?» — «Я, говорит, слышал, что у царя дочь нездорова. Я могу ее вылечить!» Царь услыхал, позвал его к себе: «Что, говорит, братец, ты можешь мою дочь вылечить?» Он говорит: «Могу-с! Прикажите вот в таком-то месте лягушку, вынясь, изжарить, дать вашей дочери съесть, будет здорова!» Изжарили, дали ей. Съела она, стала здорова. Вот царь его за это поблагодарил. «Чего угодно, бери!» Вот мужик много взял денег, и злата, и серебра.

Приезжает он домой. Дома обрадовались очень ему. «Где ты был?» — спрашивают его. Он рассказал и посылает к брату своего сына. «Ступай, меру принеси, у дяди попроси!» Прибегает он к дяде. «Дяденька! Дай меру, батюшка велел просить!» — «На что ему?» — «Не знаю». Вот мальчик принес меру, стали деньги мерить. Смерили, велели мальчику меру отнести.

А к мере-то пятака два прилипло. Увидал это брат: «Должно быть, говорит, он деньги мерил! Пойду схожу к нему!» Вот только пришел и спрашивает: «Брат, ты никак деньги мерой мерил?» — «Да, деньги».— «Где же ты взял их?» Он рассказал все.

Вот старший брат и говорит: «Поди в лес, мне глаза выколи». Вот пошел он с ним в лес, выколол ему глаза. Пошел он слепой, на сосну сел. Пришли три окаяшки и говорят: «Ты что знаешь? А я вот что знаю: один мужик прозрел!» Другой говорит: «А я вот что знаю: мельница мелет, где пруд-то копали, а воды не было!» Третий говорит: «А я вот что знаю: царская дочь выздоровела. Кто-нибудь был, подслушал».— «Нет ли, говорят, кого тут теперь?» Взглянули, увидали, что он (мельник) наверху сидит: его и разорвали, дружка.

63. МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

1. Жил старик са старухой, насрали читвирик с асьмухай, высрали сибе сынка-бздунка: у них дитей-та не была. Старик-та паехал пахать, а старуха стала блины печь. Ну вот и гаварит: «А Хоспади, некаму старику и завтрек атнести». Ну и панес он атцу завтрек и кричит: «Тятькуй, завтрекать несу». Нес и да принес. Атец ево завтрекаить, а он гаварит: «Тятька, давай я буду пахать?» — «Хде тебе!» Вот он сел лошади в ушко, паехал пахать и песенти запел. А вот, не плоши вас, такой-та барин едит и гаварит: «Старик, што такоича, лошадь адна пашит, а слышна песенки пает (т.е. кто)?» Он астанавилса... «Што, дедушка, прадай мне сынка-бздунка?» Вот он его и продал. Он взял ево завернул да в карман пасадил, да и паехал к сваей барыни. Приехал. Ну, а он ему в кармани-та наклал да и сам ушол. Барин приехал, барыни-та отдал — та руками сплеснула.

2.

Жил-был дед да баба. И вот дед говорит своей бабушке весной: «Бабушка! Ты пеки блины, а я поеду пахать». Дедушка запрег лошадь, поехал пахать, а бабушка стала дома готовить, печку топить и блины печь. Стала щипать лучиночки и отрубила себе пальчик. Что делать? Завернула этот пальчик в тряпочку, положила в печурочку, а сама стала растоплять печку.

Растопила печку, стала блины печь. Напекла блинов, помазала их сметанкой и говорит: «Вот дедушке некому снесть блиночков, был бы у нас мальчик, он бы ему снес». А из того пальчика, что она положила в печурку, сделался мальчик. Он выпрыгнул из печурочки и говорит:

— Бабушка, давай я снесу.

Она посмотрела на него:

— Да уж очень ты маленький, тебе не донесть.

— Ничего, бабушка, донесу.

Ну, бабушка наклала в чашечку блиночков, завязала в платочек, дала мальчику. Он дошел до порога, а перейти не может, кричит:

— Бабушка, бабушка, перенеси через порог!

Бабушка перенесла его, свела со ступенечек и показала: «Вон дедушка пашет». А от дома видно было, где дедушка пашет. Мальчик-с-пальчик пошел. Немного до дедушки не дошел — там межа высокая такая — мальчик-с-пальчик никак не перейдет ее, давай кричать:

— Дедушка, дедушка, перенеси через межу! Дедушка, дедушка, перенеси через межу!

Дедушка услышал: что такое? Кто это кричит? Пошел, в траве глядит — мальчик-с-пальчик несет ему завтрак. Он берет мальчика-с-пальчика и блиночки эти и стал завтракать. Мальчик-с-пальчик говорит:

— Дедушка, давай я буду пахать.

— Да как же ты до ручек достанешь? Ты до ручек до плуга не достанешь.

— Ну, тогда посади меня к лошадке в ухо, ты будешь пахать, а я буду песенки петь.

Ну, дед так и сделал. Посадил мальчика-с-пальчика к лошади в ухо, стал пахать, а мальчик-с-пальчик песенки поет.

Идет как раз барин мимо. Заслушался — уж очень хорошо мальчик песни пел. Спрашивает у дедушки: «Кто это так у тебя песни поет?» А он: «Да мальчик-с-пальчик у меня».— «Покажи, пожалуйста». Дед показал ему. Барин никак не может отвязаться: «Продай мне этого мальчика-с пальчика!» Дед говорит:

— Да что вы, я так до старости дожил — у меня никого не было, а сейчас он мне очень нужен.

А барин не отстает никак. А мальчик-с-пальчик из лошадки, из ушка-то, выскочил, к дедушке подошел и говорит:

— Дедушка, а продай, я все равно убегу от него.

Ну, дед что ж, пришлось продать барину, барин хорошие деньги ему дал за этого мальчика. Положил его в карман и ушел. А дедушка пашет себе.

А мальчик у барина в кармане. Барин, значит, пошел, ходил там, ходил по полю, гулял по лесу и не заметил, как у него мальчик-с-пальчик из кармана-то и выпрыгнул. Выпрыгнул и бежать. Забежал и сам не знает куда. Уже стало поздно, и он не знает, куда ему деваться, и решил ночевать в лесу. Нашел местечко такое уютненькое, прилег на мошок, мошком оделся и лежит. Слышит — шум какой-то, разговаривают идут. Громко разговаривают, прислушался: какие-то разбойники идут, собираются кудай-то идти воровать чегой-то. Ну, ему нужно как-то выбраться, он давай им кричать:

— Братцы-ребятцы, возьмите меня с собой! Братцы-ребятцы, возьмите меня с собой!

Эти разбойники остановились, подошли к нему, посмотрели:

— Да куда тебя,— говорят,— брать-то? Ты уж очень мал.

— Да ничего, возьмите, я вам пригожусь.

Ну, они его взяли, говорят ему:

— Мы идем к попу вашему корову воровать, ты где хошь можешь пролезть. Пролезешь там во двор к ним, ворота нам откроешь, а потом мы уж сами все будем делать.

Ну, так и пришлось мальчику-с-пальчику. Они его забрали, пришли к попу корову воровать. Мальчик в подворотню забрался, открыл им вороты. Они, значит, корову вывели и мальчика с собой взяли. Корову завели в лес, ее там прирезали, мясо забрали, а в требуху-то этого мальчика-с-пальчика и зашили. Мальчик так и остался в требухе. «Куда,— говорят,— он нам теперь? Он нам теперь не нужен».

А волк в это время ходил, у волка чутье хорошее. Он по запаху эту требуху нашел и стал ее есть. А волки — они жадные. Он целиком эту требуху проглотил и вместе с требухой мальчика. Теперь куда он попал, мальчик сам не знает. Что делать? Давай у него ворочаться там, в животе-то, давай его там царапать. Волк не знает, куда деваться. «Что меня так мучает? Я бы что хошь бы сделал,— говорит,— лишь бы меня так не мучили!» А мальчику это и нужно.

— Ты вези меня к бабушке с дедушкой.

Волк говорит:

— Хорошо, повезу, только чтобы ты не царапался у меня там.

Значит, мальчик притих, он его повез. Довез его до поля и говорит мальчику:

— Выходи, мальчик, на поле я тебя привез, ты дом сам найдешь.

— Нет! Веди меня к дому!

Пришлось волку его к дому везти, к бабушкиному с дедушкой. К дому подошел, мальчик опять не выходит.

— Вези меня в дом!

Значит, волку пришлось в дом везти его. В дом-то входит, мальчик, значит, выскочил и кричит дедушке с бабушкой:

— Дедушка с бабушкой, бейте волка!

Они его и убили. А мальчик-с-пальчик вышел и стал с ними жить-поживать и добра наживать.

64. <БЕЗРУЧКА>

Вот жили и брат и сестра, а отец у них помер. Сыну наказывал: «Сын любезный, вот вы живите, как мы жили, вообще. Случай вздумает она (сестра) замуж выходить, вы ей принесите все к венцу ехать. Случай что будет, живите мирее». Брат холостым недолго пожил, вздумал жениться. Жена негодная попалась, стала сестру изгонять. Муж уехал на моря, там работал. Приезжает с морей, жена встречает его сердитая, сурьезная. (Он спрашивает, почему она не весела,— вставка собир.). «Как же? Сестра кобылу у нас зарубила». Он пришел, богу помолился. «Здравствуй, сестрица дорогая».— «Здравствуй, братец». Побыл дома, опять уехал.

Прослужил, приехал опять. Опять встречает невестка. Выходит ему навстречу, пукли распущённые. «Что ж ты невесела?» — «Сестра-то у канарейки голову отрубила». («Здравствуй, сестра»,— ничего ей не сказал, ни худа ни добра.— На полях). Побыл несколько, сидит, виду не доказал. Поехал опять в свой путь. (Опять приехал, жена невеселая вышла навстречу, он спросил, что с ней.— Вставка собир.). «Сестра твоя,— говорит,— ребенка зарубила». Брату стало прискорбно. Опять с сестрой поздоровался, несколько времени побыл. «Поедем, говорит,— сестра, где наш папаша путешествовал». Запряг лошадь в темную карету, поехали. Сестра спрашивает, далеко ли; он говорит: «Далеко». Приехали в дремучий лес. «Слезай»,— говорит. Она слезла. Он ей отрубил руки по локоть. «Ходи по темному лесу и прощай».

Ходила она, ходила, вышла в дремучий сад, яблоков много; хочется яблочко сорвать, а нельзя. Плечиком потрясла яблоню, прижала яблоко коленом и ест. В саду был огромный дом. Выходит барин, спрашивает ее: «Кто ты есть?» — «Я хрещённая и просвещённая».— «Подойди ко мне».— «Да я нагая!» Он ей сряду принес, привел к родителям просить благословение

венчаться. Они отговаривают, он не слушает. Обвенчался, пожил несколько, она забеременила; он уехал на море, а он вместе с братом ее работал, приятели были. Уехал на моря, а ей пришло время родить; родила мальчика, прекрасный мальчик! Надо писать, чтобы ехал крестить. А у них нищий ночевал, говорит: «Вы пишите письмо, я туда отнесу». Они написали. А идти ему (по другой записи: «путь легла») мимо снохи. Она спрашивает: «Куда идешь?» Он рассказал (в саду ходила девка безрукая... и т.д. Несу письмо, она родила, надо крестить). Ей хочется письмо прочесть, она говорит: «Попарься у нас».— «Да не худо бы».— «Иди, я печку разберу». Она взяла письмо, написала: жена родила сына, половина человечий, половина собачий. Он написал: до моего виду его никуда не изводить.

Шел нищий назад, зашел ночевать к снохе. (Опять то же. «Полезай, попарься». Взяла письмо). Прочитала письмо, взяла написала: «Послать дитю в кузницу, приковать к белым грудям, пустить по лесу, не дожидаясь меня». День прошел, жаль им. Потом решили: надо везти (боялись, что муж приедет и рассердится). Свезли в кузницу, приковали ребенка к грудям и пустили. «Ступай ходи по темному лесу, сколько походишь». Мальчик был годочку. <...>. Ходила, ходила, мальчик захотел попить. (Она сказала, что не может дать ему пить, т.к. у нее нет рук). Мальчик отвечает: «Ты нагнись». Нагнулся, мальчик отвалился, и руки бог дал ей. Умылась она, думает: «Куда мне идти? Пойду навещу родительский дом». Там брат ее и муж.

Сноха по голосу ее узнала, говорит: «Много тут ходит». Муж говорит: «Пусти». Раскроет ребенка, а он сияет, как солнце. Они говорят: «Что это осияло?» <...>. Брат говорит: «Ты много по свету ходила, чай, что слышала».— «Слышала я побасочку, как жили брат и сестра. Отец наказывал жить хорошо»... <Повторяется несколько сокращенно содержание сказки>. Брат стал в эти слова вникать ... В огромном саду дом; хочется ей съесть яблочко; коленом прижала, сидит ест. И выходит господин, спрашивает ее и подзывает к себе; она говорит: я подошла бы, да я нагая. Он ей одежу вынес и просил у родителей благословенья обвенчаться. Обвенчался и уехал на моря. Она ребенка родила. Послали ему письмо. За ём послали нищего крестить. Сноха письмо разорвала, написала: ...и т.д. Она подошла к пруду, а ей бог руки дал, и ребенок отвалился от грудей. Сидит она, думает: «Дай пойду в родной дом».

Сноха говорит: «Она болтает вам». Брат с мужем в голову взяли. Она говорит: «Здравствуй, брат, и ты, милый мой». Она им и рассказала. Брат жене голову отрубил; теперь живут богатеют. И я там была, мед пила, по усам текло, в рот не попало. И вам в гости велели приходить.

65. ТРИ СЕСТРЫ

Жили-были отец с матерью, у них были три дочери. Вот только пошли они раз за грибами, мать их отправила. Долго две старшие ходили, а не могли нарвать полной корзинки. А младшей тут так посчастливилось, что она нарвала полную корзинку и полный фартук. Вернулись они домой. Две сестры старшие почти ничего не принесли, а младшая принесла полную корзинку и полный фартук. Мать этим двум дочерям и говорит: «Верно, вы ленились!» Дала им за то больше льну прясть, а меньшой вполовину против них.

На другой день послала она их за ягодами. Вот пошли они, ягод было ужасно много. Вот старшие сестры рвали да ели, а младшая все собирала в кувшин. Набрала себе полный кувшин. Когда они собрались домой идти, увидали, что у младшей сестры полный кувшин ягод. Они на нее ужасно как рассердились и говорят, чтоб она поделилась с ними ягодами, боятся, чтобы мать на них не рассердилась. Она не согласилась. Приходят они домой. Мать опять на этих двух сестер осердилась, дала им сучить пряжу: им дала больше, а младшей вполовину меньше. Вот собирается отец их ехать в город. Этим сестрам из города ничего не привез, а младшей привез серебряное блюдечко.

На третий день мать посылает их за клубникой. Они отправились, приходят в лес: клубники пропасть. Те две с жадностью бросились ее есть. А младшая сестра начала опять набирать в кувшин себе. Пришло время возвращаться им домой. Сестры увидали, что у младшей сестры полный кувшин, а у них ничего нет. Вот взяли, завели эту сестру в опушку, убили ее, выкопали яму и схоронили. Положили ей на грудь серебряное блюдечко и красненьких ягодок. Зарыли ее. Ее кувшин с ягодами взяли с собой, пришли, сказали, что вот они ягод набрали, а что младшей сестры не видали. «Видно, дикий зверь на нее напал, съел ее». Мать с отцом затужили.

На другой день пошли сами искать в лес. А во время ночи на ее могилке вырос куст таких прекрасных цветов, желтеньких. Прохожий увидал их, сорвал один цветочек, взял себе, а из стебелька сделал дудочку. Как он заиграл, дудочка и выговаривает слова:

Поиграй, поиграй, дядюшка!
Не ты меня душил,
Не ты меня губил:
Душили, губили

Сестрицы-жидовочки
За серебряное блюдечко,
За красненькие ягодки.

Мать с отцом были в лесу, услыхали эту песню, подошли к этому прохожему, попросили у него, чтоб он позволил им поиграть. Он позволил. Старик стал играть на дудочке. Она и выговаривает слова:

Поиграй, поиграй, батюшка!
Не ты меня душил,
Не ты меня губил:
Душили-губили
Сестрицы-жидовочки
За серебряное блюдечко,
За красненькие ягодки.

В то время, когда он играл, старуха ужасно плакала. Старуха взяла дудочку, сама начала играть. Дудочка и выговаривает:

Поиграй, поиграй, матушка!
Не ты меня душила,
Не ты меня губила:
Душили-губили
Сестрицы жидовочки
За серебряное блюдечко,
За красненькие ягодки.

Вот они пристают к прохожему, чтоб он отдал им эту дудку и этот цветок. «Я вон,— говорит,— взял на той могилке, ступайте — сами можете нарвать!» Сам пошел дальше.

Старику понравились эти цветы, он начал весь этот куст вырывать. Только когда он подкопался под корень, вынул эти цветы и увидал под этим корнем серебряное блюдечко и вспомнил, что у них дочь-то пропала. «Смотри-ка,— говорит,— старуха! Ведь это наши злодейки закопали ее, должно быть, с ненависти!» Только начал он копать дальше и отрыл ее. Она вдруг проснулась и встала. Они так обрадовались ей. Пошли домой, она дорогой рассказала все, за что сестры ее убили.

Только они дорогой нагнали этого прохожего. Он увидал эту девушку, ужасно она ему понравилась. Приходит домой, этот старик спрятал свою дочь в чулан, а сам с своей старухой и прохожим вошли в комнату. Только отец и попросил этого прохожего заиграть в дудочку. Как он заиграл, сестры упали на колени, признались во всем. Отец велел из конюшни самого

бойкого жеребца привести, связал их коса с косой, привязал к лошадиному хвосту и по полю размыкал. А эту младшую дочь отдал за этого прохожего.

66. ПРО ЦАРЯ ДАВЫДА

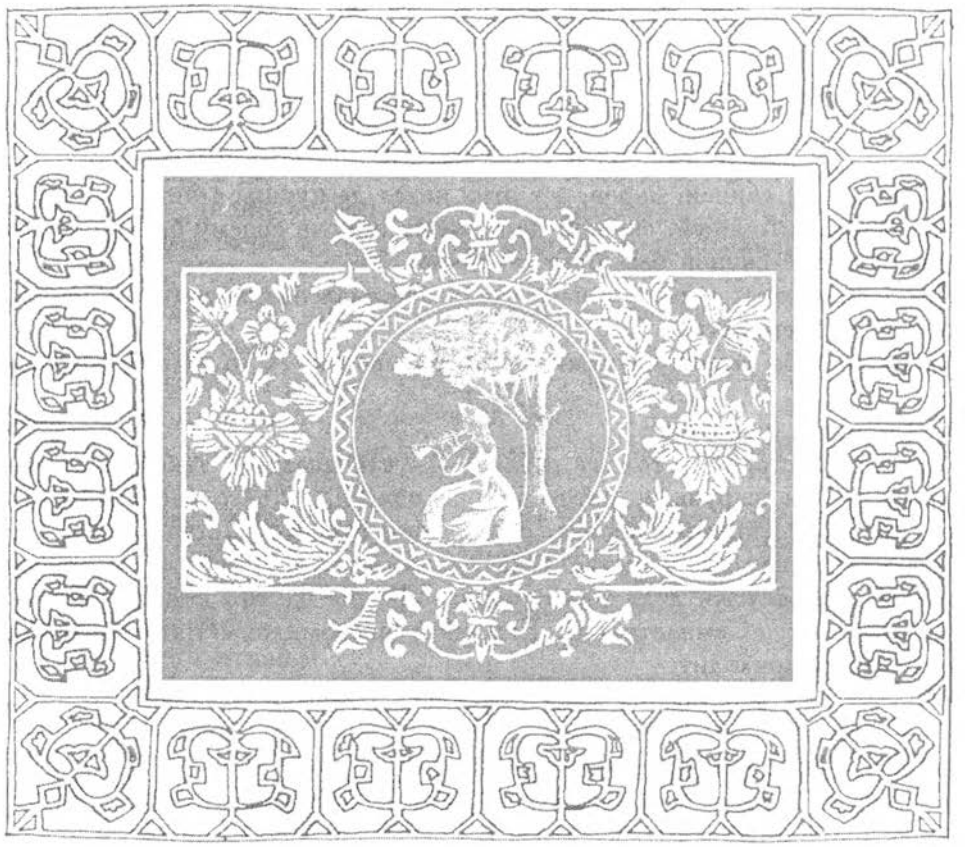
Царь Давыд вазлюблял чужих жен. У каво жана хараша, вазьмет сибе. У мужичка у аднаво хараша жана — дай я ее вазьму сибе. Ат царя ни атабьёсси. Мужичёк стал яму просьбу падавать: яму жалка жану-та. «Ваша царская величиства, гнал мужик стада, багатай нагнал на маю паследню офцу и атбил. Што мне с ним делать? Он мне ни атдаёт!» Царь Давыд рассудил: «Яму нада за эта голаву атрубить, этаму мужику багатаму: ни атбивай последнюю офцу». А андил гасподний являитца с мечём, царю хочит голаву срубить. Царь аглянулся на нескалька время назат али на бак, а андил гасподний держит меч, хочит яму голаву атрубить; тут он и васпакоился, гат (говорит): «Памилуй миня, Боже!.. мой грех-ат прида мною». Он догадался, шта анасленюю жану-та у мужичка отнял... Вот, гаварят, пасаломы што ли ат няво.

67. КАК КУПЕЦ РИЗУ УКРАЛ

Один купец разорился, не видя возможности поправить свои дела, он однажды в церкви, где стояла в богато изукрашенной ризе икона Богоматери, обратился к Божьей Матери со следующей молитвой: «Царица Небесная, помоги мне украсть твою ризу; если я разживусь с нее, закажу тебе ризу в десять раз дороже». Когда кончилась служба, купец спрятался в церкви. Ночью он снял ризу, и ему удалось выйти с нею из церкви незамеченным никем. С этого дня его дела пошли хорошо, и скоро он сделался богачом. Тогда он вспомнил свое обещание; заказал ризу в десять раз дороже украденной, с драгоценными камнями.

Он отправился к священнику той церкви, рассказал ему все и попросил позволения надеть новую ризу на икону. Но священник с удивлением вы-

слушал его: «За ризу очень благодарим Вас,— сказал он,— но старая риза не украдена: она на иконе». Они пошли вместе в церковь; но ризы не было. И в первый раз священник и причт увидали, что ризы нет — а то такое чудо Божья Матерь сделала, что всем, и священнику, и народу казалось, что риза не снята.



БЫТОВЫЕ СКАЗКИ, НЕБЫЛИЦЫ, АНЕКДОТЫ

68. ПРО СЕМИЛЕТКУ

Жил старик с дочкой, а дочку звали Семилеткой, потому что после матери осталась семи лет. Жили они бедно, отец старый. А у старика брат был богатый: много кур, свиней, коров, а у этих козёл да курица с петухом. Ну, все ругали брата: «Жадный, скупой, не можешь помочь своему брату с племянницей». Скупой-скупой был брат стариков.

Вот пошел отел, корова у него отелилась, маленькую телочку принесла. Понес он ее Семилетке:

— Дарю тебе телочку, ухаживай за ней, расти! А то живете вы бедно, плохо!

— Спасибо, дядюшка!

Посмотрел старик и голову повесил — что делать с такой маленькой? Сначала соседи выручали, потом травки накосил. Долго растили телочку. Стала из нее прекрасная корова, родила она телочку. Погнали их в стадо. А корова крупная да ласковая такая! Семилетка с отцом не нарадуются. Вот идет раз богатый дядя мимо стада: «Да чья же это корова такая?» А пастух отвечает: «Семилеткина!» Его так и ошеломило: «Я эту корову отыму». Вечером приходит:

— Кого тебе моя корова принесла?

— Телочку!

— Отдай мне корову, оставь себе телочку!

— Нет, я ее растила. Возьмите телочку. Не отдам!

— А я в суд подам!

Дядя подал в суд. А суд далеко, за четыре километра. Идут они, старик нервничает, плачет. А Семилетка его утешает: «Не плачь, бытюшка, суд рассудит!» Вот приходят братья в суд. Судья интересный, молодой и одет хорошо.

— Рассказывайте, в чем дело?

Они рассказывают.

— Не пойму я вас,— говорит.— Загадаю вам три загадки, кто отгадает, того и корова. Первая загадка: что на свете всего быстрее?

Приходит старик домой, говорит старик Семилетке: «Вот судья чудной! Загадку загадал!» — «Ложись спать, завтра тебе скажу». Старик всю ночь не спал, а утром ему Семилетка говорит: «Вот, старик, быстрее всего мысль. О чем подумаю, о городе каком — так там уже и мысль!»

Пошел старик в суд, и дядя поехал на лошадке. Приехал к судье, выскочил: «Быстрей моей лошади ничего нет!» А судья смеется:

— Ну а вы чего скажете, папаша?

— Быстрее мысли ничего нет.

— Верно,— говорит.— Ну, а теперь отгадайте, что на свете всего милее?

Старик идет, думает: «Для меня самая милая моя Семилеточка!» Изнервничался. А Семилетка его успокаивает: «Утро вечера мудренее, ложись спать!» А утром говорит ему:

— Иди, первым не говори, а спросят, скажи — сон всего милее. Уснешь — забудешь и радость и горе. Без сна человек не может существовать.

Пришли они. Дядя говорит:

— Милей моей жены нету. И собой хороша, и работница!

Судья говорит:

— Хороша, да не то! Ну, а вы что скажете, папаша?

— Милее всего сон.

А третью загадку судья им загадал: «Что на свете всего жирнее?»

Идет старик печальный. Семилетка к нему:

— Что ты печальный? Разве мы неверно отгадали вторую-то?

Наутро все сделала и говорит:

— На свете всех жирнее земля, от нее все плоды и все произрастание идет.

Приходят они к судье. Он надел темно-синий костюм. Дядя говорит:

— Жирнее маво поросенка нету. Зарезал его, так вон сколько пудов!

А старик говорит:

— Земля всего жирнее!

Видит дядя, что не отгадал, хлопнул дверью и ушел — он грубый был. А старик низко-низко судье поклонился, «спасибо» сказал. Судья спрашивает: «Как вы отгадали?» — «Не я,— говорит,— моя дочка Семилетка».— «Ей семь лет?» — «Нет, это так зовут ее».

— Скажи ей, чтобы завтра ко мне приехала, да чтоб не пришла, не приехала; не в сорочке, не нагая; принесла бы не подарок, не отдарок.

— Хорошо, господин судья,— говорит.

Пошел домой, залился горячими слезами. «Лучше бы уж корову взял»,— думает. Идет, ниже плеч голову повесил. Семилетка и корова встречают его. Корова лизнула, а он печальный.

— Спросил меня судья, кто отгадывал, я и сказал про тебя. А он говорит, чтобы пришла завтра — да чтоб не пришла, не приехала; не в сорочке, не нагая; принесла бы не подарок, не отдарок.

А она ему:

— Ну и что же! Иди, папенька, покушай, я четвертинку купила, и ложись спать. Утро вечера мудренее.

Старик немного заснул, да болит у него душа. Встал утром, а она на ногах. «Достань мне вначале невод»,— говорит. Завернулась она в этот невод, как запеленалась — не в сорочке, не нагая. «Достань мне теперь три

голубя». А она достала салфетку из сундука (укладки тогда были), завернула голубей в салфетку. «А теперь,—говорит,— козла приведите!» Привел он. Она поцеловала отца: «До свиданья, папенька!» Взяла птичек, села на козла — не пошла, не поехала.

А судья ее дожидается, разодет. У него форточка была открыта. А она еще окно открыла — голуби-то и разлетелись — не подарок, не отдарок. Подивился он ее остроумию, а она страшно красивая. «Я,— говорит,— женюсь на тебе, если не будешь вмешиваться в мои дела!» — «Хорошо! Поедем к батюшке за благословением».

Старик увидел — испугался, а судья говорит, что свататься приехал. Старик обрадовался. Судья жалование большое получал. Сыграли свадьбу, ну и живут в миру и согласье хорошо.

Теперь один случай был таков. Судью в командировку послали, а она осталась одна. А в это время из соседней деревни два пропойцы мужика поехали на мельницу. У одного лошадь — кобыла жеребая, у другого телега. Положили мешки, едут. А у них лошадка-то по дороге жеребиться вздумала. Они остановились, выпили под кустом, лежат. Проснулись — лежит жеребенок под кобылой. Один говорит: «Это моя телега ожеребилась!» А другой: «Нет, моя кобыла!» — «Ну, пойдем к судье». Приходят, судьи нет, а Семилетка спрашивает: «Что случилось?» Рассказывают они все Семилетке, она и говорит: «Вы что спорите? Везите телегу вправо, а кобылу — влево; куда жеребенок пойдет, та ему и мать». Они шапки сняли, поклонились. Так все и сделали, поехали. А навстречу им судья. Они ему все рассказали.

Он приезжает домой, говорит Семилетке:

— Ну, условие ты не выполнила. Возьми, что тебе милее, дороже, и иди к батюшке.

А она говорит: «Устроим прощальный вечер».— «Давай». Пьет она сама на вечере квасок, а он так напился пьян, что и не помнит, что с ним было. Положила она его в коляску и с ним к отцу поехала. Утром просыпается он:

— Почему я здесь?

— Я тебя взяла!

— Почему?

— Да ты же сказал: возьми самое дорогое — ты мне дорог.

— Ну, умна ты!

И с тех пор стала женщина во всех делах участвовать. Вот почему сейчас даже в ракете! И шофер, и милиционер! Это после Семилетки во всех делах женщины участвуют,

А у них пир был. И я там была, мед-пиво пила, по усам текло, немного в рот попало.

69. <НЕВЕСТА-ДУРОЧКА>

Одну, значит, невесту признал сват дурочкою. Значит, знакомый был один дальнему человеку. У него был жених, а у этого человека была невеста, и они между собою так вот сосватались там на месте. (Сейчас ведь не так делается: если ты мне понравилась и я тебе понравился, я тебя беру, отец и мать, значит, не в силах, если они характерами сошлись, а раньше не так было дело. Приедет отец: «Вот, дескать, Ванька, я тебе невесту нашел»,— ну и все). Он приехал оттеда и говорить:

— Я тебе, Манькя, жениха нашел.

— Ну, что ж, нашел,— и все дело.

— Они приедуть, значит, в такое-то время. А я поеду, значить, на базар, куплю чего встретить-то их.

Вот, к примеру, в Коломне был базар. Ехать, если прямо, то четыре версты — четыре километра, значит. Там была места очень опасная, промучаешься, значит, лучше в объезд, а в объезд семь километров. Вот он, понятно, поехал в город закупать, а она осталась. Сваты приехали без отца, значит, а он на базаре. Ну, по обычаю, понятно: «Здравствуйте».— «Здравствуйте».

— Где ж Ваш папаша и мамаша?

— А они,— говорит,— поехали на базар.

— А скоро они приедут оттуда?

— Если прямо поедуть, то они к вечеру приедуть, а если в объезд поедуть, то они к обеду приедуть.

Они спрашивают:

— Чем же объясняется эта штука? Сколько же километров прямо, а сколько же в объезд?

Она и говорить:

— Четыре — прямо, семь — в объезд.

Тут сваты думають, что мы дурочку приехали сватать: четыре-то — это рядом, а семь — все же дальше.

Помечтали между собой, приезжают отец и мать с базару.

— Что же ты, сват, долгонько?

— Да поторопился,— говорить.— Поехал прямо, а там у нас есть пучина, я в нее попал и просидел, а мне бы в объезд ехать надо, я бы к обеду приехал.

Тогда они поняли: не дура она, а очень умная.

70. <ОКЛЕВЕТАННАЯ ДЕВУШКА>

Есть такой рассказ, рассказ очень знаменитый, про лодку и собаку.

Был барин, не имел жены, она у него, значить, ликвидировалась, померла. Он имел девочку и мальчика, он проживал в Москве. Ребятенки, когда были маленькие, он оставлял их дома. Когда они были маленькие, он им контроль никакой не давал. Торгуйте, значить, и торгуйте. Вот стали уж эти ребятенки взрослые, девочка и мальчик, к ним доверие потерял, значить, уж можно сказать, отец. Ну, понятно, не именно подозрение какое-нибудь, а мысль такая была у него: ну-кось, энтот найдет себе симпатию и энта то же самое!

И по случаю этого самого он приезжает из Москвы и становит опекуном им попа. Ну, понятно, с соглашением его — понятно, угощение ему. Садятся за стол и ребята, и он, и поп; и при этом угощении он говорит:

— Вот, дескать, батюшка, я сейчас теряю доверие на ребят ввиду того, что один найдут себе симпатию и другой тоже. Я их даю в опекунство, ты им будешь опекуном. Сдаю тебе в опеку.

— Согласен,— говорит.— Согласен, что ж.

И вот, когда он сдал их в опекунство попу, поп, значить, не так следил за парнем, как за девкой. Значить, предложение давал к тому, к чему ж следует. Значить, она, эта самая девка, ни на какие его предложения не соглашается. Он и говорит:

— Если ж,— говорит,— ты не согласишься, то мне только написать письмо, и на тебя управа будет другого содержания.

Она говорит:

— Пиши, чего хочешь, но ты, чего думаешь, не получишь.

Он пишет письмо ихнему отцу, что девушка твоя совершенно в блуд вдалась. Отец, не приезжая домой, пишет на попа письмо, чтоб он ее прочитал детям, письмо очень сурьезного значения: «Чтобы до моего приезда дочь моя риквидировалась из моего дома». Поп это, прочитав письмо спервоначалия один, а потом приносит ее к эфтим самым ребятам. Приносит к ребятам. Ребята, значить, прочитав это письмо и зная поступок своего отца, она, значить, решила расстаться со своим братом — эта самая сестра. Они жили, значить, в согласии. Брат, какие имел деньги при себе, он все ей отдал, как будто часть ей выделил. И проводил ее до лесу и распрощался с ней.

И вот она шла лесом, и вдруг собаки залаяли. Она, видя безвыходное положение, глянула вправо, влево,— видит: стоит пустое дерево, старые такие дерева, пустые. (Встает, показывает, какое дерево, и далее изобража-

ет, как она спряталась в него). Было дерево с дуплой, и она в это дерево стала. Это были собаки охотницкие. Охотник с собаками приходит к этому дереву: «Выходи,— говорить,— отседова, иначе я стрелять буду». Она выходить.

— Ты куда,— говорить,— идешь?

— Куда глаза глядят.

Она представительная была эта девушка, так посмотреть. Он говорить:

— Пойдем со мной, ты будешь моей служанкой.

Он был офицер. Вот, значить, пришли они и стали с ним жить. Проживши год, он не решился ей давать предложение насчет любви. Но а потом все-таки решился ей предложение внесть, чтобы она была невенчаная его. Когда он внес это предложение, она сказала:

— Если ты навсегда, то будешь мой муж навечно, а нет — то я не хочу.

Ну, он ей сказал, что навсегда. Вот они согласились и стали жить как муж с женой. Жили — и прижили ребенка. Оба были ему очень ради. И, когда он занимался с солдатами, она ему и говорить:

— Вот, Василий Степанович, ты ведь занимаешься с солдатами, а я никогда не посмотрю.

— Почему ж нельзя, переезжай через Оку.

Перевозчик был знакомый. Она села с ним в лодку, с этим перевозчиком. Лодка качнулась — ребенок выскочил из рук прямо в воду. Она его ловила, ловила и не поймала, и говорит перевозчику: «Ворочайся обратно!» — ввиду того, что муж ужасно любил ребенка и она тожа. Вот она ему и сказала: «Причина, знаешь, какова,— я от мужа скрываюсь».

При скрытии мужа, она, уходя от него, забирает вещи — те, в которых он поймал свою жену в лесу, и свои вещи, в которых она шла. Она — посмотреть — была очень хороша. Для того, чтоб никто на нее не смущался, она подстриглась «под польку» и не стала уже ходить в женском, а стала ходить в мужском платье. И она поступила в Москву в какие-то управляющие, как мужчина. И определилась в лавку, ту, где стала забирать постоянно, что требовалось.

Так, пока эфто кончим. Значить, этот самый офицер, подходя к этому самому перевозчику, и спрашивает:

— Была моя жена?

— Была, и сказала, что я, говорит, от мужа скрываюсь, а причина вот какая: лодка качнулась, вырвался ребенок у нее из рук и прямо в воду, и она его не нашла.

Эфтот ее муж вдался, можно сказать, в пьянку. И до того допился, что остался в лаптях и тоже бросил свое дело и пошел шествовать куда-то туда, куда глаза глядят. Но пришлось ему идти по стопам по тем, по которым

шла его жена. И он дошел до самой до Москвы и попал в эфту лавку, где она забирала. И значить, он, несмотря на то, что в лаптях, но личность и обхождение хорошее, он там попросил попервоначатию на пропитание и потом, по времени, остался там.

Приходить время, его жена приезжает в эфту лавку забирать кое-что, и она видить: «Мать чесная! Хоть в опорках, а ведь муж-то мой!» Вот она забрала все, и с ней постоянно при заборе посылали, значить, провожатого.

— Кого Вам?

— А вот этот, в лаптях, меня проводит.

— Ну что Вы,— говорят,— в лаптях! Мы Вам служащего хорошего.

— Нет, нет, пусть вот этот в лаптях меня проводит.

И вот они, значить, понятно, ее удовольствию не стали мешать. Она его напоила, накормила и 25 рублей денег дала ему и отправила домой. Потом уж она стала ездить почаще к этому самому в лавку забирать.

А потом приходить время отцу ее именины. Она и говорить в лавке этому:

— Не можешь ли ты к мому отцу на именины поехать?

Он соглашается. Он не знает, что она его жена, потому что она в мужском во всем, но личность подозрительная ее. Вот они едуть, дорогой она спрашиваеть:

— Что тебя понудило так быть в лаптях, личность твоя не нищенская?

Он ей объясняет то, что было: «Я, дескать, был охотник, ротный командир, то да сё».

— Ну и что ж, если бы ета жена попалась к тебе, попала к тебе на глаза, что же бы ты с ней сделал?

— Ничего бы не сделал,— говорит.

— Наказать бы ей не мог бы?

— Нет, не мог бы.

Вот когда они подъехали к дому, у них именины. А <у> отца такие были нумерки, сдавал. Вот она и говорит свому отцу:

— Нельзя ли нумерок мне снять, пожить несколько?

— Ну, что ж,— говорит,— пожалуйста; раз вас двое — живите.

Вот они и остались. Вот они, к примеру, нонче остались, а завтра, значить, именины справлять. Вот их и предлагают на <и>мянины. И они приходят на имянины оба. Она объясняет:

— Вот, дескать, он в лаптях.

— Раз,— говорят,— он Ваш, кончен вопрос, и пущай он приходит.

Вот они и пришли. Вот они сели за стол, но садятся врозь со своим мужем. Вот, когда сели они за стол, выпили они, вот она и говорит:

— Я бы попросила нам заняться каким-нибудь рассказом, чтоб нам так не сидеть. Мы бы занялись так рассказом, наподобие Вас.

— Да уж если Вы предлагаете,— говорит,— то и расскажите что-нибудь.

— С удовольствием,— говорит,— я расскажу.

Вот она и стала рассказывать:

— Жил один барин. У него было двое детей — девочка и мальчик. Когда они были маленькие, он им доверялся торговать. Когда они стали взрослыми — не стал и назначил им, значит, опекуна — попа...

(А поп тут же за столом сидит). А он перебивать стал. А она говорит:

— За перебой 100 рублей штрафу. (Ну, уж перебой не буду рассказывать: он мэнэ будет сбивать).

— ...Этот самый поп не так следил за парнем, как за дочкой, и соглашал ее к нехорошим делам. Дочь, понятно, на эту историю не соглашалась. Поп ей сказал: «Если ты не согласишься, мне только росчерком пера написать — и тебя не будет». Она говорит: «Мне все равно». Поп и пишет отцу, что в распутство вдалась твоя дочь. Барин, прочитав эфта письмо, и пишет ответ попу: чтобы до моего приезда риквидировать дочь.

(Барин говорит: «Правильно. Значить, это правильно — это не перебой»).

— ...Поп прочел ребятам это письмо, и решили до приезда отца риквидировать дочь.

Брат тоже тут говорит: «Правильно».

— ...Проводил брат ее до лесу. И вот когда он, брат, с ней распрощался у леса, вошел в дом, а она пошла путь свой продолжать своим чередом. В лесу повстречались ей собаки. Эти собаки были охотницкие. Ввиду испуга она повернула вправо, влево — она видить: пустая дерево стоить. Она в это дерево поместилась. Собаки брешуть, а ее брать — не беруть. Охотник говорит: «Что за человек? Выходи»...

(Этот охотник в лаптях говорит: «Правильно! Вишь какая штука!»).

Она кончает этот рассказ и отправляется в свой кабинет. Она разбирается: снимает с себя все мужское и остается в том, в чем он ее поймал.

— Ты признаешь свои вещи?

— Признаю.

— А мэнэ?

— Ты — жена моя.

И вот они приходять:

— Ты, отец, за кого признаешь меня?

— Ты дочь моя.

— А ты, брат, за кого признаешь меня?

— Ты сестра моя.
— Ну, а ты, поп, за кого признаешь меня?
Ну, а ему деваться некуда.
Брат тоже тут говорит: «Правильно».

71. ЗАВЕЩАНЬЕ

Жил-был мужик, умирает его отец и говорит: «Ты, мой сын, живи так, чтобы ты никому не кланялся, а тебе бы все кланялись, и калачи бы ел с медом!» Умер отец, а этот мужик живет год, прожил сто рублей, никому не кланялся и все калачи ел с медом. Живет другой, прожил другую сотню, на третий год прожил третью сотню. И думает: «Что же это? Сотни-то у меня не прибавляются, а все убавляются!» Приходит, рассказывает дяде. Дядя ему и сказал: «Ах ты! Выезжай-ко ты раньше всех на пашню, никому и не будешь кланяться. А приезжай домой поздно, тебе калач-то будет казаться с медом».

72. <ПЕТР I И РАЗБОЙНИКИ>

Шли двое: царь Петр Алексеевич и солдат (он не узнал царя). Настала ночь, а ночевать им негде: кругом лес. Царь говорит: «Служивый, полезай на дерево, погляди, не виднеется ли где огонь». Солдат влез на дерево и увидал в стороне огонек. Они пошли на огонь и пришли к разбойникам; их не было дома, а оставалась одна старуха. Солдат говорит ей: «Давай нам есть, бабушка; что есть в печи, все на стол мечи».— «И-и, батюшка, у меня ничего нет». Солдат полез в печь, а там невесть чего наставлено, всякого жареного и пареного. Наелись они с царем и пошли на сеновал спать.

Приезжают разбойники; старуха рассказала им о гостях. Вот атаман посылает одного разбойника, чтобы он убил их. Только разбойник подлез к окну, как солдат взял саблю и отрубил голову. Пождал, пождал атаман и посылает другого разбойника. Солдат и его убил. Сколько атаман ни посылал, тот всех убивал. Наконец, он пошел сам, полез по лестнице на сеновал.

Солдат отмахнул ему голову, а тело покатилось вниз по ступенькам. На утро царь с солдатом нашли у разбойников много денег, забрали их и распростились. Когда солдат пришел на ученье, царь увидал и наградил его.

73. КАК ЦАРЬ ПЕТР I БЫЛ С ОХОТНИКОМ НА ОХОТЕ

Вот Петр I был со своими охотниками в лесу, и в лесу заблудился от этих своих охотников. Охотники вышли из лесу в деревню, к примеру, в Негомож, а царь ездил все по лесу. И вот он по дороге нарвался на одного мужика. Мужик рубит дрова эти самые. А рубит дрова, спускает сучья с дерева — не рубит дерево, а сучья спускает, на дерево залез и спускает.

Подъезжает царь к этому самому дереву, у которого мужик сучья спускает:

— Здорово, мужичок.

А он не знает, что царь:

— Здравствуй.

— Как бы мне пробраться,— говорит,— в Негомож?

— А вот так вот: прямо, налево и направо.

А он ему говорит:

— Я,— говорит,— этой твой грамоты не знаю, а ты уж если хочешь, то проводи.

— Проводить — это,— говорит,— для меня дорого стоит.

— Да что стоит, я заплачу.

Он ведь не знает, что это царь, он с ним обращается, как с мужиком простым.

— Дай дерево дочистить.

Дочистил дерево, садится на двуколку, подвязывает коня. И вот дорогой говорит ему:

— Скажи-ка мне, пожалуйста, мужичок: ты вот работаешь, куда ты деньги деваешь, которые заработаны тобою?

— Куда,— говорит,— деньги деваю? — Долг плачу, в долг даю и за окно мечу.

— Непонятная,— говорит,— твоя такая штука. Тебе,— говорит,— надо объяснить, что она такая значить.

Он ему начинает объяснять:

— Долг плачу — отца с матерью кормлю, в долг даю — сыновей выхаживаю, за окно мечу — дочерей выдаю. Понятно? И правильно ведь?

Им приходить срок подъезжать из леса к Негоможу, где его отдыхают охотники, этого царя. Он и говорить:

— Что ты, мужичок, видал ли царя в глаза?

— Нет,— говорит,— никогда не видал.

— А желательно было бы тебе посмотреть его?

— Согласен был бы помереть, только б царя посмотреть.

— А ведь в Негомож приедешь, ты увидишь,— говорит: — Там,— говорит,— будет большое количество солдат.

— И как же,— говорит,— я в них его узнаю?

— Все, увидишь, будут без шапки, только он один — в шапке.

Вот они пришли в Негомож. Он пялить глаза, а не видит царя, он глядить, что не видать-то нигде:

— Нет, все,— говорит,— без шапок.

— Ну, тогда,— говорит,— кто-нибудь из нас.

Тогда-то он уж говорит:

— Ваше императорское величество, извиняюсь, что я с вами дерзкий разговор вел.

— Ничего, ничего, а вот прилетят к тебе белые гуси, сумей их ощипать, а той задачи, которую ты мне задал, ты им не решай.

Вот он, значит, отправляется домой, собирает с собой генералов, офицеров и говорит:

— Встретил я мужика и задал ему вопрос: «Ты работаешь, куда деньги деваешь?» Мужик мне и говорит: «Долг плачу, в долг даю и за окно мечу». Будьте любезны мне эту задачу объяснить, что это значит. К завтраму утру чтобы была эта задача решена всеми вами.

И все думали, думали, но этой задачи никто не решил. Ну, они обращаются к этому самому мужику, который вез этого царя Петра I. Обращаются к нему, он всем им, понятно, рассказал, что он царю сказал. И все ему кто полсотни, кто сотню набросали, сделали из него богатого человека. И они приходят утром все с одним рассказом. Он уже понял, что мужик рассказал им этот рассказ.

— Призвать этого самого мужика ко мне! Зачем он всем рассказал.

Он приходит и все деньги приносит, которые с них получил.

— Мужик, ты зачем без моей личности рассказал свой рассказ?

— Я,— говорит,— никак не без Вашей личности рассказал, от такого-то получил, вот, личность Вашу, от такого-то получил, вот, личность Ваша. (Показывал деньги, а на них царь изображен).

— Молодец,— говорит,— мужичок.

— Рад стараться, Ваше величество.

И еще его наградил. И еще его сделал большим человеком.

74. ТОЖЕ ПРО ПЕТРА РАССКАЗ

(Этот рассказ тоже не каждому по носу придется).

Один каменщик рыл камень, и ему попал ком золота. Ком золота очень большой, так что оценить его никто не мог. И он его решился нести к царю лично. И вот он, понятно, его сто верст нес, и это ему очень дешево стало, а когда стал подходить к самому дворцу, и не хватило ему этого кома золота, чтобы расплатиться.

(Объясняется:)

Подходит он к городовому, там близко к царскому дворцу-то. Городовой спрашивает: «Ты куда идешь?» — «К царю».— «Зачем?» — «Несу вот ему ком золота».— «А мне что за это будет?» — «Да что тебе нужно-то, то и дам».— «Мне из эфтой суммы, к примеру, пятую часть»,— пятая часть ведь много будет.

Много ведь делов-то. Одну пятую часть почему не дать-то?

Подходит дальше, там уже, можно сказать, чин-то выше, и энти лезут в третью часть. Доходит дальше, уже там лезут в половину, и всем дать — не отказывать, кто его ни спросит.

Мужик видя, что от этого куска золота не то что осталось что-нибудь, даже с головы висками не расплатиться для того, чтобы дойти до царя.

Доходит до царя, показывает ему ком золота. Царь спрашивает его:

— Что тебе,— говорит,— за него дать?

Мужик говорит:

— Сто палок по спине.

— Как это так: сто палок по спине? Что же ты, уворовал, что ли?

— Никак нет, Ваше императорское величество. Не мне,— говорит,— Ваше императорское величество.— И объясняет: — Вот такому-то — пятую часть, вот такому-то — столько-то. Если бы я никому ничего не обещал, то меня к Вам не допустили бы. И я, видя такое положение, что мне ничем расплатиться нельзя, кроме как этими палками.

Он этими палками всем им выдал, а его наградил.

75. БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ

1. Однажды Петр I проезжал мимо монастыря. И видит: над воротами висит громадная вывеска — «Беззаботные и беспечные монахи». Петр I заинтересовался: как можно жить без заботы? Заезжает в монастырь и вызывает к себе игумена:

— Скажите, пожалуйста, почему у Вас такая беззаботная и беспечная жизнь?

Игумен подумал и говорит:

— Потому, государь, что нам не о ком заботиться и печалиться, мы сыты, обуты, одеты.

Петр I подумал и решил дать им три трудные задачи.

— Вот что, игумен, пока я съезжу и через три дня заеду к вам, а вы решите три задачи. Первая задача: сколько на небе звезд? Вторая задача: сколько я стою? Третья задача: о чем я думаю?

Сел на коня и уехал. Задумался игумен. Как решить эти задачи? Собрал всех монахов, рассказал им о своем горе: задачи трудные и решить их нельзя. Монахи подумали, поговорили и решили позвать мельника, который славился как хороший отгадчик.

Пришел мельник к игумену и спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

Игумен говорит:

— Отгадай мне три задачи. Первая задача: сколько на небе звезд; вторая задача: сколько стоит Петр I; третья задача: о чем он думает.

Мельник подумал и говорит:

— Я решу эти задачи, только дай мне одеть твою одежду перед царем.

Игумену делать нечего. Пришлось согласиться с мельником. Ровно через три дня заезжает Петр I. Вызывает игумена, и игумен говорит:

— Первая задача — на небе один миллион четыреста тысяч триста тридцать одна звезда.

Петр I спрашивает, как он разгадал?

— Да очень просто: когда родился Христос, то на небе появилась еще одна звезда.

— Правильно! — говорит Петр I.— Ну, а теперь реши вторую задачу!

Игумен говорит:

— Когда Христа распяли, то за него взяли тридцать сребряников. А ты всё стоишь дешевле на один сребряник против Христа.

— Правильно,— говорит Петр I.— Ну, а теперь реши третью задачу. О чем я думаю?

Игумен говорит:

— Ты думаешь, что я игумен, а я мельник.

2.

Жили в одном монастыре монахи. И назывался этот монастырь «Беспечальным». На воротах была прибита вывеска: «Беззаботный монастырь, беспечальные братья». Хорошо жили монахи: ели, что хотели, пили, что душа просила, а о работе и не думали.

Ехал однажды мимо монастыря начальник, прочитал вывеску, подумал-подумал и решил он озадачить монахов, дать им работы. «Дай,— думает,— озадачу я их». Вот приходит он к монахам и говорит:

— Ну, братья, решил я дать вам работы-заботы. Если выполните — быть вам беспечными, если не выполните — плохо вам будет.

И вот загадал он им три загадки: велика ли земля, сколько на небе звезд, что у меня на разуме есть. Загадал и уехал. А сам обещал приехать через две недели.

Опечалились братья. Гадали, гадали, никто отгадать не может. Срок подходит к концу, а монахи не выполнили работы. Тогда они решили обращаться ко всем людям, но и люди не могли ответить. Наконец кто-то посоветовал монахам: «А вы бы спросили на мельнице засыпку, он, наверно, знает». Обрадовались монахи, побежали на мельницу и спрашивают засыпку. Подумал-подумал засыпка и говорит: «Ладно, позовите меня, когда начальник приедет. Выручу я вас». Обрадовались монахи.

А через несколько дней начальник и приехал. «Ну,— спрашивает,— отгадали?» — «Отгадали»,— отвечают монахи, а сами побежали за засыпкой. Привели засыпку, нарядили монахом и послали к начальнику.

— Ну,— спрашивает он,— велика ли земля?

— Нет,— отвечает,— не велика.

— А как невелика?

— Да так, невелика: солнце в один день всю землю обходит.

— Ну, а сколько на небе звезд?

— Пять миллионов семьсот тридцать пять тысяч четыреста двадцать звезд. А если не веришь, то сам пересчитай.

Нечего делать начальнику, согласился.

— Ну, а что у меня на разуме есть?

— Да ты думаешь, что я монах, а я с мельницы засыпка.

Так и уехал начальник ни с чем. А монахи снова стали жить без заботы и печали.

76. <ДЕВУШКА И РАЗБОЙНИК>

Жил-был крестьянин с крестьянкой. Была у них одна дочка. Ну, вот поехали они в гости на праздник в другую деревню, соседнюю. А ее-то одну дома оставили. Созвала она подрух к себе, одна-то она боится; ан это пришли к ней, да одной то, то нужно делать, там шить, прясть — и все ушли от ней. Потом ищо вот говорит: «Все ушли, так я одна буду». Полезла в подвал за яблоками, влезла в подвал, а там старик сидит в углу, да ищо такой страшный: с длинной бородой, седой. Ну, она испугалась, она побежала, а он за ней, и потом это сели они за стол чай пить. Она стала угощать его яблоками. А напились они чаю-то, он и говорит: «Теперь, дочка, ступай за корытом, за топором». А у них было вроде передней, где висели польта; она спряталась за ними. Он ждал, ждал ее, сунулся в дверь — она заперта, он — в окно. Только голову-то просунул, а она и отрубила ему ее. И сама испугалась: упала без памяти.

Приехали на другой день мать с отцом, стучались, стучались и полезли через навес соломенный. Увидали, что она лежит, стали ее молоком отпаивать. И другой раз не стали одное оставлять. Вот и сказки конец, в рот тебе огурец.

77. ДВА БРАТА

Был у меня брат богатый, сам же я был бедный. У него две лавки — мучная и красочная, а у меня ничего нет. Вот однажды дров у меня не хватило. Пришлось у брата лошадь просить. Я и говорю ему: «Семен Иванович, дай мне лошадь за дровами съездить. Нету у меня дров, а без дров-то холодно».

А брат рассердился:

— Черт тебя принес не вовремя! В обеих лавках народ, а ты лезешь. Возьми,— говорит,— там мерина гнедого.

Привел я лошадь, а саней-то нет. Матушки, что тут поделать! Иду опять к брату. «Семен Иванович,— говорю,— дайте, пожалуйста, саней, а то мне ехать не на чем». Он чуть меня не отколотил сначала, да только сказал: «Возьми там, на огороде».

Пришел я на огород: ни вожжей, ни дуги нет, ни хомута. Жена-то и говорит мне: «Ты бы просил все, что тебе нужно, а то что ж, на чем же мы поедем?» — «Ну,— говорю,— не пойду я к нему в третий раз, он меня и то прибить хотел».

Шемякин суд. Вторая пол. XVIII в. Фрагмент гравюры. Раскрашена. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Коллекция Дм. Ровинского (Лубок. Русские народные картинки 17—19 вв., илл. 51, Л., 1984)

Взял я лошадь, за хвост привязал к головешкам, думаю себе: так без хомута доеду. Вот нарубил я себе дров-то, наклал в сани. А лошадь не везет: больно ей. Я ее суком ударил, она дернулась, ан хвост-то и оторвала. Вот черт-то. Как же ехать. Вот привожу я лошадь брату. Он увидал, что хвоста у ее нет, и давай на меня кричать: «Да что ты сделал, ты ж отрубил, что ли, ей хвост. Пойдем к мировому».

Вот и повел он меня к мировому. Встречаем мы мужика богатого. А богач богача знает. Вот и зовет он брата. «Семен Иванович,— говорит,— зайти чайку попить. Куда собрался?..» — «Да вот,— отвечает брат,— дал я брату, черт бы его драл, лошадь, да он хвост ей отрубил, вот и везу к мировому». А тот и говорит ему: «Посади его, пусть с горя-то попьет маленько».— «А ну его, сукина сына,— говорит брат,— лошадь сто рублей стоит, а он испортил ее». А я-то думаю: что только мне у мирового будет. Уж не лучше ли убиться? Хотел я прыгнуть с полатей да головой удариться: вот, мол, вам и суд весь кончился. Да только как кинулся я, в люльку и попал. А этого богача жена родила — вот я ее младенца-то и раздавил до смерти.

Теперь уж вдвоем повели они меня к мировому. «Сукин ты сын,— говорят,— только родила, а ты убил». А убил-то я не нарочно — сам хотел убиться. Вот ведут они меня к мировому через мост. А под мостом сын отца везет в больницу по ледочку на дровнях. Я возьми с моста прыгни — ан этого отца-то и убил. Сам хотел убиться, да, видно, Господь меня берег.

«Откуда тебя леший принес,— закричал на меня сын,— что ты людей-то давишь!» Вот и повели они меня втроем к мировому. Вот, думаю, попался я. Надо, думаю, камень заложить в халат за пазуху. Коли он меня осудит, то лопну его в лоб.

Пришли мы. Мировой и спрашивает моего брата: «Что ты пришел?» — говорит. «Да вот дал я брату лошадь за дровами съездить, а он ей хвост оторвал».— «Это,— говорит,— ты оторвал?» — «Я»,— говорю, а сам по пазухе стучу. Мировой-то и думает, что я ему денег принес. «Ну, погоди,— говорит,— ужо скажу, что тебе за это будет. А ты чего?» — спрашивает мировой богача. «А я,— говорит,— зазвал его с Семен Иванычем чайку попить, а он у меня младенца убил».— «Это все ты?» — говорит мировой.— «Я»,— говорю. А сам опять по пазухе постучал. «Ну, а ты чего пришел?» — спрашивает мировой у третьего. «Да я отца вез в больницу под мостом, а он прыгнул с моста, да отца-то убил».— «Это все ты?» — «Я»,— говорю. И опять по пазухе постучал. Мировой-то и думает, что у меня за пазухой охапка денег.

Вот и думает мировой: надо судить по нему, с этих трех ничего не возьмешь. Надел он медаль и стал судить. «Вот что, Семен Иванович,— говорит он моему брату,— отдай, говорит, ему эту лошадь совсем, и до тех пор, пока он ей нового хвоста не вырастит».— «Вот так ловко»,— подумал брат мой и

ушел. «А ты,— говорит он богачу,— отдай ему свою жену, и до тех пор не бери обратно, пока он тебе мальчика хорошенького не сделает». «Ишь, черт какой»,— говорит богач. И он ушел. «Ну,— говорит мировой,— а ты, мужик, положь его в твои салазки да сам прыгни с моста».— «Ну, что ж, пойдем»,— говорит. Выложил он отца, положил меня, глядел-глядел, а потом и говорит: «Что ж, тут не попадешь, только сам убьешься». Плюнул да ушел.

Вот мировой меня и спрашивает: «Сколько ты мне принес?» А я вынимаю камень да и говорю ему: «Вот, кабы ваше благородие не рассудили по-моему, то я этим камнем и убил бы вас».— «Неужели бы убил?» — говорит мировой.— «Да уж убил бы»,— говорю.— «Вот черт проклятый, я думал, ты денег принес мне, а ты камнем убить меня хотел. На тебе 20 копеек, убирайся подобру-поздорову».

Взял я 20 копеек и ушел к себе домой.

78. СОЛДАТ

Прослужил солдат 25 лет. Выходила ему чистая. Перед отправкой пришел он к своему начальнику и говорит: «Ваше благородие! Вам известно, что я служил честно и беспорочно, выстоял на одной квартире всю службу и с хозяюшкой не побранился ни разу! Дайте за мою верную службу солдатский значок — казенный барабан!» — «Этого нельзя!» — говорит ему начальник. «Как хотите,— говорит солдат,— а без этого значка мне нельзя и домой придти, домашние не поверят, скажут, что я в службе-то совсем не был. И ежели только заправду не дадите этого барабана, так лучше брейте уж меня опять в солдаты!» Начальник и говорит: «Ну, братец, нужно тебе дать солдатский значок!» Солдат низко поклонился начальнику, взял барабан и в дорогу пустился.

Идет одним селением и думает: где ему ночевать? Денег нет — даром не пустят! Вдруг видит: дом боярский в стороне. При этом доме сад. И думает солдат: «Пойду я в этот сад ночую!» Подходит к нему, видит беседку в саду в отдаленности и думает: «Вот какую фатеру Бог дает, не хуже моей бывшей, даром не возьмешь!» Входит в беседку. «Ба! Да тут и печка!» Скомандовал от двери: «Три шага вперед!» Входит, стол стоит, на столе бутылка, и закуска, и пирог боярский. Солдат думает: «Плохо дело! Кто-нибудь, значит, придет сюда! Погоди же! Залезу я на печку, и ни один черт

меня там не увидит!» Полез на печку солдат, только и думает: «Да что же я за дурак! Из бутылки-то и не попробовал!» Пошел опять к столу. «Дайка,— говорит,— чебурахну, смелей будет!» Хватил из горлышка порядком, залез потом на печь, притаился в уголку. Вдруг слышит: «Тпру, кобыла!» Смотрит солдат: идет в беседку какой-то мужчина, прямо за стол, взял бутылку и говорит: «Что-то нынче не полна, поскупилась барыня!» Вот и она едет, а солдат думает: конница валит! Приехала барыня, всякой всячины навезла. Попили, поели, тут эти приезжие и идут к печи. А солдат как крикнет на них из угла: «Куда вас черт несет? Али мало беседки-то?» Они как бросятся бежать оба вон! А солдат в барабан бить! А они-то мчат без оглядки! Солдат слез с печи, поужинал за первый сорт, выходит из беседки, только одни лошади стоят с повозками, а из людей никого нет! А эти приезжие-то, должно быть, солдата-то за черта приняли, да и убежали от него. Солдат пождал, пождал их, видит, долго нету, тотчас же сел в коляску ихову, стеганул лошадей, лошади помчали, солдат и поехал на них барином в свою родину. А там рассказал: «Вот я до какого богачества дослужился, ступайте-ка, мол, и вы, сиволапые, служить по-моему, по-солдатскому!» Вот какие солдатики-то, размолодчики бывают!

79. [СОЛДАТ И БАРИН]

Говорил барин с солдатом; солдат стал хвалить свою шинель: «Когда мне нужно спать, постелю я шинель и в голова положу шинель, и покроюсь шинелью». Барин стал просить солдата продать ему шинель; вот они сторговались за 25 рублей. Пришел барин домой и говорит жене: «Какую я вещь-то купил! Теперь не нужно мне ни перины, ни подушек, ни одеяла; мою шинель постелить, в голова положить и одеться шинелью». Жена стала его бранить: ну как же ты будешь спать? — И точно, барин постелил шинель, а в голова положить и одеться нечем; да и лежать-то на ней жестко. Пошел барин к полковому командиру жаловаться на солдата. Командир велел фельдфебелю позвать его. Привели солдата. «Что же ты, брат,— говорит командир,— обманул барина?» — «Никак нет, ваше высокоблагородие»,— сказал солдат; взял расстелил шинель, голову положил на рукав и накрылся полою. Полковой командир еще наградил солдата, дал ему на выпивку.

Вот как поработаешь да долго не спишь, так и на камне заснешь; а кто ничего не делает, тот и на перине не уснет.

80. МУЖИК И ЧЕРТ

Жил-был мужик с женою, он ей и говорит: «Жена, вынеси мне завтракать, а я поеду пахать!» — «Да вот не понесу, кобель, не понесу!» — «Ну, не носи!» — «Да вот понесу, кобель, понесу».— «Если понесешь, пойдешь через жердочку, не трясись на этой жердочке».— «Да вот потрясусь, кобель, потрясусь!» Мужик пошел пахать, несет она ему завтракать, потряслась на этой жердочке и упала туда в ручеек. Вот он перекрестился: «Слава богу, говорит, избавился я от жены». Идет он домой, дома и нечего ему есть. Он и говорит: «Какая ни была жена, все было, что есть, а теперь и есть нечего. Пойду я ее вытащу».

Взял он веревку, навязал на нее камень большой, опустил в этот самый ручеек, в который она упала. Вот что-это село на камень, вот он и тащит, вытащил чертенка, хотел было его опять туда бросить, он и говорит: «Пожалуйста, старик, что хочешь возьми, только не отпускай туда, к нам баба-яга пришла, нам житья от нее не стало!» — «А что ты мне за это дашь?» — «Что хочешь, то и бери!» — «Дашь мне шляпу золотых денег?» — «Изволь!» Вот он его оттуда вытащил.

«Ну, говорит, давай деньги!» — «Постой! Я вот пойду к богатому мужику, все буду у него ломать и бревна буду таскать из избы, и коров буду бить, и лошадей буду гонять. Станут искать доктора, ты вызовись, что, мол, я могу. Возьми у них голик, навяжи его на палку, возьми фонарь, да по стенам этим голиком мети да приговаривай: «Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!» Вот и получишь деньги».

Вот прошел слух, что у одного богатого мужика нечистая сила завелась. Ищут они доктора — этот мужик и вызвался. Попросил у них веник (голик), навязал на палку, взял фонарь, стал месть по стене да приговаривать: «Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!» Выгнал нечистого духа и спрашивает: «Что, говорит, за это дадите?» — «Что хочешь, бери!» — «Сыпьте мне в шляпу денег!» Сам взял у шляпы дно прошиб да на бочку и поставил. Вот они сыпали, сыпали, сыпали, все шляпа его не полна, хотели только сказать, что «шапка твоя без дна», он и говорит: «Будет, добрые люди!»

Черт прибегает к нему. «Будет что ли с тебя денег-то?» — «Нет, говорит, давай еще. Одна шляпа и та не наполнилась!» — «Ну, говорит, я еще пойду к старосте!» — «Ну, ступай, говорит». Пришел к старосте, ломает, все портит. Ищут опять, кто бы мог нечистого духа выгнать. Вот этот богатый мужик, у которого уж была нечистая сила, и говорит, что «Вот такой-то мужик у меня выгнал!» — «Призови его, что хочет, дадим».— «Хорошо!» Позвали этого

мужика. Приходит, и спрашивает его староста: «Можешь ли ты нечистого выгнать?» — «Могу»,— говорит. Взял он у них помело. «Дайте, говорит, мне фонарь» — метет по стене. «Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!» Выгнал опять и спрашивает: «Ну, что вы мне за это дадите?» — «Что хочешь, бери!» — «Дайте мне шляпу золота!» А шляпу опять поставил на ту же бочку, они опять стали сыпать в эту шляпу золота, тогда мужик да теперь этот староста ему половину бочки насыпали.

Опять прибегает к нему черт. «Будет что ли тебе?» — «Нет, мало. Когда будет полна шляпа золота, тогда и довольно».— «Ну, я, говорит, пойду к барину!» Пришел к барину, ломает у него все. Вот барин посылает узнать: нет ли какого доктора, чтобы выгнать нечистую силу. Вот приходят этот богатый мужичок и староста и говорят: «Вот у нас такой-то выгнал нечистую силу, взял с нас по шляпе золота!» — «Скажите ему: пускай, что хочет берет, лишь бы выгнал нечистую силу». Призвали его. Спрашивает барин: «Можешь ли ты выгнать?» — «Могу»,— говорит. Взял опять фонарь, помело, метет да приговаривает: «Вон, вон, нечистый дух! Вон, вон, нечистый дух!» Выгнал нечистую силу и спрашивает: «Что же вы мне за это дадите!» — «Сколько хочешь, бери».— «Дайте мне шляпу золота!» А сам поставил шляпу опять на ту же бочку. Барин ему всю остальную часть бочки досыпал.

Вот этот мужик рад, что столько денег нажил: можно пять жен купить, не только одну. Стал опять жить припеваючи. Приходит к нему черт, спрашивает: «Будет тебе что ли денег-то?» — «Будет»,— говорит.— «Ну, теперь не смей меня выгонять, а то я тебя тогда!» — «Нет, говорит, теперь больше не стану!»

Слышит, послышит барин, что в царских палатах нечистый дух завелся, призывает этого мужика, говорит: «Вот, говорит, ты у меня выгнал нечистого духа, ступай у царя выгоняй!» — «Я, говорит, не могу!» — «Коли не пойдешь, велю тебе ссечь голову долой!» Мужик подумал, подумал: «Все равно, говорит, погибать: что черт убьет, что голову ссекут!» Пошел к царю, приходит. Царь спрашивает: «Можешь ли ты выгнать нечистую силу?» — «Могу, говорит». Попросил он у них веник-голик, навязал на палку, взял фонарь «Страшно, говорит, итти: он меня убьет!» Царю докладывают, что нейдет, говорит: «Страшно!» — «Ну, так голову долой, чтоб не вызывался, когда не умеет!» Сказали ему, что царь сказал. Вот он сел, думал, думал, встал и пошел: «Я, говорит, над ним (чертом) штуку сделаю!» Пошел, метет и кричит: «Вон, вон, нечистый дух! Вот, вон, нечистый дух!» Черт выбегает, прямо на него хочет броситься. А этот мужик и кричит: «Баба-яга! Вот он, вот он! Держи его! Вот он!» И он побежал от него, прямо в свою речку бух!... А там эта баба-то яга.

Царь этому мужику за это дал полцарства, стал он жить да поживать.

81. <ЖЕНА-НЕТКАХА>

У одного мужа была жена-неткаха и неряха. Что и знала, да не делала — значить, ленивая была. Вот ей муж и говорить:

— Ты бы, Аннушка, соткала или спряла чего-нибудь. Помрешь — ведь завернуться не во что будет.

— Пожалуйста, *помирай* — заверну.

Он для испытания взял на кровати лег, притаил дыхание, значить. Она собирает обедать — будит его как спящего. Ну, он сделался как помер. И вот она собрала обедать-то и будит его: «Вставай, там, Василий-то (или как еще его назвать), Василий, Василий»,— а он лежить. Она его — толкать, а *он лежить — ну, признак: помер.*

И она его по обычаю, как постоянно покойников моють, она его искупала тоже. А ведь его передеть-то не во что, смены-то ведь нет. У нее был ниток клубок. Она его положила под иконы и опутала всего нитками: вот отсюда, от ног (показывает жестами) и до рук, и здесь (показывает на грудь) и так и далее — всего испутала, значить. И начинаеть об нем плакать:

— Друг мой милой, на кого ты меня покинул и на чего ты в настоящее время похож.

Он уж ей ответ даеть:

— Иначе не на что, как на балалайку.

82. КАПРИЗНАЯ ЖЕНА

Жили два барина рядом в поместьях. У одного был сын — учился в Питере, а у другого — дочь невеста росла дома. Барышня эта была красавица, хоть куда, одна у отца наследница — отец богатый; и всем формально хороша удалась. Только один порок за ней водился: так была капризна, что, бывало, в доме никому покоя не даст, никто на нее не угодит, на всех кричит, топает ногами, просто замучила всех своими капризами, да и только!

Вот приезжает раз барчонок другого барина-соседа к отцу своему на побывку из Питера, побывал у соседей, повидал, что у них такая барышня хорошая, богатая, да только с капризами, и жалко ему ее стало, а тоже и

О глупой жене. Гравюра на меди. Раскрашена. XVIII в. Коллекция И. Даля (Русский лубок XVII—XIX вв., илл. 27, М.-Л., 1962)

зубки на нее разгорелись. Вот он и говорит отцу своему: «Позвольте, батюшка, мне на ней жениться!» — «Что ты! — говорит отец.— Ни за что! Нет от меня на то тебе благословения!» — «Позвольте,— говорит,— батюшка!» — «Ни за что! — говорит барин.— Чтобы такого черта к себе в дом я пустил! А женишься, так ко мне глаза не кажи! Живи, где хошь, один с женой!» Сын не послушался отца, женился на этой красавице капризной, взял в приданое, кроме денег, еще деревню в другой губернии. Тотчас же после свадьбы поехал туда с женой и стал жить.

Молодая принялась было там по-прежнему мучить его своими капризами. Он сначала не знал, что делать,— все уговаривал честью да ласками. Потом видит, что ничего не берет, и давай расспрашивать няньку ее, как ее с детства учили и воспитывали? По рассказам вышло, что ее учители и воспитывали больше все по-немецкому да по-французскому, а по-русскому вовсе мало, даже не пеленали и в люльке не качали, а только все на руках — распеленянную убаюкивали. «Вот оно в чем дело! — говорит молодой барин.— Не всю русскую школу произошла!» И тотчас же давай ее пеленать да в люльке качать, как настоящего младенца. Как, бывало, чуть она закапризничает или закричит, он тотчас же пеленать ее, в люльку да качать! Качает, качает до тех пор, пока дурить перестанет. Как опять что пикнет — тотчас же пеленать, в люльку — и качать! Что же бы ты думал? Ведь откачал и отнянчил совсем! Шелковая стала за какие-нибудь полгода! За то после и благодарны же ему были за такую выдумку и сама, и отец, и тесть, потому всем приятнее стало, что такая красавица от капризов избавилась.

Поехали потом молодые к старикам, зажили все вместе одним домком, и стали жить да поживать, да добра наживать.

83. КАК МУЖ ХОЗЯЙНИЧАЛ

Уже не жена, а муж очень был бедовый. Вот когда он приезжает с пахоты или откель бы то ни было и если не готов был завтрак, то у него очень был спрос большой. Такая штука продолжалась неоднократно, так что надоело жене слушать эти штуки от мужа. По работе она не уважала ему, той работе, какой он работает. Она и говорит ему:

— Давай поменяемся делами. Ты,— говорит,— оставайся тут стряпать, а я буду работать работу твою.

Муж, понятно, согласился. И вот, когда она собралась пахать, и задание ему, значить, дает: хлеб испечь, наседку соблюсти с цыплятами, чтобы коршун не утащил, сметану сбить, свинье корму дать.

Премудрый был этот самый муж. Значит, он начал хлебы месить и к заднице привязал кувшин со сметаной, чтобы у него и то и другое было в работе. А для того, чтобы коршун не утащил цыпленка, он их всех связал и к наседке привязал. И вот, когда начал эту работу производить, начал хлебы месить — кувшин-то он привязал к заднице, вдруг коршун — цоп за цыпленком и поднял их со всем, с наседкой. Он побежал туда и об притолку разбил кувшин со сметаной. А дверь-то открыта. Свинья ворвалась и дежку с хлебом пролила, и все разлилось по полу.

Приезжает жена с работы:

— Готово, что ли, у тебя чего?

Она уже, когда вошла в дом, видит: на полу тесто, цыплят коршун утащил, сметана тоже помешана с эфтим самым тестом, и ничего у него не получилось.

— Ну, жена, верю твоему делу, никогда на тебя ругаться не буду. Пущай,— говорит,— я буду работать, как я работал, а ты работай, как ты работала.

84. <ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА>

1. Пахал мужик пашню и нашел клад. Приходит домой и говорит: «Жена, а жена! Я клад нашел!» — «Где?» — «Там-то!» — «Что ж,— говорит жена,— надо барину скорей сказать, не то, пожалуй, чтобы нам чего за это не вышло!» — «Ничего не выйдет!» — говорит мужик. «Нет, все-таки!» — говорит жена. Видит мужик — дело плохо, жена хочет барину сказать, а тогда и клад прощай! Она же у него была такая глупая, да на язык нетерпеливая. Вот мужик и думает: как бы это дело поправить? Думал, думал и говорит жене: «А слышала ли ты, жена, что ноньче вечером будет неприятель проходить мимо нашей деревни и все селенье хочет сжечь?» — «Что ты?» — говорит жена. «Верно!» — говорит муж. «Ах, батюшки,— говорит жена,— что ж нам делать-то?» — «Да что,— вот что, я уже придумал: пойдем в поле, я там знаю одну яму глубокую, ты садись туда, я соломкой тебя там прикрою, неприятель-то, может, не догадается, мимо и пройдет, а ты жива останешься!» — «Ну, хорошо,— говорит жена,— пойдем».

Пошли. Мужик посадил жену свою в яму, соломкой ее прикрыл, да сверху еще овсеца разбросал и пошел от нее. Идет по полю, видит: стадо барских гусей ходит. Он взял их и погнал прямо к той яме, где жена была спрятана. Гуси пришли, увидали овес и давай его клевать! Клюют, гогочут,

дерутся, топочут, а баба сидит в яме да крестится, молитву творит, думает, что это неприятель подошел к ней. Склевали гуси овес и ушли. Мужик приходит наутро и спрашивает: «Ну что, жена, здорова ли, жива ли?» — «Слава Богу,— говорит,— жива и здорова, а уж не чаяла я эту ночь пережить,— неприятель-то сюда к самой яме подходил и такого-то тут крупно что-то разговаривал, уж насилу я умолила Бога, чтобы он меня не тронул здесь».— «Ну, слава Богу,— говорит мужик,— что не тронул!» — «Ну, что,— говорит жена,— а ты дома оставался, сказывал ли ты барину про клад-то?» — «Эх! — говорит мужик.— Да что тебе этот барин дался — только все про барина твердишь, разве не успею еще ему об этом сказать-то? А вот теперича поедем-ка лучше в город да купим что-нибудь по хозяйству: соли вот необходимость купить!» — «Хорошо,— говорит жена,— поедем, только как из городу приедем, чтобы беспременно сказать тотчас же об этом кладе барину!» — «Ну, хорошо,— говорит мужик,— пусть будет по-твоему!»

Поехали в город, купили, что следует, да кроме того мужик еще купил баранок с фунт потихоньку от жены, положил их себе за пазуху, и едут назад домой. Мужик впереди сидит, а баба сзади. Вот только ехали, ехали — мужик тотчас вынул из-за пазухи одну баранку и как бросит ее через голову прямо к жене на колени. «Господи, Иисусе Христе! — говорит жена,— откуда же это такое?» А мужик и говорит: «Эх, недогадливая! Да разве не видишь, вон одна тучка вся из баранок идет, и даже Господь Бог сам бросает их оттуда православным!» Баба стала смотреть на небо, а мужик ей опять на колени бух баранку! Баба давай креститься! А мужик ей все баранки бросает. Баба крестится, а мужик бросает!

Приехали домой. Жена опять пристает к мужу: «Да что ж, скоро ли к барину-то пойдешь об кладе сказать?» — «Эх,— говорит мужик,— надоела ты мне уж с этим барином хуже горькой редьки! Успею еще,— сказал,— погоди вот! А теперича пойдем-ка мы лучше в лес — дров вот нету, нарубить надо!» — «Хорошо,— говорит жена,— пойдем, только уж это последний раз даю тебе отсрочку, а придем из лесу, чтоб беспременно сейчас ты шел к барину сказать об кладе!» — «Ладно,— говорит мужик,— пусть будет по-твоему!»

Пошли в лес, а мужик туда наперед козла стащил. Пришли в лес, мужик бросил там жену свою, а сам пошел к тому месту, где козел-то был — и давай с него, с живого, кожу драть! Козел заорал на весь лес, а мужик знай с него кожу дерет! Козел орет, а мужик знай с него кожу дерет! Содрал кожу. Приходит к жене, жена и спрашивает: «Что ж это такое,— говорит,— кто-то таким источным голосом здесь в лесу блажил, как ты от меня ушел, так что я даже индо испугалась».— «Молчи! — говорит мужик.— Это черти с барина кожу драли!» Жена замолчала.

Приходят домой. Жена и говорит: «Ну, теперича иди к барину, уж пора!» — «Что за пора,— говорит мужик,— барин-то, чай, еще и не опомнился после той дранки, которую ему черти в лесу-то задали. Небось, валяется полумертвый!» — «Заправду так! — говорит жена.— Ну, через неделю вот сходишь!»

Проходит неделя. Жена опять пристает к мужу: ступай да ступай к барину! «Да отвяжешься ли ты от меня,— говорит муж,— ну, поди сама, коли охота есть, а мне некогда!» — «Ладно,— говорит жена,— пойду!» Пошла. Приходит к барину и говорит: так и так, говорит, сударь, с неделю уж есть, как муж мой нашел клад! «Что ж он мне,— говорит барин,— раньше-то не говорил?» — «Не знаю,— говорит баба,— я уж давно его к вам посылала, да он все отговаривался».— «Позвать его сюда!» — говорит барин. Позвали. «Ты что ж,— говорит барин мужику,— долго не объявлял мне об своем кладе?» — «Об каком кладе?» — говорит мужик. «Да что на пашне-то нашел?» — «В первый раз только, сударь,— говорит мужик,— от вас слышу об этом».— «Как?» — говорит барин. «Так! — говорит мужик.— Никакого клада никогда я не находил».— «Врешь, врешь! — говорит жена.— Ты сам мне говорил об этом!» — «Да ты, должно быть, с ума сошла?» — говорит мужик. «Да нечего,— говорит жена,— запираться-то тут, ведь еще хуже того будет!» — «Ну, там что будет, а все ж-таки я клада никакого не находил».— «Да ты помнишь ли хорошенько,— говорит барин бабе,— когда это именно было?» — «Как не помнить,— говорит баба,— это было незадолго перед тем, как неприятель-то проходил мимо нашей деревни и еще он все селение хотел сжечь!» — «Что ты тут болтаешь, дура!» — говорит барин. «Как болтаю, сударь, а припомните-ка хорошенько, еще близко того времени тучи шли по небу с баранками и еще сам Господь Бог их оттуда бросал православным!» — «Да ты с ума сошла,— говорит барин,— когда же это было?» — «А как же! — говорит баба.— Еще в то время мы с мужем ходили в лес по дрова, а с вас тогда черти шкуру драли». Барин рассердился на бабу, видит, что она в самом деле завирается очень, и прогнал ее от себя. А мужик и говорит: «А я-то, сударь, с эдакой бабой да век свой маюсь, так вот тут-то каково покажется?» Барин пожалел мужика, что он такой несчастный, развел его с женой, женил на другой, молоденькой да хорошей, и на волю отпустил. А мужик тотчас отрыл свой клад из земли и зажил самым лучшим манером. А пословица-то все-таки не даром говорит, что у бабы и волос длинен, да ум короток! Так оно и завсегда бывает.

2.

У барина был мужик с женою — Ваня да Маша. Мужик деньги нашел да под ясли и спрятал. «Что это прячешь?» — спрашивает баба.— «Не твое дело, жена».— «А я пойду барину скажу!» — «Не ходи одна, подо-

жди меня», а сам побежал наперед, вершу поставил, а в него зайца посадил; капкан наладил, а в него — щуку. «Ну, пойдем к барину».— «Пойдем». Идут.— «Маша, посмотри-ка в вершу, не попало ли что?» — «Заяц попал, Ваня».— «Ну, бери, давай мне». Мимо капкана идут. «Смотри, Ваня, щука попалась».— «Давай мне». Идут, а на барском дворе павлины кричат. «Чтой-то, Ваня?» — спрашивает баба.— «Это черт барина дерет, я не пойду»,— и убежал.

Баба приходит к барину: «Так и так, батюшка барин, муж деньги украл, да мне не сказал».— «Позвать мужика!» Привели его. «Где да какие деньги украл?» — «Да когда же? Нет, не помню».— «А вот когда щуку в капкане нашли да зайца из верши вынули».— «Что ты, баба, да когда же это было?» — «А когда еще барина черт драл». Барин рассердился и прогнал бабу, а мужик сам ушел.

85. СЫН И МАТЬ

Жила-была старуха; у ней были сын и дочь. Сын пошел на барщину, а дочь пошла на реку за водой. Встретился с ней прохожий молодец и говорит ей: «Ах, красавица! Сколько ты хороша, столько ты и несчастлива!» Она ему и говорит: «Ты почему знаешь?» — «Ты, говорит, выйдешь замуж, родишь сына Лутоню, выйдет он на речку, утонет». Она и пришла к матери, плачет, рассказала матери, и сидят, плачут.

Потом идет сын с барщины и говорит: «Что вы воете (плачете)?» Они ему все рассказали. «Охота вам всему верить!» Немного погодя, старуха нечаянно и уронила полено с печки, уронила и плачет. Сын и спрашивает: «О чем ты, матушка, плачешь?» — «Если б ты, сынок, был женат и был бы у тебя сын и на загнеточке сидел, полено упало, убило бы твоего сынка».— «Ах, матушка! Пойду в мир искать легкомысленнее вас, если не найду глупее вас, то не приду к вам, если найду, приду».

Пошел он, шел, шел по дороге. Смотрит: среди поля дерутся мужики, их двенадцать мужиков. И никому не хочется с краю лечь, всем хочется в середину. Он взял выбрал кочку и положил их всех к кочке головками, и стали все в середине.

Шел, шел он дальше, видит: жнут мужики и бабы не серпом, а зубами. Пошли они обедать, он пошел в кузницу, сделал себе серп и нажал им два снопа, воткнул этот серп в сноп. Они пообедали, пошли. «Э, червь-то как подъел!» Взяли они веревку, веревкой стали этот серп в речку тащить и двух мужиков потопили.

Шел, шел он дальше, зашел против барского дому. Чуцкая ходит свинья. Кланяется этот мужик свинье. Барыня увидала и посылает человека узнать: «Что это мужик кланяется чуцкой свинье?» Пошел человек, спрашивает, он говорит: «Ваша чуцкая свинья моей матери родная сестра! Прошу ее к себе на пирушку!» Слуга пошел, пересказал. Эта барыня и говорит: «Что ж,— говорит,— дайте ему!» Велела запречь самого лучшего коня. Запрягли, дают ему: «Ступай!» — говорят.

Приезжает к этой барыне муж, он был на охоте. Она ему и рассказывает: «Моей чуцкой свинье выискалась сестра, взяли ее на пирушку!» И рассказала все. Муж и говорит: «Ах ты, дура, зачем ты отдала? Тебя обманывают!» Велел себе оседлать коня, сел и поехал этого мужика догонять. Подъезжает он к лесу, а мужик в лесу. Он дал своей лошади и свинье овса, они и едят в середине леса. Барин и спрашивает: «Мужик, не видал ли ты: тут мужик проезжал с чуцкой свиньей?» — «Видал, только они далеко уехали. Вы не догоните. Разве мне дадите лошадь, так я догоню!» Барин дал ему лошадь. «Уж вы, батюшка, дайте мне и нагаечку!» Барин дал ему плеточку. Он взял плетку, этого барина бил, бил да приговаривал: «Не давайся в обман, не давайся в обман!»

Запрягает ету лошадь вместе с той в тележку, приехал домой. «Ну,— говорит,— матушка, нашел я людей глупее вас, буду с вами жить!»

86. ЛЕНИВАЯ ЖЕНА

Жил муж с женой. Жена была ужасно ленива. Ей ничего не хотелось делать, и до того дошло у них, что не было рубашки. Муж и говорит: «Жена, что же ты не работаешь?» — А жена отвечает: «Мне некогда!» — «Что же ты не прядешь?» — «У меня мотовила нет, поди же ты сходи в лес, сруби дерево и сделай мне мотовило, я и стану прясть». Муж взял топор и пошел в лес. А она ему и сказала, где и какое дерево срубить, а сама по другой дороге убежала, нашла пустое дупло да в него и села. Муж приходит, начинает рубить дерево, а она оттуда и говорит: «Мужик, не делай мотовила, жена умрет!» Сделать мужику хотелось, да и жалко, что жена умрет, он и не стал делать мотовила.

А она вперед его успела прибежать и легла на печку. «Муж, что же ты мотовила не сделал?» — «Да вот так и так».— «То-то и дело». Только через несколько времени мужик опять пошел мотовило делать, она опять прибежала другой дорогой и то же кричала. Так он и не сделал мотовила. И в третий раз то же.

В четвертый раз взял да и срубил. «Пусть, говорит, жена умрет, а сделаю мотовило». Сделал мотовило, приносит домой, а жена раньше его прибежала, легла на печку. Муж и говорит: «Вот тебе, жена, и мотовило!» — «Ну, как же я буду прясть? Ведь как сяду, так и умру!» Вот она берет льну, садится прясть, напряла нитку, другую, а третью стала прясть,— стала у ней рука опущаться, потом и сама повалилась, упала и захрапела, начала умирать. Муж и догадался, что она привередничает. «Жена, не умирай! Я тебя воскрешу!» Она ему ничего не отвечает, дух стал захватываться. «Жена, никак ты кончаешься?» Взял да плетью ее и начал бить. Как она вскочила, давай бежать. Он бил ее до тех пор, пока она созналась, что это все от лени, и стала она с тех пор рукодельная, и стали они хорошо жить.

87. <БАРМА>

Жил мужик с бабый в диревни. Была у них три сына. Аднаво звали Василий, другова Иван, а третива Барма. Ну, вот сына Василия атдали в писаря, а Ивана в слесаря, а Барму ещо никуда не пристроили.

Сидел у них пастаронний мущина, и вот ани разгаваривались, куда бы нам Барму пристроить. Мущина гаварит: «Атдайти мне ево в ученье».— «А,— гыварит,— чему ты ево будишь учить-та?» Мущина гаварит: «Дела ни ваша». А он был просто вор, мущина. Ну, пасаветовались, атдали Барму ему в ученье.

На первую ночь пашли ани варывать, влезли багачу в калдавую (sic). Барма падавал, а мущина принимал эты вещи. Все вещи ани разделили: адин тулуп ни падилили и вот завили спор. Барма говарит: «Я пайду сичас у барина спрашу». Влес в барский пакой и будит барина:

— Каму,— говарит,— барин, тулуп: кто варавал или кто принимал?

Барин спрасонку говарит:

— Кто варавал.

— Што,— говарит,— вот барин сам сказал: кто варавал.

Ну, тулуп взял Барма.

На другой день ани сабрались апять и идуть варавать сюды, а дыру-та ани ни нашли, где была праломлина калдавая. Ну, спрашивают у старика — там слугой старик был: «Как,— говарят,— нам найти дыру?» — «А выход,— говарит,— закрой да там зажги салому, оттуда дым пайдет,— там пралезли». Када салому зажгли и увидели, где каминь выламан (он был вставлин апять на места). Старик говарит: «Ани апять далжны притти». И вот этыт старик им сказал, чтобы ани паставили бочку смалы к этыму месту.

Приходют ани варавать. Падашли, старый вор говарит на Барму: «Лесь»,— гаварит. Барма говарит: «Типерь очирит твая». Старый вор ни стал спорить, палес и ф смале увяс. Барма тащил, тащил ево. Никак ни мог вытащить и, чтобы все эта ни узнали, взял ему голыву отрезал. Ну, голыву закапал в этим месте.

Ну, апять спрашивают у слипова старика, как нам паймать вора.

— Вы,— гаварит,— насити этыва чилавека па диривням, и можит, кто признаитца.

А Барма пашол к ево жине, кагда нисли этыва бис галавы пакойника. Жина ево тапила печку в эта время, а рибёнок сидел на лафки. Жина, када увидела мужа, и было заплакала. А Барма в эта время гарячий вады на рибёнка плиснул. К баби к этый сразу прицепились: «Ап чом,— гыварят,— ты плачишь?» А Барма ее в эта время припугнул, ана дагадалась: «Ват,— гаварит,— рибёнык абварился кипятком». Так к ней ни прицепились.

Тагда спрашивают апять слипова старика. Эта им удалось. Слипой тагда гаварит:

— Вы,— гыварит,— наридити казла в драгаценныи вещи и пустити ево карыулить: вор абизатильна прийдит.

Так и сделыли. Наслали траих краульщиков. На казла навесили и кольца залатыи, и браслеты, и персни дарагии на рага надели, на уши. Казел ходит, щигаляит лучши сваево барина. Барма идет:

— Чиво эта вы, рибята, здесь делаити?

А тут нидалико был кабак.

— Да,— гыварит,— казла стирижом.

— Чиво жи,— гыварит,— ево стиречь. Шли бы в кабак. Ис кабака все видна.

— Мы бы,— гаварят,— пашли, да денех нету.

— Пайдемти,— говарит,— у миня есть палуштофчик, выпьим.

— Пайдем,— ани гаварят.

Он в палуштоф всыпал каковы-та адуряюшива сретства. Ну, ани, кагда выпили, и завалились тут пряма-та. Барма хозяйки гаварит:

— Тут у вас нарот всякий бываит. Я,— говарит,— кафтаны и сапаги вазьму с них, а то разуют. Ани праснутца, скажи, што брат взял.

Кагда снял он с них сапаги и кафтаны, пашол к казлу, абабрал с ниво драгаценныи вещи, а казла зарезыл и панес дамой. Казлятину там варил он.

Эти, кагда праснулись, кто ево стерех: «Где ж,— гаварят,— наши сапаги и адёжа?» Хазайка гаварит, все брат взял. «Какой,— гаварят,— к чорту он нам брат». Глидять — и казла нету. Пашли к барину. Барин их атправил на канюшню, па 25 им всыпали.

Тут апять спрашивают у старика у слипова. Слипой гаварит:

— Нужна найти еврея, у них чутье харошае.

Ну, еврея нашли. За 25 рублей пашол он пабиратца вроди нищава па всем диривням. «Я,— гаварит,— найду абизательна, а если ни найдем, то тагда 25 тожа, только ни рублей, а розак».

Еврей периделся нищим и пашол. Ну, и заходит к Барме в избу, просит милостыню. Барма гаварит: «Есть-та ты хочишь?» Еврей говарит: «Хачу».— «Мать,— говарит,— дай ему казлятину да влей супу». Еврей абрадавалса, сразу думаит: нашол. Паблагадарил и, кагда стал выхадить, то на варотах крестик наставил мелым, чтобы ни забыть. Барма эта заметил. Пабег по диревни тожа с мелым, на всех варотах наставил тожа крестики. Еврей пашол к барину и говарит:

— Давайти деньги, нашол.

— А харашо,— говарит,— ты дом-та заметил?

Еврей говарит:

— Харашо, я,— говарит,— на варотах крестик наставил.

Приходют в эту диревню и смотрют: на всех варотах крестики стаят. Так Барму и ни нашли, а еврею всыпали 25. Михельсону пришлось атдуватси.

Тагда призывают апять слипова старика. Старик говорит:

— Придетце объявить этыму вору — ничево ни будит, и папрасить, чтобы он сам пришол.

Барма, кагда услыхал, и пашол сам к барину. Приходить к параднаму, на ниво служащий кричит: «Куда прешси, мужик?» — «К барину»,— говарит. «Зачем к барину-та?» — «Падити,— говарит,— ему далажити, что вор пришол».

Ну, барин вышел вора пазвать.

— Это ты,— говарит,— у миня все варавал?

Барма говарит: «Я».

— Табе,— говарит,— наказанья никакова ни будит, толькы,— говарит,— ты увиди у миня быка са двара. Быка этыва будут караулить 12 мужикоф.

— Ну што ш,— говарит,— ишь, какая хитрость!

— Кагда,— говарит,— придешь-та?

Барма говарит:

— Завтра в 12 чисоф ночи.

Барме что тут делать? Нужна угадить, а то тагда наказанья будит.

А карова у ниво, у Барме, адинакавава цвета с этим быком. Он бирет сваю карову и гонит мима этыва бырскыва двара. Мужики увидели, в тимнате-та ни разобрали, думали, бык, и все пабижали ево даганять. Барма сел за куст, карова пабижала дальши, мужики все бросились за каровый. Барма в эта время варатилси и угнал быка — там никаво ни асталось.

Барин утрым вилел привести Барму.

— Типерь,— говарит,— ты са мной, малотчик, будишь расплачиватца.

Барма говарит:

— Нет, ты са мной будишь расплачиватца.

Барин спрашивает:

— Эта за что?

— А зачем,— говарит,— вы увели у миня карову?

— Как так, мы увили у тибя карову?

— Да,— говарит,— так.

Пашли пасматрели, на самым деле — карова. Ну, бык асталси у Барме, и карову Барма взял.

Этим барин ни пранялси.

— Пашлю,— говарит,— двух работникаф. Поидуть ани на тарантасе, и чтобы,— говарит,— угнать у них лошить са всем тарантасым.

Барма говарит:

— Ишь, какая хитрость.

— Ну вот,— говарит,— сделый.

Барма взял лакывый сапок. Паставил ево на дарогу. Сам сел за куст. Едут работники, увидали лакывый сапох на дароги и завили прамеш сибя спор, каму он должин дастатца. Паспорили, падрались, патом примирились и говарят между сабой: «Да што ш,— говарят,— он адин, ничива нам и спорить. Аставим ево здесь». Так и сделыли и паехали патихоньку. Сапок аставили здесь. Барма взял сапок и забижал впирет, апять ево паставил на дарогу, кагда ани подъехали. А атъехали уш с полверсты ат таво уш сапага. Ну вот, говарит: «Что ш нам делать? Вот и другой сапок, а мы,— говарит,— сделаим так: кто да таво сапога впирет дабижит, таво и сапаги»,— и пабижали. Барма садитца в тарантас и уизжаит.

Барин опять не пранялся этим.

— Знаешь что,— говарит Барме,— вот сними с маей жене кальцо ночью.

Барин лек спать с жаной. Барма запрягаит пару лашадей и едит ночью мима барскыва дома, астанавил лашадей, как бы увидить барина. «Да он,— говарит,— спит, негда,— говарит,— разбудить, дарогу нам нужна у ниво спрасить павирней». Барин выбежал в спальным халати. Пака барин с двами разгаваривал, Барма в эта время пашол туды, в спальню, — сумел прайти. Приходить и говарит барыни:

— А все-тыки сиводня халаднавата.— Барыня са сна ни панила, думала, что муж.— Да,— говарит,— давай кальцо, а то, правда, кабы Бармата ни украл.

Ну и ушол, вроди вышил. Барин входит, тожа говарит: «Што-та халаднавата». Барыня говарит: «Лесь пад адияла-та скарей, будит хадить». Барин говарит: «А кальцо-та цело у тибе?» — «Да ты,— говарит,— ее

сам взял». Барин говарит: «Что ты, с ума сашла»,— говарит. Пагаварили, пагаварили, так и узнали, што кальцо взял Барма.

Услыхал эту историю свищенник — к барину к этаму он был вхош.

— Вот што,— говарит,— я паставлю на акно шкатулку с деньгами, а сам сяду около ей с ружьем, а ты укради.

— Хитра,— говарит,— задача, батюшка, ну все-тыки,— говарит,— пастараюсь.

Атрыл пакойника, он нидавна схаранил там аднаво. Ну, саван с ниво снял, ево в пинжак надел, фарашку и суит ево в акно.

Поп размахиваит тапаром — рас па галаве. Барма ево ещо нимножко сунул. Свищенник говарит: «Иш, какой сукин сын, голыву разрубил папалам — и то все лезит». А пакойник с разрубленнаю галавой так на акне и астался. Паднилась суматоха сразу. Поп пашол за мишком, в мишок пакойника палажил снесть на кладбища.

Барма шкатулку взял с диньгами, паставил её там в адно места, а сам привязал борыду. Свищенник палажил пакойника в мишок и панёс ево зарывать. Барма ему нафстречу идеть с барадой с привязыннай.

— Батюшка, куда ты,— говарит,— ни ва время идешь-та?

— Мяса,— говарит,— в погрип нису.

— Пыкажи — ни во время! Что эта?

Свищенник упиралси, упиралси, пришлось паказать.

— Что жи,— говарит,— батюшка, чилавека убил.

— Ни говари, свет, никаму. Я тибе дам сотинку за эта.

— Нет,— говарит,— батюшка, я гриха на душу ни вазьму за сотню рублей, за двести — ладна.

Ну, поп двести ему дал с испугу, а за диньгами вилел ему прити на дом. Барма приходит, говарит:

— Вот, батюшка убил чилавека, и вот, чтобы я ни говарил, давай деньги мине и давай, как хочишь.

Пападья тожа с испугу дала ему все. Ну, он все сделал и ушол. Приходит поп, пападья ему рассказала, как была дела, поп говарит:

— Ах, сукин сын, хоть бы он пасуду-та ни паганил,— и сам думаить, какую ему задачу задать; и задал ему задачу такую:

— Падними мине на калакольню, чтобы я ни слыхал и ни видал.

Барма говарит:

— Трудненька, батюшка, и все-таки падумаю.

Нанял рибитишек лавить ракыф, эта Барма. Ему налавили штук сто. Забрался он в церкыфь с этими раками, всунул каждыму раку па малинькый свечки в клишну и все их зажох, а сам надел ризу в алтаре. Кагда раки па церкви распалзлись и асвитили фсю церкафь, сторыж праснулся, увидел,

что такое за чуда, сказал свищеннику. Пришол свищенник, дьякан, панамарь, а он вышил на амвон и кричит:

— Кто хочит быть свитым и ни хочит быть праклятым, таво я вазьму на неба!

Ну, свищенник первый говарит:

— Я хочу быть свитым и ни хачу быть праклятым.

— Ну, я,— говарит,— вазьму тибя живым на неба.

А пападья говарит:

— И миня уш, Ангил Божий, вазьми с ним вмести.

А Барма с амвона говарит:

— Тибе,— говарит,— нильзя, тибя Барма у...п.

А поп думаить, дах, значит, правда, Ангил Божий, наверна.

— Ну,— говарит,— батюшка, так литеть тибе будит страшно, падлизай в мишок из-пад матраса да на дарошку,— говарит,— захвати денег, а то дарога дальняя, там астанофки будут.

Деньги атдал Ангилу, а пападья стаит плачит, кагда влес он в мишок.

— Ну, батюшка, палитим мы с табой с калакалами.

Узнёс ево на калакольню, привизал к языку к колакалу, а дьякан и весь причт правадил по дамам. «Вы,— говарит,— нидастойны сматреть этыва». А на мешке на этим углим написал: «Кто ни праедить ни прайдёть — и палажил дубинку,— три раза этый дубинкый ни ударит, тот п...а бываит».

Ну, едит этыт барин, у каторыва вперет этыт Барма варавал. Ну, прачитал на мишке и думаит: что жи это я п...ой буду, личши ударю. Влес на калакольню, взял дубинку и акристил этыва папа ей. Поп застанал. Барин ещо размахнулся и ещо два раза падрят ударил, патом слес с калакольни и вилел кучиру ехыть. Кучир говарит: «Барин, сколька лет я у вас служу, дазволь и мине ударить, а то что жа я буду п...ой».— «Ну,— говарит,— биги скарей». Кучир влес, на скорыю руку три раза акристил и апять на козлы.

Идеть дьякын и читаит тожа самае. Раз ударил дьякын, поп застанал. «Кто эта,— говарит,— здесь, эта дьякын?» — «Эта,— говарит,— я, свет». Дьякын ево развизал.

Поп с месяц хварал посли этыва. И решили поп с бариным: нужна нам ево утапить как-нибуть, чтобы ево не была. Ну, и наняли мужикоф за вотку. Палажили в куль, наклали туда камней, палажили ево на мосточик. «Пайдемти,— говарят,— к барину за воткый, а то он ни атдаст посли-та». А он на масту лижит и кричит из куля:

— Кто хочит быть князим? Кто хочит быть князим?

В эта время к этыму барину ехыл ещо барин в гости на тройки.

— Стой,— говарит,— кучир, астанавись, кто эта там кричит?

А он апять все кричит: «Кто хочит быть князим?» Барин говарит:

— Я хачу быть князим.

— Ну,— говарит,— развязывай этыт куль-та.

Кучир скора вирефки какии развизал, какии пириезал. Барин говарит:

— Как жа ты мине сделаиш князим?

— Вот,— говарит,— пализай в этыт куль и сиди малчи. А за эта,— говарит,— что ты мне дашь?

— Да,— говарит,— тройку.— Лошади были бурыи.

Ну, мужики пришли пьяныи.

— Што мы аб ниво будим руки-та сквирнить, мы ево шестиком спихнем с моста.

Ну, взяли шест и пихнули. Ну, аттэда пашли беркали из вады. Ну, мужики говарят:

— Иш, буркала, буркала пускаит.

А Барма в эта время на тройки подъезжаить.

— Я,— говарит,— ни буркалки пускал, а бурых лашадей выбирал.

Ну, так Барму и аставили в пакои.

88. ПРО КЛИМКУ-ДУРАКА

Жил был Климка бедный. А недалеко жил барин, и барин называл его дураком. Барин так его называл, поскольку был богатый. А он дураком-то не был, шутил, развлекал его. Барин был богатый, два работника у него было, Иван да Егор, да две слуги, Маша да Наташа.

Вот у барина скоро будут именины, надо заколоть бычка. Барин работникам приказывает. А Клим решил подшутить. Был у него сапожок, он наложил туда грязи, смешал с калом, забежал вперед Ивану да Егору да и бросил. А Иван да Егор шли к бычку, где он пасся. Были они простечки. Видят — сапог. «Давай,— думают,— поищем другой». А Клим тем временем быка заколол, тушу закидал хворостом, а голову поставил на кочку, будто бык-то утопился, а сам по краю ходит, собирает клюкву. А Иван да Егор не нашли второго сапога. «Дай,— думают,— посмотрим, что в первом!»— «Фу! Пойдем вымоем руки». Вымыли руки.

— Иван, пойдем быка заламывать, а то барин ругаться будет!

Пришли, смотрят, а веревка перерезана. «Убежал»,— думают.

— Ну пойдем искать. Ты по ту сторону болота иди, я по — ту!

Вот идут, кричат: «Тпрусень! Тпрусь!» А Климка из кустов: «Му-у! Му-у!» Видит Иван — голова торчит в болоте, кричит:

— Егор! Егор! Скорей! Голова торчит! Тут они подскочили, засучили штаны, взялись за голову — она и покатилась. Климка хохочет себе в кустах, а они ругаются.

Барин как узнал, кричит им: «Уйдите! — а Климке говорит: — Какой ты хитрый! А вот коня у меня не уведешь!» — «Давай поспорим!» — «На сколько?» — «На сто рублей!»(а тогда деньги-то большие были). Поспорили они в присутствии всех на десятое число. Барин говорит: «Я сторожей поставлю». А Климка ему: «Хоть сто сторожей ставь!»

А конь у барина был исключительный, выездной. Поспорили они. Климка-дурак знал все ходы и выходы. Стал он подготавливаться. Взял мялицу (дугообразная деревяшка, чем мнут лен), горсть льну, пеньки, замаскировался у барина во дворе и сам там слушает, нюхает. Барин тоже приготовился: привел из деревни пять человек сторожей да своих двое, семь всего. Приходят они на конюшню. Барин говорит:

— Ну, как мы сохраним коня?

Один и говорит:

— Выводите коня к двери, привяжите на аркан, на цепь, а мы — кто по бокам, кто верхом на него сядем.

А Климка тут спрятался и слушает. Вот привязали они коня.

— Ты, Иван, держи за гриву! Матвей — за уздечку! Митрован — по правую сторону, Влас — по левую сторону!

Все семь вокруг коня — галке клюнуть негде!

— Устережем,— говорят.

— Не уснете?

— Нет, будем развлекаться.

— Я вам заплачу, а не устережете, так плети вам!

Барин потрепал коня по шее и пошел в комнату. Ходит, читает журнал, газетку, потягивается, а спать не может. Прошел час. «Надо,— думает,— проверить». Надевает шляпу, пальто, очки, тросточку, берет фонарь, не электрический, а «волчий глаз» тогда был. «Слуги! Климка-дурак не был?» — «Что вы, не беспокойтесь!» Посчитал он их и ушел.

А Климка-дурак пошел, заколол козла, требуху взял, положил слугам, Маше да Наташе, а сам пучком соломы мялицу обернул, уздечку прицепил, шкурти обернул — морду сделал, а из пеньки хвост и гриву, чтоб стало немножко похоже на коня. Посмотрел он барину в окошко. Барин ходит, на часы смотрит. Спать ему хочется, но он надевает шляпу, пальто, берет тросточку, фонарь — идет коня проведывать. «Слуги! Не бывал Климка?» — «Нет!»

Приходит домой, вешает шляпу, пальто, брюки, носки на стул кладет по правилам науки. Гимнастерку снял, положил. А Климка-дурак не дыша подполз к двери, слышит — барин захрапел. Тогда Клим берет его гимнастерку, приготавливает себе усики, берет фонарик, тросточку. Идет на

кухню. Кладет в корзину семь бутылок вина, ветчины, семь стаканов, колбасы. Идет, подражает барину. Расставил он все и манит слуг к себе, а сам бутылки раскупоривает. Они идут:

— Ох, барин, хорошо бы погреться!

Тут они хлобысь по стакану, а потом по второму. И про коня забыли. А он подходит к коню, отвязывает, идет с ним к калиточке, а чучело вместо коня подставил:

— Ну, Егор, держись за гриву, Матвей — за хвост, Сергей — за уздечку!..

Так же всех расставил, как барин. Привел он коня домой, привязал к яслям, которые существовали во дворах простых людей. Все с себя снял, чинчинарем на место положил.

Вдруг Маша просыпается, видит требуху: «Что это?» — кричит.— «Это ты родила!» — «Да я и беременной не была!»

А барин ничего не понимает. Бежит в одном исподнем на конюшню. О ужас! Коня нет! «Слуги! — кричит,— Мерзавцы!» А они: «Бум-бум-бум!» Тут шумиху подняли. Послали к Климке. Кричат: «Климка — жулик!» А он говорит:

— Я не Климка, а Климентий Евлампиевич. Спор у нас был с барином. Пусть теперь барин по этой расписочке сто рублей выдает.

Получил Климка и поехал в город. А все говорят: «Давай, барин, уходи, глупый ты, не годишься быть барином!» Клим тоже говорит: «Видишь, не я дурак оказался, ты — дурак. Садись ты на мое место, а я пойду в твой дом». И стал сам барином.

89. <КАК ЛОДЫРЬ ШКУРУ ПРОДАВАЛ>

Жили три брата. Двое из них были работящие, хозяйство хорошее имели, работали добросовестно, а третий — нет, он все больше охотничал и филонил. Раз и говорит этот лодырь жене: «Плохо нам без коровы, рябятам молока надо».

— Какая тебе корова? С тобой последнюю кошку прогонишь — кормить нечем.

«Ладно, корова у нас с тобой будет»,— говорит лодырь жене. Идет он к столяру и договаривается: «Я тебе любое дерево из лесу приволоку, а ты мне сделай теленка деревянного». Ну, столяр был мастер хороший, сделал теленка, как живого, даже шкурой оббил его.

А братья пасли свой скот по очереди: неделю — один, неделю — другой, уж кто-нибудь из их семьи — своими силами обходились. Иван (обычно зовут таких людей Ваньками) берет теленка и тащит в поле к брату и говорит:

— Слышь, браток, одного мне пасть неинтересно, пусть с твоими ходит.

Тот отвечает:

— Ладно, он много травы не съест, пусть пасется.

Ванька поставил с краю деревянного теленка, головой его к земле, будто щипет траву, а сам отошел в сторонку и смотрит, что будет дальше. Ну стадо-то отходит, отходит, а теленок-то не с места. А брат, который пас, говорит: «Что ж я тебя на руках носить буду?» — и хотел подогнать его. Стукнул кнутом, голову-то и отбил ему, теленку. Испугался, в кусты забросил, даже не рассмотрел с перепугу, что он деревянный. А Ванька, как увидел это дело, убежал домой и ждет, когда брат пригонит стадо.

Стадо пригнали, Ванька и спрашивает: «А где теленок?» Брат говорит: «Я позабыл про него, наверное, отбился, остался в поле». А Ванька ему отвечает:

— Нет, ты его вдруг убил, я видел. Давай мне корову, а то в суд подам. Пора горячая, лето, ты больше потеряешь, пока по судам будешь таскаться со мной.

Ну, брат подумал, с женой посоветовался и решил отдать корову, а то и вправду много потеряешь, когда лето, там уборка, то да сё.

Ванька корову привел и забыл, что ее кормить зимой надо, и не накосил сена. Зима подошла, корова вот-вот подохнет. Он ее зарезал, шкуру содрал и в город продавать. А до города было идти далеко, километров двадцать. Дорогой этот Иван нашел ворона с перебитым крылом, завернул его в шкуру и идет с ним. До мельницы дошел и думает: «Надо здесь остановиться ночевать, а то все равно на базар не успеваю». Мельничиха ночевать его пустила, кое-чем накормила, и Иван лег где-то в коридор спать. А она ему сказала, что мельник уехал в город по делам и дома его нет. Иван спит и слышит, кто-то стучится. Он понемножку в дверь подглядывает, а это писарь из соседнего села. Когда мельник уехал, он ходил сюда, к мельничихе. Ну, вот она тащит на стол пироги, сметану этому писарю. А сам мельник что-то отделался рано и в это время раньше приехал. Ну, мельничиха испугалась, давай прятать что попало, куда попало. А самого-то писаря — в ларь (там в углу ларь стоял со всяким мусором). Она туда его и спрятала.

Ну, мельник вошел и говорит: «Дай что-нибудь поесть, я голодный». Жена тоже с перепугу не знает, чем кормить, говорит: «Ничего не готовила, думала, что завтра приедешь». Он говорит: «Ну, ладно, хлеба, что ли, молока поем? Хватит с меня». Мельнику показалось, что в коридоре кто-то есть, он и спрашивает жену: «Кто у тебя там, в коридоре?»

— Да вот с хутора Иван идет в город, просил ночевать пустить.

— Ну,— говорит мельник,— давай разбудим его, мне надо с ним поговорить.

Мельник спрашивает Ивана, куда, мол, он и зачем идет. Иван говорит, что несет всезнайку продавать в город.

— Какого всезнайку?

— Сейчас покажу,— и тащит на стол ворону.

Ну, мельник говорит, что, мол, за всезнайка, ворон — простая птица. «Ну,— говорит,— что спросить у него, чтобы он ответил?»

— Ну, я сейчас спрошу,— говорит Иван. Дернул ворона за хвост, тот — каркнул.

— Ну, что он тебе сказал? — спрашивает мельник.

— Он сказал,— говорит Иван, что пироги в решете (он видел, куда жена распихивала).

Ну, мельник полез. В самом деле — в решете пироги. Пироги поел.

— Спроси еще что-нибудь.

Иван еще ворона дернул, тот опять каркнул. Мельник спрашивает:

— Что опять сказал он?

Иван сказал:

— Сметана вон под лавкой в крынке.

Мельник полез. В самом деле — сметана.

— Зря мы съели пироги, со сметаной пироги хорошо!

Ну, поели сметану, мельник говорит: «Давай спроси еще что-нибудь».

А Иван начинает отпираться, мол, нельзя спрашивать больно много, а то может сказать неприятную вещь. В общем, мельник уговорил Ивана спросить еще. Иван дернул ворона как следует, тот как заорет во все горло. Ну, Иван говорит:

— Сказал он тебе страшную вещь.

— Что?

— Да боюсь говорить даже. Он говорит, что черт в ларе у тебя сидит.

Мельник говорит:

— Ну, что же черт, так выгонять его надо!

Иван берет ухват, мельника заставил дверь открыть. Иван открывает дверь ларя, как огреет писаря ухватом. «Вылезай,— говорит,— поганая сила!» Ну, а писарь извалялся там в муке, в перьях, и в самом деле прошмыгнул мимо них, как черт. И рад, что не догадались, что это он, и приняли за черта. Ну, пристал мельник к Ивану: «Продай всезнайку». Иван говорит: «Давай триста рублей!» Мельнику-то и денег жалко и хочется такую вещь приобрести. Ну, поторговались, поторговались. И всеж-таки отдал Иван ворона, не стал ждать рассвета и обратно к себе на хутор помчался.

К братьям пришел, уже светло. Они и спрашивают: «Много за шкуру-то дали?» — «Триста рублей»,— отвечает Иван. Ну, те не верят.

— Что ты,— говорят,— таких цен никогда сроду не было!

Он показал деньги:

— Вот они, пожалуйста. Наехало из заграницы купцов, шкуры только давай, не торгуются даже!

Братья зарезали всю свою скотину, сняли шкуры, везут продавать. Ну, а им-то в городе полтора рубля за шкуру дают. Озлился они страшно на Ивана и решили утопить его к лешему. Связали его в мешок, на палку, на плечи — и поволокли. А на середине-то дороги между хутором и рекой чайная была. Братья решили выпить маленько. Раз, в чайную зашли, там уже не маленько, время долго пройдет. Пока они сидели, Иван пальцем проковырял в мешке дырку, развязал там как-то и выглядывает на свет божий. Видит, старый-старый старик стадо гонит. Ну, Иван сообразил, кричит: «Дедушка, иди сюда!» Ну, старик подходит: «Чего тебе?» Иван-то говорит:

— Ты, небось, помирать собираешься, так надо перед смертью от грехов очиститься.

Старик говорит: «Надо бы, да не знаю, как».

— А я,— говорит Иван,— очистился совсем. Развяжи и садись на мое место.

Ну, старик развязал его, Иван вылез, а старика в мешок завязал, а стадо его погнал к себе домой.

А братья как вышли из чайной, подхватили мешок и тащат к реке. А старик-то думал, что его на небо поднимают. (Они молча делают это дело). И ворчит старик: «Надо бы остановиться, грехи вытрясти». Они отвечают: «Со всеми грехами тебя туда отпустим, ладно». Ну, подошли, раскачали, бросили в реку, повернулись и бегом уже домой, в чайную даже заходить не стали. Приходят на хутор к себе, а Иван баранов считает. Иван их увидел и бежит навстречу с мешком и говорит:

— Кидайте еще раз, там баранов видимо-невидимо.

Братья переглянулись и обратно на реку помчались. Подбежали они к реке, а облачка маленькие в воде отражаются, медленно ходят, им и показалось, что там стадо большое. Один из братьев хотел нырнуть вперед, а второй говорит:

— Давай вместе, что тебе больше, чем мне надо, что ли?

Заспорили, подрались, свалились и утопились, и остался один Иван.

90. ПОП И БАТРАК

Поп нанял батрака на работу на три года и сказал: «Если ты в течение трех лет не ответишь правильно на три вопроса, я тебе ничего не заплачу». Проходит

год. Однажды, когда бежала мимо кошка, поп и спрашивает мужика: «Скажи, мужик, что это бежит?» — «Кошка бежит. Что же ты, не видишь?» — «Не кошка, а божья тварь. Не сумел ответить на мой вопрос, работай год бесплатно».

На следующий год, когда шел дождь, поп опять спросил батрака, что это такое. Мужик ответил: «Дождь идет. Это и ребенку понятно».— «Дурак, не дождь, а божья благодать,— ответил поп.— Вот пройдет дождь, и быстрей начнут хлеба расти, грибы подниматься». Выходит опять напрасно отвечал мужик на вопрос, год еще работать ему бесплатно.

На третий год, увидев огонь в печи, поп снова спросил: «Что это такое?» — «Огонь,— ответил мужик,— это всем ясно».— «Неправильно, не огонь, а божья краснота». Проходит еще год, а мужик все работает бесплатно. Снова хозяин задает ему вопрос и показывает на чердак: «Ответь, а что это?» — «Ясно, что чердак»,— отвечает бедняк. «Не чердак, а божья высота. Дурак, не видать тебе платы за работу».

Опечалился мужик, выходит, еще придется работать даром. И решил мужик обмануть хозяина. Вот облил он кошку керосином, поджег ее. Кошка прыгнула на чердак, и дом начал гореть. Побежал мужик к попу и зовет его: «Хозяин, беги скорей: божья тварь попала в красноту, вскочила на божью высоту, и, если бог не пошлет благодать, тебе своего дома не видать!»

91. РАБОТНИК

Жил-был поп в селе, нанял он себе работника, сделал с ним условие, чтобы жить работнику всегда у попа, потому что у него работники не уживались. Если работник не уживется, то у него из спины ремень, а в голову молотком; если уживется, то у попа из спины ремень, а в голову молотком. Вот поп видит, что работник у него уживается. Поп что ни заставляет работника делать, он все делает. Поп видит, что дело плохо. А у них в лесу водилось множество медведей. Поп и послал его за медведем, сказал ему: «Поди приведи мне бурка (медведя) из лесу!» Работник пошел, привел медведя, спрашивает: «Хозяин! Куда ж мне бурку девать?»

Поп видит: дело плохо. «Запряги, говорит, его в телегу. Поди собирай мои налоги: мне должен в одном омуте водяной дедушка!»

Работник поехал на медведе к этому омуту. Приехал, распрег медведя, пустил подле себя гулять. А у работника были вершки (пакля), он начал из них вить веревки. Выскочил из воды чертенок и спрашивает: «Что ты, дядюшка, вьешь?» — «Веревочки вью! Берега (т.е. один берег к другому)

сжимать, а вас, старых чертей, из воды выживать!» Чертенок бросился прямо в омут и сказывает своему водяному дедушке: «Дедушка, дедушка! Я был на берегу, там сидит мужичок, веревки вьет. Я его спрашивал: «Что ты делаешь?» Он сказал: «Хочу берега сжимать, вас, старых чертей, выживать!» — «Поди спроси, что ему надо?» А работник вырыл яму, на яму поставил шляпу, а в шляпе на дне вырезал дыру. Чертенок вышел и спрашивает: «Что же тебе надо?» — «Наноси мне вот в эту шляпу золота». Чертенок пошел, сказал дедушке. «Поди,— говорит дедушка,— скажи ему: кто кого опередит бежать?» Пришел чертенок к работнику, а у работника был заяц. Работник и говорит: «У меня есть мальчик с пальчик, и он тебя опередит!» Пустил чертенка с зайцем. Заяц туда, сюда, стал вертеться и убежал из глаз. Чертенок и не видал, куда тот убежал. Приходит назад в омут к дедушке и говорит: «У него есть мальчик с пальчик: тот меня опередил и из глаз у меня ушел».— «Поди скажи ему: кто кого переборет?» Приходит чертенок к работнику и говорит: «Дядюшка, дядюшка! Давай бороться!» — «Где тебе, говорит, бороться? У меня есть старичок, и тот тебя поборет!» И послал его к медведю. Стали они бороться. Медведь ударил так, что чертенок сразу улетел под небеса. Воротился назад чертенок и говорит дедушке: « Дедушка, дедушка! У него есть старичок, он меня так ударил, так я под небеса улетел!» Дедушка дал ему палку: «Поди скажи ему: кто выше палку кинет?» Чертенок пошел, сказал. Работник и говорит чертенку: «Кидай же ты наперед». Чертенок кинул палку высоко, до облака. Приходится работнику кидать палку. Он и говорит чертенку: «Зажмурься! Я брошу так высоко, что ты уж не увидешь — так высоко!» Тот зажмурился, а он бросил палку в кусты. Когда тот разжмурился, работник и говорит: «Видишь, моя палка из виду вон улетела!» Чертенок возвратился в омут. «Дедушка, дедушка! Я высоко кинул палку, а он еще выше!» Нечего делать, стали носить золото, сыпать в шляпу. А шляпа была на яме: сколько они ни носят, все шляпа не наполняется. А у них уж почти вышло все золото, и стали они скучать, когда шляпа наполнится. Лишь яма была полна золотом, он сам сказал, что больше не надо, взял переложил золото в телегу, запрег медведя, повез к попу.

Поп удивился, что работник его везет целый воз золота. Работник и говорит: «Хозяин! Вот я золото привез, куда мне девать золото и куда бурку?» Поп не знал, что сказать, говорит: «Пусти к нашей лошади!» Работник пустил, медведь и съел лошадь.

Вот поп видит — дело плохо, начинает с женой сушить сухари — бежать от работника. Насыпали мешки сухарей. Работник, не будь дурен, сухари из одного мешка высыпал, а сам туда и сел. Ночью поп с попадьей собрались, взяли мешок, побежали, куда глаза глядят. Бежали, бежали и ус-

тали. Попадья и говорит: «Сядем на корточках, отдохнем да съедим пирожок». А работник из мешка и говорит: «Хозяин, хозяюшка, я здесь!» — «А! Он нас догоняет, побежим дальше». Вот они бежали, бежали и устали. «Давай отдохнем». Сели отдыхать, а работник из мешка: «Хозяин, хозяюшка, я здесь!» Соскочили поп с попадьей, побежали опять, бежали, бежали, устали и говорят: «Ну, хоть сейчас догоняй: силы больше нет!» Сели, стали доставать пирожок. Развязали мешок, а оттуда и вылез работник. «Ну что, хозяин, вырезать ремень из спины, а в голову молотком?» Поп стал просить его помириться; они помирились, стали жить, как родня.

92. БЫЛ ТРУС И СТАЛ ГЕРОЙ

Жил да был мужик. Жил он с женой. А трус он был: бывало, пошлет его жена дверь запереть (звали его Пахом): «Пахом, а Пахом, ступай дверь запри». А он говорит: «Да у меня живот болит, встать не могу». Ну, она сама идет. Пахом соскочит с печки да за ней. А она ему и говорит: «Да у тебя живот болит». А он говорит: «Да я боюсь, что тебе страшно одной идти». Она на него как закричит: «Ах ты, сякой-такой, вон из моей хаты!» — «Не гони меня, женушка, до утра». А она на своем стоит: «Чтоб духу твоего здесь не было!» Пересилил Пахом страх — ночевал в сенях. Утром встал и пошел в путь-дороженьку.

А был-то он татарин. Пришел он на родину свою, привесил кинжал и пошел по свету странствовать. Шел, шел, видит: камень на дороге лежит. Сел он на камень и давай думушку думать. Поглядел он и видит, что он мух убил несметное число, и кажется ему, что это не мухи, а народ. Сосчитал он мух и насчитал четыреста штук человек. И думает он: вот какой силач-то Пахом! Пошел он дальше, и попался ему город на пути. Зашел он к мастеру и велел написать на ручке кинжала, что вот Пахом-силач убил за один мах четыреста человек.

Пошел Пахом по городу погуливать. И видит он, что цареву дочь замуж отдают. Зашел Пахом туда, а его вон гонят. Показал тогда он кинжал — прочитал царь и ахнул, и велел он выходить замуж Пахому за цареву дочь. Наелся Пахом и пошел спать в цареву горенку. Выспался Пахом, тут ему царь и говорит, что каждый год у него таскает Змей Горыныч по дочери, и осталась одна у него дочь. И завтра прилетит змей за дочерью; и велел убить змея царь. А Пахом — за старые боли хвататься: «Да у меня живот болит!» И велел царь отрубить за это голову Пахому, если он не убьет завтра змея.

Собрал Пахом свои монатки — и бежать. Бежал день, два, а на третий залез на иву спать. Проснулся он утром, глядит вниз, а там Змей спит, и упал со страху Пахом на Змея. Лежит Пахом на Змее и от страха ничего не чует. Потом встал кое-как и видит, что Змея-то он раздавил. И тут показалось на горизонте царево войско. И идет к нему Пахом довольный, что Змея убил. Взяли тут его начальники и понесли на руках к царю. Наградил его за это царь.

Прошло-то год. Приходит раз к нему царь и пал к нему в ноги, и говорит, что наступает на мое царство несметное войско. А Пахом опять: «Да у меня живот болит». Рассердился тут царь, велел тут же Пахому голову срубить. Испугался тут Пахом и говорит: «Не надо, царь, мне голову рубить, поеду я воевать». Тут посадили его на лошадь, а со всех сторон начальники поддерживают. Приехали они в поле, и велел тут Пахом ставить золотые шатры. Когда поставили шатер, а в него — диван, тут-то залег Пахом под диван. А тут, как на грех, собачонка стала его кусать за ногу, скинул с себя все Пахом и в паршивую собачонку кидать стал. Остался один сапог, схватил его Пахом — да за собакой. Увидало его несметное войско, ну все и уехало, не знаю куда, с испугу. А Пахома наградил царь за это своим царством. Стал Пахом поживать да добра наживать.

93. <СТАРУХА-УГАДЧИЦА>

В Москве горничная жила у господ. Много унесла вещей, золото там, серебро и зарыла около крыльца; с дворником вместе согласилась. Ну, господа гадали, гадали, не знают, на кого подумать. А тут недалеко жили старик да старуха, бедные. Старуха <говорит> старику: «Поди угони у купца лошадь, а я отгадаю». Старик угнал лошадь, в овражек загнал. Ищут лошадь, а старуха и отгадала. Пошли в овражек, лошадь и стоит, ну, старухе денег дали. И говорить стали, что старуха угадчица.

Господа про нее и прослышали, послали за ней. «Сделай милость, приезжай, хоть шесть рублей возьми». Привели ее, в баню свели, вымыли, убрали в хорошую одежу, повели в хоромы. Она и говорит: «Собрали, как барыню, ах, ворона, ворона. в какие хоромы залетела!» А горничная слушает, ей прозвище было Ворона. «Ну,— говорит,— вот баушка на меня показывает»,— испугалась. Приходит к ей и просит: «Не говори на меня, золото под парадным крыльцом». Господа спрашивают: «Ну, бабушка, кто вор?» —

«Не могу узнать, а пропажа у вас здесь, поглядите под крыльцом!». Поглядели — нашли. Наградили старуху. Пришла к старику: «Будет гадать, довольно». Так и стали жить.

94. ДУРАК НАБИТЫЙ

Жили-были старик со старухой. Были у них два сына: Лука да Петр да еще батрак, Иванушка-дурачок. Пошли старик со старухой в гости и говорят дураку: «Вот, Иванушка, мы в гости идем, а ты дома с детками малыми останешься, так смотри, пить-есть захотят, ты их и напой и накорми!» — «Как же я это сделаю? — говорит Иванушка.— Я ничего не умею!» Старики ему и говорят: «Возьми горшочек, налей в него водицы, положи туда картофельцу, покроши лучку с петрушкой, поставь все это в печку, свари похлебочку и накорми ей деток».— «Вот это я понял»,— говорит Иванушка. «А еще,— говорят старики,— двери береги, Иванушка, чтобы детки наружу не повыскакивали!» — «Ладно,— говорит Иванушка,— и это понял». Старики простились с детками и пошли в гости. Вскоре детки запросили у Иванушки есть. Тотчас же он притащил в избу кадушку, натаскал в нее воды, насыпал меры две картофелю и пристает к Луке с Петром: «Тятька с мамкой,— говорит,— велели вас скрошить в похлебку, так идите-ка сюда!» Дети говорят, что отец с матерью никогда такого приказанья ему не давали, а велели в огороде взять лучку с петрушкой, да их и покрошить. Дурак знать ничего не хочет, приступает к ним с ножом к горлу. Дети так-сяк уговаривают дурака, не тут-то было — ничего не слушает. Дети видят, что дело плохо, зарежет, пожалуй, дурак, искрошит в кадушку ни за что, взяли да и сговорились бежать в лес от него. Побежали, а дурак за ними. Бежали, бежали детки, однако убежали.

Что делать дураку? Пришел он домой и боится теперича, чтобы и двери тоже как не сорвались с крючьев, да куда не делись. Вот он взял ее за благо с петлей, взвалил себе на плечи и пошел в то же место, куда старики в гости ушли. Пришел в то селение, сел на дверь и дожидается хозяев. Им и говорят: «Чтой-то словно работник ваш здесь, сидит на какой-то доске, ни с места сам и ни с кем ни слова!» — «Как так?» — говорят старики.— «Так!» — говорят им. Пошли старики к дураку и спрашивают: «Как ты здесь, Иванушка?» — «Да так: после вас вскорости дети запросили есть, я хотел, было, сварить им похлебку, покрошить туда Луку с Петром, как вы сказали, только хотел резать да крошить их, а они не дались, да побежали в лес. Я их догонять. Догонял, догонял, не догнал, так и пришел домой

один. А тут подумал, чтобы и дверь так же куда не сбежала, взял ее, снял за благо с петлей, да и пришел сюда, потому дома-то уж больно нечего делать мне без детей, а дверь стеречь я и здесь могу!» — «Ах ты дурак, дурак! Что ты наделал? — говорят ему старики.— Ведь мы тебе в огороде луку-то с петрушкой для похлебки велели взять!» — «А я на детей ваших подумал!» — говорит дурак. После того они тотчас из гостей домой, в лес — искать детей! Искали, искали — долго не находили, под конец нашли. Только дети ни за что домой нейдут, боятся, чтобы дурак опять с ними чего не сделал. Напугал он их уж очень шибко.

Что делать? Старики и стали думать, как избавиться от дурака. Думали, думали и выдумали: по дороге, идучи из лесу, приметили они, что в одной берлоге медведь лежит. Пришедши домой, они и говорят дураку: «В такомто месте, Иванушка, аглицкая корова лежит — заплуталась, должно, с барского двора сбежала, так поди-ка ты приведи ее к нам на двор!» А сами думают: «Как придет он к медведю да станет его тревожить, тот его сразу согнет в дугу, да и поминай как звали!»

Дурак пошел в лес к тому месту, где медведь лежал, взял с собой веревку, которая поздоровей, и пошел. Приходит к медведю и зачинает к нему подступать. Медведь, известно,— на него, а он на медведя, медведь — на него, а он — на медведя. Боролись, боролись, под конец Иванушка сборол медведя, опутал его веревкой, да так и привел домой. Привел, и прямо на двор! Там его оставил, а сам в избу пошел. Увидавши его, старики, что целехонек да живехонек воротился из лесу, так и сдивились, индо глядючи на него. Потом и спрашивают: «Что ж, мол, Иванушка, привел корову-то?» — «Привел»,— говорит. Старики не знают, как и подумать об нем после этого. Только и спрашивают: «Где ж она?» — «Там,— говорит,— на дворе оставил. Только посмотрел я,— говорит Иванушка,— корова-то эта не похожа на наших, шибко забижает их, иных даже до крови уже забидела!» — «Что ты?» — говорят старики. «Верно!» — говорит Иванушка. Тотчас же выбежали на двор, глядь — ан коровы одной уж и в живых нет, а прочих до полусмерти поломал мишка. Новая беда для стариков!

Опять они стали думать, как же избавиться от дурака? Старуха и говорит: «Напеку я пирогов побольше, чтобы на месяц хватило, возьмем их с собой, да и уйдем в лес. Будем там жить пока с детьми, а дурак подождет, подождет да увидит, что домой долго не приходим, соскучится и уйдет куда-нибудь шататься по белу свету».— «Ладно,— говорит старик,— заправду, что ты так хорошо выдумала!» Старуха принялась пироги печь, напекла их довольно, поклала в мешок, веревкой мешок завязала и спрятала на печку под лучину. Приходит вскоре потом в избу Иванушка. «Спать,— говорит,— что-то хочется!» — «Ложись,— говорит старуха,— на ко-

ник».— «Нет,— говорит,— пойду на полати!» — «Как хошь»,— говорит старуха. Иванушка ушел на полати. Вертелся, вертелся там, не спиться что-то! «Дай-ка,— говорит,— на печку сойду, может, не засну ли в тепле». Сошел, лежит. А все глаз сомкнуть не может. Смотрит под лучину — мешок! Развязал его — глядь, пироги там! Иванушка от неча делать и давай их есть! Ел, ел, все переел до единого. Как съел, совесть его и зазрила: что ж, мол, такое я сделал? Хозяйка придет, хватится пирогов — нету, беда мне тогда будет! Ломал, ломал себе голову дурак, как бы горю помочь, да со страху взял и залез в мешок! Веревочкой его опять завязал, лучину по-прежнему набросал на себя и лежит. Хватились дурака старики — искать везде — нигде нету: ни на дворе, ни на улице! Должно, говорят, куда-нибудь ушел в поле на работу. «Побежим-ка теперича,— говорит старуха,— пока за благо!» — «Побежим!» — говорит старик. Побежали старики. Взяли с собой мешок и пошли в лес.

Шли, шли, далеко уж прошли, пришли под конец к деткам. «Ну, детки,— говорят,— мы теперича к вам надолго пришли и вам хлеба-соли принесли — пирогов целый мешок». Детки были голодные, обрадовались пирогам и просят поскорее поесть. А старики им не дают: «Погодите,— говорят,— вот еще подальше уйдем!» Идут дальше. Шли, шли, наконец, устали. Старуха и говорит: «Давай-ка, старик, остановимся да перекусим!» — «Давай!» — говорит старик. Сели. Старуха стала развязывать мешок и говорит: «Что-то без нас теперича Иванушка-дурачок поделывает?» А Иванушка из мешка: «Я здесь!» — кричит. Старики так со страху и обомлели, услышавши его голос. «Где же ты?» — спрашивают. «В мешке!» — говорит. Посмотрели — он там и есть. «Делать нечего,— думают старики,— должно, уж так нам на роду написано, чтобы биться с дураком!» Взяли после того деток из лесу, воротились все назад, а Иванушки стали больше прежнего прибаиваться, потому видят, что он такой чудной, а делать с ним ничего не поделаешь, потому видимое дело, что Господь хранит юродивых и всякую защиту подает им от беды.

95. ДУРАЧОК

Жил старик со старухой. У них было три сына: два умных, а третий дурак. Вот они призвали своих сыновей: «Ну, сыновья! Чем вы теперь станете нас кормить?» Один брат и говорит: «Я буду сеять овес да вас овсяным киселем кормить». Другой говорит: «Я буду сады снимать, деньги брать да вас кормить». Третий говорит: «Я буду птиц ловить да вас кормить!»

Вот дурак поставил капкан возле погреба. Мать пошла в погреб да в капкан и попала. Он пошел смотреть, не попалась ли какая птица, увидал, что что-то есть в капкане, схватил за платье и потащил. Потащил домой и положил в коник (род ящика на земле) и говорит братьям: «Братья, братья! Какую я птицу-то поймал!». Они говорят: «Покажи, пожалуйста, нам!» Он и говорит: «Пойдем, я вам покажу, она у меня в конике лежит». Братья увидали, так и ахнули. Пришли к отцу и говорят: «Дурак мать поймал в капкан!» — «Ну, что ж, говорит, делать? Нужно, говорит, ее похоронить, да помянуть!»

А дурак встал на другой день рано утром, положил ее на салазки, дал ей донце, гребень, веретено в руки и везет ее на салазках продавать. Вот едет он. Обоз с ним и встречается. Поравнялись, он и кричит: «Тише, тише! Смотрите, государеву пряху не столкните!» Едет он дальше. Встретился с ним на мосту обоз. Обоз-то и столкнул ее нечаянно под мост. Он и говорит: «Что вы наделали? Государеву пряху под мост столкнули!» Они испугались, дают ему денег: «Только не говори на нас!» Приезжает он домой, братья и спрашивают его: «Куда ты ездил?» — «Государеву пряху продавать ездил!» — «Ах, дурак, дурак! Зачем ты мать-то отвез?» Пошли, сказали отцу.

Отец и говорит: «Что ж с ним делать? Пошлите его в город купить для поминок кое-чего». Вот велели ему купить ложек, горшков, пшена, стол, дали ему лошадь. Он запрег ее в телегу, поехал. Приехал в город, накупил всего, поехал назад. Нужно было ему проезжать мимо частокола. Вот он и говорит: «Ишь, мальчики-то без шапочек стоят! Нужно на них шапочки надеть!» Взял надел на них на каждого по горшку, почти все горшки понадел на них. Едет дальше. Летят галки: кра, кра, кра!.. Он и говорит: «Ишь, бабушкины детки есть захотели!» Насыпал им пшена, поехал дальше. Нужно было ему ехать в околицу. Стал он ее отворять. Ворота-то и заскрипели. Вот он и говорит: «Ишь, мальчики-то есть хотят, а есть им нечего!» Отдал два последних горшка, всыпал в них пшена, положил ложечку, поставил перед воротами горшки и поехал дальше.

Ехал, ехал. Стол ему надоел, он взял да его и бросил. «Сам, говорит, придешь, захочешь!» Приезжает к колодезю, и нужно было ему лошадь напоить. А колоды у колодца не было. Едет мужик и говорит: «Ты подсеки, чтоб было пониже», и проехал дальше. Дурак взял и подсек у лошади передние ноги. «Ей, говорит, будет пониже, она достанет до воды!» Нейдет лошадь. «Да что у тебя, говорит, зад-то вздернулся, а перед опустился?» Взял, да и задние ноги ей отрубил. Вот лошадь нейдет, он и пришел домой пешком. Братья и спрашивают: «Что, брат, купил?» — «Купил-то я все, да все роздал!» И рассказал все. Послали старшего брата покупать.

А старшего брата жена делала брагу. Вот он пришел в эту комнату, где была брага, и сидит один. Когда стала брага выкисать, стала она журчать.

Он и говорит: «Брага, брага! Не дразни!» Она все журчит. «Брага, брага! Не дразни!» Она все журчит. «Брага, брага! Не дразни!» Она все журчит. Он осерчал на нее, взял да ее из бочки всю выпустил, сел сам на корыто и плавает по комнате. Сестра приходит и кричит: «Брат, отопри!» Он отвечает: «Дай до краю доплыть!» Она опять говорит: «Отопри!» — «Дай до краю доплыть!» — «Да отопри же!» — «Дай до краю доплыть!» Наконец подъехал к двери, отпер. Вот дурака начали бранить. Нужно было другую брагу варить. Сварили другую брагу.

Хотят они поминать и посылают дурака всех звать поминать. Он пришел к мужикам и говорит: «Мужики! Приходите поминать, да идите без жен, а вы, жены, идите без детей!» Пришли мужики. «Что ж вы, мужья, пришли без жен?» — «Нам так Иванушка (дурачок) велел». Посылают Иванушку: «Поди за женами!» А жены и приходят. «Что ж вы, жены, без детей?» — «Нам Иванушка так велел». Посылают Иванушку. «Поди собери в одну избу детей этих и рассказывай им сказки!» Он собрал их в одну избу. Они черные такие все. «Дай, говорит, я их всех перемою!» А в печке кипяток стоял. Он всех их в один котел положил, вынул из кипятка. «Вот, говорит, какие беленькие!» Надел на них на всех сизенькие сорочки, положил их всех рядышком. А курица с цыплятами бегает по избе, курлычет. Он взял ее за нос ниточкой привязал к брусу и всех цыплят также. Сел и слушает: не говорит ли кто из них? «Нет, говорит, они все спят. Пойду я, говорит, домой».

Пришел он домой; его там спрашивают: «Где наши ребята?» — «Я, говорит, их всех перемыл, они все заснули, и наседка с цыплятами заснула». Его-то бабы хвалят. Только пришли домой, глядят: они все мертвые. Начали его бранить, он и говорит: «Вы бы, говорит, их всех прежде вымыли, а то, говорит, я с черными не мог сидеть!» Так этот дурачок в этой деревне жил и все такие проказы творил.

96. ОПЯТЬ ДУРАЧОК

Жила-была вдова; у ней был сын дурачок. Он только и делал, что в одну гармонию играл. Вот ему мать и говорит: «Что, говорит, ты все играешь! Ты бы куда-нибудь бы пошел!» Дурак этот пошел, вышел за дворы; его дядя сеет, рассевает хлеб. Вот он и говорит: «Дай бог упасть, чтоб пропасть!» Вот они его ухватили, давай его таскать, оттаскали его. Приходит он домой и плачет. Мать стала спрашивать: «О чем ты, сын, плачешь?» — «Меня дядя оттаскал, он что-это на поле бросал, я ему сказал: «Дай бог упасть, чтобы

пропасть», он и давай меня таскать».— «Эх, дурачок! Ты бы сказал: «Зароди, господь, на вашу долю и на мою с вами!» — «Ну я, матушка, пойду скажу!»

Пошел он, горит деревня. Он зашел среди пожару и говорит: «Дай бог на вашу долю и на мою с вами!» Вот его ухватили, давай клочить. Пришел домой, плачет. Мать его и спрашивает: «Что ты, сын, плачешь?» — «Меня поколотили. Там что-это огонь горит; я пришел, говорю: «Дай бог на вашу долю и на мою с вами».— «Экой ты дурак! Ты бы взял ведерко водицы да залил бы, они бы тебя похвалили!» — «Ну, хорошо, матушка, я пойду, так и сделаю!»

Пошел. Приходит, под горою мужик свинью палит, и у него ведро с водой стоит. Дурак ухватил ведро и залил у него весь огонь на свинье. Этот мужик сгреб его и давай его таскать. Вырвался, бежит домой к матери. Прибежал, плачет. Мать его и спрашивает: «Что ты, сын, плачешь?» — «Да все по твоему наученью! Там у мужика свинья горела, я прибежал и залил!» — «Экой ты дурак! Ты бы сказал: «Дай бог разговеться на светло Христово Воскресенье и мне с тобой тут же». Он бы тебя похвалил бы!» — «Ну, хорошо; я пойду скажу».

Вышел за дворы, подходит к кусточкам. Вот мужик лупит кобылу мертвую, околелую. Он и говорит: «Бог помочь тебе! Дай тебе бог разговеться на светло Христово Воскресенье и мне с тобой тут же!» Он (мужичок) давай его валять (бить). Дурак вырвался, бежит. Пришел домой, плачет. Мать и спрашивает: «О чем ты, сын, плачешь?» — «Да все по твоей науке; вышел я к кусточкам, мужик над лошадью стоит, я ему сказал: «Дай бог тебе разговеться на светло Христово Воскресенье и мне с тобой тут же!» — «Экой ты дурак! Ты бы взял бы плюнул, отворотился. Он бы тебя похвалил!» — «Ну, хорошо, я так и сделаю!»

Вот он пошел. Несут мертвеца. Он взял подошел наперед, поднял крышку и плюнул мертвецу прямо в лицо. Те (хоронившие) ухватили его, давай его колотить. Дурак бежит домой, на мать осердился. Мать спрашивает, а он не к себе (sic!). «За что тебя, дурака, били?» — «Да вот там какую-то чурку несут. Я взял поднял крышку, плюнул».— «Экой ты дурак, ты бы сказал: «Канун да свеча!» Они тебе дали бы медку».— «Ну, хорошо, матушка! Я пойду, скажу!»

Только идет он, едет свадьба. Он снял шапку, кланяется: «Царство небесное, канун да свеча! А мне дайте медку!» Они опять давай его таскать: народ пьяной, разумеется, тут (на свадьбе). Вырвался, плачет. Мать спрашивает его: «О чем ты плачешь?» — «Вот меня, по твоей науке, все бьют!» — «За что тебя били?» — «Вот там едут что-это, играют песни со звоном, я поклонился, сказал: «Царство небесное, канун да ладан!» Они давай меня дуть». Мать ему и говорит: «Экой ты дурак; это, говорит, свадьба едет. Ты бы сказал: «Дай бог добрый час!» — «Что это такое, ма-

тушка, свадьба?» — «Это, значит, женят; теперь один живет, женятся, станет двое».— «Ну, матушка, мне жениться надо!» — «Э, дурак! У нас денег нет!» — «А нам что за дело?» — «Как что за дело? Где же мы денег возьмем?» — «А вот бурую корову за рога (т. е. продадим)!» — «А чем же, говорит, мы будем жить без коровы?» — «А мне что за дело!»

Пошел дурак, обратал корову за рога, повел продавать. Вот он и ведет мимо поповых ворот. Вот собака и брешет: «Гам, гам!» — «Ну мне все равно, хоть вам, говорит. Все равно, кому ни продавать!» Она свое: «Гам, гам!» — «Много ли ты дашь?» Она опять: «Гам, гам!» Он отвечает (говорит) поповой собаке: «Я меньше тридцати рублей не отдам!» Она опять свое: «Гам, гам!» Он думает, что она просит недельку подождать. «Ну, пожалуй, я недельку подожду!» Корову отдал, на двор пустил, сам пошел домой.

Пришел домой, мать его и спрашивает: «Что, продал ты корову?» — «Продал, матушка!» — «Кому ж ты ее продал?» — «Поповой собаке».— «За сколько?» — «За тридцать рублей».— «Где ж деньги?» — «Велела недельку подождать».— «Экой ты дурак! Где у поповой собаки деньги?» — «А, какие вы! У ней денег много».

Вот проходит неделя, дурак и пошел к поповой собаке за деньгами. Вот идет собачка, встречает его и лает на него. Дурак ей отвечает: «Пора деньги отдать. Мне на свадьбу нужны!» Она все на него: «Гам, гам!» А дурак думает, что она просит его еще недельку подождать. «Как же ты? То (тогда) просила недельку подождать, а тут еще просишь на недельку. Я тебе сказывал, что мне деньги нужны на свадьбу!» Дурак осерчал на нее, бросился за ней, она от него на двор, он за ней. Вот он давай за ней по двору бегать. Она лает на него, а он думает, что она опять просит недельку подождать. Дурак весь осерчал на нее, выломал кол из прясла и давай за ней с колом по двору, давай вытурять (выгонять) ее. Она нигде места себе не найдет. Выгнал ее со двора, она умучилась, села на кочку. Этот дурак с сердца запалил (бросил) в нее колом, сшиб ее вместе с кочкой. А у ней там под кочкой котел денег, серебра. Он взял отсчитал себе тридцать рублей. «Эка,— говорит,— сволочь, скупая! Вот ты бы давно отдала мне, за что бы я тебя стал бить? Ты сама знаешь, что мне деньги на свадьбу нужны. Я для того и продавал ее (корову)». И пошел дурак домой.

Встретился с ним дядя его. «Где ты, дурак, был?» — «А тебе что за дело?» — «Как что за дело? Авось, можно сказать!» — «Сказать нельзя, ты, пожалуй, унесешь! Я к поповой собаке за деньгами ходил!» Дядя плюнул. «Дурак дурацкое и говорит! Какие у поповой собаки деньги?» — «Э, у ней что денег-то! Котел целый! Когда не веришь, пойдем, я тебе покажу!» Повел он дядю, указал ему. Дядя давай эти денежки класть себе, а дурак

пришел домой к матери. Приходит домой, мать спрашивает у него: «Где ты, дурак, был?» — «Разве ты не знаешь? К поповой собаке за деньгами ходил!» — «Что ж, получил?» — «Получил, матушка!» — «Много ли?» — «Разве не знаешь, сколько? Тридцать рублей. Эка, матушка, она скупая! Там что денег-то у ней, я дяде указал!» — «Экой дурак! На что ж ты дяде указал? Ты бы сам все нес, а то дядя унесет! На мешок, ступай неси все деньги, выгребай». Дурак пошел. Идет дурак к котлу. Дядя сидит на коленях, выгребает золото. Он взял этот кол, которым собаку-то гонял, прямо дядю по голове и убил до смерти. «Вперед не бери мои деньги!» Взял все деньги, попрятал в мешок, несет домой к матери. «Что дядя-то не унес деньги-то?» — мать спрашивает. «Да я, матушка, его убил!» — «Экой дурак! Что ты наделал!» — «А он зачем мои деньги брал?» — «На мешок, поди принеси дядю!» Взял мешок, пошел за дядей, пришел, посадил в мешок и принес его домой. Мать и велела ему его наверх, на избу положить. Он и положил.

Потом мать взяла зарезала козла, положила его на избу, а дядю-то спихнула. Дядю положила под кровать, в кострику закопала. Вот на другой день дурак пошел опять на то место, где деньги выгреб. Попадаются ему братья двоюродные. «Где ты, дурак, был?» — «Да вот к поповой собаке ходил повидаться с ней!» — «Не видал ли нашего батюшку?» — «Как не видал? Я его убил еще, а то не видал!» Они и говорят: «Дурак дурацкое и говорит! Что ему верить? Пойдем, брат, домой!» Так и ушли домой. На другой день опять смотрят: нет старика ихнего! Уж и третьи сутки подходят, смотрят: все нету, все ищут его.

Опять у дурака стали спрашивать: «Что, дурак, не видал ли нашего батюшку?» — «Ведь я вам сказывал, что я его убил».— «Дурак дурацкое и говорит!» — «Ну, когда не верите, пойдемте, я вам покажу». Ухватил, повел их. «Он, говорит, у меня на потолке лежит, я в мешке его принес!» Пришел домой с ними. «Ну, братья! Полеземте наверх!» — «Ну, что нам там делать? Полезай ты, дурак!» Дурак полез, влез туда и спрашивает у них: «Ваш отец с чем был? С бородой, что ли?» — «С бородой»,— говорят.— «Какая у него бородка была, сизенькая?» — «Да, говорят, сизенькая!» — «А рожки какие у него были? Черненькие, что ли?» — «Ну, дурак дурацкое и говорит. Зачем мы сюда пришли?» — «Что вы, братья? Право! Хотите, я его вам сейчас сниму? А какие у него на ножках копытца были, черненькие, что ли?» — «Что, говорят, дурак дурацкое и болтает!» Этот дурак осерчал на них, схватил этого козла вместо их отца и запалил (бросил) в них, те братья испугались, бежать! «Дурак дурацкое и говорит!»

После мать дядю из кострики выкопала, закопала в яму, а дурака женила, стал он жить да поживать.

97. ВАНЯ-ДУРАЧОК

Жил богатый мужик. У него было три сына. Два старших были умные, а третий, Ваня, был дурачок. Вот отец у них умер. Остались жить одни братья. Чего ни дадут они Ване сделать, он все сделает не так, как нужно. Думали-думали, да и говорят: «Давайте мы его отделим, чтоб он нам не мешал». Так и сделали. Отделили Ваню, дали ему только одного быка. Взял Ваня-дурачок быка и повел его продавать. Ведет он быка лесом, а старая береза качается от ветра да поскрипывает. А Ваня-дурачок думает: она у него спрашивает, продай быка. Остановился Ваня да и говорит: «Ну, что, купить хочешь? Продам, сколько дашь?» Береза скрипнула, а Ваня подумал — триста. «Ну, ладно,— говорит,— триста, так триста».

Привязал Ваня быка к березке и говорит: «Ну, давай деньги». Береза опять скрипнула. А Ваня подумал: завтра. «Завтра, так завтра»,— и ушел Ваня домой.

Пришел Ваня домой, а у него братья спрашивают: «Ну, что, продал?» — «Продал»,— говорит Ваня. «За много?» — «За триста».— «А где же деньги?» — «Деньги завтра»,— говорит Ваня.

Вот на другой день Ваня пошел в лес к березке за деньгами. «Ну, береза, давай деньги-то». Березка опять скрипнула. А Ваня подумал — завтра. «Ну, завтра, так завтра».

На третий день Ваня взял топор и пошел в лес. Приходит к березке и говорит: «Ну, давай деньги». А березка опять скрипнула. А Ваня подумал: опять завтра. «Нет,— говорит,— больше ждать не буду»,— размахнулся изо всех сил, как даст ей топором — так прошиб у ней бок, и посыпалось из березки золото. Вот Ваня наклал себе золота полны карманы, шапку, в подол и пошел домой.

Идет он домой, а по дороге с ним встречается поп. «Чего ты несешь?» — «Золото»,— говорит Ваня. «А где ты его взял?» — «За быка. Быка продал». Вот поп и говорит: «Отдай мне его, накой оно тебе нужно. А за тебя богу помолюсь, и на том свете тебе бог еще больше даст».— «Нет,— говорит Ваня,— я за так не отдам. Ведь я быка за это продал». Тогда поп говорит: «Ну, если хочешь, так и я тебе чего-нибудь продам».— «А что ты мне продашь?» — «Да хоть лошадь или корову или еще что».— «Нет,— говорит Ваня,— этого мне ничего не надо. Если хочешь иметь много денег, то продай мне свою совесть».— «Стой,— думает поп.— Но как обману я его? — А сколько ты дашь за мою совесть?» — «А сколько ты хочешь?» — говорит Ваня.— «Да давай карман золота».— «Ладно,—

говорит Ваня,— получай». Продал поп свою совесть, приходит домой и похвалился своей жене, что продал совесть за карман золота.

Узнал народ, что поп продал совесть, и стал на каждом шагу кричать ему: «Без совести, без совести!» И вот с этих пор пошло наследство бессовестных попов. Как, например, крестьяне от Адама, а поп — от того попа Хама.

98. КАК В МОСКВЕ БЫКОВ ПЕРЕДЕЛЫВАЮТ НА МУЖИКОВ

У нас в Негоможе был у одного мужчины парень, очень неаккуратный и сопливый, и слюнявый, можно сказать, одним словом, плохо воспитанный отцом. Он его отправил в Москву. Что из него может получиться? И он там, проживши год, приезжает оттеда домой. Его народ не узнает. Приходит в чайную лавку чай пить. Там два брата сидели рядом тоже с ним за столом и спрашивают друг друга, эти братья-то: «Чей это такой?» Один говорит: «Я не знаю, чей такой». Другой говорит: «Я не знаю». Они его спросили: «Чей ты будешь?» Он сказал им: «Да вот, Ивана Лукича».— «Да ты что, Петька?» — говорят. «Ну, да».— «Не верится,— говорят,— чтой-то такое»,— это братья говорят, потому что год назад он был такой сопливый и слюнявый. Как мог такой получиться? Он им говорит: «А вы знаете,— говорит,— Москва делает из быков мужиков». И они с удивлением: «Да ну! Неужели так?» — «Да, да»,— говорит. Они друг на дружку переглянулись и сказали между собой: «Имеются у нас два быка, давай одного отправим».

И отправили бычка,— Лысёнку под названием. Довели его до Москвы. Попадаются на первопопавшего городового, спрашивают его:

— Послушайте, господин городовой, где,— говорит,— тут у вас делают из быков мужиков?

— Вот я самый,— говорит,— препровожаю этих быков, из которых можно делать мужиков. И когда же будет он вам нужен?

— Вот сейчас, к примеру, будет март (показывает, как братья считали на пальцах), апрель, май, июнь...— в мае нам потребуется работник.

— К эфтому сроку будет готов.

Отправились домой. Подходит этот срок, который назначен был. Приезжают в Москву к этому самому месту. Городовой был заменен другим. Они говорять:

— Где бы нам тут найти Лысёнку?

Он им говорить, что у нас имеется Лысёнкин, пристав.

— Ой, пристав! Вот те раз! И как же нам его найти?

— Да вот по этой улице идите, там имеется надпись на двере: «Лысёнкин».

Они пошли по этой улице. Грамоте не знають, спросили некоторых людей. Там им сказали, где дверь его. Они, не зная, что там звонки, начинают стучать лаптями об дверь (встает, изображает). Стучали, стучали, достучаться не могли. Проходящие люди, видя ихнее безобразие, и говорят:

— Чего,— говорят,— вы стучите. На это,— говорят,— звонки есть. Вот эти,— говорят,— кнопочки, вы их нажмите, и к вам выйдут.

Там было несколько кнопок. Они их всех запяли (показывает на косяке окна, как «запяли» растопыренными пальцами обеих рук кнопки звонка), и к ним приходят люди изо всех кабинетов и спрашивают:

— Вам кого?

— Нам Лысёнку!

— А звоните,— говорит,— во все звонки! (Значить, этот самый служитель говорить). Я,— говорить,— сейчас пойду доложу.

— А! Доложу! (Изображает глупое удивление). Вон чего!

— Что там за люди?

Служитель, понятно, привел к нему их лично.

И вот они стоять перед ним (показывает, как стоят мужики, расставив ноги, выпятив животы) не по всем правилам, а как пришлось. Он спрашивает их:

— Вам что нужно?

Они стоят молча, качають головами (изображает). Он до трех раз их спросил, в чем дело. Они перед ним стоять, качають головами, ничего не говорят, а потом сказали:

— Лысёнко,— грит,— Лысёнко! Ты же была наша скотина и не воззнаешь ты нас?

Этот самый становой пристав стукнул ногой и сказал:

— Что вам нужно?

Они ему в ответ говорять:

— Если ты уже нас не воззнаешь, поди хоть с Куцым понюхайся, по Куцему и нас, бываеть, признаешь (а Куцый дома — и знаеть, что съеден давно бык).

Он их велел арестовать. Просидевши они два дня арестованные, он из интереса сходил к ним разобраться, в чем дело. Они ему потом рассказали, как было дело: у нас в деревне был неопрятный молодой человек. Прожив-ши в Москве год, сделался образцовым парнем. Приезжает домой, мы его — вся деревня — не узнаем. Спросили: «Чей ты есть?» Он сказал, что я — Ивана Лукича. Мы, понятно, не поверили по его бывшей неопрятнос-

ти. А он нам сказал, что Москва делает из быков мужиков. И вот мы привезли быка, название ему Лысёнка, и думали, что получился из него пристав.

Он их, понятно, отпустил.

99. <КАК ВАНЬКА СЕБЯ ПОХОРОНИЛ>

Жили два брата. Один брат женатый, другой холостой. Умный брат женатый был, а ленивый — этот холостой. И вот приезжает с работы брат женатый-то, собирают они обедать, отрезают, значит, они два ломтя хлеба — себе и жене, а ленивому Ваньке не отрезают для испытания его. И вот, понятно, они его приглашают:

— Ванька, садись обедать с нами.

Он слезает с печки, садится за стол. Они начинают есть, а он на них смотрит. И вот, понятно, брат и говорит:

— Ванька, что ты не ешь?

— Да где хлеб-то у меня?

— Да вон хлеб — режь да ешь.

— Ну, еще резать-то его!

Вот они отобедали, а Ванька ничего не ел.

— Брат,— говорит,— зарой меня живого в могилу.

— Да что ж ты,— говорит,— Ванька, не хочешь на белом свете жить?

— Да что ж ты хлебом меня не кормишь!

— Вон хлеб-то, режь да ешь!

— Резать-то,— говорит,— его! Нет, зарой живого в могилу!

— Да ведь это нужно к попу сходить.

— Ну,— говорит,— сходи.

Брат, понятно, пошел к попу, спросил его. Он пошел к попу и говорит:

— Батюшка, что, можно нашего Ваньку живого в могилу зарыть или нет?

— С согласьем его почему не закопать?

Приходит обратно и говорит, что, говорит, можно. Он сделал гроб, положил его, и об нем поют «вечную память». Ихний барин едет и говорит:

— Василий, кто там помер-то у вас?

Брат отвечает:

— Да не помер! Наш Ванька там живой в могилу ложиться хочет.

— Да что,— говорит,— он там?

— Что, что! Не хочет на белом свете жить, да и все тут.

Барин ему сказал:
— Ванька,— говорит,— что же ты не хочешь на белом свете жить?
Он из гроба:
— Что?
— Что ж ты не хочешь на белом свете жить?
— Да что! Брат хлебом не кормит.
— Вылезай, я буду сухари сушить.
— А кто будет мочить?
— Да уж мочить-то сам.
— Нет уж, брат, зарывай.
Так и зарыли Ваньку в могилу.

100. <ДУРАК В ПОГРЕБЕ> Жил-был в глухом селе далеко от города самый бедный в этом селении мужичок. Невдалеке от этого селения стояло барское имение. У этого мужичка было трое сыновей: двое умных, а третий — дурак.

Вот стали раз двое сыновей собираться овец воровать у барина, а дурака не брали. Стал дурак с ними тоже проситься. «А если,— говорит,— не возьмете, то я барину скажу». Делать нечего — взяли и дурака.

Вот только стали подходить к барскому имению, а дурак как на грех заорал — всех собак и разбудил. Стали они дурака ругать. Потом один брат отвел дурака в сторону и сказал ему:

— Ты, брат, садись в этот погреб, который стоит около сада, и жди нас: мы тебе принесем овец обдирать.

Дурак пошел, сел в погреб и видит: там лежат овощи — морковь, брюква и картофель. а братья взяли заперли его на замок и ушли. А дураку там неплохо: сидит, перекладывает там овощи, да и говорит: «Это пожарим, это попарим, а это так погрызем».

Наутро пошел барин в погреб и слышит, кто-то там бормочет. Испугался барин, думает, что черт ночью в него забрался. Побежал барин за попом. Приходит к попу и говорит:

— Поди, выгони мне черта из погреба.

А поп и говорит:

— Не пойду, у меня сапоги новые, замараешь.

— Если новые, так я тебя сам потащу.

Взвалил попа на плечи и потащил. Стали подходить к погребу, а дурак услышал бариновы шаги и думает, что это братья идут, и кричит им:

— Ну, тащишь?

— Тащу.

— Так давай же я его обдеру.

Поп испугался, соскочил с барина да бежать, и все сапоги загрязнил. Пока поп с барином возились, а дураковы братья уж всю баранину съели. А дурак и по сие время сидит в погребе — овощи перебирает.

101. <РАСПРАВА С ЛЮБОВНИКАМИ> Была село, была три папа. Ну и ходили они к маладой баби к адной. Ну, пришел адин поп. Ево хазяин убил да ф потпал. Немного пагадя другой идёт суды-жа. Он и этава убил, другова, также в потпал. Ну, маленькя пагадя и третий приходя суды жа. Ну, уш куды папов девать-та. Взял завалил аднава на плечо и панёс в реку. Ну, идё мостом. Сторош и спрашыват ево: «Ты далёко идешь, цево несёшь?» — «На реку,— говорит,— я несу шута».— «Ну, брасай ево». Он ево чибурах в реку. Ну, другова взял и другова тады жа панёс апеть. Ну и другова стораш спрашыват: «Куда идёшь?» — «На реку»,— говорит. «А цево несёшь?» — «Шута». Да и за третьим пришол. Третьива панёс, апеть фсё сторош спрашыват: «Куды идёшь?» — «На реку»,— говорит. «Цево несёшь?» — «Шута». Ну, ввалил в реку. Ну, патом зазвонили г утрини. Папоф ищут, а папоф нету. Ну, сторош говорит: «Ноцью тут хадил адин мушшина и всё кидал, говорит, шутоф фсё». Ну, кинулись искать и наловили всех папов и паймали.

102. <ПОП И МУЖИК> Была в церкви служба. Приходит старик и слышит — поп все поет: «Подай, Господи! Подай, Господи!» Старик спрашивает: «Что это ты говоришь, батюшка?» А поп отвечает: «Кто в церковь подаст, тому Бог втрое подаст».

Приходит старик домой и говорит старухе: «Вот батюшка мне сказал: кто в церковь подаст, тому Бог втрое подаст. Давай отведем в церковь корову». Старуха — ни в какую, ругается со стариком, не дает корову. На другой день, когда старуха ушла, повел старик корову к попу.

Попадья увидала и говорит попу: «Смотри, батюшка, мужик к тебе корову ведет». А поп: «Подай, Господи!» Приводит мужик корову и говорит: «Вот, батюшка, ты говорил: кто в церковь подаст, тому Бог втрое подаст». А поп: «Подаст, подаст». Оставил старик корову и ушел. А поп и попадья стали корову возле батюшкиного стада привязывать, чтобы привыкала (у батюшки всего большое стадо было: и коров, и ягнят, и жеребят).

Прошло три дня, поп и говорит попадье: «Теперь корова привыкла. Пустим ее со стадом, она не уйдет». Попадья ему: «Что ты, что ты, батюшка, вдруг — уйдет?» А поп на своем: «Не уйдет».

Оставили корову со стадом. А корова, не будь дура, и пришла к старику обратно, а за коровой все стадо батюшкино. Увидал старик и говорит: «Видишь, старуха, правду батюшка сказал: кто в церковь подаст, тому Бог втрое подаст. Вот Бог мне и подал». Загнали они стадо к себе во двор. А поп приходит домой: «Где стадо?» Пошел он к мужику, а мужик ему стадо не отдает: «Не знаю я никакого твоего стада, это мне Бог дал. Ты сам, батюшка, мне сказал: кто в церковь подаст, тому Бог втрое подаст. Вот Бог мне и подал». Решил батюшка с мужиком судиться.

Пришла мужику повестка — идти к мировому. Пошел он на суд. Встретился ему чужой человек, спрашивает: об чем судиться пришел? А старик ему: «Вот, батюшка мне сказал: кто в церковь подаст, тому Бог втрое подаст. Я вот отдал в церковь корову, а она ко мне все стадо батюшкино и привела». Чужой человек говорит ему: «Станут тебе загадывать: что всех жирнее? А ты отвечай: земля. Что всех милее? — Милее всего человеку сон. Что всех быстрее? — Мысли».

Приходит мужик на суд. Стали попу загадывать: «Что всех быстрее?» А поп им: «Есть у меня в стаде жеребчик, такой быстрый, такой быстрый — никак его не догонишь».— «Ну, а что всех милее?» — «Милее всего матушка попадья. Уж такая милая, такая милая. Милее ее нету».— «Ну, скажи, что всех жирнее?» Поп отвечает: «Есть у меня боров, такой жирный, такой жирный — прямо одно сало».

Стали тогда мужика спрашивать: «Что всех жирнее?» Мужик отвечает: «Жирнее всего земля».— «Что всех милее?» — «Милее всего человеку сон».— «Что всех быстрее?» — «Мысли».

«Ну, вот видишь, батюшка, ты не отгадал, а мужик отгадал». Так и осталось батюшкино стадо у мужика.

103. ПОП И РАБОТНИК

Один поп нанял себе работника рожь жать. Вот живет работник у попа. И вот поп ему и говорит: «Ступай жни рожь!»

Работник пошел жать рожь. Пришел на полосу и лег спать... Так прошло два дня. Потом работник встал и пришел к попу и сказал: «Твоя рожь сжата». И поп стал давать ему расчет. Работник получил за жатье пятьдесят рублей и стал просить свинины у попа, которая у него была. Поп не дал и сказал: «Я тебе дал пятьдесят рублей, да еще свинины просит... Убирайся вон!» Работник обозливши сказал:

— А если не дашь сала, то чтоб твоя рожь встала!

И ушел работник.

Поехал поп наутро на полосу смотреть, что сделал ему работник, а рожь и правда вся встала, вся стоит нетронута; и сказал:

— Нужно было дать сала, а не дал я — и моя рожь встала.

104. КАК ДУРАЧОК ОБМАНУЛ ПОПА

Было у отца три сына: двое умных, а третий дурачок. Мужик из хлеба бился с голоду, чуть не умер со своими сыновьями.

Вот он посылает старшего сына к попу в работники. У попа был найм таков: сто рублей в год. Обувки и одежду и харчи поп не давал. Прожил год, деньги проел, насилу домой доплелся. Отец послал второго сына. И этот ничего не принес.

Рано утром проснулся Ваня-дурачок и говорит отцу: «Папеньк, а папеньк, давай я к попу в работники пойду. Денег заработаю много, домой принесу». А отец говорит: «Старше тебя, дурачка, ходили и то ничего не принесли, а ты чего пойдешь делать? Коль хочешь, ступай».

На этот же день дурачок собрался и ушел. Пришел к попу вечером. Договорились. Поп поужинал, а Ваня нет. Легли спать. Чуть свет поп будит работника Ванюшу: «Вставай!.. Поедем». Поп лошадей уже запряг. Поп позавтракал, и поехали за сеном. Ванюша едет впереди, а поп сзади. От села отъехали уже с километр. Ваня говорит попу: «Батьк, а батьк, а я ведь веревку позабыл».— «Беги скорей»,— закричал поп.

А Ваня накрыл веревку пиджаком и побежал. Прибегает в дом и говорит попадье: «Матушка, а матушка, батька велел пол-литра самогонки и ветчины с хлебом». Попадья дала пол-литра вина самогонки и хлеба большую ковригу и ветчины фунта на три.

Прибежал, сел на сани, и поехали. «Дорога дальняя,— думал Ванюша,— поп есть захочет, а с собой ничего не взял».

Приехали, наложили сена и поехали обратно. Ванюшка опять впереди, а поп сзади. Поп лег спать, а Ванюше приказал: «Вот, Ваня, подойдут две дороги — вправо и влево, ты ехай влево, а я немножко усну». Поп уснул. Ванюшка правит. Вот подошли две дороги — самые, про которые батька ему говорил. Ванюша нарочно поехал по правой дороге. Поп все спит-посыпает, ничего не знает. Проснулся — уже подъехали к деревне. «Ты куда же завез? Я говорил — по этой дороге ехай». Поп поругался-поругался, а время к вечеру. Немножко подумал и говорит работнику: «Ваня, ступай попросись у кого-нибудь ночевать, а утром поедем».

Ваня вбежал в первопопавшуюся избенку и спросился переночевать с попом. «Да ночуйте, авось, не проспите место, мы вам поужинать соберем»,— сказал хозяин. Ванюшка говорит: «Вы к попу не кланяйтесь, скажите раз, если не сядет ужинать, а больше не говорите, а я сразу сяду».

Распрягли лошадей, убрали сбрую. Поп и Ванюша входят в избу. Попу показалось, что в избе плохо. Потом собрали ужинать. Хозяин предложил попу ужинать, но тот отказался. Сказали Ванюше — этот сразу сел. Поужинали, легли спать.

Чует Ванюша, кто-то в бок толкает. Проснулся, а это поп. «Ванюша, я есть захотел,— говорит поп. «А, черт длинноволосый, вон стоит каша в горшке, ешь беги».

Поп слез осторожно и пошел к лавке, на которой горшок стоял. «Ванюша, а ложки нет»,— говорит поп.— «Ешь руками поскорей, черт длинноволосый».

Поп с жадности как сунет в горшок обои руки, да как закричит: «Я руки сварил». Да, действительно, в горшке был кипяток. «Вытаскивай скорее»,— кричит Ванюша с полатей.— «Да я никак не выну их»,— кричит поп.— «Вон видишь, на пороге точило стоит? Ступай вдарь об нее — горшок и разлетится». Поп подбежал к точиле и со всего маху ударил об нее. Горшок полетел в разные стороны. Послышался крик. Поп убежал. Тут засуетилась семья, зажгли огонь — видят, на полу лежит окровавленный хозяин и стонет.

Ванюша слазивает с полатей, да как зашумит: «Куда попа дели? Где поп?» — еще сильней шумит Ванюша. Сын хозяина испугался и говорит: «Нельзя ли как дело замять?» — «Триста рублей — тогда и дело замну». Отдали триста рублей, а он запряг лошадь и поехал домой.

На окраине села встречает его поп и говорит: «Ну, как, Ванюша, дела?» — «Убил хозяина, черт длинноволосый. За урядником пошли».

«Ванюша, нельзя ли как дело замять?» — «Триста рублей, батька, и дело замну». Поп ему отдал деньги, а он зашел за дом, постоял и пришел. «Трогай, батька, теперь ничего не будет». Приехали домой — уже рассвело. «Ку-кар-р-еку»,— кричали петухи.

105. ПОП И СОЛДАТ

На селе жил прежадный поп. Шел мимо его дома солдат и узнал, что у попа на сене много сала спрятано. А солдат этот очень есть хотел. Захотелось уж ему больно сала. И залез он к попу, да упал. Услышал поп, что кто-то есть у него, вышел и говорит: «Кто здесь?» — «Я, батюшка, солдат государев».— «Что ты здесь делаешь?» — спросил поп. «Да вот, несу сало продавать, не надо ли тебе, батюшка?» — «Нет, не надо, солдатушка, дай я тебя благословлю». Благословил поп солдата, и солдат ушел, унося с собой поповское сало.

106. <КАК ПОП ОТЕЛИЛСЯ>

В одном приходе был то-олстый поп. И он все думал, что беременный. Раз говорит своему работнику: «Работник! Сходи ты к доктору».— «Зачем?» — «Я об себе думаю, знать, беременный». Работник ему говорит: «Как же я, батюшка, пойду? Надо вам самим идти, а то узнать не по чему».— «Да мне совестно». Работник и говорит: «Так ты насси мне в черепок, а я отнесу показать». Поп поссал в черепок, и работник понес к доктору. Шел, шел, споткнулся на кочку и пролил все. «Что делать? Заругает меня поп». Тут стадо ходило. Ссалась одна корова; он подставил черепок, она поссала ему, корова попалась стельная. Приходит к доктору. Так и так, у нас батюшка нездоров, прислал вам мочу посмотреть. Доктор посмотрел и говорит: «Он у вас стельный, да скоро будет; вы ему велите подальше уехать». Работник пришел, говорит: «Батюшка, доктор говорит, вы стельный, велит вам уйти в отъезд куда-нибудь; там родите, и не узнает никто».

Пошел поп куда-нибудь далеко. Шел, шел, до одной деревни дошел. Дошел до одной деревни, тут пруд у деревни. В пруде этом лунка («пролубь» — прорубь), в лунке утопился парень; вот ноги-то торчат в лунке

этом. Попу хотелось снять сапоги; снимал, снимал сапоги, никак не снимает. Взял, отрубил ноги, положил в мешок и пошел в деревню. Приходит под окно к старику со старухой: «Пустите ночевать». Старуха говорит: «Нет, у нас изба тесная, и дожидаемся корову в ночи». (Вар<иант>: да и корова у нас на часах).— «Я хоть на печи». Старик гов<орит>: «Пусти уж, баба». Пустили ночевать. Этот поп с усталости уснул крепко на печи. Уснул крепко, а старик со старухой — дал им бог теленочка в ночи — и заморозили теленка, потом берут его, на печку за попа положили. Тут этот теленок оттаял и замычал на печи. А поп услыхал и гов<орит>: «Господи, Иисусе Христе! Я,— говорит,— отелился». Соскочил с печи и побежал домой уж. Старик со старухой не слыхали, как поп убежал. Проснулись, смотрят — на печи теленок один да ноги лежат. Старик со старухой испугались, говорят: «Что ж нам делать-то теперь? Ведь у нас теленок-то попа съел; нас ведь теперь засудят».

107. <КАК ПОП ОБЕДНЮ СЛУЖИЛ> Вот в одном приходе проспал поп обедню служить. Народ весь собрался в церкву, а попа все нету. Потом приходит поп в церкву и говорит: «Ну вот, православные, что я буду делать, то и вы». Ну хорошо. Надо батюшке повиноваться всему народу. Наклал он в кадило углей красных и давай торопиться служить обедню. Стал этой кадилой махать — и народ махает руками. Махал, махал, уронил уголь в сапог; уронил уголь, ему жжет, стал топать ногами — и люди все топают. Топали, топали, уголь все сильнее разгорается. Поп лег, стал ногами дрягать, и мы все легли, стали ногами дрягать (смех). Одна старушка дрягала, дрягала, ей стало дурно, она вышла на паперть. Приехал барин к обедне, говорит: «Что, бабушка, обедня-то кончилась?» — «Нет, батюшка, топанцы отошли, дряганцы пошли».— «Что ты, старая ведьма, с ума сошла?» Он ее тросточкой ударил. Приходит в церковь, видит — весь народ дрягает. Правду сказала старуха. Вышел и дал ей на чай за то, что ее обидел.

108. «ЗА ИКОНОЙ ЗА НИКОЛОЙ» Любил поп Иван нюхать табачок. Раз во время богослужения в церкви страсть как захотелось ему понюхать, а табакерку дома забыл.

Как быть? Прерывать обедню и спрашивать у дьякона, где у него припрятана табакерка — нельзя. И вот выходит поп из алтаря и громогласно поет:

— Дьякон, дьякон, где та... та...

Дьякон сметил, в чем дело, и, в свою очередь, отметил на мотив «Отче наш»:

— За иконой за Николой...

109. <ОГОНЬ ЗА НЕБЫЛИЦЫ>

Ну, вот, буду сейчас рассказывать вам я сказки, а вы открывайте свои пазки и собирайте в них сказки. Я буду говорить вам с нонешнего дня до Пасхи.

Вот. Жили-были три брата, все они были хорошие охотники, этим и жили, и кормились. Пойдут, бывало, они на охоту, уж так не придут. Всегда придут с хорошей добычей. Меткие были — жуть. От них не то что ни птице уж не уйти — просто спасенья никак не было: утка или там гусь пролетит — все равно на землю слетит — на лету сшибали; заяц раскосый обязательно с одним глазом останется — прямо метили в глаз.

Ну, вот, стоял Егор у ворот, а ты что не слушаешь, разинул рот? Так. Пошли они — все братья свои — однажды на охоту. День был пасмурный, ну и шел, конечно, дождичек. Так-с, ходили они, ходили и ничего-ничего не сшибли. День для них был неудачен, да еще досада — заблудились. Измучились, устали, а жрать — как из ружья — захотели, как волки голодные. Думают, что делать? Уже вечер на дворе, а они дороги не найдут и от росы и дождя все промокли до костей. «Давайте,— говорит средний брат,— ночевать тут, в лесу, вот под этим дубом, гляди, какой курчавый, и на горке. Разведем костер и обсушимся».— «Верно! — сказали остальные.— Чему быть — тому быть».— «Располагайся у этого дуба, а не то нам труба»,— сказал младший брат.

Расположились, сумки положили у дуба, а сами пошли собирать дрова. Понабирали дров, сложили костер. Старший брат вынул из сумки огниво, но оно было сыро, и как они ни старались высекать, так и не высекли огня. Печальное положение. Что делать? Цыганский пот у них за спиной пробивает. Дело-то было по осени, не жуй — плюй, не дома на печке расправлять плечки, а тут под небесным одеялом приходится корчить плечки, но без огня-то как ты думаешь? Вот совсем уж стемнело, и они все под дубом свернулись калачиком, лежат — дрожат. А какой уж там сон; небось все о печке думают. Вот младший брат все-дак не улежал, вскочил и ну в три

ноги с отбрыком плясака задавать кругом дуба. Вдруг остановился, поднял нос кверху и нюхает, как ученая собака. Вот он и говорит братьям: «Ей вы, сонули, где-то недалеко есть огонь, дымом воняет». Братья ему и говорят: «Не дымом воняет, а за тобой леший, знать, гоняет — ты вокруг дуба-то носишься». Средний брат и говорит: «Нет, брат, он не врет, вон видишь, светлеет огонек»,— указал ему пальцем промежду двух белых берез.— «И верно: это огонь, ура, огонь! Ну, кому идти за огнем?» — говорит старший брат. Младший и говорит: «Уж по старшинству».— «Ладно»,— согласился старший и пошел к огню.

Подходит он к огню и видит: старик сидит старый-старый. Старик его как будто и не заметил: сидит себе спокойно, ножки греет. Вот старший брат и говорит:

— Здравствуй, дедушка.— Старик ничего на это ему не ответил.— Будь добр и милостив душой, дедушка, дай огоньку.

Старик подумал-подумал и говорит:

— Расскажи мне про небыль-небылицу, тогда дам огоньку.

— Я не умею, дедушка.

— А раз не умеешь — пошел к чертям на кулички. Нет тебе огню.

И пошел старший брат к братьям без огня, не солоно поевши. Пришел, изложил все подробности — черед идти среднему. Получилась такая же история.

— Эх вы, клупай с братом. Не могли этому старому хрену небылицу сгородить! — и пошел.

Подходит он к старику и говорит:

— Здравствуй, дедушка, добрый вечер, счастливой смерти.— Дед покосился, но ничего не сказал.— Дедушка, дай нам огоньку, а то мы все иззябли.

Старик и говорит:

— Расскажи мне про небыль-небылицу — тогда хоть весь забирай.

— Ладно, я расскажу тебе про небыль, только с уговором — не перебивать, а если перебьешь, то я у тебя вырежу из спины ремень, а из жопы — пряжку. Согласен?

— Ладно! — согласился старик.

— Вот,— начал охотник.— Иду я по лесу и слышу, что в дупле жареные дятлы пищат. Я руку сунул — не лезет; ногу сунул — не лезет; тогда я разбежался и туда с разбегу вскочил и наелся этих жареных дятлов и раздулся, как клещ. Оттуда-то и не вылезу никак; хорошо, что был топор у меня за поясом. Я просек дыру и вылез, захотел пить — гляжу: озеро. Я лег спать, проснулся: у меня в фуражке сидит утка, снесла три яйца. Я схватился за топор, и она вдруг полетела. Я в нее топором, попал ей прям по голове: она полетела подыхать, а топор упал в озеро. Гляжу: топорище утонуло, а топор поплыл. Топор-то я достал, сделал топорище, воткнул

топор за пояс, сел на коня и поехал; ехал-скакал, топор сзади махал и отсек коню зад. Вот я оглянулся и вижу: на переду-то я еду, а зад стоит саженей за сто от меня! Тогда я повернул коня, подъехал к заду, срубил осиновый кол, сомкнул, воткнул, сел и поехал. Место сочно, а дерево приемчато: начало расти и расти и выросло до неба. Гляжу: мой конь остановился. Я оглянулся: гляжу, что за чудо? У дерева маквочка за небо зацепилась. Тогда я полез по этому дереву, чтобы отсечь маковку, чтоб можно было ехать дальше. Вот залез я высоко-высоко и начал срубать: рубил не над собой, а под собой, и отрубил. А коню как стало свободно! Он подхватил — и пошла мчать, и я остался навису. Земля подо мной казалась с гусиной яйцо, что делать? Тогда я полез. Лез-лез и гляжу: дерево зацепилось за небо, и тут же дыра. Как пролезть человеку? Вот я и полез в эту дыру, и влез на самое небо. Гляжу: Божья Мать прядет, а Христос лапти плетет. Я им поклонился и пошел дальше. Ну, вот, захожу в одну деревню, попросил хлеба с водой, мне дали, и там я узнал, что если поймаешь мыша с мышонком, то за это дают корову с теленком. Ну, конечно, я и занялся этим делом: ловил мышь с мышонком, мне давали корову с теленком, я их резал, мясо ел, а из кожи сплел корзину и вил веревку, чтобы спуститься опять на землю. Три года я там жил и все вил веревку. Ну, думаю, теперь мне хватит веревки, пора спускаться. Пошел искать ту дыру: искал-искал, насилу нашел, а дерево-то все висит. Вот я по ней опять спустился до конца и вижу: земля стала не с яйцо, а с голову человека; значит, дереву расти дальше некуда, так она росла вниз. Ну, вот, сел я в корзину, привязал за конец дерева веревку и стал спускаться. Спускался-спускался, еще так с полверсты мне осталось до земли — и веревка моя вся вышла. Что делать? Прыгнуть — расшибешься, на небо лезть — сил не хватит, а главное — с собой жрать ничего не захватил. Ну, и сижу жду погоды. Сижу день, сижу другой, сижу третий, и что ж ты думаешь? Кишка кишку уж в губернию тащит. Собрался было уж прыгнуть, как вдруг слышу гул шмелиный. Вот прилетел один шмель — повился-повился около меня и опять улетел. Гляжу: через два часа летит целый рой шмелей. (И вот не забыть мне это сроду). И вот дело такого рода: завелись у меня в жопе шмели и натаскали три пуда меда, и я этим медком кормился; ну, я и разжирел, стал тяжелый. Вот поднялся ветер и начал раскачивать меня, и так раскачал с одного края земли на другой; и веревка, как ни была крепка, оборвалась. Ну, я и полетел, как демон в ад, ну и угодил прямо в болото (в кочки за Степашкиным двором). Ну, и ушел по самую шейку: ни руки, ни ноги нельзя вытащить. Ну, сижу в этой проклятой тине, гляжу так: к обеду прилетает птичка. Села мне на голову, чирик-чирик — и улетела. Гляжу: через несколько времени прилетат уж две и начинают вить на моей голове гнездышко — подумали, наверно, что это

кочка. Ну, думаю, слава Богу: когда будут нести яйца, я буду по одной доставать и есть — не умру с голоду и все-таки веселей. Ну, так и кормился год или два — не помню. И вот однажды рано утром слышу топот, оглянулся — идет мишка косолапый, обнюхивает кочки: значит, на охоте по яйцам. Ну, и подходит ко мне, берет последнее яйцо, оборачивается ко мне задом и начинает пить яйцо. А я в это время ухватился за его хвост да как крикну: «Тпру!» Он как дернет, пернет и вытащил меня, а я гляжу: мой отец на твоем верхом едет.

— А вот ты и врешь!

— А вот ты меня и перебил! — говорит охотник.

Валяет старика, вырезает у него из спины ремень, а из жопы пряжку, вяжет головешку в карман и несет к братьям.

— Вот,— говорит,— и огонь, а то не могли старому хрену рассказать небыль-небылицу.

Вот и сказочке конец, кто мне спляшет — молодец.

110. <ГОРОХ ДО НЕБА> Катала баушка горох и уронила в подпол горошину. Вот она растет, растет, до полу доросла. Дед пол прорубил, опять растет, растет, доросла до крыши; крышу дедушка проломал, растет, растет, выросла вровне с лесом. Дедушка полез туда. Полез туда дедушка — там избушка. Слез, приходит домой, говорит баушке: «Какая там избушка хорошая».— «Пойдем,— гов<орит бабушка>,— туда жить».— «Пойдем, только что тебе, баушка, не влезть». (Рассказчица смеется несколько смущенно. Старуха-свекровь предупреждает: «Сейчас чудное скажет»). «Садись,— говорит,— баушка, в портки ко мне». Посадил, и полезли туда. Только немного до избы не долезли, пуговица оторвалась у дедушки, и бабушка упала. Так и не пожили там. («В избушке-то»,— пояснила старуха).

111. <О ПОСЕЛЯНИНЕ И МЕДВЕДИЦЕ> Посол Московский Димитрий, отличающийся веселым и остроумным характером, рассказал при громком смехе всех присутствующих,

что в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня он питался одним только медом, так как голос мольбы о помощи не мог в этих уединенных лесах достигнуть ушей путников. Напоследок же, когда он отчаялся в спасении, он по удивительной случайности был извлечен и выбрался оттуда благодеянием огромной медведицы, так как этот зверь случайно, подобно человеку, спустился туда поесть меда. Именно поселянин схватился руками сзади за крестец медведицы, та перепугалась от этой неожиданности, а он заставил ее выпрыгнуть как тем, что потянул ее, так и тем, что громко закричал.

112. СТАРИК И СТАРУХА Жил-был старик, у него одоньев (хлеба) было много, а этот старик лапти плел. Пошел он лыки резать. Принес лыки, нарезал, положил их в печку на ночь парить. Поутру встают, пошла старуха в печь, а у них в печке горшок блинов вместо лык. Старуха встала, посмотрела: «Старик! Лык-то нет, а блины тут».— «Ну, говорит, топи печку, пеки блины». Наелись блинов. Опять старик пошел за лыками, принес, нарезал, положил в печку. Поутру вместо лык опять блины.

А у этого старика было одоньев много, а жил-то он подле речки. Вот он и говорит: «Старуха! Куда нам одоньи? Блинами проживем, столкнем одоньи в речку». Пошли, столкнули. Потом пошел старик, набрал лык, положил в печь. Поутру проснулся: в печке лыки, а не блины. И хлеба у них нет и блинов нет! Вот он опять пошел, набрал лык, поставил в печку. Поутру встают: лыки как лыки. И на третий день то же.

Старик и говорит: «Надо, говорит, на лодке ездить, одонья ловить!» Поехали они на челноке, ловили день целый, поймали один колосок, а в колоске одно зернушко. Потом они это зерно сушили, сушили, сушили, высушили, смололи. Поставила старуха из этой муки кисель и поставила его на загнетку. Прилетела муха и ест этот кисель у них. Этот старик увидал, схватил безмен, и старуха сидела около этого киселя. Хотел старик ударить по мухе, да и ударил по старухе и ушиб ее. И плачет: «Ах, матушка! Хотел по мухе, да ударил по старухе!»

113. СКАЗКА ПРО СЕБЯ

Я вам скажу про себя сказку. Вот был я охотник и очень ловок стрелять. Раз пошел я на охоту, прихожу в лес, сидят на дубу два жареных воробья; стрельнул — не попал. Они взялись полетели, полетели, на сухое дерево сели. Там у них дупло, там было гнездо, там и жили. Я сунулся в дупло — не лезу. Сходил домой за топором, обтесался — не лезу, потом согнулся, влез и съел двух жареных воробьев. Вылезаю оттуда, от меня пахнет жареными воробьями. Меня муха — за ухо, комар — за брюхо (слушатели смеются), потащили меня на небо. Притащили на небеса. Там все не по-нашему: церковь пряничная, калачом заперта. Я, конечно, калач съел, взошел в церковь. Попадается навстречу поп, я его в лоб, он сел — я его съел. (Смех). Больше все.

114. <БОГАТЫЕ МУЖИКИ>

Жили мы с дедушкой богато, нажили денег много: сто без двести. Была у нас с дедушкой посуда — крест да пуговица; а рогатая скотина — петух да курица. Бывало, день не варишь, два — погодишь, на третий день горшки опрокинешь. Хлеба нет — до звезды говеем, подумают, что постничаем. Рубашка плоха — выворотишь, штаны износились — назад гашником повернешь. Бывало у нас с ним три лошадушки: одна пегая, очень плохо бегала; вторая — бурая, стояла да думала; третья — чала, стояла да хвостом качала, а пахать надо — сеяли.

115. ВРУН

Жил в одной деревне врун. Он хорошо, хорошо умел врать. И вот мужики очень любили слушать его. Пристанут к нему: «Врун, врун, соври что-нибудь». Вот врун и врал.

Вот сидят в один праздник мужики на завалинке, и бежит мимо них врун. Да так быстро, что и поздороваться не успел. Увидели мужики и кри-

чат: «Врун, врун, соври что-нибудь».— «Да мне некогда».— «А что?» — спрашивают мужики. «Да я бегу на реку Оку, там дают муку. Получше — за пятак, а похуже дают так». Обрадовались мужики, стали мужики лошадей запрягать. Торопятся, стараются обогнать друг друга. Приехали на реку Оку, а там и нет ничего. Поняли мужики: обманул их врун.

116. КУПЕЦ

Вздумал один купец говеть вместе с архиереем на первой неделе. Приезжает к нему в чистый понедельник и говорит: «Ваше Преосвященство! Хочется мне поговеть вместе с Вами, чтобы избавиться греха какого домашнего на это время!» Архиерей согласился. «Что ж,— говорит,— поговеем вместе!» Стали говеть. Пошли к часам. Отстояли службу Господню, приходят домой. Купец и видит, что послушник тащит на стол огромный самовар ведра в два. Купец наш давай поглаживать свой живот, думает: «Вот душеньку-то отведу с голодухи!» Келейник принес чашки. Архиерей налил по крошечной чашечке, с наперсток, себе и купцу,— сейчас же оба их и выпили. Архиерей и говорит: «Ну, теперича дни великие — понемножку надобно всякой пищей питаться!» Накрыл чашку свою. Купец видит, что и ему то же надо делать,— тоже накрыл, благодарит преосвященного, а сам думает: «Знал бы, ведал об эдаком говенье, ни за что бы сюда не поехал!» Ударили к вечерне, пошли они оба к вечерне. Отстояли ее, приходят домой. Купец и видит, что послушник несет опять на стол огромнейшее блюдо, а в нем огромнейшая стерлядь жареная лежит. Купец опять потирать себе живот, думает: «Вот когда, должно быть, пришла настоящая пора подзаправиться!» Сел за стол, архиерей отрезал себе крошечный кусочек и купцу столько же. Съели. Архиерей и говорит: «Дело не в том, какую пищу во время говенья есть надо, а в том, сколько ее есть!» Встал потом из-за стола и давай Богу молиться. Купец видит, что и ему то же следует делать, тоже вышел из-за стола, Богу помолился, преосвященного поблагодарил за обед. Ужина совсем не подавали. Приходит другой день — то же самое. Приходит третий — то же. И так во всю неделю. Насилу, насилу уж дождался купец, когда эта неделя-то кончилась. Отговел купец, архиерей и приглашает его опять еще недельку поговеть, то есть отгавливать. Куда! Купца и в оглобли не впряжешь. «И душой рад бы,— говорит,— Преосвященный Владыко, да дела дома по горло!» Так и не согласился ни за что. Вот какого говельника Бог дал преосвященному!

117. <САВВУШКА>

— Здорово, Саввушка!
— Здорово, бабушка!
— Как живешь ты, Саввушка?
— Помаленьку, бабушка.
— Где работаешь, Саввушка?
— Теперь на заводе, бабушка.
— Что делаешь, Саввушка?
— Картинки печатаю, бабушка.
— Сколько платят, Саввушка?
— По рублю в день, бабушка.
— Куда ж деваешь, Саввушка?
— Пропиваю, бабушка.
— Ну и дурак ты, Саввушка.
— Пошла к черту, бабушка.

118. <КАК КОЛЯДОВЩИКИ РУБЛЬ ДЕЛИЛИ>

Бывало еще темно, а уж (колядовщики) бегут. У одной покричали, она дала им рубль, говорит: «Вы разделите его пополам». Они и разорвали его. Пришли домой, а их спрашивают: «Вы чего же разорвали?» — «А хозяйка нам велела пополам разделить»,— отвечают.

119. <РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ>

В одном селе была женщина, связь имела с разбойниками. Значить, ее преследовали бывшие старинные полицаи и отправили ее в Сибирь. В Сибири прожила она до старости лет.

Приехали туда, значить, по случаю военного действия солдаты. И зашли к ней нечаянным образом переночевать. В разговоре стали знакомиться — кто откеда. Старуха спрашиваеть их:

— Вы, батюшки, откедова будете?

— Мы дальние, бабушка.

— А всё-таки,— говорить,— чьи вы бедете?

— Вот Рязанской губернии, Зарайского уезда, Пирогской волости, села Городец.

— И я, родимые, вот оттеда, я городецкая.

— Как, бабушка, твое фамилие будет?

— Да, вот, к примеру, Исаева. Вы знаете там фамилие Исаевых?

— Знаем, знаем, бабушка.

— Вы знаете там такое место — у меня там дом был новый. Как он теперь, хороший или нет?

— Э, бабка, твой дом стал церковь.

— То-то, то-то, родимый, бывалыча идешь, особенно по заре, а он так и растет, так и растет, очень хороший дом был. А чугун-то у меня, как там?

— Э, бабка, из чугуна-то стал колокол.

— То-то, то-то, родимый, он бывалыча как по нем тень — он тень-бом, тень-бом. А как у меня, батюшки, камень-то был около крыльца?

— Э, бабка, камень-то твой сгнил.

— То-то, то-то, родимый, он бывалыча так мохом и подернулся. А озер, родимый, как там напротив был-то?

— Э, бабка, озер-то твой сгорел.

— То-то, то-то, родимый, бывалча утром встанешь, от него дым,— говорить.

120. УДАЛЫЙ БАТРАК

Пошел парень из гостей домой, да по дороге и заблудился: зашел в кусты какие-то, бродил, бродил и вышел, наконец, к реке. А на реке пустая мельница. Он в этой мельнице ночевать остался. Наступила глухая полночь, не спится парню в пустой мельнице... Ко всякому шороху прислушивается и вдруг слышит, что к мельнице кто-то подъехал... Вскочил наш парень да и спрятался под мельничное колесо. Видит, входят на мельницу разбойники. Развели они на мельнице огонь и начали между собой делить богатую добычу. Один разбойник и говорит другим: «Я свою долю под ... <видимо, пропуск> мельницы положу. Другой говорит: «А я под колесо подпихну». А парень-то лежит под колесом, да и думает: «Дай-ка я их пущу по-своему». Да как закричит во все горло:

— Денис, ступай туда, на низ! А ты, Фока, гляди с бока! А ты, милый, гляди там, а я тут, держи их — не уйдут. Да бей их, ребята, не жалей!

Разбойники испугались, добычу побросали да опрометью бежать с мельницы. А парень завладел их добром и вернулся домой богатым-пребогатым.

121. ПРИЧАСТИЕ

В субботу, как обычно, поп стал причащать говеющих. Народу в церкве было порядочно. Вот приходит одна женщина к причастию, а дьячок у ней спрашивает: «Как звать?» — «Лизавета»,— отвечает женщина.— «Не Лизавета, а Елизавета. Для людей ты Лизавета, а для Бога — Елизавета». Подходит другая женщина. «Как звать?» — спрашивает дьячок.— «Авдотья»,— отвечает женщина. «Для людей ты Авдотья, а для Бога ты Евдокия». Подходит третья женщина. «Как звать?» — спрашивает дьячок.— «Катерина»,— отвечает женщина.— «Для людей ты Катерина, а для Бога — Екатерина». Мужик стоит и слушает, и к каждому слову дьячок прибавляет Е. И говорит: «Чтоб не опозоритья перед народом, надо самому прибавить Е». А мужика-то звали Давид. Вот он подходит к попу, тот спрашивает: «Как звать?» — «Да для народа-то, батюшка, я Давид, а для Бога-то — Едавид».

122. ТРИ РАЗА «ФОН»

Один новобранец попал на службе в денщики к полковнику. Ну, на первых порах в чем-то не угодил полковнику. Полковник вызывает его и начинает ругать:

— Ах ты, такой-сякой, ты знаешь, ведь я — фон-барон!

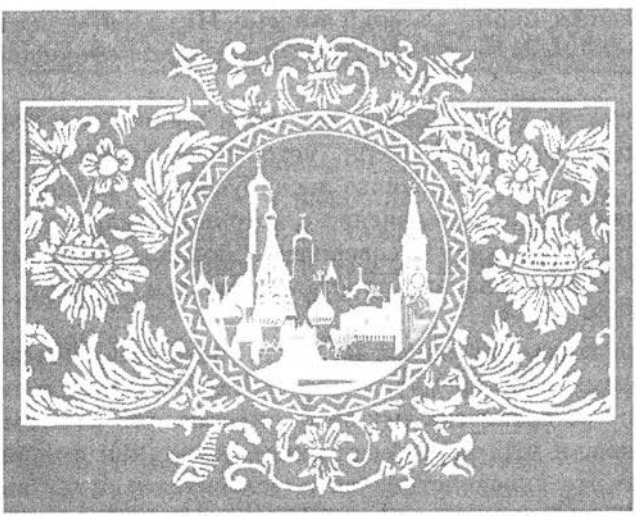
— Ну и что ж, что ты фон, а я три раза фон!

Денщика-то звали Трифон.

123. СКАЗКА

Жили-были Даша, Маша, бабушка и дедушка и дядя Иван. У Даши рот был вниз, а у Маши вверх, а у бабушки налево, а у дедушки направо. У дяди Ивана вперед.

Они легли спать, позабыли потушить свечку. Даша сказала Маше: «Маша, встань, потуши свечку». А Маша говорит: «Встань сама и потуши». Вот Маша говорит: «Ладно, потушу». А когда стала она тушить,— тушила, тушила и не потушила — и говорит: «Никак я не потушу, встань ты потуши». Даша тоже стала тушить: тушила, тушила и не потушила. Маша говорит Даше: «Даша, позови бабушку». Даша кричит: «Бабушка, иди потуши свечку!» Бабушка пришла, тоже тушила, тушила и не потушила. Бабушка позвала дедушку. Дедушка тушил, тушил, тоже не потушил. Позвал дядю Ивана. Дядя Иван пришел и говорит: «Что же вы, Даша и Маша, тушили, тушили и не потушили, а я потушу». У него рот был вперед: он тушил, тушил и не потушил, взял, слюнями заляпал, и все погасло.



ПРЕДАНИЯ

124. СВЯТОЕ ОЗЕРО С. КОСИНО

С. Косино находится в 12 верстах от Москвы по Рязанскому шоссе, недалеко от ст. Кусково. Древнейшею святыней села Косино почитается икона св. чудотворца Николая, явившаяся, по преданию, в глубокой древности на озере, получившем название Святого.

На том месте, где теперь озеро, в давнее время была среди лесов церковь, посвященная Божьей Матери, устроенная поселившимся тут, ушедшим из одного города, разоренного междоусобною войною удельных князей, старцем-священником, уединение с которым разделял некто пустынник Букал и помогал священнику в совершении божественной службы; там они жили вместе, и Косино издавна почиталось местом святыни, возлюбленным самою Божьей Матерью.

Впоследствии Букал поселился на месте нынешнего Московского Кремля, где в то время был дремучий бор, среди которого и жил пустынник Букал. Однажды во время сна ему было видение, что на этом месте возникнет город Москва, и что он понесет много испытаний от нашествия врагов и от пожаров, и что впоследствии он прославится и будет выше всех городов русских. Долго размышлял Букал о своем видении и в таких мыслях пошел в пустынное Косино и поведал о своем видении стрцу-священнику.

Тогда оба они вошли в церковь и со слезами молили Бога и его пречистую Матерь за православный народ русский и за будущий град Москву. Священник стал совершать божественную литургию, и во время херувимской песни над ним явилась Божья Матерь. Церковь медленно стала опускаться в землю, из-под земли выступила вода, и образовалось озеро, которое слывет теперь в народе Святым и возлюбленным самою Божьею Матерью.

125. О НАЗВАНИИ ЯХРОМЫ И ДМИТРОВА

Рассказывают, что князь Юрий Долгорукий приехал в Яхрому вместе с женой. Княгиня будто бы вывихнула ногу и закричала: «Ах, я хрома», отчего и сама река получила прозвание. На месте Дмитрова якобы раньше находилось большое поселение, называвшееся по своему многолюдству «Великое Полюдье».

Этот баснословный рассказ до сих пор держится в памяти дмитровцев. Некоторые из них даже указывают место, где стояло Великое Полюдье: одни — у села Перемилова, другие — на большой дороге в Сергиев, в лесу, на полпути между Дмитровым и Костиным, там, где теперь стоит кирпичный столб с иконой.

126. <ПРЕДАНИЯ ЗАРАЙСКОГО УЕЗДА>

1. <С. Макеево в 18 верстах от г. Зарайска>. В расстоянии двух верст от села во владении ею государственных крестьян находится курган овальной формы... в сажень 50 длины с выемкой посередине и с возвышениями по концам; в разных местах он изрыт искателями кладов и изборожден сохой. Насчет него ходят в народе различные сказания: по одним — здесь жили богатыри, по другим — «белоглазая литва».

2.

<С. Жилконицы, 17—18 верст от Зарайска>. Оно расположено на высоком месте при двух глубоких оврагах, откуда во множестве вытекают родники (жилки); от этих последних село и получило свое название.

3.

С. Погост Дощатый, или Спас Дощатый, находится в 18 в. от Зарайска и 25 от г. Коломны на крутой горе над р. Осетром. По преданию, некогда Иван Васильевич Грозный, проезжая с богомолья из Зарайска в Коломну, залюбовался видом этой горы, назвал ее «русским Фавором», велел из досок судна построить здесь дощатую церковь (обыденную) во имя Преображения и пожаловал ее землею.

4.

<С. Нижнее Маслово, в 30 в. от Зарайска>. Вблизи с. Нижнего Маслово для внимания археолога можно отметить следующие местности: 1) Гора Бахметево или Кихово, где, по народному преданию, жил некогда татарский князь Бахмет и где находятся обломки кирпича и черепки глиняной посуды. 2) Куликово поле, где, по народному преданию, жил некогда помещик Куликов и где за 60 лет тому назад была найдена глиняная кубышка со старинной серебряной монетой.

5.

<С. Любичи>. С. Лубичи с именем Любучка упоминается еще в XV в. Оно находится при впадении р. Цна в р. Оку в 39 в. от Зарайска... В старину оно было окружено лесом и болотами, так что представлялось удобным местом для укрывательства разбойничьей шайки; народное предание и приписывает самое основание трем разбойникам — Ларе, Дёме и Лазуте, около которых постоянно собиралась шайка.

6.

<С. Старолетово, 40 в. от Зарайска>. По народному преданию, невдалеке от него <с. Старолетово> некогда Мамай со своими полчищами простоял целое лето, когда шел на Москву, отчего село получило название Летова.

127. О ВЕЛИКАНАХ

Один старичок у нас есть (без двух лет восемьдесят ему), так отец его помнит — нашли могилу, где раскопали неприятельских солдат — скелеты и оружие, латы. Черепа были такие, что на голову вполне легко даже одевались. Вот какие были чудные люди — великаны. Оружие было татарское. Это, когда Мамай шел, ведь было сражение и против него строили ограду.

128. КЛАД

Жил-был богач, выстроил себе хороший, большой дом. И вот, как пойдут ночевать — и слышат: «Выйду, выйду, выйду». Все боялись и бежали. Один раз идет стекольщик, постучался в избушку, ему говорят: «Ступай к богачу, там всех пускают, только больно страшно». Пошел он туда. Лежит — слышит: «Выйду, выйду, выйду». И он говорит: «Выйди!» Смотрит: из-под печки лезет гроб. «Ну,— говорит,— бери, бери, бери меня».— «Возьму!» Взял он его. «Ну, ставь меня на лавку, ставь меня на лавку, ставь меня на лавку!» Поставил. «Ну, открывай, открывай, открывай!» — «Открою, открою, открою». Открыл он его, а там полон гроб золота. Нагреб он только куда мог. Хозяин спрашивает: «Что уж, ночевал?» Тот говорит: «Ступайте,

добирайте: там еще много». Хозяин не понял, собралась вся деревня. Один бедный мужик подошел и взял себе все. Богач увидел тут — понял. Теперь они живут хорошо.

129. <ВЕНЕЦ НА КРЕСТЕ>

Женщина, по виду мещанка, едет с мальчиком лет пятнадцати в вагоне трамвая мимо церкви Трех Святителей у Красных ворот. «Вон смотри-ка, на церкви, на кресте венец, которым венчают. Ты, небось, не знаешь, чтой-то?» — «Не-ет».— «А здесь раз венчали пару, молоденьких таких, девушку и молодого человека. Все шло, как следывает, только вынесли венцы, надевает священник, а венец-то вырвался из руки у него, да и очутился на кресте. Народ — туды-сюды, что значит: венец улетел? Пристановить венчанье. Кто вы такие? Разузнавать. Оказались, брат с сестрой, девочку-то в Воспитательный <дом> отдали, а потом, как выросли, они и познакомились, незнамши, кто такие. Ну, Бог-то не допустил до греха».

130. <ЦАРЬ ИВАН И ЛАПОТНИК>

Когда Иван ездил осматривать свое государство, многие простолюдины и дворяне подносили ему дары. Один честный лапотник, который плел лапотки и продавал по две копейки пару, не знал, что поднести царю, и просил у жены совета.

— Поднеси пару хороших лапоток,— сказала она.

— Это не редкость,— отвечал он,— а есть у нас в саду огромная репа. Мы поднесем ему эту репу, а вместе и пару лаптей.

Как сказано, так и сделано. Царь очень милостиво принял подарок и, износив сам одну пару лаптей, заставил всех дворян покупать у крестьянина лапти по пяти шиллингов пару. Это составило крестьянину состояние; он начал торговать и скоро так разбогател, что оставил после себя значительное имение. Потомки его получили дворянское достоинство и называются теперь Лапотскими. Есть одно дерево, подле которого стоял дом его и на которое проходящие бросают свои старые лапти в память этого лапотника; это обыкновение до сих пор ведется.

Один дворянин, видя, что такая награда была получена за лапти, хотел также получить награду, и еще значительнее, за хорошего коня. Но царь, угадав его намерения, подарил ему взамен ту большую репу, которую получил прежде, и таким образом заставил всех над ним посмеяться.

131. <ИВАН ГРОЗНЫЙ И ВОР>

Иногда он переодетый приставал к шайке разбойников и советовал им однажды обокрасть казнохранителя.

— Я,— говорил он,— покажу вам дорогу.

Но один из воров занес кулак и сказал, ударив его по лицу во всю руку:

— Негодяй! Как ты смеешь предлагать нам ограбить нашего государя, который до нас так милостив? Лучше мы обкрадем кого-нибудь богатого боярина, который сам расхищает казну царскую.

Иван очень доволен был его поступком; расставаясь, обменялся с ним шапкой и велел следующим утром ожидать себя в дворцовых покоях, через которые он проходил.

— Там,— сказал он,— я поднесу тебе добрую чарку водки и меду.

Вор пришел в назначенное место, и царь, увидев его, подозвал к себе, советовал вперед не воровать, отличил его при дворе и употреблял впоследствии для открытия воровских шаек.

132. <ИВАН ГРОЗНЫЙ И РЕБЕНОК>

Еще могу сказать насчет Ивана Грозного. Не могу, конечно, заверить, насколько правда, но от стариков слыхал. Баньку нашу видали,— она строена во времена Ивана Грозного. Здесь тогда одни леса были, и была соколиная охота. И этот дом был построен как сторожка для соколиной охоты. Иван Грозный ездил сюда на соколиную охоту. Кругом лес большой. И жил один старик с семьей. Будто бы когда-то приехал Иван Грозный, зашел в сторожку, а сторожа ребенок уцепил его за цепочку (или манжет). А Ивана недаром Грозный звали, он рассердился и приказал ребенка казнить. Жена стала просить за ребенка: он мал и сделал по-глупости. Царь говорит:

— Чем ты мне это докажешь?

— Давай положим на стол кучу золота и кучу жара (углей) и посмотрим, куда ребенок потянется.

Сделали так, и ребенок потянулся к жару. Государь пощадил этого ребенка, правда ли, нет ли, не знаю. Мы слишком мало живем, чтобы все знать.

133. ПРО ИВАНА ГРОЗНОГО

1. Иван Грозный родился в грозовую ночь. Вот поэтому-то и прозвали его «Грозный», а не потому только, что он людей мучил и казнил. Это уж после, как он стал царем, пошло на прибавку. А главное тут — грозовая ночь.

А что казнил он много народу, так это действительно правда. Разговаривать зря не любил: чуть что не по его — голова с плеч долой. А заправилой главным у него был Малюта Скуратов.

— Ну-ка,— говорит,— Малюта Скуратович, наведи порядок.

А Малюта мастер был на это: кого удавит, кого на кол посадит, кого живьем сварит.

А тогда бояре были и пуще всего боялись веревки: не любили, чтобы в петле висеть. И просили они Ивана Грозного отменить веревку.

— Отмени,— говорят,— эту казнь. Пусть,— говорят,— лучше будет пролитие крови: хоть,— говорят,— на мелкие куски изруби, только бы не петля, потому что это самая подлая смерть.

А он им говорит:

— Для подлецов и казнь подлая, кто что,— говорит,— заслужил, тот то и получай.

2.

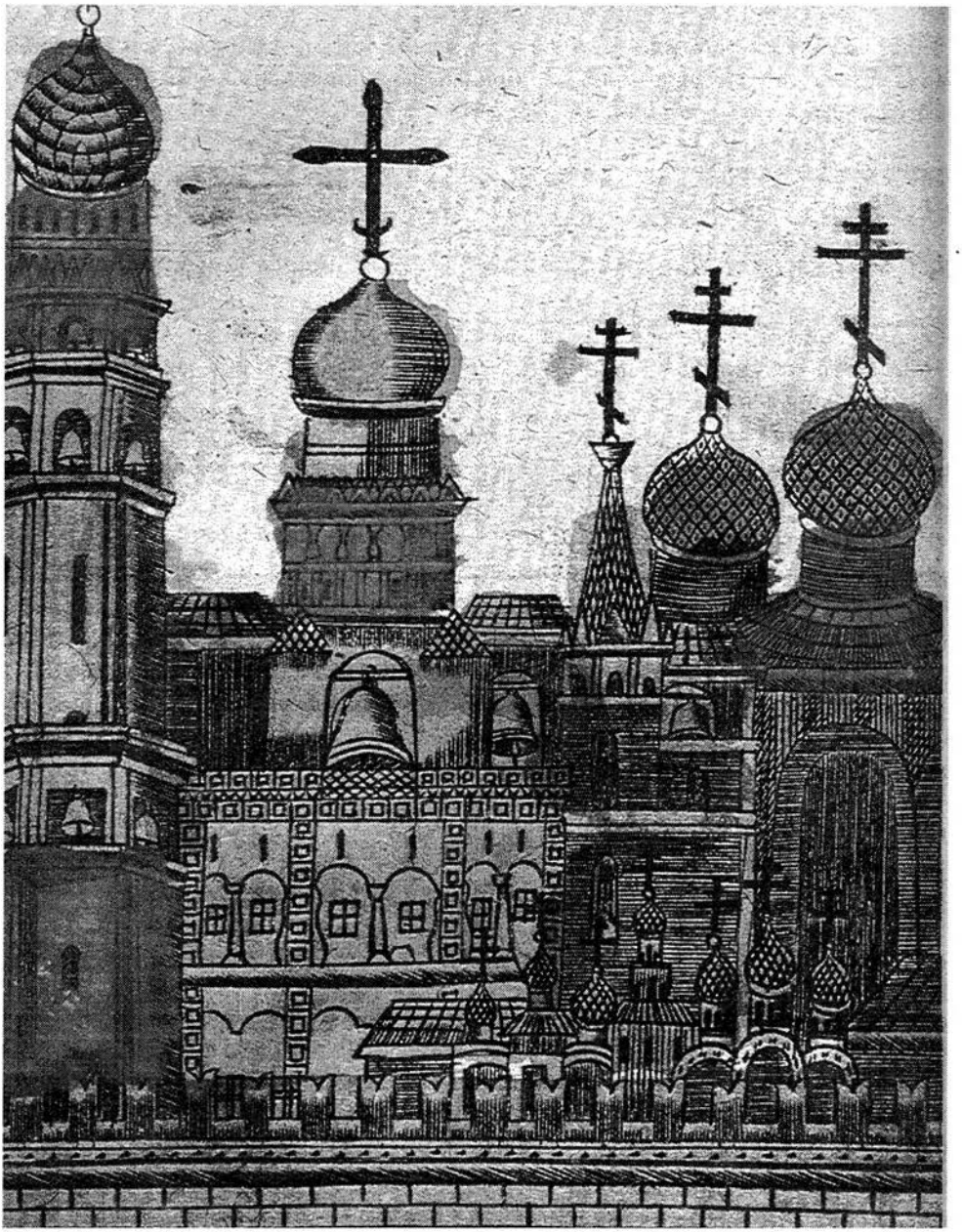
<Малюта Скуратов провинившихся волок на Лобное место>

А Лобное это место вот почему: ведь когда надо было рубить голову человеку или, скажем, только спустить с него шкуру, сейчас велят ему молиться и кланяться народу. Вот он и молится, кланяется, стукается лбом... Вот от этого самого она и есть Лобная... Ну, тоже когда голову снесут: упадет и стукнется лбом... Мало ли голов слетало — все кровью залито было... Вот оно, какое это место.

3.

Собрались: царь — зверь и палач, и такой же Малюта, да еще злее.

Ну, все же долютовались. Пришло время и не стало им житья: как ночь, так и приходят, которых они казнили. Придут и тоскуют... Это ихние души



Московский Кремль. Фрагмент гравюры «Св. блаженные Василий и Максим». Первая треть XIX в. Русский музей. Коллекция А. Никольского (Лубок. Русские народные картинки 17—19 вв., илл. 87, Л., 1984)

приходили. Вот царь да Малюта — что тут делать? Взялись молебны служить. Только служат-служат, а толку нет, еще больше стали приходить... Вот пришло лихо царю и Малюте. Малюта, как оглашенный, заметался по Москве. Метался, метался, и сгинул. «Где, где Малюта?» — нигде не видно, нигде не слышно, точно сквозь землю провалился. Думали — в реку бросился, утоп... Только если бы утоп, то всплыл бы, признали бы... Его ли не признать? Да его разбойничью рожу всяк признал бы... Ну, нет и нет, вот так и пропал... И никто не знает, что с ним стало, и в книгах об этом ничего не сказано.

Ну, один пропал. После черед за царем пришел... А его черва одолела... Загнило его все тело, язвы на руках, на ногах пошли и завелись в них черви. Так живьем и едят его... Он к докторам и лекарства разные... И чего-чего не перепробовал: и травы разные, и составы... Нет, ну хоть бы тебе самая малость облегчения... А те, которых он казнил, не отстают: как ночь — они уже являются... Ну... и съела его черва... помер. Ну, как помер, тут многие перекрестились: «Слава тебе, Господи!» Да и как не перекреститься, ежели каждый час мученья от него ждал...

Ну, как ни мучил, а ему тоже пришлось лихо. Так и заел его червь... А про Малюту ничего неизвестно, какая его смерть, а тоже, гляди, не лучше Ивановой — тоже, небось, где-нибудь окачурился, как собака... Может, удавился в лесу...

134. ПОСТРОЙКА КРЕМЛЕВСКИХ СТЕН В МОСКВЕ

Эти стены Кремлевские царь Иван Грозный построил. Погнал из деревень народу множество, может, тысяч двадцать.

— Чтобы,— говорит,— в один месяц было все готово.

Ну, стал работать народ. А платил царь каждому человеку по пятнадцать копеек в день. А какие это деньги? На них рабочий человек сыт не будет. И много тут народу от голода помирало. А царю что: одни умрут, других пригонят.

Да это еще что — голод! Колотили, били людей. Такие были приставлены, вроде десятников, с палками да кнутами. Человек еле-еле ноги таскал, а они кричать: «работай!» Да как вытянут, вытянут палкой. Ну, через силу работали. Работает-работает, сковырнется, и ноги вытянул. А на его место сто новых найдется. А царь говорит:

— Душа из вас вон, а чтобы в месяц все готово было!

Ну, мастера и старались — себя и людей не жалели. И сколько народу загублено. Ну, все же к сроку кончили. А царь только посмеивается:

— Иной бы,— говорит,— эти стены три года строил, а у меня в месяц готово.

Вот и недаром старые люди говорят: «Кремлевские стены на костях человеческих стоят». Так оно и есть.

135. ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

1. Василия Блаженного построил Иван Грозный.

— Меня-то,— говорит,— народ и без церквей тысячу лет будет помнить, а я,— говорит,— хочу, чтобы и отца моего помнили, родителя Василия.

...Ну вот, значит, и говорит:

— Хочу церковь Василия Блаженного построить, чтобы на удивление всем была.

И приказал отыскать лучшего мастера. Только никто не идет — попрятались, попритаились, боятся. Думают — не угодишь, тут тебе и смерть. Ну, смерть-то ничего, один конец, а вот как начнут жилы вытаскивать... Ну, и не шли.

А только все же выискался один такой мастер.

— Я,— говорит,— могу сделать, только чтобы ни в чем задержки не было.

Царь говорит:

— Задержки не будет, я ничего не пожалею. Ежели угодишь мне — озолочу тебя. А ежели изгадишь, то казни еще не было, какой я тебя казню.

А этот мастер тоже не из робких был.

— Ладно,— говорит,— давай материал, давай денег.

Ну, царь исполняет все, что он прикажет, и ни в чем отказу не было. Вот стал строить мастер. Строит и строит. А царь придет, посмотрит, а в дела не вмешивается, потому что мастер еще заранее сказал ему: «Ежели будешь мешать, брошу работать, не боюсь твоей казни». Вот царь ничего и не говорил мастеру.

И строил мастер лет пять, а то и все десять — не знаю, сколько времени строил. А только, действительно, выстроил всем на удивление. Царь остался доволен:

— Это хорошо у тебя вышло,— говорит.— А лучше можешь сделать?

А мастер возьми и бухни:

— Могу,— говорит.

Тут царь и принялся ругать его:

Св. блаженные Василий и Максим. Гравюра. Раскрашена. Русский музей. Коллекция А. Никольского. (Лубок. Русские народные картинки 17—19 вв., илл. 88, Л., 1984)

— Ах ты,— говорит,— сукин сын! Ежели можешь, отчего не сделал? — и приказал отрубить мастеру голову.

А после пожалел:

— Действительно,— говорит,— нехорошо я поступил: он бы мне другую, получше церковь выстроил.

Ну, что жалеть? Надо бы подумать об этом раньше.

2.

Эту церковь выстроил, верно, Иван Грозный, только не им она начата была. А жил тогда в Москве один такой юродивый — Василий Блаженный. От него и пошло начало этому собору, а Иван Грозный на готовое пришел. Ну, правда, не пожалел своих денег.

А этот юродивый зиму и лето ходил в одной рубахе и босиком. До колен была рубаха, просто женская рубаха. И шапки не носил. Зимой-то какие морозы? Теперь нешто морозы! Раньше галка на лету замерзала. Плеснешь, бывало, воду, а падает лед. Вот какие морозы были! А Василий этот в одной рубахе ходил, и ничего.

И собирал он деньги. А собирал так: придет на рынок, подымет полу и стоит, а сам молчит... Ну, уж народ знает: начнет класть в подол — кто пятак, кто копейку, кто сколько может. И как наберет полную полу, сейчас бежит на Красную площадь, где теперь Василий Блаженный стоит. Прибежит и примется бросать деньги через правое плечо. А они падают — пятак к пятаку, копейка к копейке, три копейки к трем копейкам. Сами по порядку падали.

И много было таких кучек денег. И никто их не трогал, и воры не трогали. Всяк смотрел, а взять боялся. И вот почему боялись брать эти деньги: раз нашелся такой человек — дай, говорит, возьму деньжат немного. Пришел ночью, набил карманы. А тут и серебряные были деньги, и золотые. Ну, наложил в карман, хочет идти, а ноги не идут, он и так, он и сяк — не идут, хоть ты что хочешь делай. Ровно бы кто гвоздями прибил их к земле.

Вор испугался. Думает: «Выброшу деньги». А деньги не идут из кармана. Мучился-мучился, не идет его дело на лад. Да так всю ночь и простоял. А тут утро. Ну, народ видит: стоит человек у Васильевых денег.

— Ты чего тут?

— А вот,— говорит,— Бог наказал меня за воровство.— И рассказал, какая его постигла беда.

А Василия юродивого тут нету, он уж спозаранку побежал на базар. Ну, народ смотрит на того вора и удивляется. Тут доложили царю про это дело. Вот приходит царь и давай ругать вора:

— Ах ты,— говорит,— такой-сякой! — Уж он гнал, гнал... Ну, тоже, может, не раз и матюгом благословил...— Тащите,— говорит,— его, подлеца!

Стал народ тащить вора и не может стронуть с места. Тут царь и говорит:

— Надо Василия подождать, без него ничего не выйдет.

Ну, ждут. А народу собралась целая массыя. Конечно, каждому любопытно посмотреть. Ждали, ждали Василия. Ну, прибежал, давай деньги бросать через плечо. А тут — царь. А только Василий этого не разбирал: царь и царь, а только он свое дело делает. Вот покидал все деньги, посмотрел на этого вора, погрозил ему пальцем. И тут вора отпустило. Он поскорее выбросил деньги из карманов, хотел уходить, только царь говорит:

— Посадить этого подлеца на кол, чтобы не воровал святых денег!

Ну, его живо посадили. Поорал-поорал и подох.

Только вот по этому самому и не трогали Васильевых денег. И Василий их не караулил, и никто их не караулил, а взять всяк боялся. Кому охота на колу сидеть?

А на что собирал Василий деньги — никто не знал. И долго он их собирал. А сам уж старый стал.

Вот раз видит народ: копает Василий яму на том самом месте, где деньги бросал. А для чего ему эта яма, никто не знает. Народ собрался, смотрит, а он все копает. Вот выкопал яму, лег около нее и руки на груди сложил.

— Что же это такое? — думает народ.

Да тут один человек разъяснил: «Да ведь,— говорит,— помирать собрался Василий». Тут сейчас побежали и сказали царю.

— Василий Блаженный помирает.

Вот царь поскорее собрался, приходит. Василий и указывает царю на деньги, указывает на карман: дескать, забери эти деньги. А сам тут умер. Вот царь приказал все эти деньги покласть в мешок, сложить на воза и отвезти во дворец.

А Василия на том месте похоронил. А после того приказал строить церкву Василия Блаженного на том же самом месте. Ну, и своих денег не пожалел...

136. ПРО ПЕТРА I

1. Петр I, как известно, дрался, воевал с Карлом и научился — победил своего учителя. Карл очень гордился своей нацией и собой и старался взять верх над Петром. В военном деле — не удалось, так хоть в чем. Приехал он в Петербург и говорит: «Вот что, Лексеич, давай поспорим, у кого лучше солдаты, дисциплина и выправка общая».— «Что ж ты думаешь, у вас лучше?» — «Думаю, лучше».— «Ну что ж, давай посмотрим».

Поспорили на губернию, на область там, ну на Финляндию (она с тех пор ведь стала наша). Проспорил ее Карл.

«Где будешь проверять?» — «Ну сперва поедем ко мне, Лексеич». Поехали они в Швецарию. Садятся. И вот попадает им первый шипарский (швейцарский) солдат. Выправка на всем, первый сорт. Карл приказывает: «Солдат! Сюда!» Солдат, конечно, вытянулся: «Ваше величество, что прикажете?» — «Давай прыгай в окно».— «Слушаюсь, ваше величество, разрешите только с отцом, матерью, с женой и детьми прощаться».— «Можешь идти!»

Петр глядит, это уж не солдат, это не дисциплина! Является солдат, прыгает, насмерть разбился. «Видите, Лексеич, какие у меня солдаты?» — «Да, ваши солдаты стойкие, а все не то. Поедем ко мне!»

Приехали, во дворце сидят. «Выбирай любого солдата!» — «Ну,— думает Карл,— выберу не очень стройного, сутулого, косолапого — нестроевого, одним словом». Идет такой солдат из хлебопекарни, замазанный весь, сутулый, невидный такой, нескладный. Он кричит: «Лексеич, вот этого!» Петр крикнул: «Солдат, сюда!» — «Честь имею явиться! Что прикажете, ваше величество?» — «Прыгай в окно!» — «В какое?» — «Да хоть в это». Солдат разбежался — рраз — ну, Петр, он очень могучий был,— раз его за ремень и вытащил на весу. «Видите, ваш же прощался с батюшкой да с матушкой. Ну как?» — «Да, Лексеич, у вас солдаты дисциплинированные и лучше». Отдал Финляндию и пошел. Так что Карл проигрался. Русский солдат тверже оказался.

2.

Другое дело было с тем же Петром. Петр, он всем интересовался и всему учился. Он, например, учился, как воровать. Переоделся хулиганом, пошел в захолустье, где шпана самая. Садится. Уговаривается воровать вместе. «Здорово, братва!» — «Здорово!» — «Меня не примете в компанию?» Они его стали испытывать, задавать вопросы, как называются пятаки, гривенники, пятиалтынные — деньги вообще, по-воровскому — пескари, окуни, ерши. Петр не знает. «Ну какой ты свой? Ничего не знаешь, нет, ты не годишься».— «Что вы, ребята, я на всякое гожусь, возьмите меня».— «Ну, ладно!» Стали уговариваться, куда вперед идти. Петр говорит:

— Я лучше вас знаю, я умею по трубам всяким лазить. Пойдемте в государственный банк воровать.

Они его шлеп по защечине.

— Разве государственный банк можно обворовывать?

А Петр подумал: насколько воры развращены, а не грабят государственный банк, не то что мои чиновники.

— Ну ладно, давайте графиню грабить.

Поехали в Петербург. Подъехали к графинскому дому. «Лезь, раз ты мастер!» Ну, он полез, выдвинул им деньги, имущество, положили на машину и уехали. В печати назавтра пишут: графиню ограбили. Вот Петр все знал — воровал сам, явился к графине и говорит: «Ваши воры пойманы, вещи отобраны. Можете вещи получить». Графиня ахнула: «Батюшки! Какой император у нас! Все знает!» (Как ему не знать — он сам грабитель). Вот такой анекдот получился.

3.

У Петра Первого бессчетно было специальностей. Дошел он даже до того, что лапоть стал плесть и недоплел, так он и остался недоплетенный. Он однажды задумался, как мужик на лаптях живет, если пятачок пара. Ведь это надо двадцать пар в день плести, чтобы прожить. «Дай я попробую, ведь сапоги я шил». А лапоть оказалось плесть еще кляузней: лыко дери, да мочи, да мни, да плети! — «Нет, это уж не специальность! Не буду плести, пусть плетут мужики».

4.

Приезжает раз Карл к Петру.— «Давай посмотрим, у кого чище воруют воры». Поехали сперва в Швейцарию. Карл позвал своего самого лучшего вора — обервора! Поручает ему украсть у Петра часы с изображением его величества. Идет, гуляет с Петром. Петр разговаривает с Карлом, смеется, всякие истории рассказывает, а у самого в голове — «Нужно обервора поймать!» (Он сам обервор — не хуже его). Он и говорит, и гуляет, и думает, и чувствует — все сразу. Чувствует, часы у него срезали. Думает, сейчас не надо вида показывать, подожду немного. А Карл видит, обрадовался, что Петр молчит. Вдруг Петр спокойно так, решительно говорит: «Карл, будьте добры, задержите вон того гражданина». Карлу делать нечего: «Эй, стража, задержите!» — «В чем дело, Лексеич?» — «Посмотрите, не у него ли мои часы?» Карл думает: плохо, не сумели своровать чисто. «Арестовать его! Завтра дам приказ».— «Вот какие у вас воры,— говорит Петр,— воруют и попадаются».— «А у вас?» — «Поедем ко мне».

Приезжают в Петербург. Петр созывает всю свою шпану и говорит: «Я с Карлом пойду по Александровскому саду гулять, у него будут ботинки — по двенадцать золотых запонок, надо их срезать, чтоб не заметили бы. Срежете — осчастливлю на всю жизнь, а нет — не сдобровать вам». Села шпана, собралась всей компанией. Стали решать вопрос. Надобно, как в Филях купцов; шпана стала думать, стала решать. «Вот что, ребята, нарядимся костоломами и чтоб пшенцы годов по пять, по четыре вели их, а они петь будут... А как поровняются с царем и Карлом, мальчики стукнут, а

они упадут на колени, а с собой понесут рапорт, направятся с рапортом, пока будут читать рапорт, срежем пуговицы».

Они идут по Александровскому саду. Карл толкает Петра: «Ну что ж не воруют ваши оберворы?» — «Ничего, не торопитесь». Глядь — на горизонте идут и поют (сказочник поет без слов гнусавым голосом), бога величают. Так идут разукрашены, как костоломы: у одного — вывернуты глаза, у другого один глаз завязан, бороды, как пакля, до пояса. Идут, качаются (сказочник изображает), а два маленьких пшенца ведут их, они опираются на них, с палками идут. Карл их увидел: «Что такое, Лексеич? Давай поскорее посмотрим на них, что за люди?» — «А это костоломы, люди неправые, калеки, христовым именем питаются». Мальчики стукнули — они бух на пол. Один старик достает рапорт: «Батюшка, ваше величество, не дайте помереть!» А они под рапортами лежали и срезали пуговки. Карл говорит: «Что такое?» — «А это они милости просят. Дожили до девяноста лет — питаться нечем». Петр смотрит: все срезали пуговицы? Берет рапорт. «Ладно, будет вам милость». А Карл в недоумении: у него все костоломы в глазах и их чудесное пение в ушах.— «Ну, пойдем!» Карл в горячке не чувствует, что шлепают у него ботинки. Вдруг взглянул: «Лексеич! Что ж это, где законы? У царя украли! Ну ладно, сколько я с вами спорю и все проспориваю». И опять Петр выиграл.

5.

Петр ехал — у него конь подкову сломал. «Ах ты, беда, где бы мне попасть к кузнецу?» Ехали долго, въезжают в село. Кузница стоит, ну как у нас, только у нас и слесаря и пекаря — все специалисты прекрасные, а там кузнец обыкновенный. Смотрит — подъехал барин или вельмож. «Тпру!» Спрыгивает с коня. «Кузнец, ты можешь подковать коня?» — «С превеликим удовольствием».— «Давай скорее делай». Кузнец на скорую руку начинает делать. Подкову сделал, хотел под лошадь подбить, а Петр говорит: «А ну-ка погоди, подай ее сюда». Берет подкову, хотел ее разогнуть — и переломил. Кузнец и рот разинул. «Что ж ты, мастер, так плохо делаешь?» Тот говорит: «Барин, я сейчас переделаю».

Начинает делать по особому заказу. Думает, хоть ты силен, уж теперь твои руки не сломают мою работу. «Принимай, барин, работу!» — «Вижу, что хорошая, подковывай!» Кузнец подбил, приладил: «Готово, барин». Петр думает: «Хорошо работает парень и заплатить надо хорошо». Дает ему серебряный рубль с портретом императора (а тогда подкова стоила-то копеек пять). Кузнец берет рубль — раз его пополам. «Барин, ваш рубль слабее моей подковы!» Петр думает, неужели фальшивый попался? «На-на другой!» Тот берет — опять ломает. Тогда Петр достает четвертной билет

и подает ему. Тот берет, кланяется. Этот уже не рвет. Этот уже тверже подковы. Петр машинально садится на коня и отъезжает. Тот стоит, смотрит. «За три месяца мне столько не заработать, а тут какой соперник на меня наехал, силу мою оценил!»

6.

Нас дразнят, неудобно сказать, Макарами. Насколько верно — не ручаюсь — дед говорил. Когда-то Петру пришлось в реке тонуть. Рыбаки его спасли. Ведь тут тогда одна серость была, халупы одни рыбацкие стояли. Он захотел их отблагодарить. Они видят — барин, хорошо одетый, а кто он — не знают. Спрашивает первого: «Как тебя зовут?» — «Макар».— «На тебе рубль», (а это тогда были слишком большие деньги). Спрашивает второго: «Тебя как зовут?» — «Также — Макаром». (Ну, он видит, первому рубль дал, дай-ка и я так скажу — «Макар»). И ему Петр дает рубль. Спрашивает третьего. Тот на них глядя тоже кричит: «Макар». Петр рассердился: «И будьте вы отныне и довеку все Макары».

137. <ПРЕДСКАЗАНИЕ> Ехал мужик с Воробьевых гор на Смоленский рынок овес продавать. Навстречу ему у заставы корова: «Куда идешь, мужик?» — «На базар — овес продавать».— «Хорошо, поедешь, продашь, привези мне платок».— «Ну, хорошо». Мужик поехал, продал овес, купил платок, едет — навстречу корова. «Здравствуй, мужик, продал овес?» — «Продал».— «Купил платок?» — «Купил».— «Ну, покройся им». Он, значит, и покрылся. Корова и говорит: «Гляди налево». Поглядел он: война, народ все падает, падает — страсть, сколько навалило. «Ну, теперь погляди направо». Посмотрел: поля все хлебом покрыты и всего-то много. Корова-то и говорит: «Вот семь лет война будет, много народу побьют, а урожай такой будет, что на семь лет хватит. Покрой меня платком». Мужик покрыл корову, она и пропала.

138. МАТРЕШКИНО ПРЕДСКАЗАНЬЕ Ему <Николаю II> никто добра не сулил, а только горькую жизнь. По первому разу, когда он еще наследником был, родная мать говорила ему:

— Уступи, говорит, престол брату Михаилу, не то сам пропадешь и весь царский дом погубишь.

Сама-то она этого не знала, а ей отшельник один на Старом Афоне открыл — в горах спасался, и был он прозорливец. И ездила она к нему тайком, нарочито, чтобы насчет Николая узнать, какая его жизнь будет — благополучная или несчастная. А отшельник и говорить не стал много, только и сказал:

— Сам в яму упадет и вас всех за собой потащит.

Вот от кого это стало известно, а ей-то самой где знать? Не пророчица же была, в сам-деле!..

...И как он остался без престола, без царства, тут и говорит генералам, которые при нем были:

— Как бы, говорит, дело по-матрешкиному не вышло.

А эта Матрешка было баба-карлик, и звать ее было по-настоящему не Матрешка, а иначе, а Матрешкой прозвали вроде как бы в насмешку...

И была она юродивка — будто дурочка, а знала такое, что иному и во веки вечные не знать..., а как ее заправдашное имя было — никто не знал.

И от этой самой Матрешки был Николаю подарок, такой подарок, что и на всем белом свете никому такого подарка еще не было. Это когда Николай с царицей приезжал на открытие мощей Серафима Саровского. И вот тут Матрешка поднесла ему платок весь в крови, а царице — холстину длинную и узкую, вроде такой, на которой гроб с покойником несут хоронить. И тут все смотрят: что же это такое? К чему это такое? А Николай и не знает, что ему делать с платком. Держит его в руке и на Матрешку смотрит. А Матрешка говорит:

— Принимайте и разумейте.

Вот Николай видит — платок весь в крови, взял, да и бросил его, и царица тоже бросила холстину. А Мактрешка засмеялась и говорит:

— Бросайте, не бросайте, а оба изойдете кровью.

Ну, ее сейчас сцапали, заарестовали. И что ей сделали, какое наказание было — неизвестно... а только сгинула она, запропастилась куда-то...

И вот про эту Матрешку тогда и говорил Николай.

Вот когда она ему припомнилась: когда без престола остался, тогда и на ум пришла Матрешка и ее слова припомнились! И не зря припомнились: как она говорила, так и исполнилось, был и Николаю, и царице смертный конец от пули, оба изошли кровью. И дети, вся семья попала под расстрел, облились кровью все.

БЫЛИЧКИ

139. НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ

У одного барина был холоп кабальный. Вот и вздумал этот холоп на Ивана Купалу в самую ночь сходить в лес, сорвать папортник, чтобы клад достать. Дождался он этой ночи. Уложил он барина спать, скинул крест, не молясь богу, в одиннадцать часов ночи и пошел в лес. Входит в лес. Жутко ему пришло: раздался свист, шум, гам, хохот, он все ничего, хоть жутко, а идет. Только глядь, а черт с ногами на индейском петухе верхом едет. И это ничего, прошел холоп и слова не сказал. Глядит: вдали растет цветок, сияет, как точно на стебельке в огне уголек лежит. Обрадовался холоп, бегом бежит, уж почти к цветку подбежал, а черти его останавливают: кто за полу дернет, кто дорогу загородит, кто под ноги подкатится — упадет холоп. Не вытерпел он да как ругнет чертей: «Отойдите, говорит, вы от меня, проклятые!» Не успел он выговорить, вдруг его назад отбросило.

Делать нечего, поднялся опять холоп, пошел, видит: опять на прежнем месте блестит цветок. Опять его останавливают, опять дергают, он и знать не хочет, идет себе, не оглянется, ни словечка не скажет, не перекрестится, а сзади его такие-то строют чудеса, что страшно подумать. Холоп и знать ничего не хочет, подошел к цветку, нагнулся, ухватил его за стебелек, рванул, глядь: вместо цветка у черта рог оторвал, а цветок все растет по-прежнему и на прежнем месте. Застонал черт на весь лес. Не вытерпел холоп да как плюнет ему в рожу! «Тьфу ты, чертова харя!» Не успел он проговорить, вдруг его опять отбросило за лес. Убился больно, да делать нечего.

Вот он опять встал, идет опять в лес, и опять по-прежнему блестит цветок на прежнем месте. Опять его останавливают, дергают, терпит холоп. Тихонько подполз к цветку и сорвал его. Пустился со цветком домой бежать и боль забыл. Уж на какие хитрости ни подымались черти — ничего, холоп бежит и думать об этом забыл, раз десять упал до дому.

Подходит домой, вдруг барин выходит из калитки, ругает холопа на чем свет стоит. «Алешка! Где ты, подлец, был? Как ты смел без спросу уйти?» Струсил холоп: злой был барин у него, да и вышел с палкой. Повинился: «Виноват, говорит, за цветком ходил, клад достать». Пуще прежнего барин озлился. «Я тебе, говорит, дам за цветком ходить. Я тебя ждал, ждал! Подай мне цветок: клад найдем, вместе разделим». Обрадовался холоп, что барин хочет клад вместе разделить, подал цветок, и вдруг барин провалился сквозь землю, цветка не стало, и петухи запели.

Остался один холоп, поглядел, поглядел кругом себя, заплакал бедняга и побрел домой. Приходит домой, глядит, а барин спит по-прежнему. Потужил, потужил холоп, да так и остался ни при чем, лишь только с побоями.

140. МЕДВЕДЬ И БАБА

Не знаю, как и сказать-то — не то правда, не то нет: слышала от старых людей, будто медведь когда-то человеком был и будто уж очень в чем-то нагрешил, и за это Бог взял да и обернул его медведем (превратил в медведя). А было в давнее время, когда еще Адам жил... Адам, а может, еще кто-то другой. Я этих делов не знаю, а только слышала — старые люди так рассказывали. Вот и обернул его Бог медведем и стал он (медведь) жить, и пошли с той поры разводиться медведи на свете. Стало быть, и медведица была, а иначе, как же? А откуда они взялись, не знаю. Что не знаю, то не знаю.

Только рассказывают, будто один медведь с бабой три месяца жил и будто баба от него затяжелела и потом уродца родила. (Еще при помещиках было).

Вот эта баба пошла в лес по грибы. И как пришла в лес, тут медведь и ухватил ее, и не стал он ее ни рвать, ни кусать, а взял в охапку и отнес в свою мерлогу (берлогу). А в мерлоге у него трава сухая постлана. Вот он посадил ее на эту траву, а сам ушел. После того вернулся и соты медовые принес и подает ей эти соты самые, а сам мурчит, дескать, ешь!

Ну, что тут делать бедной бабе? Плачь — не плачь — слезами не поможешь, а надо есть. Вот и стала она есть, а он смотрит и все мурчит. И как она поела, он возьми и повали ее. Повалил и сам лег и давай ее обнимать. Ну, не анафема ли? Ишь, что удумал! Ну, обнимался, обнимался... А баба ничего. Да и что поделаешь? Начни супротивничать, он тебя живо заделает; когти у него какие — длинные, вострые... Баба и не супротивничала. Вот он и стал жить с ней, и все медом кормил ее.

Потом сама баба рассказывала:

— Надоел же мне этот мед — и глаза бы не глядели (на него). Вот,— говорит,— раз я осерчалась и говорю: «Что ты все медом пичкаешь меня? Ты бы, говорю, хлебца принес». Со злости, говорю, сказала, думала, не поймет он, а он,— говорит,— замурчал, замурчал и башкой эдак закивал, дескать, принесу. И что ж,— говорит,— скажешь? Ведь принес, целый каравай припер! А где,— говорит,— взял, не знаю... Ну, понятно,— говорит,— украл. Не на базаре же купил! И все,— говорит,— понимал, только говорить по-нашему не умеет. Тут-то,— говорит,— я и стала ему приказывать. Чего,— говорит,— прикажу, то и принесет.

И приносил он ей и яблоков, и груш, а больше всего — меду. Может, сколько из-за этого меду, проклятая сила, пчельников разорил. А воду потом (ртом) носил. Понятно, противно было пить из евойного рота (рта),

Медведь и крестьянка. Первая треть XIX в. Гравюра. Раскрашена. Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Коллекция М. Погодина (Лубок. Русские народные картинки 17—19 вв., илл. 91, Л., 1984)

а что поделаешь? Не умирать же было человеку без воды. Ну, и пила она воду из евойного рта.

И прожила она с ним в мерлоге три месяца... Только видит — стала тяжелая и думает себе: «Шутки, говорит, плохие: придет время рожать, что я тут стану делать?» И надумала убежать. А как убежишь, ежели он, как уходил, вход (в берлогу) деревом заваливал: вырвал такое дерево с корнем и, как пойдет на добычу, возьмет и завалит вход. Опасался, значит, как бы не ушла.

Ну, как он ни заваливал, а все же она перехитрила его. И, как он ушел, она отодвинула дерево и вылезла наружу. Смотрит, не видит его, перекрестилась и давай бог ноги! Как пошла чесать, как пошла, ажно (аж) пятки засверкали. Бежит и боится, как бы с ним (медведем) не встретиться. Ну, дал Бог, все по-хорошему вышло. Прибежала в деревню и прямо в свою избу идет, а сама вся оборванная, грязная.

А муж ейный, как пропала, искал ее в лесу и в деревне. И не знает, куда она девалась. И день нет ее, и два, и три... Вот он и пошел к своему барину, помещику. «Так и так, говорит, жена пропала». А барин бедовый был, как принялся его ругать: «Ах,— говорит,— такой-сякой, ты,— говорит,— не муж, а растрепай, жену проворонил!» И приказал отстегать его розгами. А только напрасно, потому что человек нисколько в этом деле не виноват. Ну, конечно, господская власть была — что хотели, то и делали с народом.

А как пришла баба в избу, мужик и не знает, что делать: не то радоваться, не то бить ее. И народ тут собрался, и стали спрашивать, где была, где пропадала? (Она говорит:) «Меня медведь в мерлугу унес».— И рассказала, как жила с медведем, как тяжелая от него стала. А народ не верит: «Нешто,— говорит,— возможно это?» И муж тоже не верит: «Ты,— говорит,— все врешь. Шаталась,— говорит,— невесть где, нагуляла брюхо — тут и муж понадобился». И хотел, было, ее бить, да старики не дали. «Ты,— говорят,— к барину ее веди, как он рассудит, так и будет». Он и не стал бить.

А было уже поздно, темно стало. Он и не повел ее к барину, до утра отложил. И как остались они вдвоем в избе, она и принялась за приборку. Известно, без жены какое хозяйство? Никакого порядка нету. Убирает, только слышит: кто-то дверь со двора царапает и мурчит. Мужик хотел было отворить, а баба не велит: «Боже,— говорит,— тебя сохрани и помилуй отворять. Это он за мной пришел. А ты,— говорит,— возьми топор, стань у двери, а я стану в окно кричать». Он и взял топор, стал у двери, а она отворила окно, давай кричать. Слышит народ крик, давай сбегаться. А

медведь испугался, в лес убежал. Тут мужик и поверил, что она с медведем жила, и народ поверил.

Вот утром повел ее мужик к барину. Привел, а барин начни ее ругать: «Ах ты,— говорит,— такая-сякая, потаскуха». А она плачет. «Я,— говорит,— с медведем три месяца жила и от него тяжелая стала». А барин опять заругался: «Ты,— говорит,— врешь». Тут и мужик вступился (за нее). «Это,— говорит,— она истинно рассказывает: вечор медведь приходил за ней, и я,— говорит,— видел его, и народ видел». Барин и говорит: «Ежели так, то медведя надо убить, а такого,— говорит,— беззаконства, чтобы бабе с медведем жить, нельзя допускать».

И собрал народ, взял ружье, пошел в лес медведя искать. И баба пошла. «Вот,— говорит,— этой самой тропой нес он меня в мерлогу». И привела барина к мерлоге.

Медведь вскочил, а барин выстрелил из ружья и убил его. Мужики содрали шкуру (с медведя), а барин говорит: «Ты, баба, живи: посмотрим, кого родишь — человека или медведя».

Вот баба и живет, и как пришла пора рожать, родила мальчишку-уродца: лицо человечье, а руки, ноги — медвежьи и уши тоже медвежьи, и весь он шерстью оброс. Мужики хотели было топором его пристукнуть, да барин заругался: «Не смейте,— говорит,— дураки, я его на показ к царю поведу и бабу тоже, только,— говорит,— спервоначалу окрестить его надо».

Понесли его (мальчишку) крестить, а батюшка ругается: «Да вы,— говорит,— никак ополоумели или с ума сошли: разве же можно чертенка крестить. Да я,— говорит,— и четвертного билета с вас не возьму». А ему говорят: «Да это, батюшка, не чертенок, а это баба с медведем прижила». А он только рукой машет. «Уходите,— говорит,— Христа ради с глаз долой поскорее». Ну, понятно, боялся, как бы чего не вышло.

Ну, они, которые пошли крестить, и пошли. Приходят к барину и говорят: «Не хочет батюшка крестить. Я, говорит, и четвертного билета с вас не возьму». А барин говорит: «Ежели не хочет, значит, такое правило. Повезем и некрещеного».

Вот он и повез мальчишку и бабу к царю. А баба испугалась и плачет, думает, царь засудит ее. А барин ругается: «Ты,— говорит,— дурища, не реви, на меня надейся — я все дело обделаю». Баба и не стала плакать. Ну, а все же боязно.

Вот и приезжают к царю.

— Да это,— говорит,— чертенок! Вот какие бабы в моем царстве живут — чертей рожают!

А баба говорит:

— А это, Ваше царское благородие, не черт, а это,— говорит,— я с медведем прижила. Я,— говорит,— с ним три месяца жила в мерлоге, жила и заместо жены ему была. Вот от этого и мальчишка такой родился.

— Как это,— говорит,— возможно, чтобы баба с медведем жила? Ведь он задерет.

А помещик, бабин барин, говорит: «Это верно, что она рассказала. Я и медведя того застрелил». И рассказал, как это дело случилось. Тут царь и генералы очень удивились. Царь спрашивает: «Окрещен ли мальчишка?» Барин и говорит: «Нет, не окрещен. Понесли,— говорит,— к нашему батюшке крестить, а он ругается: разве, говорит, можно чертенка крестить, я, говорит, и четвертного билета с вас не возьму». Царь и спрашивает генералов: «Как же быть? Нельзя же,— говорит,— мальчишку некрещеным оставить — за это будет грех большой». А генералы говорят: «Надо архирея спросить — он это дело знает».

Поскакал царь за архиереем. Приходит архирей с крестом (в руке). Посмотрел на мальчишку и говорит:

— Нешто это человек? Это чертенок! А такого,— говорит,— правила нет, чтобы чертенят крестить.

А царь говорит:

— Да это вовсе не чертенок, а это баба с медведем прижила.— И всю эту протешествию (происшествие) рассказал.

Только архиерей не соглашается крестить: «Кто,— говорит,— знает, что из него выйдет. Может, анчихрист (антихрист)». Тут царь и стал думать.

— Как же,— говорит,— быть. Ведь по правилам нельзя допускать, чтобы в моем царстве антихристы разводились.

А генералы говорят:

— Одно остается: взять поганое ружье и застрелить его (мальчишку).

Только доктора на это не согласны:

— Не надо,— говорят,— стрелять, а посадить его в банку со спиртом.

Царь и говорит:

— Так и так, посадите его в банку: пусть народ смотрит и удивляется, какие диковины в моем царстве водятся.

Доктора взяли и посадили его (мальчишку) в банку, а он мал-мал, а тоже понимает, что конец ему пришел: упирается, мурчит. Ну, как ни упирался, а засадили-таки. А баба плачет: хоть не настоящий человек (мальчишка), а все же свое дитя — жаль. Архирей принялся ее ругать:

— Ты чего,— говорит,— разревелась? На тебя,— говорит,— надо заклятие наложить, чтобы ты не занималась такими делами — не сродилась бы с медведями.

Только царь заступился за бабу:

— А чем,— говорит,— бедная женщина виновата? Ежели бы,— говорит,— она по своей воле сошлась с медведем, тогда другое дело, а то ведь он ее утащил... Может, женщина своей жизни не рада была.

Ну, архирею и сказать нечего.

После того царь взял и выдал бабе сто рублей, а барину — золотую медаль, чтобы завсегда на груди носил.

А этот уродец и поднесь в банке сидит. Приходи, смотри, кто хочет, только вперед 20 копеек заплати.

141. ЖАДНЫЙ ПОП

Вот был в нашей церкви городищенской старый священник. Богатый, звали его отец Иван. И вот, бывалыча, какие поминки, какие-либо крестины, так приглашали его. Или же свадьба. И он будет сидеть и все из сахарницы воровать и в карман класть. Он вроде как берет, а не ворует. И пойдет без стеснения-то бывало и все спрашивает: «Вы уж как? Нет, нас не забудьте». И вот набрал такую большую мзду денег: пуда два мелочи было и пуд серебра было и потом вот уж бумажки, не считается. Когда он помер, приглашали людей считать деньги, прихожан. Было у нас три деревни, и эти прихожане вот считали деньги и сказывали нам, что уж было очень страшно. Когда он помер-то, он в гробу-то лежал черный весь, вот как клеенка (показывает на черную клеенку на столе). Ведь показал бог, что таким людям и помереть просто нельзя. Такой уж предатель был. И за вынос, бывало, и за крестины, и уж за что назначал самое малое — рублей пятнадцать или двадцать, а тем тридцать и дороже. Ну вот, когда помер-то он, хоронить стали, читали в гробе-то — невозможно было читать. Как 12 часов ночи, его рвут черти, разрывают человека на части. Читать невозможно было.

142. [ПРО ОВЦУ]

Пад Новай гот так ане [девушки] чудили-чудили, гаварят: «Дефьти, падёмти, гаварит, на авец хресты надевать в авшаник». Ну там пашли, надели на авец хресты. Надемши, пришли в избу. Ну, завели разгавор: на какую хто надел. Та гаварит: «Я, гаварит, на камолаю надела». Там, можит, дефки три, че-

тыри всё гаварят: «На камолаю я надела». Ну а дефка адна и гаварит: «А ты што жа малчишь? На какую ты надела?» — «А я, гат, на таку на рагастую». А хазяйка гаварит: «Да што, гат, глупая, у мине и авец-та рагастых нету». Ну, дела прадалжали да утрива,— хресты сымать. Ну, стали па утру, пашли сымать хресты, а эта дефка нийдет, баитца. Ну, все сняли хресты, а рагастая авца стаит, гаварит: «Што-ш,— гаварит,— нейдет с миня-та сымать?» Да, можит, и дня два ни хадила она сымать. Стала хазяйти спакою эта афца ни давать. Сбиралса нарот, хатели офцу эту убить. Ана народу гаварит: «Ни бейти вы миня; вы миня ничем ни убьёти: ни ножиком ни зарежити, ни тапаром ни зарубити, ни ружьем ни убьёти, а вилити дефти с миня хрест [снять], я и сама уйду». Два дня малетствали (так!), и се сваё гаварит: «Отдайти мне дефку». Духомнай атец разрешил, дефку эту испаведывал, причястил, дефку эту баславил. Афца и гаварит: «Народ вы праваславнай, я и биз битья уйду таперя». Дефка пашла — той жа минутай ни афцы, ни дефки нет.

Ну вот, я гаварю: ис-чиво-ради ане пашли христы надивать? Грехи их самустили!

143. <КАК ПАРЕНЬ СВАТАЛСЯ> Один молодец не мог сосвататься. Товарищи ему и говорят на святках: «Будем ворожить». Пошли они слушать в пустую избу. Вдруг из подполья выходят три девицы. Молодцы — бежать. Жених попал сзади. Одна девица ухватила его и говорит: «Не убегай, я твоя суженая! Приезжай свататься ко мне». Назначила день, когда приехать. Будущий тесть велел запасти две сорокоухи водки и свадьбу снарядить посеред ограды. Так жених все и сделал.

Собрали народ, поднялась сильная погода, явился будущий тесть. Дал он дочери много приданого — злата и серебра, а зятя подарил енотовой шубой и при этом сказал: «Как будешь с ней в церкви, подойдет к тебе купец и будет шубу признавать, то ты в это время вспомни про меня». А шуба-то была купеческая: поднимался с ней купец в гору, сделалось ему тяжко, он сбросил ее с плеч и сказал: «Чтоб тя черт утащил!» А он и утащил ее.

Пошел зять в енотовой шубе в церковь. Там купец и признал свою шубу и говорит: «Это шуба моя!» Тот сейчас вспомнил своего тестя, и он сейчас же и явился перед ними и говорит купцу: «Ведь шуба твоя была и дочь твоя была!» Как была шуба проклята, так и дочь была проклята у купца.

144. ПРО ЧЕРТА

1. У нас есть такие места... что и шестом не достанешь, и неизвестно, кем они прорыты. Там они и гогочут: днем полдневный черт, а ночью — полночный. А то раз такой был случай: караулили мы лошадей, ночью развели огонь, да на *его*, верно, месте. В полночь он вдруг весь огонь в охапку схватил и поднял. Самого-то видно не было, а все ветром. Так ничего на этом месте и не осталось. Чертово место было.

2.

Плохи у нас лошади-то из-за корму. Пошел дедушка к цыгану поворожить. Тот и говорит: «*Чужой* у тебя сидит. Давай ковригу хлеба фунтов 15 да ниток клубок». Нитки он намотал на руку, разрезал пополам и положил на хлеб крест-накрест,— и давай эти нитки ни с того, ни с сего плясать по хлебу! «Вот,— говорит цыган,— так и кони твои будут плясать. Давай,— говорит,— пятирублевку, а не то и со двора потащит». Дали 5 рублей, да хлеб он захватил. Лошади, надо сказать, точно поправились, только не скоро.

3.

Плохо стояла скотина на дворе. Стали просить цыганку помочь. «Э, у вас *чужой* живет! — говорит она: — Дайте мне платок да два яйца». Положили яйца в ковшик, заходила по двору, читая божественные молитвы. Потом приходит в избу и говорит: «Ну, молодуха, бей яйца!» — «Боюсь»,— говорю. Она сама разбила, разделила скорлупки надвое, а в каждом яйце по чертику: и ножки, и рожки, а сам пищит: ростом с мышь и в шерсти. Говорит мне цыганка: «Накорми их, а я понесу в поле и пущу». Испугалась я, чтобы еще хуже бы не было, дала им всего — и масло, и яиц, и молока, и отпустила. «Неси,— говорю,— матушка, только не тряси!»

4.

Пошел свекор к обедне на Крещенье. Идет с обедни, встречается с чертом. А он совсем как человек был. Черт и говорит: «Поди ко мне!» — «Пойдем»,— отвечает свекор. Привел он свекра к кривому месту и говорит: «Полезай на печку!» — «А где же печь?» А он толкает свекра к реке. Свекор и ну креститься да молиться, а черт и говорит: «А, догадался, ста-

рый! Возьми же гостинцы детям». И насовал в рукава и под полу чего-то. Дотащился свекор домой уже поздно ночью, рассказывает, что с ним было, сам плачет и дрожит от холоду: под полой-то и в рукавах снег был. В это время в избе гул пошел: ву-у-у! Это он сердился, треклятый.

5.

Вот поедут за сеном, а сзади на лошади или на паре шишиги следом едут, свои песни поют. Молитвы сотворят — они исчезнут.

6.

В Кушовицах приходили к кузнецу ночью, попросили подковать лошадь. Он пошел, разжег горн, а подносит подкову, а нога — человечья, и только хохочет: «А-ха-ха». И все исчезло. Кузнец пришел домой и ни слова. Так с тех пор онемел.

7.

Один раз устроили домовник. Сидим. Селянок нажарили, ветчины, картошек. Вдруг кто-то говорит: «Хоть бы *шутенята* пришли». Вот и входят трое красивых ребят. Сели на лавочку, выжидают, смеются. А одна девушка заметила, что у них хвосты торчат. Она влезла на нашесть, чтобы ее не тронули. А все остальные разбежались. Тут петушок пропел, и шутенята исчезли. А девушки так и не стало: задушили.

8.

Вот, говорят, повадился один черт пугать добрых людей и девок разных молодых. Вот как вечер, он идет. А он оборотится, ну, парнем-молодцем и идет. Девки соберутся, поют, гуляют вечерами-то. А парней у их мало, из других деревень приходят погулять. И этот. А где разберешь: человек он или черт? Девкам бы повеселиться. Вот он придет, выберет которую и с той уж до полночи. Вот тут же вечер, вечерка, девки и парни все нарядны. Раньше на вечерках и знакомились до свадьбы... Вот он, с которой любезничает, после ее провожать идет. А ее дома ждут, ждут. Нету девки никак. А утром за деревней найдут, она как обмороченная вся, ничего не помнит, а только: «Черт! Черт!» А как опять вечерка — опять одна девка пропадает. После находят ее, и она тоже: «Черт! Черт!» Вот собрались и надумали, чтобы никого не выпускать после 12 часов.

И вот опять вечерка, девки собрались, а каждая боится: «Только бы не со мной!» А одна, бойкая такая, говорит: «Я не боюсь».— «Да как же ты не боишься, ведь он черт и утащит тебя к себе».— «А я не боюсь его». Вот парни стали приходить. А как узнать-то? А он тоже пришел и к той девке — любезничать. Она с им говорит, а сама взяла и один раз перекрестила. Он ну как передернулся весь. Вот сидят дальше, а все веселятся. Уже скоро 12 часов будет. Она его опять так незаметно перекрестила — он опять передернулся. И говорит ей: «Не делай этого». А она опять. Тут полночь. Он как закрутился на месте и к ней: «Догадалась!» А все видят: это черт самый настоящий. А она кричит: «Черт! Черт!» Тут он ее схватил и задушил. И все, больше с тех пор черт не приходил.

145. ПРО ДОМОВОГО

1. Один мужик жил в Москве у барина, и на него навалился домовой. Вот два раза навалился, на третий раз ему посоветовали спросить у домового: к худу или к добру. Вот это мужик <лег спать> и спросил на третий раз, к худу или к добру, у домового, а домовой как зашепчет: «К добру, к добру, к добру!» Мужик испугался и побег к барину и рассказал ему все, а барин сказал: «Это у тебя кровь остановилась». Мужик лег у барина в комнате. И вскоре барин умер и отдал мужику много одежи.

Через несколько месяцев домовой стал опять душить мужика. Два раза мужик у домового ничего не спрашивал, на третий раз, когда он заснул, домовой навалился на него и стал душить. Мужик только хотел спросить у домового: к худу или к добру, а домовой уже и шепчет: «К худу, к худу, к худу». Вскоре этот мужик заболел и умер.

2.

Я тебе так скажу: всех надо уважать — и человека, и домового, и лешего... А явится еще кто, так и его. Раз это тебе привидилось, выходит, что природа с тобой на «ты». Вот это каждый человек ценить должен. Вот к тебе придет хозяин, дедушко-домовой, а ты и не пужайся, ты спроси: «К чему это?» Он обязательно ответит, а ты после подумаешь: верно он сказал?

Все так и стало. Вот у нас сыну жениться, свадьбу справить хорошую надумали, все закупили. А мне вот как-то ну не спится. И вдруг слышу: мяучит сначала кто, как кошка какая. А у нас кошку как раз намедни задавило машиной. А здесь мяучит и все. Что это? Вдруг чувствую, как

рукой мне по груди провел кто, потом еще раз. А рука большая, как меховая... Я спросила: «К чему?» Он как тяжело-то выдохнул: «У-у-у...» Я просунулась, а никого нет. Вдруг он, хозяин, и приходит. А сынок женился, ему потом сразу в армию. Он в этом Афганистане и погиб... Вот меня домовой предупредил как.

146. О ЛЕШИХ

1. Пошли под Рождество к заутрене, и Танюшка с нами. Вышли, видим, точно фонари несут, мы за ними, в лес; нас по лесу водило, водило. «Сядем!» — «Замерзнем!» Вышли из лесу: жеребенок, волк ли перед нами, испугались, а идем; и вдруг пропал. Пришли, а уж заутреня кончилась.

2.

По лесу водит, жеребенком кричит, стращает. И от дому отводит, идешь — близко, а отведет далеко.

3.

В деревне, рядом с нашей, в которой я жил, одному крестьянину понадобилась ось. Он пошел в лес, срубил в лесу дерево, годное для оси и <уже вечером> пошел домой. Крестьянину нужно было идти мелким лесом, лес состоял из небольших деревьев и кустов. И вот видит крестьянин, что идет леший выше кустов, сам пляшет, свищет, пальцы длинные, голова лохматая. Крестьянин испугался, бросил дерево и стал креститься, а леший все шел да плясал. Крестьянин дошел до пересечения дорог, а уже стало темно. Крестьянин все крестился, а леший дошел до перекрестка, захлопал в ладоши и сказал: «А, догадался!» Крестьянин насилу доплелся до дому и лег в постель и проболел месяца два.

4.

Отец и мать поехали в лес. Заехали в чащу. Отец кричит: «Семен! Ты где?» — соседа зовет. В ответ крик: «Я здесь! Сюда езжайте!» Ехали, ехали. Мать перекрестилась, и заржал он — лесник, лесовой. Сразу домой приехали, а сосед дома.

5.

Мама шла по проселку с братиком (брат извозничал). Вдруг выходит высокий мужчина из оврага, прямо с елку ростом. Только овраг перешел и свернул в лес и захохотал — иней посыпался. Она шла — все богу молилась.

6.

Другой раз шли в том же месте, где мужчина был. Женщина выходит. Зима, а она вяжет — только спицы стучат. «Мама, мама! Смотри»,— брат шепчет. А она только молится.

7.

Иногда лесовой приходил к отцу. Кричит: «О-го-го-го!» Когда по-хорошему с ним разговаривают, тогда целую торбу рыбы принесет. А если обругают его, тогда насмеется — полную торбу лягушек принесет.

Иногда лошади косу заплетал — грива у нее вся и завьется, как заплетенная.

8.

У меня был прадедушка божественный человек. Он пошел в Пышлицу на Михайлов день, а время — припоздал. А там — шаткое место. Едут на лошади и говорят ему: «Садись!» Он оглянулся и говорит: «Господи, благослови!» — и оказался на снегу, на дороге.

9.

Один охотник пошел охотиться на островок, который назывался Семикин Корь. Он поджидал дичь и вдруг увидел ниточку. Он ее взял и стал мотать в клубок. Он очень долго ее наматывал, но нитка все не кончалась. Он, вероятно, догадался, что здесь что-то нечисто, и бросился бежать. Сзади до него — хохот.

10.

Один мужчина пригласил гостей на праздник и пошел на базар что-нибудь купить. Ему нужны были валенки. На базаре он увидел, что их продавали. Он купил и пошел домой. А сзади кто-то невидимый шел и спрашивает, нет ли у него работы. Он пришел домой, гости уже собрались. Не-

видимый продолжал спрашивать одно и то же. Мужчина не вытерпел и стал ругаться. Гости удивились и спросили, в чем дело. А он им все рассказал. Тогда одна бабушка сказала, чтобы он вернул продавцу валенки и чтоб бросил назад деньги. Он так и сделал, невидимый больше ничего не спрашивал.

147. О ВОДЯНЫХ И РУСАЛКАХ

1. Видели черта в реке в полдень: голова круглая, черная, глаза навыкате, рогов не видать. И показывался все в одном месте. Раз закинули туда сачок — изорвался.

О водяных, вертящих колеса на мельнице, говорят, что они «в свою шарманку играют».

2.

Старик охотник русалок видел. Дождь пошел — русалки из пруда вылезли, в ладоши хлопают, волосы до колен.

3.

В реке был камень, широкий, с избу. Один раз папаша спускался с горы. Вдруг видит — девушка сидит нагишом с нему спиной, коса долгая. Он хотел к ней подойти, но не дошел, окликнул. А она — ах — и в волнах.

4.

Раньше говорили, что русалки выходили в рожь. При встрече с человеком они щекотали его.

148. ПРО ОВИННИКА

Давно уже было, лет 60 назад. Здесь был старшина в волостном управлении. Он повесился. У Палёновых бабушка топила овин. Она пошла рано, а по этому полю что-то ездит кругом, кругом. Она думает: «Гляди, это на старшине черти катаются». Подъехали к овину, стукнули ногами, два бревна выпали.

149. КОЛДУНЬЯ

Жили-были две сестры, одна бедная, другая богатая. Вот умирает богатая и говорит: «Вот, говорит, сестра! Я оставляю тебе дом, как я умру, будешь ли ты сидеть надо мной?» — «Буду»,— говорит. «Ну, говорит, смотри, что я ни буду делать, ты все сиди». Вот умерла эта богатая сестра, а она была колдунья. Ей (бедной) надо сидеть ночью. Вот села она на первую ночь. Вдруг в 12 часов встает она (колдунья) из гроба. «Сестра! Ты сидишь?» — «Сижу»,— говорит. «Ну, сиди!» Потом опять говорит: «Сестра, ты сидишь?» — «Сижу»,— говорит. «Ну, сиди!» Потом опять говорит: «Сестра, ты сидишь?» — «Сижу»,— говорит. Петух и запел, она (колдунья) и пала ничком. Приходит бедная сестра к батюшке: «Вот, говорит, какие дела делаются».— «Ничего, говорит, вот я тебя благословлю и дам тебе петуха, ночью и сядь на печку».

Вот села она на вторую ночь. В 12 часов встает эта колдунья из гроба. «Сестра, ты сидишь?» — «Сижу»,— говорит. Вот колдунья пошла ее искать. «Сестра, ты сидишь?» — «Сижу»,— говорит. Вот подходит она (колдунья) к печке. «Сестра, ты сидишь?» — «Сижу»,— говорит. Как она (колдунья) за жердочку ухватилась, чтоб на печку влезть, петух увидал ее и запел. Она и упала. Приходит бедная сестра к батюшке. «Нет, говорит, батюшка, очень страшно, я лучше от именья откажусь».— «Ничего, говорит, ты поди сядь в хлев, на жердь, где куры сидят». Вот она пошла на третью ночь, села. В 12 часов встает эта колдунья, идет туда, в хлев. «Сестра, ты сидишь?» — «Сижу»,— говорит. «Ну, сиди!» А сама лезет, чтоб ее ухватить. «Сестра, ты сидишь?».— «Сижу»,— говорит. «Ну, сиди!» А сама хотела ее схватить, да и поймала петуха, он и запел. Она и упала. Когда петух запел, тогда никто (нечистый) не смеет. Сестра эта бедная и завладела всем именьем.

150. О КОЛДУНАХ

1. Раз гуляли молодые люди по деревне вечером, и вдруг идет свинья, уши у нее висят, как тряпки, хвост тоже тряпошный. Ребята хотели у нее хвост отрезать, глядят — уж ее нет, только лишь какой-то красенький платочек покатился. Они — за платком, догнали его, хотели взять и глядят: ведро катится. Схватили они ведро, а он у них вырвался, и уж бежит петух, а он пропел «кукареку» и пропал.

2.

Жил муж и жена, у жены была мать. Эта мать была колдунья, но они про это не знали. Как они садятся обедать, так матери нет и нет, лишь только какой-то черненький щенок на завалинке лежит. Вот раз муж и говорит: «Давай этому щенку лапу отрубим, что он нам надоел». А жена и говорит: «Ну что ж, мне-то что, только я рубить не стану». Муж взял топор и отрубил лапу. На другой день приходит мать без руки, тут они догадались, что она колдунья.

3.

Вот один раз шла партия мужиков по дороге. Идут, а им навстречу свинья. Мужики испугались, но один нашелся с ножом, смелый. Подбежал к свинье и отрезал ей ухо. На другое утро пришли в деревню, в один дом зашли, смотрят: старуха сидит с окровавленной и отрезанной ухой.

4.

Колдунов боятся. И раньше боялись. Они даже свадьбу могут испортить. Тут был один. Он пришел на свадьбу. А мать жениха: «Зачем пришел? Ты кто такой?» А он: «Волчиха, и родня твоя волки!» Они все волками из дома — и в лес... После прибегают. «Что,— говорит,— волки?» — «Волки».— «Ладно». Вот как проучил.

5.

Вот, говорят, колдуны и родные бывают, отец ли, мать...

Его отец не хотел, чтоб женился. А невеста с дитем уж, пузо-то видно. А она девушка такая тихая, скромная. Они со школы еще сошлися. И вот свадьба. Народу собралось! Они красивые, нарядные... Вот. А отец (они в церковь входили уж) меж их насквозь прошел. Это кто меж жениха и невесты (пройдет), они уж не заживут. Вот и все. Они пожили немножко, не зажилось им... Отец родной наколдовал.

6.

Что ты, дитятко, у нас как портили, как портили! На свадьбах было. Много чего делали. Ты молоденька еще. Замуж будешь выходить (ты в городе живешь?), вот, где в доме у тебя старушка есть подозрительная, тебе

ее позвать надо будет. Раньше в деревне таких старушек звали. Обязательно надо.

Вот у нас была свадьба. Какая краси-и-вая невеста! И жених! А вот мать ее не знала. Одну старушку хотела прогнать: «Уходите! Уходите!» Та бабушка разобиделась. Может, она ничего и не сделала (бы) ей, а как прогонять стали — обиделась. «Тьфу-тьфу» — ей на платье. Ой-ой! Мать: «Ты чего?» — «Детей чтоб не было!» Во-от. Это она невесте сделала. Детей и не было. Вот чего колдунья сделала. Это колдунья была.

7.

Была одна колдунья, бабушка одна. Я помню. Мы с подружкой гуляем, а она за нами. Мы через дом — а она и появится. Нет никого, идем, а оглянемся — она вдруг появится за нами. А подруга была хитрая. Много знала. Она говорит мне: «Давай поставим ухват, она и уйдет». У нас у печи ухват стоял. Вот бабушка эта к нам — и сидит в избе. А мы ухват перевернули вверх рожками и смотрим. А бабка сидит, не уйдет никак — встать не может. Мать пришла: «Вы чего удумали?» Мы перевернули, колдунья тогда и ушла.

8.

Раньше, люди говорили, и колдуны были. Я только по слухам все, не видала. Вот они (колдуны) умирают когда, отдают свое: «Возьми! Возьми!» А как взять? Будешь такой же: колдун же. И не взять страшно. Они мучаются, кричат. Вот и уходят, чтобы не слушать их. В это время, когда они умирают, шар в избе летает. Надо выпустить его из избы: открыть доску на крыше.

151. О ЛЕТАЮЩЕМ ЗМЕЕ

В селе Крюково после смерти мужа Волоевой прилетал змей. На доме рассыпался. Потом принимал вид человека (мужа). Приносил ей гостинец. Остальные присутствующие его не слышали и не видели, а она с ним разговаривала. Потом он пропал, и вместо гостинцев остался кирпич или камень. Она вскоре заболела и умерла.

152. О ЯВЛЕННЫХ МЕРТВЕЦАХ

...Мы маленькие были, пошли на родник (у нас родник тут)... Пошли до воды. Трое нас было, три сестры... Идем оттудова, и вдруг там — вот со стороны Стогова — три рыбины летели к нам красные: побольше, поменьше и поменьше. А сестра моя, она умела «Отче» (молитву) читать. Она ее прочитала, и они улетели.

А потом вот здесь, это уже моя сестра умерла, вот перед смертью еще сын у ней умер, застрелился. И вот он к ней ходил. Он вот ходил не так давно... Вот птица такая, ясная, ясная, как серебряная, подлетает к этому дому, а потом она в 2—3 часа разворачивается и опять улетает. Перед тем, как сестре умереть, на дороге красный пятачок, как пять копеек, красный-красный. Она говорит: «Кто-то сунул папиросину. Я,— говорит,— щас возьму ее». Цоп руками-то, опять цопнула, опять... А когда уходит, она опять лежит. Это на самом деле было. Потом молитву прочитали, и она исчезла. И после этого за месяц сестра умерла. Мои родители приходили рыбой, а вот сын, он неженатый был, он птицей оборачивался... И крысы заводились. Говорят, когда крыс появляется много, тоже выживают человека.

2.

Вот в этом доме тоже отец умер, а дочь очень плакала по нему. Он ей носил даже конфеты, пряники такие в обертках, такие красивые. Вот она никому ничего не говорила. Как только 9 часов, она прямо спать ложилася. А наутро она как-то встала и говорит: «Мам, тятя приносил конфеты мне и печенье». А когда полезла под подушку (это на самом деле было), только «зайцы» — голяшки заячьи. Она их ела. Потом пошла она в церковь, и батюшка ее отчитал. «Он» пришел в этот вечер, между рам как поленом кинет! «А,— говорит,— догадалась!» И больше не ходил.

153. <О СУДЬБЕ>

Вот, у каждого своя судьба и свой срок. Стары люди все это знали, это мы уж ничего не знаем, а стары — те знали.

Моему дяде знак был. Дядя Вася вот как помер. Мы во время войны в Волоколамском районе жили, в деревне. Вот легли они спать с тетей Ма-

шей, а в окно кто-то и постучи. Он встал — видит: за окном мужик стоит. Он вышел, мужик-то и говорит: «Пойдем». Ну, он пошел. Идут. Привел его к реке (у нас Лама река) и говорит: «Ну, переведи меня».— «Да как? Вода ведь!» — ни моста, ни лодки. А он и пропал. Пришел домой, тетя Маша услышала — «Ты где был?» Ну, он сказал ей.— «Небось, в кладовочку (за вином) ходил?» А стары люди — они все это понимали и сказали: «Это тебе знак был». Так через год, как раз осенью — а Волоколамский район бомбили, везде ямы — он вышел покурить, фуфаечку надел, шапку. А нет и нет. И нашли — в воронке: оступился и утонул, считай, в ложке воды утонул! Вот ему видение-то и было. А было ему уж за 80.

А племянник его в 19 лет умер. И ведь на войне сколько-то был, и раненый был, а все же убили. Бабушки-то еще раньше матери его сказали: «Степан-то твой — не жилец, у него глаза пустые». Они уж все знали, это мы ничего не понимаем. Вишь, глаза пустые — значит, жизни в них не было. А дядя-то умер на 84 году.

ИЗ СБОРНИКА «СТАРАЯ ПОГУДКА» (1794—1795)

154. СКАЗКА О КАТЕРИНЕ САТЕРИМЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король с королевою; у того короля было три дочери, из которых самая меньшая называлась Катерина Сатерима, которая была прочих сестер своих прекраснее и умнее. Неподалеку же от их королевства жил король, который приехал в их королевство единственно за тем, чтобы посмотреть красоты дочерей сего короля. В один день, прогуливаяся по садам королевским, увидел в оном сидящих королевен, которые, не видав короля, разговаривали между собою. Большая сказала им: «Послушайте, сестрицы! Если бы женился на мне Буржатский король, то бы я его королевство больше распространила».— «Нет, сестрицы,— подхватила середняя сестра,— если бы он на мне женился, то бы в его королевстве весьма славную устроила армию». Катерина же Сатерима, слушая сие, сказала: «Куда вы, сестрицы, глупы! Если бы меня взял за себя Иван-королевич (так он назывался), то я бы ему родила двух сынов по локоть руки в золоте, по колено в серебре, ни каждом волоске по жемчужинке». Король, выслушав все и не показываясь им, возвратился в свой дом и, нимало не мешкав в сем королевстве, отправился в свое.

Несколько спустя вздумал он отправить послов и Каржатское королевство, в котором жила Катерина Сатерима, и просить короля, чтобы он добровольно отдал за него свою меньшую дочь; а когда он сего не сделает, то войною пойдет против него. Король Каржатский, получа грамоту от послов Буржатского королевства, не знал, что делать; и вдруг отписал королю в ответ, что он без всякой ссоры отдает за него свою дочь. Как скоро Буржатский король получил таковой ответ, то, нимало не медля, поехал в то королевство жениться. Сестры Катерины Сатеримы весьма досадывали на нее и старались всеми силами ей за сие отомстить. Потом приехал король Буржатский в Каржатское королевство, где торжественно праздновал бракосочетание. После сего король с своею королевою возвратился в свое королевство, куда и сестры Катерины Сатеримы выпросились у своих родителей.

По прошествии полугодичного времени Буржатский король поехал на войну противу другого короля, который обеспокоивал его многими частыми набегами и разорениями некоторых городов; королева же после его осталась беременною. И как король долгое время находился на войне, то королева и разрешилась без него от бремени двумя сыновьями, по локоть руки в золоте, по колено в серебре, на всяком волоске по жемчужинке. Сестры же ее по прежней злобе отписали королю, своему зятю, что сестра их разрешилась от бремени двумя уродами. Король, получа такое известие, поверил сему и, не желая видеть уродов, послал к верховному своему министру повеление, чтобы он до его приезда жену его с двумя рожденными сынами посадил в бочку, засмолил и пустил бы их по морю. Министр в точности исполнил повеление короля своего, удивился, за что так король вдруг прогневался на свою супругу.

Между тем года три плавали они в бочке, и королевичи росли не по годам, а по часам; и, будучи а совершенных летах, спрашивали у своей матери, из какого они рода и за что посажены в сию бочку. Королева же начала им рассказывать о всем обстоятельно. «Я дочь короля Каржатского и выдана в замужество за короля Буржатского, которому я обещалась родить двух сыновей, что ясных соколов, по локоть руки в золоте, по колено в серебре, на каждом волоске по жемчужинке. И когда король, ваш отец, а мой муж, отъехал на войну, а я осталась беременною после него и родила вас, тогда сестры мои, а ваши родные тетки, отписали к нему, что я родила двух уродов, то король, рассердясь на меня, приказал и с вами посадить в бочку, засмолить и пустить по морю». Рассказывая сие, королева сама проливала горькие слезы. Наконец бочку их принесло к острову, и королевичи, упершись в дно, вышибли оное. Потом, вышед все на остров, состроили себе отменный терем.

По окончании войны король, приехав в свое королевство, вознамерился жениться на середней сестре Катерины Сатеримы и, нимало не медля, совершил оное. Торжество было несказанное. По прошествии некоторого времени вздумалось королю погулять по взморью; и приехав на остров для стреляния неких птиц заморских, остановился и пришел в некоторое изумление, увидя на оном похаживающих двух молодцев, у которых руки по локоть в золоте, по колено ноги в серебре, на всяком волоске по жемчужинке. Не терпя более король и будучи мучим любопытством, подошел к сим молодцам и спрашивал, кто они таковы и зачем здесь гуляют? «Мы дети короля Буржатского,— отвечал один из сих,— и живем здесь с нашею матерью». По сем пересказал подробно всю повесть, каким образом они попались на сей остров. Король, выслушав сие, догадался, что они его родные дети; и просил сих молодцев, чтобы они показали ему свою мать. Они взве-

ли его в терем, и король, увидя свою супругу, прослезился; после чего взял их с собою во дворец всех. Как скоро они приехали, то король приказал нарядить их в драгоценное платье, и стал с ними жить да быть, а сестер обеих Катерины Сатеримы велел повесить на воротах и расстрелять.

155. СКАЗКА О СИЗОМ ОРЛЕ И МАЛЬЧИКЕ

В некотором царстве, в некотором королевстве жил-был старик со старухою; у них было три дочери, а четвертый сын, из коих две большие сестры очень ненавидели своего брата, а меньшая столь горячо его любила, что ни на минуту не могла быть с ним в разлуке. В некоторое время выпросились они все четверо у своих родителей в лес за ягодами; отец и мать отпустили их, только приказали наблюдать меньшого брата, чтобы он не ушибся и не заблудился в лесу. И как они сошли со двора и подходили к лесу, то откуда ни взялся сизый орел, спустился на землю, и, когтями своими схватив брата их, поднявшись в воздух, полетел и вскоре потом пропал из глаз из их. Сестры, видя сие, от страха не знали, что делать, плакали, кричали и употребляли все то, до чего отчаяние всякого довести может, однако сим нимало помочь не могли. По сем возвратясь домой, стали сказывать своему отцу и матери, что сизый орел унес их брата. Старик и старуха, выслушав сие, неутешно плакали и досадовали на самих себя, что отпускали маленького сына в лес. На другой день большая дочь начала проситься у своих родителей: «Государь мой родной батюшка и государыня моя родная матушка! Отпустите меня погулять в чисто поле и там поискать своего братца родимого». Старик и старуха, любя сердечно своего сына, позволили дочери идти в чистое поле и искать тамо брата ее родимого, а своего сына любимого. Девица, вышед из двора, шла путем-дорогою и подошла к белой березе, которая возговорила ей человеческим голосом: «Красная девица, обдери березу, возьми себе, оставь и мне, я тебе сама пригожусь вовремя».— «Есть мне время обдирать тебя,— сказала девица,— и можно надеяться, что ты мне когда-нибудь пригодишься». Сказав сие, нимало не останавливаясь, пошла далее. Шла долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, не скоро дело делается, а скоро сказка сказывается; потом подходила к яблоньке, которая также человеческим голосом промолвила к девице: «Красная девица! Отряси меня, яблоньку, возьми себе яблочков и оставь мне, а я тебе сама пригожусь». Девка с гордостию отвечала: «Есть мне когда заниматься такою безделицею, мне не до яблоков, я ищу своего брата родимого». Проговорив

сие, пошла далее. После сего подошла она к печуре, коя говорила ей человеческим голосом: «Красная девица! Замети печуру, напеки проскур, себе возьми и мне оставь».— «Досужно мне заметать тебя, печь проскуры, брать себе и оставлять тебе: я иду искать своего брата родимого». Проговоря сие, пошла далее. Наконец пришла в чистое поле, где стоит избушка на курьих ножках, куда ветер повеет, туда она и поворотится. Девица, подошед к ней, сказала: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом». И лишь только она промолвила сии слова, то избушка стала к лесу задом, а и ней передом, и девица, взошед в оную, увидела, что у дверей сидит кот казанский, разум астраханский, ус усастерский, песни поет и сказки сказывает; а брат ее, сидя на бархатном стуле, по серебряному блюдечку перекатывает золотое яичко. Взошед подалее, усмотрела она, что лежит из угла в угол Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок, губы у притолоки висят, которая закричала: «О! Русского духу давно было слыхом не слыхано, видом не видано, а теперь в очах совершается. Зачем ты пришла сюда, красная девица,— спросила Баба-Яга,— волею или неволею, или своею охотою, не братца ли ищешь своего родимого?» — «Бабушка сударыня! — отвечала девица.— Я гуляла по чисту полю, и заблудилася, и зашла в сию избушку переночевать, а брата у меня никакого нет».— «Хорошо,— сказала ей Баба-Яга,— отдохни. Да не умеешь ли ты в голове искать? Когда умеешь, то, пожалуй, поищи меня».— «Извольте, бабушка сударыня»,— отвечала девица и, взявши гребень, начала искать. Искав довольно времени, приговаривала: «Спи глазок, спи другой». Вдруг Баба-Яга захрапела. В сие время девица, подхватя своего брата, побежала из избушки с великою поспешностию и, прибежав к печуре, говорила: «Печура, печура, схорони меня». Печура отвечала ей, что «нельзя мне тебя схоронить, девица, ты сама не замела печуру, не напекла проскур, себе не взяла и мне не оставила». Девица, не медля на сем месте, побежала далее и, подошед к яблоньке, просила ее: «Яблонька, яблонька, схорони меня». Яблонька отвечала ей: «Нет, девица, я сего для тебя сделать не могу, ты не отрясла яблоньки, себе не взяла яблоков и мне не оставила». Девица, видя, что все безуспешно, пошла далее и наконец, уже пришед к березе, говорила: «Береза, береза, схорони меня».— «Никак не можно мне сим тебе услужить, девица,— отвечала ей береза,— я тебя просила, чтобы ты ободрала березу, но ты сего не исполнила». Девица, надеяся, что уже недалеко до их селения, побежала с братом поскорее. Между тем Баба-Яга проснулась и подкликала к себе кота Еремея, чтобы он продрал ей глаза; и как увидела, что девка унесла брата, то, вышед в чисто поле, кричала: «Орел сизый, спеши домой, сестра пришла, брата унесла». Орел, услышав сие, прилетел скоро в избушку и спрашивал у Бабы-Яги, давно ли сестра унесла брата. «Не очень

давно,— сказала Баба-Яга. Сизый орел полетел и, прилетев к печуре, спрашивал: «Печура, печура, не пробегала ли мимо тебя девчура с мальчиком?» — «Только теперь пробежала»,— отвечала печура. Орел полетел вслед за нею далее и, прилетев к яблоньке, спрашивал: «Яблонь, яблонь, не пробегала ли мимо тебя девчура с мальчиком?» — «Только теперь прошла»,— сказала ему яблонь. Наконец орел прилетел к березе и спрашивал: «Береза, береза, не пробегала ли мимо тебя девчура с мальчиком?» — «Только сейчас пробежала»,— отвечала ему береза. Орел полетел прямо к той деревне, из которой унес мальчика, и, нагнав девчуру, всю ее исцарапал, а мальчика, опять ухватя в когти, понес с собою в избушку. Потом высек его, приговаривая, чтобы он не уходил от него, и, посадя опять на бархатный стул, поставил перед него на столике серебряное блюдо и дал золотое яичко; сам же, нимало не мешкав, улетел в чистое поле.

Между тем девка, возвратясь в дом свой, сказала отцу и матери; что ходила по чистым полям и по всем дремучим лесам, но не нашла своего братца родимого. Сие самое привело старика и старуху в несказанную печаль, и, видя лицо у своей дочери исцарапанное, спрашивали, отчего это. «Ходя по дремучим лесам, исцарапалась о сучья»,— отвечала девка. В следующий же день середняя дочь просила своих родителей, чтобы отпустили ее погулять во чисто поле, поискать там брата своего родимого. Они отпустили ее, и девка таковой же <в> сем деле получила успех, какой и большая сестра ее, кроме того, что лицо ее гораздо более исцарапано. Напоследок меньшая дочь начала проситься у своего отца и матери: «Государь мой родной батюшка и государыня моя родная матушка! Отпустите меня погулять во чисто поле, поискать там братца своего родимого». Отец и мать долгое время не соглашались, но усильные ее прошения склонили их на ее сторону.

И так она благополучно вышла из своего дома и, прошед всю деревню, вышла в чисто поле. И как шла мимо белой кудрявой березы, которая говорила ей человеческим голосом: «Красная девица! Обдери березу, возьми себе, оставь и мне». Она остановилась и начала драть березу, взяла себе, оставила и ей. «Спасибо тебе, красная девица, что ты потрудилась ободрать меня, за что я тебе во время пригожусь». По сем девица пошла далее и, немного отошед, поравнялась с яблонью, которая к ней также человеческим голосом воскликнула: «Красная девица, отряси меня, яблоньку, возьми себе яблочков, оставь и мне». Девица в сем случае не отказалась оказать услуги своей яблоньке, которая ее благодарила и сказала, что она сама ей за то при случае не откажется услужить. По сем девица пошла своим путем и, пришед к печуре, которая к ней возговорила человеческим голосом: «Красная девица! Замети печуру, напеки проскур, возьми себе, оставь и мне». Она вскоре исполнила требование печуры, и сия ей также обещалась услужить.

По сем вышла девка в чисто поле, раздолье широкое, увидела избушку на курьих ножках, которая туда и сюда повертывается. Девица, подошед к ней, сказала: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка тотчас повернулась к лесу задом, а к ней передом. Она, вошед в нее, увидела, что у двери сидит кот Еремей, песни поет и сказки сказывает. Девица дала ему проскур, мяса и молока, который был столько тому рад, что перестал песни петь и сказки сказывать. Потом взошла она в другую комнату, где из угла в угол лежит Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок, а губы на притолоке висят, подле которой сидел ее брат на бархатном стуле, по серебряному блюдечку покатывал золотое яичко, и, увидя ее, Баба-Яга сказала: «Ба! Ба! Русского духу слыхом давно не слыхано и видом не видано, а ныне русский дух в очах появляется. Зачем ты, красная девица, пришла сюда или ищешь брата своего родимого?» — «Бабушка сударыня! — отвечала девица.— У меня никакого брата нет, а гуляла по чисту полю и в лесу заблудилась, и пришла сюда отдохнуть».— «Очень хорошо,— сказала Яга-Баба,— да не умеешь ли ты поискать в голове?» — «Извольте, бабушка сударыня!» — сказала девица. И как начала искать Ягу-Бабу, то приговаривала: «Спи глазок, спи другой». Баба-Яга захрапела. В сие время топилася у Бабы-Яги печка и растапливалась смола, которою девица залила ей глаза; а сама между тем, ухватя своего брата, побежала из избы вон.

Баба же Яга, проснувшись, чувствовала необычайную боль и не могла продрать себе глаза, кликала кота Еремея, чтобы он продрал ей глаза. «Я не хочу тебе продирать глаз,— отвечал кот Еремей,— потому что у тебя живу столько лет и не видывал не только мяса, но и куска хлеба: красная же девица принесла мне мяса, молока и проскур». Баба-Яга, осердясь за сие на своего кота Еремея, не требуя более его помощи, пошла слепою. И лишь только вышла из избушки, то, оступясь, упала в яму, в которой лежа начала кричать: «Орел сизый, лети домой, сестра пришла, брата унесла»,— и раза два крикнула. Орел, сие услыша, прилетел и спросил у Бабы-Яги: «Давно ли девка ушла?» — «Очень недавно»,— отвечала Баба-Яга.

Девица же, в сие время с братом своим прибежав к печуре, говорила: «Печура, печура, схорони меня с братом».— «Изволь, красная девица!» — отвечала печура и вдруг развалилась, а девка с братом своим стала в середку оной. Лишь только они успели схорониться, как прилетел к печуре сизый орел и спрашивал у ней: «Печура, печура, не проходила ли мимо тебя девчура с братом?» — «Не видала»,— отвечала печура. «Да что ты так развалилась?» — примолвил орел. «Я почуяла ненастье»,— сказала печура. Орел, не говоря более ни слова, возвратился в избушку к Бабе-Яге и начал ее бить, приговаривая, зачем она пускала девку в избушку и для чего ее не

съела. Но девка между тем с братом своим побежала и, прибежав к яблоньке, говорила: «Яблонька, яблонька, схорони меня с братом».— «Изволь, красная девица»,— отвечала яблонька, и тотчас распустила свои плоды и поставила девицу с братом в середину. Сизый орел, побив Ягу-Бабу, полетел нагонять девицу с мальчиком и, прилетя к яблоньке, спрашивал: «Яблонька, яблонька, не пробегала ли мимо тебя девчура с братом?» — «Нет, сизый орел, я не видела»,— отвечала яблонька. «Да что ты так распустила свои плоды?» — продолжал орел. «Или ты не знаешь,— сказала яблонька,— что уже пора-то приходит». Орел с великим огорчением полетел к Яге-Бабе, которую без всякой пощады начал бить и царапать лицо когтями. Между тем девка с братом прибежала к белой березе, которой говорила: «Береза, береза, схорони меня с братом».— «Изволь, красная девица»,— отвечала береза. Тотчас распушилась, а ее поставила с братом своим в середину. Орел, потом прилетя к березе, спрашивал: «Береза, береза, не проходила ли мимо тебя девчура с братом?» — «Никак нет»,— отвечала береза. «Да что ты так распушилась?» — спросил ее орел. «Разве тебе не известно, сизый орел, что ныне то время»,— говорила береза. Орел, не зная, где более искать девчуры с братом, возвратился к Яге-Бабе в избушку, а девка с братом благополучно дошла в свою деревню. Отец и мать, увидя ее с сыном, чрезмерно обрадовались. И с тех пор сына своего до самого совершенного возраста никуда не пускали, и стали жить-быть да добра наживать.

156. СКАЗКА О ИВАШКЕ-МЕДВЕЖЬЕМ УШКЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был крестьянин, у него родился сын, у которого было медвежье ухо, почему и назван он был Ивашкой-медвежьим ушком. Но как Ивашка-медвежье ушко начал приходить в совершенный возраст, то стал ходить на улицу рогатицу с робятами играть: и кого ухватит за руку, то оторвет руку прочь, кого за голову, то оторвет голову. Крестьяне, не стерпя таковых обид, начали говорить Ивашкину отцу, чтобы он унимал своего сына или бы не пускал со двора на улице играть с робятами. Отец долгое время бился с Ивашкою, но, видя, что сын его не унимается, наконец, решил его сослать со двора, сказав ему: «Поди от меня куда хочешь, а я тебя держать в доме своем не стану, я опасаюсь, чтобы мне не нажить от тебя какой себе беды». И так Ивашка-медвежье ушко, простясь с своим отцом и матерью, пошел путем-дорогой. Шел он долгое время, потом подошел к лесу, увидел человека, копающего дубовые пенья. Он, подошед к нему, спросил: «Доб-

рый человек, как тебя зовут?» — «Дубынею»,— отвечал сей, и они с ним побратались, и пошли далее. Подходя же к каменной горе, увидели человека, копающего каменную гору, которому сказали: «Бог на помочь тебе, добрый молодец! Как тебя зовут?» — спросили они. «Имя мое Горыня»,— отвечал сей. Они также назвали его своим братом и предложили ему, чтобы он, оставя рыть гору, согласился идти с ними вместе: он согласился на их предложение, и пошли все трое вместе путем-дорогой, и шли несколько времени. Идучи по берегу реки, увидели человека, сидящего и имеющего превеликие усы, которыми он ловил рыбу для своей пищи. Они все трое сказали ему: «Бог на помочь тебе, брат, ловить рыбу».— «Спасибо, братцы»,— отвечал он. «Как тебя зовут?» — спросили они. «Усыня»,— отвечал он. Они и сего назвали своим братом и звали Усыню с собою, который не отказался.

И таким образом они все четверо шли, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Напоследок, подойдя к лесу, увидели избушку на курьих ножках, которая туда и сюда повертывается. Они, подошед к ней, сказали: «Избушка, стань к лесу задом, а к нам передом». Избушка им повиновалась, и, взошед в оную, стали советовать, как бы им жить да быть. Потом пошли все в лес, набили дичи и настряпали для себя кушаньи. На другой день оставили Дубыню для стряпни, а сами пошли в лес для промыслу. Дубыня, приготовя кушанья, сел под окошко и дожидался своих братьев. В то самое время приехала Баба-Яга на железной ступе, пестом погоняет, а языком след заметает и, взошед в избушку, говорила: «Доселева русского духу слыхом не слыхивала и видом не видывала, а ныне и слышу, и вижу». Оборотясь же к Дубыне, спросила: «Зачем ты сюда, Дубыня, пришел?» Потом зачала его бить и била до полусмерти, по сем приготовленную пищу всю поела, а сама уехала. Как пришли товарищи Дубынины с охоты своей, то требовали от него кушанья, и он им, не объявляя, что его прибила Яга-Баба, сказал, что занемог, а потому и ничего не стряпал. Таким же образом поступила Баба-Яга с Горынею и Усынею*. Напоследок досталось сидеть дома Ивашке-медвежьему ушку; он остался, а товарищи его пошли на добычу. Ивашка всего наварил и нажарил и, нашедши у Бабы-Яги кринку меду, сделал у печи столб, сверху воткнул клин и мед пустил по столбу, а сам сел на печи, спрятался за оный столб, приготовя три прута железные. Несколько спустя приехала Баба-Яга и закричала: «Доселева русского духу слыхом не слыхивала и видом не видывала, а ныне и слышу, и вижу. Зачем ты, Ивашка-медве-

---

* В издании 1795 года вместо «Усынею» напечатано «Дубынею».— Н. Новиков.

жье ушко, сюда пришел да еще наругаешься моим добром?» И начала по столбу лизать мед, а как стала доставать языком по трещине, то Ивашка вынул из столба клин, и, прищемя ей язык, вскочил с печи, и до тех пор сек ее теми железными прутьями, пока начала она просить, чтобы он ее отпустил, и обещалась с ним жить мирно, и к нему более не ездить. Ивашка согласился исполнить ее просьбу, освободил язык и, положа Ягу-Бабу под угол, сам сел под окошко, дожидаясь своих товарищей, которые вскоре пришли и думали, что и с ним также поступила Яга-Баба. Но, увидя, что у него кушанье все приготовлено, весьма сему удивились. После обеда рассказал им, как он поступил с Ягой-Бабою, и смеялся им, как они сладить не могли с нею. Напоследок, желая им показать избитую Ягу-Бабу, повел их под угол, но уже ее не было, почему вознамерились за нею идти следом, и пришли к камню, который подняв, усмотрели глубокую яму, и они вздумали туда опуститься. Но как никто из его товарищей не осмеливался сего учинить, то согласился Ивашка-медвежье ушко, и начали вить веревки, сделали люльку и опустили его в яму. Между тем Ивашка приказывал им дожидаться себя целую неделю, и если в сие время не получат от него никакого известия, то бы более не ждали. «Когда же я буду жив и потрясу за веревку, то вытащите люльку, если будет легко, а когда тяжело, то отрубите, дабы вместо меня не вытащить Яги-Бабы». И, простясь с ними, опустился в ту глубокую подземную пропасть.

Он ходил там долгое время, наконец пришел к одной избушке, в которую взошед, увидел трех прекрасных девиц, сидящих за пяльцами и вышивающих золотом, и оные были дочери Яги-Бабы. И как они увидели Ивашку-медвежье ушко, то спросили: «Добрый молодец, зачем ты сюда зашел, здесь живет наша мать Яга-Баба, и как скоро она сюда придет, то уже теперь, не быть живому, она тебя умертвит, но если ты нас освободишь из сего жилища, то мы тебе дадим наставление, как спасти свою жизнь». Он обещался их вывести из сей пропасти, и они сказали ему, что «как скоро мать наша приедет, то бросится на тебя и станет с тобой драться, но она потом устанет и побежит в погреб, в котором у ней стоят два кувшина с водою, в синем кувшине сильная вода, а в белом — бессильная». Лишь только дочери Яги-Бабы окончили свой разговор, то услышали, что мать их едет на железной ступе, пестом погоняет, а языком след заметает, и сказали о сем Ивашке. Приехав же, Баба-Яга закричала: «Доселе русского духу слыхом не слыхала и видом не видала, а ныне и слышу, и вижу. Зачем ты, Ивашка-медвежье ушко, пришел сюда? Ты и здесь уже вздумал меня беспокоить?» Бросилась вдруг на него, и начали драться; долгое время дрались оба, и напоследок упала на землю. Баба-Яга, полежав несколько, вскочила и побежала в погреб, куда за ней следом бросился Ивашка, и она, не рас-

смотря, ухватила белый кувшин, а Ивашка синий, и пили. После сего вышли из погреба и начали опять драться: Ивашка ее одолел и, схватя за волосы, бил Бабу-Ягу ее же пестом. Она стала просить Ивашку, чтобы он ее помиловал, обещаяся с ним жить мирно, и что сей же час выйдет из сего места. Ивашка-медвежье ушко на сие согласился и перестал бить Ягу-Бабу.

Как скоро она уехала, то он, подошед к ее дочерям, благодарил их за наставление и сказал им, чтобы они приготовлялись к выходу из сего места. Как они собрались, то он, подошед к веревке, и потряс за оную, тотчас его товарищи опустили люльку, он посадил большую сестру и с нею приказал, чтобы их всех вытаскали. Товарищи Ивашкины, вытаща девицу, удивились, но, известясь от нее обо всем, и прочих сестер ее перетаскали. Напоследок опустили люльку за Ивашкою, и как он в то время наклал в люльку много платья и денег, к тому же сел и сам, то товарищи его, почувствуя тяжесть, думали, что это села Яга-Баба, отрубили веревку и там Ивашку оставили. Между тем согласились на тех девицах жениться, что исполнить не замедлили.

Между тем Ивашка-медвежье ушко долгое время ходил по сей пропасти и искал выхода, наконец к счастью нашел в темном месте железную дверь, которую отломав, шел долгое время по оной темноте; потом вдали увидел свет и, шедши прямо на оный, вышел из пропасти. По сем вознамерился искать своих товарищей, которых вскоре нашел, и они уже все трое поженились. Увидя их, стал им говорить, для чего они его оставили в пропасти. Но товарищи, испужавшись, говорили Ивашке, что Усыня отрубил веревку, которого Ивашка убил, а жену его взял за себя, и стали все вместе жить-быть да добра наживать.

ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ, СОБРАННЫЕ БОГДАНОМ БРОННИЦЫНЫМ» (1883)

157. СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ ВОЯНСКОМ

Мужичок-простачок пахал пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трех слепней, а комаров без счета.

Простачок-мужичок думать стал: «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трех молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет!».

Голем мужичок назывался; смотришь — и Голь взвеличался; выпряг свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сел верхом, выехал на большую дорогу, срубил дерево стояростовое и поставил столб с надписью: «Здесь проехал богатырь Голь Воянской, встретился с силой бусурманской, тридцать трех богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй».

Голь взобрался на клячу и в путь поплелся наудачу. Немного спустя едет мимо столба Чурила Пленкович, надпись прочитал — подивился, Голя нагнать торопился; такого имени и не слыхивал, а видно, могуч богатырь, так надобно с ним подружиться.

Чурила скачет но весь опор, нагоняет Голя и спрашивает: «Не проезжал ли богатырь Голь Воянской?».— «Я,— сказал Голь,— а ты кто?» — «Чурила Пленкович!» — отвечал молодой богатырь, поклонясь, а сам думает: «Что за чудеса? Мужичонка невидный, и ехать с ним стыдно; сам он шарашится, а кляча чуть тащится».— «Ступай в науку, поезжай по левую руку!» — сказал Голь, и Чурила в раздумье поехал возле него, на Воянского богатыря посматривая и на клячу поглядывая.

Между тем едет Еруслан Лазаревич мимо столба с надписью, прочитал и ну гнать коня за Голем Воянским. Догнал и, увидя знакомого Чурилу, спросил, не видал ли он Галя? Чурила указал на товарища. Еруслан Лазаревич поклонился, а сам подивился. «Погоняй в ряду по правую руку»,— сказал ему Голь.

На ту пору нагоняет их еще богатырь, Бова королевин сын; надпись на столбе прочитал и коня погонял, отыскивать Голя Воянского, победителя бусурманского; видит мужичка на клячонке, тащится потихоньку, а по сторонам его едут два славные богатыря Еруслан Лазаревич и Чурила Пленкович, говорят с ним почтительно, а тот отвечает: «Рад вам, товарищам!». Поклонился Бова королевин сын Голю да об имени спрашивал. «Голь Воянской, сам себе большой,— отвечал простачок,— а ты кто?» — «Я Бова королевин сын»,— отвечал богатырь. «Милости просим на подвиги,— сказал Голь,— ни поздно, ни рано, поезжай возле Еруслана!»

Едут богатыри, куда Голь едет, и подъехали к заповедным лугам царь-девицы богатырки. «Тут заказан путь»,— сказал Еруслан. «Не беда! — молвил Голь.— Много Русь обижала, путь не нам заказала. Пускайте коней на луга!» — «Голь Воянской! — сказал Еруслан.— У королевны сила великая: двадцать два богатыря да Зилант Змеуланович, Тугаринов брат».— «С меня мало,— сказал Голь,— будет ли на долю твою? Я всех как мух перебью».— «Ну, ин быть так! — смазал Еруслан.— Поедем в заповедные луга тешиться, с силами богатырскими переведаться».

Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят белый пустой шатер, пустили коней на траву, а Сами вошли в шатер, сели, да поглядывают; один Голь лег отдыхать и, чтоб не было жарко, снял с себя кафтан, занавесил шатер от солнышка, а сам захрапел. «Голь надеется на себя!» — сказал Бова королевин сын.

Между тем во дворце королевны поднялась тревога; в колокола звонят, в трубы трубят, и выехала из города дружина воинов да три богатыря в латах. Чурила будит Голя: «Вставай! Силы много на нас». Голь встал и, с просонья зевая, сказал: «Что это? Три богатыря — три слепня, а сила вся — комары; не дадут уснуть до поры. Ступай, Чурило, переведайся с ними, оставь одного и пошли к богатырке да вели ей сказать: за меня: шла бы замуж!». Чурила поехал, долго бился-рубился и перерубил всех, одного послал к королевне. Но вместо ответа выслали из города шесть богатырей с тремя дружинами. Опять разбудили заснувшего Голя. «Эге! — сказал Голь.— Что за сила? Одной рукой махнуть — пришибу. Королевин сын, поди справься один! Да оставь одного послать к королевне. Сказав, пошел спать. Посчастливилось королевину сыну высланных богатырей победить, одного за другим перебить, а дружины их разбежались.

Но королевна высылает еще более силы: двенадцать богатырей, с ними шесть дружин.— Скачут, трубят и мечами машут. «Ого, сколько высыпало» — сказал Голь, вставая.— Туча лихая! Двенадцать слепней, а комаров без счета. Еруслан! Будет с тебя? А не то мы пособим».

Еруслан сел на коня, пустился соколом, мечом-кладенцом наотмашь рубит вправо и влево, богатырей разметал, дружины погнал.

Королевна видит беду неминучую, высылает Зиланта Змеулановича. Загремел Зилант, выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях. Несется Зилант, как стрела на орла, зовет как трубой переведаться в бой. «Видно, мне очередь»,— сказал Голь. «Нечего делать,— подумал он,— ехать на смерть; тут мне и конец, зато богатырская честь, а делу венец!» Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку, зажмурив глаза, а сам топором что есть силы машет. Зилант заревел, увидя издалека Голя, и думает: не на смех ли послали? А Голь шепчет про себя: «Отцы и братия, поминай как звали!» — и, ожидая смерти, опустил голову на шею своей лошаденки, которая бежала на трех ногах, а четвертой прихрамывала. У Зиланта запрыгали глаза во лбу. «Нет ли тут умысла? — думал он.— Мужичонка прилег к лошаденке, что за богатырь? Пальцем щелкнуть — на сажень отлетит». Зилант оглядывается, нет ли тут хитрости, и к седлу наклонился, а Голь приподнял голову и вдруг приободрился, с топором наскочил да так оглушил, что Зилант на песок повалился.

Тут Голь, не дав Зиланту опомниться, стал рубить его, как сосну в щепы, машет да рубит топором, сдернул шелом и поехал к товарищам.

Тогда королевне забота, принуждена приказать отпереть городские ворота, просить богатырей на пир, заключить с ними мир. Увидела Голя, дивится, в ком богатырская сила, и сама подошла к нему, руку на плечо наложила и так придавила, что Голь едва повернулся, выбился из-под руки, отшатнулся, а королевна ему говорит: «Рада я витязю славному, храбрость всегда почитала». Тут она Голю руку пожала; Голь вспрыгнул, и зубы он стиснул, боясь их разжать, закричать. «Защищай мое царство! — королевна сказала.— Тебе нас стеречь». А Голь поклонился и думал, как бы голову свою уберечь.

Королевна велела в беседу принесть крепкого меду, думала гостей испытать, но Голь не хотел пировать, за кубок не брался, а молвил: «Кончив труды, ничего я не пью, кроме богатырской воды!» — «У нас есть в запас вода богатырская»,— сказала королевна. «А много ль ее?» — спросил Голь. «Бутыль полна», отвечала королевна. «Да такая ль она, как у нас? — спросил Голь.— Иная бутыль склянки не стоит».— «Отведай»,— сказала королевна и велела принести бутыль с богатырской водой и ковш золотой. Голь налил ковш, выпил, сила в нем прибывала, а королевна знать желала, какова вода. «Еще вкуса не доберусь»,— сказал Голь; налил другой ковш, и разом он выпил еще три ковша. «Полно, полно! — закричала королевна.— Ты и мне воды не оставишь».— «Славная водица! — молвил Голь, расходясь, руками размахивая.— Какова-то теперь сила моя?» Тут велел он принесть большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлею, из конюшни королевниной вывесть коня богатырского. Сел на него, разъехался, вскочил в петлю головою и порвал канат.

С той поры Голь богатырствовал, приосанился, на королевне женился: от ней у него были две дочери: Смета да Удача. Голь, на них глядя, величался, и никто не сомневался, чтобы он не одолел тридцать трех богатырей одним разом.

158. СКАЗКА ОБ ИВАНЕ КРУЧИНЕ, КУПЕЧЕСКОМ СЫНЕ

У купца Кручины богатого был сынок Иванушка.

Не стало у Иванушки матушки; женился Кручина на другой жене.

Отдали Иванушку в науку; каждый день в училище он ходит, поздно ввечеру домой приходит, в праздники дома на приволье.

Нужда купцу прилучилась ехать в земли иные, в дальние города луговые.

Купчиха была молодая, а муж седоволосый. Лишь только что он уехал, стали наезжать к ней гости на беседу, садятся они за одним столом, пьют и едят, пированье идет, а Иван смотрит да спрашивает: «Матушка, что у вас за люди?» Купчиха отвечает: «Все родные мои». «Хорошо! — молвил Иван тихомолком.— Батюшка приедет — расскажу ему».

У купчихи была клюшница-наушница и знала людей портить; подслушала Иванушку и сказала купчихе, что пасынок на уме держит обо всем отцу рассказать.

На конюшне купца стоял жеребец некупленый, а забежал он охотою. Иван за ним ходит, кормит м поит, жеребца холит. Жеребец растет и стал пресильный конь, чудный конь; ржет на разные голоса, словно человек говорит и все знает, понимает, что слышит.

Вот Иван домой из училища идет мимо конюшни и видит: конь повесил голову, опустил уши, понурился. «Что ты пасмурен? — спросил Иван.— Над собой иль надо мной беду примечаешь?» — «Не над собой, а над тобой,— конь сказал.— Мачеха умышляет тебя извести, хочет тебе вина поднести; смотри не пей вина, вылей».

Иван пошел в дом, мачеха стала потчевать; он отговаривался, мачеха ну упрашивать; делать нечего, рюмку взял да к окошку придвинулся, сам как будто прикушивает, а тихонько вино за окно выплеснул. Под окном росла трава, и траву сожгло. Удивилась купчиха, что ничего над Иваном не сделалось.

На другой день опять Иван мимо конюшни идет, зашел погладить коня, смотрит — по-вчерашнему конь стоит невесел, голову повесил.

Спрашивает Иванушка, а конь говорит: «Испекли тебе лепешку на лютом зелье, станут тебя потчевать; смотри не ешь, а тихонько брось».

Так и сделалось. Иван лепешку тихонько бросил; бежала собака да съела; вдруг как начала она, на стены метаться, как начала с визгом и лаем кидаться; металась, кидалась,— и разорвало собаку; а Иван здоровехонек, утром пошел в училище.

Клюшница-наушница догадалась, что не Иван узнает, а конь ему сказывает, и с купчихой задумали коня извести; настояла ведро воды лютым зельем: выпьет конь — прилетят тридцать три ворона железные носы и расклюют коня. Работники взяли коня, повели поить; а конь вдруг вырвался, побежал к воротам, но ворота были притворены.

Работники погнали коня, набросили на шею узду, опутали веревкой за морду и за уши, тянут, а купчиха в окно кричит: «Смотрите, крепче тяните»; но конь бьет копытом, не могут с ним справиться.

На ту пору Иван идет из училища; жаль ему стало коня, кричит он работникам: «Что вы коня доброго мучите?». Они отвечают: «Поить ведем».— «Я сам напою его»,— сказал им Иван и к колодезю пошел, воды чистой зачерпнул и коня он напоил.

Видит купчиха, что не удается ей ни Ивана, ни коня извести, и с досады притворилась больною. Скоро купец воротился из-за моря, а купчиха лежит в постеле и охает. «Видно, свет, нездорова?» — спросил купец. «Нечто, вся больна»,— отвечала она с умыслом. «Послать бы за лекарем»,— сказал муж. «Был лекарь,— говорила жена,— да сказал, что надо убить жеребца, вынуть из него желчь и ею лечиться.— «Ну,— молвил купец,— конь — дело наживное: пусть убьют жеребца».

Вот работники собрались, точить ножи принялись, а Иван пришел из училища, узнал, что хотят загубить коня, и к отцу побежал.

«Батюшка! — молвил он.— Позволь мне в последний раз коня покормить, по двору поводить». Отец позволил. Иван накормил коня ячменем, взял за узду, вывел на широкий двор, по спине гладит, а сам плачет.

Вдруг конь ударил его пятой, Иван упал и встал. «Прибыло ли в тебе силы?» — спросил конь Иванушку. «Прибыло»,— отвечал он.

Конь ударил его в другой раз и опять спросил. «Прибыло ли?».— «Чувствую великую силу,— отвечал Иван.— Теперь я хоть с кем смогу».— «Попроси отца, не отпустит ли тебя по мостовой разгуляться, в последний раз на мне покрасоваться».

Иван пошел к отцу; говорит ему: «Батюшка, позволь мне на коне прокатиться, в последний раз на нем повеселиться». Позволил отец, а Иван оседлал коня, сел на него, выехал за тесовые ворота и стал разъезжать, взад и вперед, а купец стоит у ворот да смотрит. Вдруг Иван присвистнул, приударил коня, а сам молвил: «Прощай, свет мой батюшка, нам не житье у тебя, мачеха хотела меня извести и коня погубить»,— и, сказав, поскакал.

Выезжает он из города, а навстречу ему едет старуха с возом сена, худая, сухая, только кости одни. Вдруг воз ее повалился, а Иван смеется и говорит: «Старуха! Я подниму воз одною рукою»,— соскочил с коня и стал поднимать. «С благословеньем ли ты выехал в пучь?» — старуха спросила и из-под сена косу выхватила, Ивана подкосила. «Много на свою силу надеялся! Я свое взяла». Видно, что смерть была. Лежит молодец бездыханный; конь его поскакал в чисто поле.

Летит мимо сокол, крыльями машет, а в когтях несет скляночки живой и мертвой воды. Видит сокол, что птицы середи поля слетелись, клюют белое тело; красавец пропадает задаром. Сжалился сокол: влил ему в рот мертвой воды — тело срослось, вспрыснул живою — Иван вскочил и ду-

мает, что спросонья встал. «Долго б ты проспал,— молвил сокол,— если б не я, век бы лежал ты, не встал».

Ивану не верится, а сокол на лету схватил вороненка, пришиб крылом, мертвого бросил, спрыснул живой водой — вороненок опять полетел!

«Ну, видно, что так,— сказал Иван.— Спасибо тебе, ясный сокол. Где же мой конь?» — «Конь твой ушел в дальнее царство, в город, где мраморная ограда, хрустальная застава».— «Сокол, сокол! Покажи мне дорогу к коню моему».— «Ступай в ту сторону, куда я полечу».

Скоро сказка сказывается, а не скоро пришел Иван к мраморной ограде, к хрустальной заставе. Но ограда высока, в заставу не пускают. Только конь послышал его — запрыгал, захрапел и, ударив в плиту копытом, отвалил камень такой, что всему городу не поднять. Однако схватили коня, удержали, в обручи железные заковали, заперли в погреб белокаменный, а Иван прошел в город.

Все смотрят на красивого молодца и говорят: «Он не нашей земли, из чужого царства»,— и Ивана к царю привели. Царь спрашивал, кто он. «Не знаю»,— отвечал Иван. «Откуда?» — «Не знаю».

Что ни спросят его — отвечает: «Не знаю!».

Царь было разгневался, но подумал: тут простота не без хитрости, а такие люди подчас пригодятся. «Будь же ты Незнайкин!» — сказал он Ивану и оставил его служить у себя. Иван служит верно, и царь дал ему ключи от своих кладовых, велел ходить в шесть кладовых, а в седьмую не ходить.

Много ли, мало ли прошло, Иван ходит в кладовые и в раздумье подошел к седьмой кладовой. Вдруг слышит — конь заржал за стеной; не утерпел Иван, отпер дверь за семью замками и узнал коня своего. Окован конь двенадцатью железными обручами, привязан к столбу цепями; на столбе висят ключи от цепей. «Не чаял я дождаться тебя,— сказал конь,— выручал я тебя, теперь ты меня выручи; дай побегать и ноги расправить».

Иван взял ключи, цепи распались, и конь, освободясь, сказал ему: «Никому, кроме тебя, не давал я садиться на себя; сряжайся скорей, накинь узду и обратуй меня, да сними со стены голичок и щетку. Они тебе пригодятся».

Иван снял с крючков голичок и щетку, оседлал коня, накинул уздечку шелковую, и конь взвился как стрела, копытами бьет, камни топчет — искры сыплются, и пролетел за городские ворота, сквозь заставу хрустальную.

Немного погодя говорит конь Ивану: «Слезь да послушай, не гонятся ли за нами? У царя есть конь-ветр да конь-молния, на них нас догонят». Иван припал к земле и слушает. «Скачут! Скачут!» — закричал он. «Брось же голичок позади себя!» Иван бросил голичок, и вдруг поднялся из земли час-

тый, дремучий лес и загородил путь. Едет Иван, между тем лес срубили и опять за ним гонятся. «Брось за собой щетку»,— кричит конь. Иван бросил, и поднялись горы каменные, крутые, заслонили Ивана стеною.

Долго ли, скоро ли, Иван приехал, в другое царство, в широкие луга, коня пустил на траву и молвил: «Слушай, мой конь, верный конь, прибеги по первому свисту»,— а сам пошел в сад.

Там за серебряной решеткой росла заповедная яблонь с румяными яблочками наливными, сквозными; прельстился Иван и сорвал что ни лучшее яблочко. Но к яблонке той молодой были проведены золотые струны, и зазвенело по всему саду; набежала стража, схватили Ивана, к царю привели.

Царь его спрашивал о роде и имени, волею ли пришел иль неволею? Иван простотой полюбился ему; велел ему царь смотреть за царским садом и дал ему прозванье Незнайка. У царя того были три дочери, две в замужестве, а третья не замужем. Прекрасная царевна вышла в сад и, видя садовника молодого, пригожего, сказала ему: «Что ты, садовник, в саду ходишь, а мне цветов не приносишь?». Жалко Ивана царевне, взяла она тонкий шелковый плат, обвязала руку садовнику.

В ту пору разнеслась весть, что соседний неправославный король пришел, воевать царские земли, подступил под город с несметною силою. Началось побоище великое. Иван срубил липку, обтесал дубинку, вышел на луг и крикнул громким голосом, богатырским посвистом. Откуда ни взялся чудной конь его; конь бежит — земля дрожит. Иван скачет, на врагов налетает, у одного выхватил меч боевой, у другого сдернул шишак золотой, надел на себя и закрылся наличником; побил Иван силу великую.

Царь дивится и не знает, что за витязь? Откуда взялся? В мысль не придет, что ратует садовник Незнайка. Все думают, не Егорий ли храбрый на белом коне? Неприятели бежали, шатры побросали, а богатырь поскакал, из виду пропал.

Царь, возвратясь во дворец, хвалился воином незнаемым и говорит дочери: «Кто бы ни был он, я за храбрость пожалую; рад отдать за него и дочь свою!». А садовник Незнайка у окна стоит да слушает.

Много ли, мало ли прошло времени, опять подошла к городу сила несметная; началось снова побоище. Иван вышел на луг, свистнул; конь его бежит — пыль из-под копыт вьется перед ним, как по ветру дым; стал ретивой, как лист перед травой, и спрашивает: «Что прикажешь?».— «Послужи еще службу,— сказал Иван,— понеси на побоище!» Верный конь взвился вихрем; глядят — молодой богатырь, как орел, налетел и побил силу великую.

Опять думают, не Егорий ли храбрый? Копьем машет, врагов побивает, царя спас от смерти, народ от стыда! Неприятели бежать торопились, больше не воротились, а царь велел незнакомца догнать, во дворец его звать.

Явился незнакомец, царь его просил опустить наличник шлема, а царевна, взглянув на руку, свой платок заприметила, покраснела и слова не молвила. «Кто бы ты ни был,— сказал царь,— не отступлю от моего царского слова: если холост ты, отдам за тебя дочь мою, а женат — поделюсь с тобой царством моим». Иван опустил наличник золотого шлема и пред царем до земли поклонился.

Царь изумился, Незнайку узнал, сыном назвал. Незнайка на царевне женился, и рассказали мы вам, по старым речам, об Иване Кручине купеческом сыне.

КОММЕНТАРИИ

В сборнике установлена сквозная нумерация текстов сказок (о животных, волшебных и бытовых) и произведений несказочной прозы (преданий, быличек). Вслед за названием сказки в скобках определен ее сюжетный тип согласно «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка». Л., 1979. Далее указан источник, из которого взят текст. Комментарий содержит сведения о собирателе, информанте и месте записи, заметки собирателей, а также отмечает особенности данного произведения.

Условные обозначения

Афанасьев	—	Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т., т. 1, М., 1957.
Баранов	—	Московские легенды, записанные Е. Барановым. М., 1993.
Новиков I	—	Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII вв. Вступ. ст., подг. текстов и комментарии Н. В. Новикова. Л., 1971.
Новиков II	—	Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. Сост., вступ. ст. и комментарии Н. В. Новикова. М.-Л., 1961.
Смирнов	—	А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества, вып. I—II. Пг., 1917.
Худяков	—	Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.-Л., 1964.
Чернышев	—	В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. Спб., 1900.
Чудинский	—	Е. А. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864.
Арх. ГЛМ	—	Архив Государственного Литературного музея.
Арх. ИАиЭ РАН	—	Научный архив Института антропологии и этнологии РАН.
Арх. МГУ	—	Научный архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
МГДТДиЮ	—	Московский городской Дворец творчества детей и юношества.
МГПИ	—	Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (ныне — Московский гос. пед. университет).
МОПИ	—	Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской (ныне — Московский пед. университет).
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства.
ЭО	—	Этнографическое обозрение.

1. Терем мухи (СУС 283В*) — Афанасьев, т. 1, № 84. Записано в Московской губ.

Широко известный в русском фольклоре сюжет, но в Московской обл. представлен единичным текстом.

2. <Лисичка-сестричка и волк> (СУС 2, 3, 170, 158, 68А).— Смирнов, № 225.

Записано от Прасковьи (Плони) в 1913 г., д. Лека Егорьевского уезда.

При перепечатке проведена разбивка на абзацы с выделением прямой речи.

Один из самых популярных сюжетов в русской сказке, обычно в контаминации сюжетов (СУС 1, 3, 4). В данном варианте контаминируются все наиболее известные сюжеты о проделках лисы, последовательность и характер соединения, в целом создающие художественное единство, представляют образец творчества исполнителя.

«Батайцут» — плывут.

«Лись-пались» — полизала.

3. <За скалочку — гусочку> (СУС 170).— Смирнов, № 224 («Лисичка-сестричка и волк»).

Записана от Арины Михайловой в 1913 г., д. Лека Егорьевского уезда.

Популярный сюжет в русской сказочной традиции. Часто образ лисы подменяется старухой.

При перепечатке проведена разбивка текста на абзацы.

4. Колобок (СУС 2025 = АА*296).— РГАЛИ, ф. 481, оп. 1, ед. хр. 453, л. 110. Фонд Ю. М. Соколова.

Записала Н. Киселева, ученица VI класса в 1915 г. от Фокия Павловича Зиновьева, 60 лет, д. Костомарово Молоновской вол. Подольского уезда.

В письмах с записями произведений фольклора, присланных в адрес газеты «Колхозные ребята» (1935—1936 гг.), эта сказка часто встречается, текст очень устойчив, почти не варьируется, близок опубликованному, что свидетельствует о ее книжных истоках.

5. Волк и лиса (СУС 1, 2, 3, 4).— Арх. В. Б. Сорокина. Студенческая экспедиция МГПИ.

Записал В. Б. Сорокин в 1975 г. от П. И. Строганкова, 1912 г.р., с. Мышецкое Солнечногорского р-на.

Вариант: — (СУС 1, 2, 3) — Научный архив ИАиЭ РАН, № 1395. Фольклорная экспедиция МОПИ 1939 г., записали М. П. Григорьев и В. И. Чичеров в пригороде г. Коломны Городищах от Н. К. Львовой, 1887 г.р. В конце сказки как заключение: «Волк-то остался дурнем, а лиса осталась Патрикеевной».

6. Лиса и козел (СУС 31). РГАЛИ, ф. 1503, оп. 1, ед. хр. 27, л. 3. Ред. газ. «Колхозные ребята».

Записал Валя Арсеньев, с. Борщово Клинского р-на, «...сказки я узнал у своей бабушки, запись которых сделал 21 августа 1935 г.».

7. <Как звери мясо делили> (СУС —51 А*).— РГАЛИ, ф. 1531, оп. 1, ед. хр. 2; т. 4. № 5, л. 9.

Записал Ф. Г. Фабриков в 1936 г. в г. Металлстрое на ст. Текстильщики (самозапись).

8. Лиса и кувшин (СУС 68В).— РГАЛИ, ф. 1503, оп. 1, ед. хр. 27, л. 25. Ред. газ. «Колхозные ребята».

Записал Павел Кутырев, воспитанник д/д «Юный большевик», г. Дмитров. 1935 г. Сказку слышал от своей матери: «она часто рассказывала такие сказки».

9. Кот и лиса (СУС 103).

1.— Арх. В. Б. Сорокина. Студенческая экспедиция МГПИ.

Записал В. Б. Сорокин в 1975 г. от П. И. Строганова, 1912 г.р., с. Мышецкое Солнечногорского р-на.

2.— РГАЛИ, ф. 1531, оп. 1, ед. хр. 2, л. 10—12.

Записал Ф. Г. Фабриков в 1936 г. в г. Металлстрое, ст. Текстильщики (самозапись).

Текст несет на себе черты авторского стиля, что сближает сказку с сатирическими бытовыми сказками о хитрых женах.

10. Кому другому — кургузому первому (СУС 121).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 1—2. Материалы Коломенской экспедиции 1947 г.

Записала С. И. Минц от Василия Степановича Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на. Редкий сюжет.

В. С. Исаев — незаурядный сказочник. Он него записана еще одна сказка о животных и 10 бытовых сказок (см. ниже). Сказки Исаев рассматривает как своего рода притчи, полезные для жизни истории. Эта отношение сказывается в манере рассказа, использовании поговорок, постоянной обращенности к слушателям.

11. Волк и баран (СУС 122М).— РГАЛИ, ф. 1503, оп. 1, ед. хр. 27, л. 24.

Записал П. Котырев, воспитанник д/д «Юный большевик», г. Дмитров. 1935 г., сказку слышал от матери.

12. Козлята и волк (СУС 123).— Арх. В. Б. Сорокина. Студенческая экспедиция МГПИ.

Записал В. Б. Сорокин в 1975 г. от Е. И. Харламовой, 1919 г.р., с. Мышецкое Солнечногорского р-на.

Вариант: — РГАЛИ, ф.481, оп. 1, ед. хо. 453, л. 110. Фонд Ю. М. Соколова. Записала Н. Киселева в 1915 г., д. Костомарово Подольского у. Начало сказки близко опубликованному, но конец иной: «...Немного спустя пришел волк к избушке, коза его пригласила к себе, подняла половицу и говорит: «Давай-ка, кум, прыгать». Коза-то перепрыгнула и говорит: «Ну, кум, прыгай-ка и ты теперь». Так как кум был очень грузен, то перепрыгнуть не смог и прямо ввалился в огромную яму. Коза сейчас же заколотила половицу. И стала с козляточками жить, поживать и добра наживать. Я там была и мед пила, по усам текло, а в рот не попало». В тетради карандашная пометка: «Местами сбивается с народной».

13. <Мужик, медведь и лиса> (СУС 154).— Смирнов, № 226.

Записано в 1913 г., д. Ефремовская Егорьевского уезда.

При перепечатке проведена разбивка текста на абзацы.

14. Старый хлеб-соль забывается (СУС 155).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 14—15. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от В. С. Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на.

15. Старуха (СУС 161А*).— Худяков, № 31.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Обычное название сказки — «Медведь — липовая нога». Данный текст примечателен концовкой, переводящий страшную историю в откровенную выдумку.

«Панева» — клетчатая шерстяная домотканая юбка — часть традиционного женского костюма южнорусского типа.

16. <Ерш> (СУС 254**).— Смирнов, № 223.

Записано от старухи в 1913 г., Егорьевский уезд.

Сказка восходит к рукописной повести вт. пол. XVII в., представляющей сатиру на судопроизводство, отразившую земельные тяжбы на пустующие земли. В XVIII в. «Повесть о Ерше Ершовиче, Сыне Щетинникове» попадает в лубочные издания, популярность картинок о Ерше дала основание перехода книжной повести в устную традицию — сказку. (См. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., Л., 1937, с. 124—162).

17. Сказка про Снегурушку (СУС 703*, ср. А-А*171).— Арх. В. Б. Сорокина.

Записана студентами МГПИ в 1979 г. от Н. А. Алешкина, 1902 г.р. в д. Дьяково Волоколамского р-на.

18. <Вершки и корешки> (СУС 1030, 154).— Арх. ГЛМ, инв. № 23, ед. хр. 364. Фонд Е. Н. Елеонской, л. 21.

Записана Е. Н. Елеонской в 1914 г. от Александры Глыбиной, 1854 г.р. в д. Хорлово Бронницкого уезда. «В этом селе,— пишет Е. Елеонская,— знакомство с крестьянами завязывалось туго, днем уже работали на фабрике [ткацко-прядильная фабрика Демина], а вечером молодежь уходила гулять, петь песни. Репертуар их целиком взят из песенников. В этом селе удалось, однако, найти сказочницу — старую няньку у одной из школьных учительниц. Она была не из этого села, а из-под Бронниц, 60 лет Александра Глыбина. От нее записано три сказки, три рассказа о лешем и три рассказа о порче. Занятая маленьким ребенком и домашними делами, она неохотно рассказывала, уверяя, что она все перезабыла, «так, болтаешь кое-что детям». Рассказала она все-таки довольно весело сказку о мужике и медведе, сеявших репу и гречиху, потом о старухе-знахарке (тип «Жучок-угадчик») и про мужика, спрятавшего клад от жены и обманувшем барина... Как рассказчица старуха была хороша тем, что сама смеялась рассказываемому и говорила весело, но рассказ ее не был складен и плавен, а скорее состоял из отрывочных фраз, так, например, рассказала она о порче молодой или про лешего». (Все сказки, а также два рассказа о лешем публикуются в данном сборнике).

19. Ветер, солнце и мороз (СУС 298А*).— РГАЛИ, ф. 1503, оп. 1, ед. хр. 27, л. 25. Ред. газ. «Кохозные ребята».

Записал Павел Кутырев, воспитанник д/д «Юный большевик», г. Дмитров. 1935 г. «Когда я жил в деревне,— пишет П. К.,— эту сказку я слышал от своей бабушки».

20. [Еруслан Лазаревичь] (СУС —650В*).— Смирнов, № 220.

Записано в 1913 г. от старухи, д. Лека Егорьевского уезда.

Сказка записана в начале века, данный текст сохраняет стиль традиционной волшебной сказки; диалектная запись интересна не только тем, что знакомит с особенностями местного диалекта, но и придает особую достоверность ее аутентичности. Сюжет восходит в книжным текстам. Сказки о Еруслане Лазаревича еще в начале века приобрели особую популярность, они включались в различные сборники, были известны в лубочных изданиях. Однако для Московской губернии (а позже области) это единственный текст, известный по записям XX столетия (см. Л. Н. Пушкарев «Сказка о Еруслане Лазаревиче», М., 1980).

При перепечатке проведена разбивка текста на абзацы.

21. Пра белый свет (СУС 300А).— РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 88, л. 35—38. Фольклор. матер., присланные в Гос. академию истории матер. культуры. Полевые карандашные записи.

Записал В. С. Евлахов (?), П. Богатырев (?) в 1914 г., место записи и исполнитель не указаны. При наборе расставлены знаки препинания и выделены абзацы.

Популярный сюжет русских сказок. В данном варианте начало — бой героя с чудищем на калиновом мосту — опущено, но развернута в самостоятельную сказку вторая, редкая, часть сюжета.

22. Бой на Калиновом мосту (СУС 300А).— Арх. В. Е. Добровольской.

Записана В. Е. Добровольской в 1989 г. от Любови Филипповны Кузиной, 1911 г.р., г. Москва, Смоленская-Сенная. Л. Ф. Кузина: «Мне эту сказку папа рассказывал, он их много знал и нас всегда веселил, Вот вечером соберемся, и он нам их рассказывает. Он все больше про богатырей рассказывал, как они со змеем, с Кащеем сражаются, а мы все про царевен просили. А он все говорил: «Вот расскажу про бой на Калиновом мосту». В данном варианте отсутствует традиционный конец: герой подслушивает разговор жен и матери змея и спасается от их преследования — мотивы, сохраненные в предыдущем варианте.

Вариант: Худяков, № 6. Записана в с. Мишино Зарайского у.

23. Иван-Кобылин сын (СУС 301В).— Худяков, № 5.

Записана в с. Мишино Зарайского уезда.

Один из широко распространенных сюжетов русской сказки.

24. Три подземных царства (СУС 301А).— Арх. В. Е. Добровольской.

Записана В. Е. Добровольской в 1989 г. от Любови Филипповны Кузиной, 1911 г.р., г. Москва, Смоленская-Сенная.

Варианты: Худяков, №№ 2, 3, 5. Записаны в с. Мишино Зарайского уезда.

25. Покатигорошек (СУС 312D).— Арх. В. Е. Добровольской.

Записана В. Е. Добровольской в 1989 г. от Любови Филипповны Кузиной 1911 г.р., г. Москва, Смоленская-Сенная. Сказку слышала в детстве от отца.

26. <Звериное молоко> (СУС 315).— Смирнов, № 229.

Записано в 1897 г. в д. Новое Батурино Зарайского у. Пометка собир.: «Зап. вслед за рассказом крестьянина».

Сказка представляет собой оригинальный вариант сюжета «Звериное молоко», где мотив «герой по просьбе мнимобольной сестры отправляется за молоком волчицы, медведицы и львицы» обычно составляет центральный эпизод, звери же и спасают героя, когда сестра его связывает. В настоящей сказке сюжет несколько изменен; мотивы, связанные с несправедливым наследством, жадным, завистливым братом, разумной царевной, которая становится помощником Иванушки, придают сюжету черты бытовой сказки. Примечателен образ Иванушки — сильного, доброго, но вместе с тем простодушного и невежественного, за что и получает он прозвище дурака, что подчеркнуто его перевоплощением в достойного зятя царя после постижения им грамоты.

При перепечатке проведена разбивка текста на абзацы.

27. Сестра-изменница (СУС 315).— Арх. ГЛМ, инв. № 52. Фонд Е. Н. Елеонской. Сказки, легенды, записанные Е. Н. Елеонской в Москве в 1915—1916 гг., л. 27—38.

В отличие от предыдущей сказки в данном варианте выделяются эпизоды, связанные с животными-помощниками, отчего сказка обретает иной характер — сказки, рассказываемой детям, этому соответствует и стремление сказочницы наделить животных индивидуальными свойствами, так в сюжете неожиданно появляется лиса, которая берет на себя роль «старосты». Сами эпизоды (спасение царевича от смерти) выстраиваются по типу кумулятивной сказки.

«Волшаный зуб» в сказке определяется как «волшебный зуб», но это может быть прочитано как «волчаный», т.е. «волчий зуб», обладающий, по народным представлениям, магической силой, но, поскольку волк — один из персонажей, слово «волшаный» получает иное значение.

28. <Бычок-спаситель> (СУС 314А*).

1.— РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 88, л. 48—50. Фольклор. материалы, присланные в адрес Гос. академии истории матер. культуры. Полевые карандашные записи.

Записал В. С. Евлахов (?), П,Г. Богатырев (?) в 1914 г. от Арины (место записи не указ.) При наборе проведены расстановка знаков препинания и выделение абзацев и прямой речи.

2.— РГАЛИ, ф, 1426, оп. 1, ед. хр. 7, л. 12. Бронницкая экспедиция под руковод. Ю. М. Соколова.

Записала Е. Н. Каверина в 1923 г. от Евдокии Андреевны Хлебосоловой, около 60 лет, д. Сельцы Бронницкого у. «Рассказчица неграмотная. Долго жила в Москве «в няньках», эту сказку слышала от своей бабушки и рассказывала ее детям. Записана сказка около певшего хора. Обстановка развлекала; рассказчица прерывала сказку, чтобы вставить 2—3 слова о другом».

29. <Как парень страх искал> (СУС 326).— Арх. ГЛМ, инв. № 143, п. 3, л. 1. 1924—1925 гг.

Записали Э. Гофман, С. Минц от Петра Андреевича Потапова в д. Лапино Моск. обл. (?)

Редко встречаемый сюжет. Но рассказчик не очень умелый: речь замусорена словами «потом» или «потомо» и «вот», с которых начинается каждая фраза. Для удобства чтения в нескольких предложениях эти слова опущены (Н. В.).

30. Как царская дочь захотела нужду узнать (СУС—533**).— Смирнов, № 179.

Записано в 1897 г. в д. Мокеиха Верейского уезда. В сказке сохранены диалектные особенности. В публикуемом тексте проведена разбивка на абзацы.

Сказка примечательна ярко выраженным отношением исполнителя к рассказываемому, желание царевны познать нужду становится лейтмотивом сказки, в результате довольно вялый сюжет о подмененной невесте превращается в ироничный рассказ о судьбе.

31. <Хитрая наука> (СУС 325, 671).— Арх. ГЛМ, инв. № 52. Фонд Е. Н. Елеонской, л. 6—9. Записала Е. Н. Елеонская в 1916 г. в Москве.

Сказка представляет оригинальный текст, контаминируя широкоизвестные сюжеты «Хитрая наука» и «Язык животных». Уникален мотив «наделение мальчика чудесным знанием» путем его сожжения.

32. Про черта. (СУС 325). Арх. В. Е. Добровольской.

Записано В. Е. Добровольской в 1989 г. от Константина Васильевича Ныркова, 1908 г.р., г. Москва, Старомонетчиков пер., (Замоскворечье). Данный вариант сюжета «Хитрая наука» является наиболее известным в русской традиции, где устойчиво представлены мотивы вызова «черта» (он же «Ох»), узнавания сына, его перевоплощения, помощи матери (продажа в виде коня).

Близкий вариант: — Арх. МГУ, каф. фольклора. 1950, п. 4, т. 7, № 1. Запись Л. Яцковской от Николая Пряхина, 1931 г.р., с. Дединово Луховицкого р-на. Коля Пряхин известен в деревне как любитель и исполнитель песен советских композиторов, от него же записано несколько сказок, в том числе сказка под названием «Ох». Последовательность в изложении сюжета, живость рассказа, ряд бытовых сцен, детелей (например, встреча Оха на кладбище, перевоплощения у кабака и пр.) позволяют предположить популярность этой сказки в селе:

«Жили-были мать, отец и сын. Жили ни бедно, ни богато. Раз заболел отец и помер. Стали жить вдвоем с матерью, стали ходить в лес за желудями. Напекут, наварят и едят. Раз пошел сын с матерью на могилку. Сын пошел на могилку веточку сломать, дети они ведь какие! А мать села на могилку и так это: — «Ох!» Раз — перед ней Ох явился. Говорит: «Что вам надо?» Сначала мать испугалась, а потом говорит: «Мне бы сына устроить работать».— «Через три года приходите, узнаете — то возьмете его с собой». Ну, она пришла домой, говорит сыну: «Так и так, завтра тебя возьмет на работу Ох». Ну, он взял его.

Проходит три года, она идет на могилку, сына взять. Села, вздохнула, и опять перед ней является Ох. «Узнаешь своего сына — возьмешь, не узнаешь — приходи через три года». Выпускает перед ней двенадцать воробьев. Она, конечно, не узнала своего сына. Поплакала и ушла домой.

Проходит еще три года. Она приходит. Он выпускает теперь двенадцать голубей. Она опять не узнала своего сына. Поплакала, поплакала и ушла. Он сказал ей: «Вот теперь последний раз через три года приходи. Узнаешь — возьмешь сына, нет — останется он у меня навсегда». Ну мать закричала хлеще прежнего и пошла домой.

Ну, проходит три года. Идет, и около кладбища был кабак небольшой. Стоит большой жеребец и говорит: «Мать, он нас сегодня выпустит — двенадцать жеребят. Я буду стоять справа третий, ты узнаешь».

Приходит на могилу. Сказала: «Ох!» Он говорит «Ну, теперь последний раз!»

Он выпускает двенадцать жеребят. Она справа обошла, узнала своего сына. Он говорит: «Ну, бери, раз узнала». Она взяла своего сына и отправилась с ним домой. Приходит домой. (Он превратился в человека, у кабака). Он и говорит: «Теперь мы с тобой будем жить богато. Ты меня поведешь на рынок, но с уздечкой не продавай. Пройдет три дня, и я вернусь к тебе».

Много раз так было, продавала она. И начали они жить хорошо. И раз пошла она на базар. Подходит сам Ох и узнал его. Она стала его продавать, только без уздечки. Ох говорит: «Нет, без уздечки не продают!» Он купил коня и начал гонять. Гонял, гонял. Он до того дошел, что еле-еле дышит. Он привязал его у кабака, а сам пошел поесть, попить, позавтракать, одним словом. Ну, сел за стол, сидит.

А шла девушка с ведром, а он (конь) привязан был. Он взмолился: «Отвяжите меня, я не лошадь, а добрый молодец!» Она его отвязала от столба, и он побежал. Когда бежал — а Ох увидал и превратился сразу волком и за ним в погоню. Уже совсем рядом был! Он увидал, превратился зайцем, а Ох — лисою. Опять стал его догонять. Он превратился уткою, а Ох ястребом (курцеплятником). Они видят — догоняет ее. Он раз — превратился ершом (рыба такая есть), а Ох щукою. Долго он гонялся за ним, ведь ерша с хвоста не съешь, а с головы он не поддавался! Ну, как-то вышло дело так: он с головы чуть не попался и увидел — девушка стирает белье, он раз — кольцом. Она увидала и надела его на пальчик, а Ох увидел и превратился сразу барином и стал просить: «Отдайте мне кольцо!» А девушка, конечно, она не видала никаких баринов, и говорит: «Я никакое колечко у вас не брала». А он пристал: «Я,— говорит,— пойду пожалюсь вашему папаше!» Она говорит: «Пойдемте, пожалуйста, я вас не видала, нашла я,— говорит,— колечко и все». Приходят. Отец говорит: «Отдай,— говорит,— доченька, кольцо. Я тебе сколько хошь накуплю. Человек, может быть, и правда уронил». Ну она, конечно, обиделась. Сняла колечко и так об пол ударила, что оно раскололось на мелкие части, и один осколочек ей под калош попал под носок. А барин сразу превратился петухом и сразу все эти осколочки склевал. Когда съел эти осколочки, залетает на забор и запел: «Кого хотел, того и съел! Ку-ре-ку!» А этот осколочек выскочил ястребом и сразу петуху в голову долбанул и говорит: «Кого хотел, того и заклевал!»

Приходит к матери домой и рассказал все, что было с ним. Мать, конечно, поплакала. Ну, и стали опять жить. Никто их не обижал. Стал опять обманывать.».

33. Про Ивашку (СУС 327С).— Арх. В. Е. Добровольской,

Записано В. Е. Добровольской в 1989 г. от Константина Васильевича Ныркова, 1908 г.р., г. Москва, Старомонетчиков пер. (Замоскворечье). «Мама моя эту сказку мне рассказывала, чтоб я, значит, слушался»,— исп.

Данный вариант представляет наиболее канонический тип данного сюжета.

34. Про Хихилюшку и Бабу-Ягу (СУС 61В, 327С).— Смирнов, № 231.

Записано по памяти в 1897 г. в д. Чурилково Зарайского уезда.

Оригинальная сказка, контаминирующая сюжеты широко известных сказок: «Кот, петух и лиса» и «Ивашечка и ведьма». Сам образ Хихилюшки непонятен, есть необычное имя, которое дает некую характеристику герою — его шаловливость, упрямство; он очень мал (ему покровительствует кот) и очень отважен. Это великолепный образец сказки для детей.

35. Про Фефелю. (СУС 61В, 327С).— Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ.

Записал в 1970 г. В. Б. Сорокин от Е. И. Тестешниковой, 1895 г.р., в д. Волово Шатурского р-на.

Вариант сказки, публикуемой выше. Обе записи разделяют более 70 лет. Поздний варинат оказался более полным, имеющим лишь небольшие отличия: в именах персонажей Фефели и Бур-яги, в текстах песенок; в содержании же он повторяет сюжетную схему сказки о Хихилюшке. Вариантность сказки позволяет говорить о местной традиции в разработке названных сюжетов.

36. Невеста-лягушка (СУС 402).— Арх. ГЛМ. инв. № 52. Фонд Е. Н. Елеонской., л. 16—25. Записала Е. Н. Елеонская в 1916 г. в Москве.

Сказка содержит лишь первую часть сюжета, о чем свидетельствует нетипичный сказочный конец — разлука героев, хотя в данном варианте такой конец, с точки зрения сказочницы, вполне логичен: уход лягушки — это расплата за подчеркнуто пренебрежительное отношение Ивана-царевича.

Вариант этого сюжета (также первая часть) был записан в 1970 г. в д. Волово Шатурского р-на В. Б. Сорокиным во время студенческой практики МГПИ (арх. собирателя). Исполнительница, закончив сказку: «И улетела она от него»,— добавляет: «А дальше-то вот я уж забыла, как он ее искал».

37. Про царевну-лягушку (СУС 402, 302). Арх. В. Е. Добровольской.

Записано В. Е. Добровольской в 1989 г. от Василия Васильевича Ныркова, 1913 г.р., г. Москва, Старомонетчиков пер. (Замоскворечье). Исп.: «Эту сказку у нас все рассказывали, вот Костя (брат — Константин Васильевич) ее хорошо рассказывает. Я вот так помню, а он — по-другому». Данный вариант представляет полный сюжет.

38. Волшебница и золотая утка (СУС 403).— Худяков, № 71.

Записал С. И. Бочарников в г. Зарайске.

39. Про серую уточку (СУС 403).— Арх. В. Е. Добровольской.

Записано В. Е. Добровольской в 1989 г. от Екатерины Васильевны Ныркової, 1915 г.р., г. Москва, Старомонетчиков пер. (Замоскворечье). Исп.: «Нам когда баба Таня эту сказку рассказывала, она всегда плакала, и мы плакали, так нам царевну жалко было».

40. Южик (СУС 425М).— Арх. ГЛМ, инв. № 52. Фонд Е. Н. Елеонской, л. 1—2.

Записала Е. Н. Елеонская в 1916 г. в Москве.

Близкий вариант: — РГАЛИ, ф. 1520, оп. 1, ед. хр. 15, л. 20. Редакция газеты «Колхозные ребята». Дата: 15 июня 1936 г. Самозапись, детский почерк, отправитель Митя Янкин, г. Егорьевск.

41. Цветочек аленький (СУС 425С).— Арх. В. Е. Добровольской.

Записано В. Е. Добровольской в 1989 г. от Николая Николаевича Агафанова (по прозвищу Коля-Граммофон), 1903 г.р., г. Москва, Таганка. Комментарий исполнителя: «Я вот хоть и мужик, а тебе скажу. Нас, мужиков, жалеть не надо, мы всегда этим пользуемся. А бабы у нас все жалельщицы. Ну вот всегда им всех жалко». Реплика одного из слушателей: «Вот Коля-Граммофон тебе рассказал про бабью глупость. Ну, это точно. Бабы

всегда приключения... ищут. Вот еще мой дед рассказывал сказку, так наша Катька всегда ревела, что вот сейчас принца нет. Нашла себе принца!»

42. Финист (СУС 432).— Арх. В. Е. Добровольской,

Запись В. Е. Добровольской в 1989 г. от Константина Васильевича Ныркова, 1908 г.р., г. Москва, Старомонетчиков пер. (Замоскворечье).

43. Сноха (СУС 428, 480А*).— Худяков, № 20.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

«Бедро», «бедрочка» — прав.: «бёрдо», «бёрдешко» — гребень на ткацком станке.

«Рогач» — ухват.

44. Сказка о Машеньке и Агашеньке (СУС 480).— РГАЛИ, ф. 481, оп. 1, ед. хр. 453, л. 115—117. Фольклорная экспедиция под рук. Ю. М. Соколова. 1914 г.

Записала С. Черкасова, уч-ца VI кл., от крестьянки Наталии Алексеевны Сапожковой, д. Конюшково Краснопахорской вол. Подольского уезда.

Сказка вобрала в себя ряд мотивов сказок о мачехе и падчерице, обычно составляющих самостоятельные сюжеты, но в сказке Сапожковой они органично увязаны между собой и представляют целостное произведение, в котором при сохранении традиционной основы ощущается творчество исполнительницы.

45. Про Машу и Наташу (СУС 480) — Арх. МГУ, каф. фольклора. 1963, п. 6, т. 2, № 74. Запись П. Михайловой от Анисьи Васильевны Леньковой, 1903 г.р., г. Руза. А. В. Леонтьева родилась и выросла в д. Тарханы, где слышала сказки от своей бабушки и деревенских старух. В Рузе долгое время работала в детской больнице, где и рассказывала детям свои сказки, потому и помнила их. По ее словам, прежде знала около тридцати сказок. Публикуемая сказка представляет один из самых популярных сюжетов о мачехе и падчерице. Простота изложения, прекрасный язык, ряд бытовых подробностей, разработанность диалогов, характеров персонажей — все это проявление стиля «детской» сказки, то есть сказки, рассказываемой детям.

46. На пенек (СУС 480).— РГАЛИ, ф. 1548, оп. 1, ед. хр. 31, л. 7об, № 4.

Записано от старухи Авдотьи в 1914 г. в д. Сергейково Дмитровского уезда. Пометка собир.:«Знает только три сказки (в тетр. записано 4 сказки: «Безручка», «Сивка-Бурка», «Мальчик-с-пальчик» и «На пенек»). Узнала их уже бабой от захожей из Дмитрова цыганки».

Вариант: — Арх. ИАиЭ РАН (№ 1395), записан в 1939 г. во время фольклорной экспедиции в пригороде г. Коломны Городищах М. П. Григорьевым и В. И. Чичеровым от Н. К. Львовой 1887 г.р.:

«Жил-был, там уж как его назвать, ну старик со своей старухой. Ну, конечно, у него померла жена, женился он на другой. И осталась у них сирота — дочь. Привел он вот вторую мать, и она у него, конечно, народила детей, двух, что ли, дочерей. Тут выросли уж, конечно, взрослые и большие стали. Она очень нападала на падчерицу. И стали они, как все невесты, рядиться. Бывало, поедет отец на базар и накупит дочерям по одинаковому отрезу, там какие платья. Он всех по одинаковому рядил. Жена его-то встретит: «Зачем вот ты одеваться ей покупаешь?» — «А я хочу, чтобы они были одинаковы!» А мачеха очень вырывает и дочерям своим отдает то, другое. Через эту падчерицу были у них скандалы.

Вот однажды зимы жестокие, морозные были, мороз поднялся, а мачеха ругается: «Вези свою дочь в лес и заморзь ее там!» Ну, побился, побился старик. Делать нечего. Стал уважать (т.е.послушал) свою старуху. Все-таки повез свою дочь на мороз. А мачеха все-таки плачет и кричит. Рассерчал старик: »Мою-то отвезли, а свою оставили, вот ведь мороз трескучий какой!» (Самый-то тут интерес и есть — исп.)

А собачка стоит: «Тяв-тяв, твою-то дочь в злате-серебре привезут!» А мачеха-то как услышала и кричит старику: «Вези моих дочерей!» И укутала она их тепло, хорошо, чтобы не заморозмить. Увезли. Вот собачка-то и говорит: «Старикову-то дочь в злате-серебре везут, а твоих-то дочерей в мешке косточки везут». Она собаку-то ругает: «Ну, замолчи, проклятая, что ты болтаешь? Бреши наоборот: стариковой дочки в мешке косточки везут, а моих-то в злате-серебре везут!»

А тут по собачьему вышло. Мы тут по-старинному говорим: «Сироту-то бог пожалел, он ее наградил своим достижением».

47. Машка-сопливка (СУС 510 В).— Худяков, № 15.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Варианты: Худяков, № 14; Арх. ГЛМ, инв. № 143, п.15. Записали Э. В. Гофман и С. И. Минц в 1931 г., Орехово-Зуевский р-н. Дом отдыха рабочих химического завода «Сосновый бор». Начало сказки: дочь просит отца купить ей «платье, шитое золотом», «платье, шитое бриллиантами», достать волшебную палочку; девушка покидает дом, с помощью волшебной палочки делает шкаф, куда прячет платья, далее в содержании сказки переплетаются мотивы русской сказки и книжных текстов, но все это передано довольно неумело.

48. Строева дочь (СУС 511, 409).— Худяков, № 16.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Вариант: (СУС 511, 450).— Арх. ГЛМ, инв. № 143, п. 15, л. 41—47. Записали в 1931 г. Э. В. Гофман, С. И. Минц, Орехово-Зуевский р-н, Дом отдыха рабочих химического завода «Сосновый бор». (Мотив «помощи чудесной коровы сиротке» отсутствует; во второй части вместо брата появляется зайчик — все довольно путано).

49. Иванушка (СУС 530А).— Смирнов, № 222.

Записано в 1913 г. от старухи, д. Лека Егорьевского езда..

Проведена разбивка текста на абзацы.

Варианты: Худяков, № 10; РГАЛИ, ф. 1548, оп. 1, ед. хр. 31, л. 4, № 2. Запись от Авдотьи, 1914 г.р., д. Сергейкого Дмитровского уезда. Текст близок опубликованному, но несколько путаный, подарки покойного отца — свинка золотая щетинка и кобыла о двадцати жеребятах в сюжете не играют никакой роли, основу содержания составляет сватовство на царевне благодаря чудесному коню — Сивке-бурке. Интересна деталь: Иван дурак стучит дубинкой в могилу, вызывая умершего отца. Сказочница использует свои варианты традиционных поэтических формул: «Сивка-Бурка, вечная каурка, встань передо мной, как лист перед травой!», «Конь бежит, земля дрожит, сердце радуется» и др.

50. Дмитрий-царевич (СУС 532).— Худяков, № 90.

Записано в Москве.

Широко распространенный сюжет о герое, скрывающем свое имя. В данном варианте сказки царство, в которое попадает Дмитрий-царевич, несет на себе явные черты барской

усадьбы, с ее садом, прудами, балконом. Исполнительница последовательно излагает сюжет, подготавливая слушателя к заглавному эпизоду — узнаванию подлинного героя и его торжества.

51. Ванька-зеленый (СУС 532, 300).— РГАЛИ, ф. 1531, ед. хр. 1, тт. 6—7, л. 25—57. Фабриков Ф. Г. «Сказки, рассказы, стихотворения, записанные в городке Металлстроя на ст. Текстильщики Московской обл.» 1930-е гг. Самозапись.

Данный вариант сюжета «Незнайка» в отличие от предыдущей сказки, в сущности, представляет авторскую сказку. Несмотря на то, что в сказке последовательно излагается традиционный сюжет, выдержаны традиционные характеристики персонажей, сохранено множество поэтических формул,— излишняя детализация, безудержная фантазия рассказчика разрушает традиционную структуру сказки. Текст интересен как яркий пример сказки нового типа.

52. <Иван-царевич и серый волк> (СУС 550).— РГАЛИ, ф. 1531, оп. 1, ед. хр. 3, тетр. 6, л. 1—12. Фабриков Ф. Г. «Сказки, рассказы, стихотворения, записанные в городке Металлстроя на станции Текстильщики Московской обл.». 1930-е гг. Самозапись.

Данный текст сказки также содержит традиционный сюжет, который последовательно развивается в рамках сказочного времени, тем не менее эта сказка, хотя и изложена талантливым рассказчиком, как и предыдущая, несет на себе признаки разрушения сказочной традиции, что выражается в активном вмешательстве исполнителя в действие, его домысливании, акцентировании не значащих для сюжетного действия подробностей, натуралистичности ряда сцен. В результате сказка превращается в некий пространный роман, где ощутимо авторское начало.

Иная тенденция, определяющая судьбы современной сказки, проявляется, напротив, в сокращении сказки, где исполнителю представляется важным передача лишь узловых моментов действия. Примером может послужить вариант сказки на тот же сюжет: «Жар-птица»(СУС 550).— Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ. Записал В. Б. Сорокин в 1970 г. от Е. И. Тестешниковой, 1895 г.р. в д. Волово Шатурского р-на:

«Жил мужик, было у него три сына. Вот повадилась Жар-птица клевать к има пшеницу. Отец приходит и говорит: «Что такое? Клюют и клюют мою пшеницу! А кто, неизвестно?!» Старший брат пошел: «Пойду покараулю!» Он пришел, посидел, посидел и лег спать. Жар-птица прилетела, наклевалась и улетела. Глядь, он приходит домой, отец спрашивает, нашел он кого? — «Да нет, никого не нашел». Он другого, середнего, сына посылает. Сперва-то он сидел, а потом лег спать и проспал. Она прилетела, наклевалась и опять улетела. Приходит середний сын и говорит: «Батюшка, никого не видел». Отец говорит: «Ну, тебе, Ванюшка, приходить».

Ванюшка пошел пшеницу караулить. Пришел и лег спать и потом проснулся. Сидит караулит. Жар-птица прилетела клевать пшеницу и все осветила. Он ее и поймал. Поймал, а она и говорит: «Ванюшка, отпусти меня, я тебе службу сослужу». Он у нее перышко выдернул и отпустил. Потом приходит домой, отец спрашивает: «Ну как, Ванюшка?» А братья говорят: «Ну, куды ему, дураку этому? Мы не укараулили!» А он на печке сидел да светил перышком.

Ну и пошел Жар-птицу разыскивать. Глядь, приходит к месту, где три дороги. Там написано: «По этой поедешь по дороге — коня волк съест, а по этой — тебя убьют.» По-

ехал по прямой. Глядь, выходит к нему волк: «Куды, Ванюшка идешь?» — «Жар-птицу искать». — «Садись на меня, я тебя отвезу». Он сел на него. Подъехали к одному двору, а Ванюшка говорит: «Конь-то какой тут хороший!» Волк ему отвечает: «Ты ступай, коня-то возьми, а уздечку не бери».

Он, Ванюшка-то, пошел, коня-то взял, а как же уздечку оставить, она еще лучше. Стал уздечку брать, загремели колокольчики-ти, его и поймали, коня-то и взяли.

Он вернулся, ему и говорит волк: «Ну что, как я тебе говорил, не бери эту уздечку, не бери! Ну, теперь садись на меня, поедем снова».

Глядь, видят: Елена Прекрасная гуляет. Уж больно хороша. Волк и говорит: «Теперь ты оставайся тут, а я пойду».— «А как же ты?» — «Я сумею».

Приходит волк, Елену Прекрасную — на себя, вытащил и говорит: «Садись на меня, держись крепче, поедем!» Они едут, стоит конь. Говорит волк: «Держи Елену Прекрасную». Сам пошел коня взял и уздечку. Посадили Елену Прекрасную, приехали к отцу... Все. Может, не так?»

53. Чужим умом жить — добра не нажить (СУС 552В).— РГАЛИ, ф. 1503, оп.1, ед. хр. 27, л. 5. 1935 г.

Записал и прислал в ред. газ. «Колхозные ребята» Валя Арсеньев, с. Борщево Клинского р-на. Сказку записал от своей бабушки в 1935 г. Эта сказка под тем же названием присутствует в ряде писем, присланных в адрес газеты, что заставляет предположить ее книжное происхождение, в пересказах детей сказка варьируется, но не значительно, всюду сохранено ее название, искусственно переводящее сказку в своего рода басню.

54. Заколдованное дерево Липка (СУС 555).— Худяков, № 99.

Записано в Москве.

Редкий сюжет, в данной редакции в последующее время никогда не записывался в Московской губ., но зато большую популярность в устной традиции обрела «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.

55. Сказка про Ивана Купецкого сына (СУС 560).— РГАЛИ, ф.1450, оп.1, ед. хр.1, л.17—25. Дмитровская фольклорная экспедиция под руковод. проф. Ю. М. Соколова, 1927 г.

Записана от Степана Яковлевеча Аверьянова, 77 лет, д. Постниково Дмитровской вол. Дмитровского у. Примеч. собир.: «Эту сказку Степан Яковлевич, как сам говорит, читал лет 50—60 тому назад». Действительно, содержание сказки очень близко тексту, опубликованному в сб. И. А. Худякова, зап. в с. Плуталово Зарайского у. (вып. 3, № 92; 1860—1862, № 65, 1964), однако сказка Аверьянова несет на себе все черты своеобразной творческой манеры сказочника и далека от простого пересказа давно прочитанной или слышанной сказки.

Вариант: Худяков, № 65. Записана в с. Плуталово Зарайского уезда.

56. [Ванюшка-дурацок] (СУС —560*).— Смирнов, № 221.

Записано в 1913 г. в д. Лека Егорьевского уезда.

Редкий сюжет. Но эта же сказка может рассматриваться и как стяженный варинат предыдущего сюжета — «Волшебное кольцо» — СУС 560.

57. Кулик (СУС 563). Худяков, № 8.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Вариант: Худ. № 9, зап. там же.

58. Офицер и барыня (СУС 566).— Худяков, № 91.

Записано в Москве.

Распространенный сюжет, сказка в данном варианте своими персонажами, их поступками обретает черты бытовой сказки; примечателен образ лесового как чудесного дарителя.

59. Волшебная дудочка (850).— Чудинский, № 5.

Записано в Москве.

Начало сказки составляет мотив получения чудесных предметов. Как и в предыдущей сказке, чудесным дарителем выступает леший, что может указывать на местную особенность разработки сюжетов данного типа.

Вариант: Худяков, № 73, зап. в Зарайске (бытовая сказка о сметливом работнике).

60. Два брата (СУС 567, 303).— Арх. МГУ, каф. фольк. 1961, Моск. обл. 43, № 4.

Записана от Е. А. Воеводиной, 1891 г.р. в г. Рузе Моск. обл. Собиратели: Э. С. Афанасьев, А. Г. Лукин, С. Лебедева.

В сказке контаминируются сюжеты волшебных сказок «Чудесная птица» и «Два брата», включающий мотив о победителе змея (СУС 300). Основание контаминации дали герои соединяемых сказок — братья-близнецы. Исполнительница, сохраняя общий традиционный ход повествования, характеристику основных действующих лиц, в то же время легко варьирует сюжеты, вводит ряд бытовых деталей, рассуждений, диалогов, оживляющих рассказ. При всей скупости использования средств традиционной поэтики простота изложения, кажущаяся безыскусность делает повествование живым и выразительным.

Варианты: (СУС ЗОЗ) — Чудинский, № 3, зап. в Бронницком уезде; (СУС 567, 303); арх. ГЛМ, инв. № 234, л. 1—20. Самозапись. Поступила от П. А. Балдова из г. Ногинска в 1941 г.

61. Деревянный орел (СУС 575).— Чудинский, № 16.

Записано с рассказа московского ремесленника.

Редкий сюжет. В стиле рассказа ощущаются особенности речи жителя города.

«Эпанча» — епанча, старинная русская верхняя одежда, бытовавшая еще в XVIII в.

62. Два брата мельники (СУС 613).— Худяков, № 7.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Один из варинатов сюжета «Правда и кривда».

«Окаяшки» — нечисть, черти, персонажи быличек — от слова «окаянные».

63. Мальчик-с-пальчик (СУС 700).

1.— Чернышев, с. 89—90. Запись сделана со слов пожилой неграмотной женщины в с. Гончары Дурыкинской вол. в 1898 г.

Данный вариант представляет пародийную версию широко распространенного сюжета о чудесно рожденном мальчике.

Варианты: — Арх. ГЛМ, инв. № 23, ед. хр. 89, л. 6—7. Зап. в 1914 г., д. Малина Коломенского уезда. Начало сказки: «Был мужик-крестьянин. У него не было ни сына, ни дочери. Однажды поехал он на меленку. Когда приехал, засыпал хлеб молоть. Глядел, глядел, как меленка мелет, и заснул. Видит сон: явился к нему старичок и говорит: «У тебя нет ни сына, ни дочери, ты возьми отсеки пальчик мизинчик — вот у тебя и будет сын». Мужик вскочил, мизинчик отсек и опять заснул. Меленка домалывает у него засыпанный хлеб. Вдруг он слышит, кто-то говорит ему: «Тятенька, вставай, мучку выгребай». Он со-

скочил, смотрит — никого нет. «Это кто же мне говорит?» — «А вот на полу твой мизинчик лежит, он и говорит». Мужик выгреб муку. Мизинчик говорит: «Тятенька, сади меня в карман и вези домой». Мужик с радостью приезжает к жене и говорит: «Вот я, жена, себе сына нажил»... (далее содержание сказки близко к опубликованному тексту). РГАЛИ, ф. 1548, оп. 1, ед. хр. 31, л. 4. Записана в 1914 г. от Авдотьи, д. Сергейково Дмитровского уезда. Начало: «...старуха стала лучину щепать, отрубила себе палец и этот палец завернула в хлопочек и положила его в печурочку...», кончается: «Так мальчик барина надул: барин деньги отдал, а мальчик ушел». (Собир.: «Я думала, что сказка не кончена, но рассказчица уверяла, что вся».).

2.— Арх. В. Б. Сорокина. Фольклорная экспедиция МГПИ.

Записал В. Б. Сорокин в 1975 г. от Павла Ивановича Строганкова, 1912 г.р., с. Мышецкое Солнечногорского р-на.

Редко встречаемый полный текст сюжета.

64. <Безручка> (СУС 706).— РГАЛИ, ф. 1548, оп. 1, ед. хр. 31. Рукопись 1914 г., л. 3—4, № 1.

Записано в 1914 г. от старухи Авдотьи в д. Сергейково Ильинской вол. Дмитровского уезда. Сказку узнала от захожей из Дмитрова цыганки: «Когда я была без мужа, она мне эту побасочку сказывала (про брата и сестру), а я плакала». «Рассказывает сравнительно монотонно»,— собир.

Сказка была записана дважды — 2 и 8 июня. В круглых скобках — ( ) даны вставки собирателей. На полях и в конце записи 2 июня отмечены пропуски (помечены в тексте <...>), которые были в первом исполнении, а также вариантные дополнения и изменения. К началу сказки: «Жена невзлюбила свою золовку, взяла да у лошади голову и отрубила. Брат стучит: «Впустите меня»,— жена идет навстречу, пукли распущеные». В конце записанного текста: «Купеческий сын (пришел к родит.) «Надо ей,— гов.,— одеяние снести, и я ее замуж возьму». Далее комментарий собирателя: «В первый раз рассказчица, очевидно, ошиблась, было рассказано так: сноха, прочтя письмо, [сама] написала: послать в кузницу, приковать к грудям и т.д. Вышло так, как будто нищий прямо от нее вернулся с ответом». В первый раз этот (приведенный в полном тексте) конец был опущен. Кончалось словами: «Сговорились вместе жить». (Рассказчица говорит: «Это я все с начала рассказывать буду».)

65. Три сестры (СУС 780).— Худяков, № 17.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Благополучный конец этой сказки не типичен для этого сюжета.

66. Про царя Давыда (СУС —757**).— Чернышев, с. 109.

Записал В. И. Чернышев в 1898 г. «от 75-летнего старика, неграмотного, подолгу жившего в Москве в извозчиках», д. Харугино Московского уезда.

Легендарная сказка. В русском фольклоре редкий сюжет, в основе его библейская притча о явлении ангела царю Давиду («Библия. Вторая книга царств», гл. 12), но в народной сказочной интерпретации эта история обретает характер новеллистической сказки с ее традиционными персонажами — бедного крестьянина и царя, пытающегося отнять у бедняка красавицу-жену.

67. Как купец ризу украл (СУС —849***),— В. Х. (Харузина В. Н.?). К вопросу о влиянии верований на юридические обычаи.— «ЭО», 1892, кн. 12, № 1, с. 191.

Записано в Москве.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ, НЕБЫЛИЦЫ И АНЕКДОТЫ

68. Про Семилетку (СУС 875, 875Е*) — Арх. МГУ, каф. фольклора, 1963, п. 6, т. 2, № 73. Записала П. Михайлова от А. В. Леньковой, 1903 г. р., г. Руза.

Сказка контаминирует несколько сюжетов «об умных ответах». Крепкая слаженность композиции не позволяет видеть «швов» при соединении, и это проявление творчества исполнителя. Прекрасный язык, диаложная форма сообщает сказке особый динамизм, простоту изложения. Ряд бытовых деталей, сами комментарии исполнительницы — способ актуализировать содержание сказки, приблизить его к современности.

Мотивы сказки о трудных задачах см.— Худяков, № 38, зап. в с. Мишино Зарайского уезда.

69. <Невеста-дурочка> (без Ук.).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 13. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от Василия Степановича Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на.

Сказка относится к разряду сказок о мудрых ответах.

70. <Оклеветанная девушка> (СУС 883А).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 3—11. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц и студенты МГУ филолог. ф-та от Василия Степановича Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на. Сказку рассказал на расспросы о народной драме, не разыгрывали ли, например, «Лодку». Рассказав сказку, Исаев добавил: «Вот эту штуку можно на концерте поставить. Ну, трудно: лодку нужно и собаку, чтобы было хорошо. Я эту сказку — мне ее человек один не так грамотный рассказывал, я эту сказку кое-какие вещи поменял для прикрасу» (л. 11).

Вариант: Смирнов, № 230. Схематичный пересказ, записанный в 1897 г. в д. Чурилково Зарайского уезда.

71. Завещанье (СУС 915А).— Худяков, № 37.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

72. [Петр I и разбойники] (СУС 952).— Смирнов, № 228.

Записано в 1897 г. в д. Чурилково Зарайского уезда. Пометка: «Записано по памяти».

73. Как царь Петр I был с охотником на охоте (СУС 921 А,—921 F**).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3. л. 22—24. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от В. С. Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на. От В. С. Исаева записано 13 сказок, большинство из которых относятся к разряду бытовых и анекдотов. Исаев, как отмечено собирателями, очень общителен, играл в спектаклях, кото-

рые ставились в колхозном клубе, в сказках видит назидательные истории и любит их рассказывать. Многие из записей сказок сохраняют диалектные особенности (мягкие глагольные окончания, а также ссылки на Рязанский уезд — см. анекдот «Родная деревня» — несут на себе признаки южнорусской традиции), передают манеру речи, часто образной и афористичной. В его передаче сказки представляют замечательные образцы народной бытовой сатиры (см. ниже). Героем многих своих сказок Исаев делает себя и своих односельчан, а местом действия становится родное село Негомож и Коломенск.

74. Тоже про Петра рассказ (СУС 1610).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 25—26. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от В. С. Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на. Пояснение испол.: «Один рассказал — частенько вспоминаю. Когда подойдет такое дело — я и рассказываю».

75. Беспечальный монастырь (СУС 922).— Арх. ГЛМ, инв. № 42. Записи студентов Загорского гос. учительского института в 1943 г.

1.— Записала А. Ф. Кулагина в Талдомском р-не, Стариково-Зятьковского с/с.

2.— Записала Т. В. Корчагина. «Сказку слышала от своего дедушки Корчагина Тихона Емельяновича в д. Новинки Солнечногорского р-на. Рассказывал он лет восемь тому назад».

«Засыпка» — тот, кто работает на мельнице, засыпает муку при помоле.

Сказка о беспечальном монастыре является русским вариантом широко распространенного в мировом фольклоре и литературе сюжета «Император и аббат» (см. В. Андерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота. Т. 1. Казань, 1916). Публикуемые варианты представляют наиболее известную версию этого сюжета (текст 1) и вариант, получивший черты подлинно народной сказки (текст 2).

76. <Девушка и разбойник> (СУС 956В).— РГАЛИ, ф. 481, оп. 1, ед. хр. 453. Фонд Ю. М. Соколова.

Записана в 1914 г. в местечке «Садки» при мануфактурной фабрике Демина близ д. Хорлово Коломенского у. от Ксении Буравлевой, 14 лет, грамотной, по занятию — нянька.

Распространенный сюжет, который бытует, и как сказка и как устный рассказ.

77. Два брата (СУС 1534.) — Брик О. М. «Барин, поп и кулак». Народные сказки. Красная книжка. 1920, № 30, с. 45—48. Без точного указания места записи в Московской губернии.

Популярный сюжет бытовой сказки об умном мужике, получивший название «Шемякин суд» по названию древнерусской повести XVII в. «Суд Шемяки», известной в прозаическом и стихотворном вариантах и многочисленных лубочных изданиях, оказавших несомненное влияние на формирование данного сказочного сюжета. Своеобразие публикуемого варианта сказки — в изложении сюжета от первого лица, прием, типичный для хороших исполнителей бытовых сказок, который оживляет рассказ, усиливая комизм перенесением явно вымышленных событий в реальность.

78. Солдат (СУС 1360В).— Чудинский, № 2.

«С записки дворового человека в Москве».

79. [Солдат и барин] (СУС —1547**).— Смирнов, № 232.

Записано в 1897 г. в д. Новое Батурино Зарайского уезда.

80. Мужик и черт (СУС 1164, 1130).— Худяков, № 24.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Сюжет «Злая жена в яме» широко распространен в русском фольклоре.

81. <Жена-неткаха> (СУС 1370В*).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 12. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от В. С. Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на.

82. Капризная жена (СУС 901).— Чудинский, № 23.

Записано в Москве.

Оригинальный сюжет, близких варинатов не имеет. Сказка представляет сатиру на дворянское, иноземное, воспитание.

83. Как муж хозяйничал (СУС —1370*).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 21—22. Коломенская экспедиция МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от В. С. Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на. На эту же тему от Исаева записана другая сказка, но имеющая характер реальной истории: «Одна жена поменялась с мужем работой. Ведь правду говорят: «Лыко с ремнем постоянно вяжется». Где жена бядовая, муж уважит. Где муж бядовый — жена уважительная. В одно прекрасное время сидять они за столом. Жена мужу говорит: «Я бы,— говорит,— согласна быть хозяйкой, а ты бы уж был у меня в подчинении». Муж, понятно, согласен: «Да ведь эту штуку нужно сделать на сходке».— «Ну что ж,— говорит,— давай сделаем на сходке». Ну вот, когда сходка собралась, значить, он предложение даеть: «Православные! (сейчас «товарищи», а тогда «православные»). Вот,— говорит,— я хочу передать свое хозяйство своей жене. Значить, если какие недостатки, какие недочеты, то уж вы с меня не спрашивайте, а с моей жены. Согласны?» — «Да что! Согласны, молись Богу!» (Сейчас — поднятие рук, а тогда — молись богу!)

Проходит там месяц, другой. Деньжонки все израсходовались, расход-то — он все идет. Заработков никаких не стало. Десятского посылал староста. Народ никто не идеть, ни у кого денег нет. Он сам начал ходить с посохом по деревне. Он ходить, и уже доходить черед до них. И вот они сидять за столом, и вдруг староста и идеть. Муж и говорит: «Там, Анна, идеть староста, кричить: оброк, паства, все недоимки! А он,— говорит,— сейчас к нам придет, через дом».— «Как же,— говорит,— быть, куда мне деваться? Знаешь,— говорит,— что? Я вот ляжу на кровать, а ты меня одеялом».

Ну, значить, ладно. Легла на кровать, одеялом оделась. Вот идет староста к ним под окна. «Хозяйка дома, что ли?» — «Нет, она в Коломну уехала»,— а сам машеть его: покурим, иди, покурим что ли. Он приходить, открываеть дверь. Он показывает на кровать: «Вон она лежить».— «Скажи же ей, чтоб она позаботилась об оброке, о пастве, о том, о другом»,— и посохом-то ей, значить, смерил по спине.

Ей кричать нельзя, хотя и больно, терпеть приходится. Ну, покурили, поговорили. «Ну, до свиданья, Василий Степанович!» А он ему: «Посохом смерь, сколь она длинна». Он ей еще добавляеть на дорожку с приговором: «Скажи же ей, чтоб она позаботилась об оброке, о пастве». После его ухода она и говорит: «Бери,— говорит,— хозяйство совсем себе!» — «Что же тебе не хозяйствовать?» — «Гляди, что у меня есть (показывает на задницу), рубцы какие!» Он ей таких рубцов насажал на задницу, что я те дам». (Там же, л. 21—22).

84. <Жена-доказчица> (СУС 1381).

1.— Чудинский, № 8.

Записано в Москве.

2.— Арх. ГЛМ, инв. № 23, ед. хр 364. Фонд Е. Н. Елеонской, л. 24.

Записала Е. Н. Елеонская в 1914 г. от Александры Глыбиной, 1854 г.р. в с. Хорлово Бронницкого уезда (паспорт исп. см. в примеч. к сказке «Вершки и корешки»).

Вариант: Худяков, № 34. Зап. в с. Мишино Зарайского уезда.

85. Сын и мать (СУС 1384, 1289, 1202, 1540A*).— Худяков № 35.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

86. Ленивая жена (СУС 1405).— Худяков, № 97.

Записано в Москве.

«Мотовило» — приспособление для сматывания пряжи.

87. <Барма> (СУС 1525 A, 1525D, 1537, 1740, 1737).— РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 88, л. 16—32. Фольклорные материалы, присланные в адрес Гос. академии истории матер. культуры. (Полевые записи карандашом. На тетради наклейка: В. С. Евлахов, на задней обложке первой тетради автограф «П. Богатырев», на одной из стр. 2 тетр.— 1914 г.).

Записал П. Богатырев (?) в 1914 г. д. Поповка (?), без указ уезда, Московской губ. После текста карандашная заметка: «Гаврилыч, грамотный, не из книжки. В работном доме в Москве старик рассказывал». Сплошной текст, передающий деалектные особенности, без расстановки знаков препинания и абзацев, с небольшой правкой черными чернилами. На полях черной ручной заметка: «Сравни с шутовской комедией Перетца». При наборе текста сказки расставлены знаки препинания и выделены абзацы и прямая речь.

88. Про Климку-дурака (СУС 1525D, 1525A).— Арх. МГУ, каф. фольклора. 1963, п. 6, т. 2, № 72.

Записала П. Михайлова от Анисьи Васильевны Леньковой, 1903 г.р. г. Руза.

Вариант предыдущей сказки о ловком воре. Своеобразие данного варианта в живых диалогах, постоянном подчеркивании сообразительности мнимого дурака, насыщенности рассказа множеством бытовых деталей из сельского быта. Среди них чрезвычайно интересно изготовление Климкой чучела коня. В сущности, это точное описание коня для святочного или масленичного ряженья. Конец сказки передает наивное, но весьма типичное народное представление об истинной справедливости.

Вариант: Худяков, № 98, зап. в Москве.

89. <Как лодырь шкуру продавал> (СУС 1535,—1635J*).— Арх. МГУ, каф. фольклора 1961, п. 6, т. 3, № 64.

Записали Э. С. Афанасьев, В. М. Кучеренко от Николая Федоровича Сазонова, 1961 г.р., г. Руза.

90. Поп и батрак (СУС 1562A).— Арх. МГУ, каф. фольклора. 1961, т. 3, № 65.

Записали Э. С. Афанасьев, В. М. Кучеренко от Николая Федоровича Сазонова, 1961 г.р., г. Руза.

91. Работник (СУС 1000, 1045, 1071, 1072, 1063,1130, 1132).— Худяков, № 93.

Записано в Москве.

Сказка объединяет ряд мотивов об одураченном черте и попе, которые широко варьируются в пределах данного сюжета.

Варианты: Худяков, № 73, зап. С. И. Бочарниковым в г. Зарайске; № 30, зап. в с. Мишино Зарайского уезда.

92. Был трус и стал герой (СУС 1640).— РГАЛИ, ф. 1520, оп. 1, ед. хр. 14. Фонд газеты «Пионерская правда», л. 97—98.

Записал ученик 4 кл. школы «36» Ленинского р-на г. Москвы. 1934 г.: «Эта сказка записана со слов одной старухи, говорившей на собрании».

Вар: Худ. № 11. Записана в с. Мишино Зарайского уезда.

93. <Старуха-угадчица> (СУС 1641).— Арх. ГЛМ, инв. № 23, ед. хр. 364. Фонд Е. Н. Елеонской, л. 30—32.

Записана Е. Н. Елеонской в 1914 г. от Александры Глыбиной, 1854 г.р. в с. Хорлово Бронницкого уезда (паспорт исп. см. к сказке «Вершки и корешки»).

Вариант: Худяков, № 26. Зап. в с. Мишино Зарайского у.

94. Дурак набитый (СУС 1012, 1009, 1132).— Чудинский, № 10.

Записано в Москве.

Данный тип сказок широко варьирует мотивы о дураке. Дурак в этих сказках — это истинный дурак, терпимость к его поступкам кроется во взгляде на дураков как на юродивых, что отражено концовкой публикуемой сказки: «Господь хранит юродивых и всякую защиту подает им от беды».

«Коник» — лавка ларем для спанья.

«Полати» — настил из досок для спанья под потолком, устраиваемый между печью и противоположной ей стеной.

Варианты: мотив «Сторожи хорошенько дверь» (СУС 1009) — Худяков, № 73, (записана в Зарайске); мотив «Бегство от работника» (СУС 1132) — Худяков, № 93 (записана в Москве). Героем сказок в этих сюжетах часто является хитрый работник (см. сказку «Работник» в настоящем сб.).

95. Дурачок (СУС 1685А*, 1537, 1691) — Худяков, № 27.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Популярная сказка, представляющая устойчивую контаминацию сказочных сюжетов о дураках.

96. Опять дурачок (СУС 1696, 1643, 1600).— Худяков, № 28.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

Сказка объединяет в себя ряд мотивов и сюжетов о «набитом» дураке, поведение которого напоминает поступки юродивого. Это юродство и объясняет особую «везучесть» дурака и беззлобную иронию по отношению к нему.

«Играют песни» — поют песни; «кострика» — отходы от растительной пряжи.

97. Ваня-дурачок (СУС 1643).— РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 53, № 4, л. 16.

Записано 20/V-1930 г. со слов средних лет женщины из Рязанского округа Московской обл.

Широко распространенный сюжет, к которому присочинен анекдот.

98. Как в Москве быков переделывают на мужиков (СУС 1675).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 31—34. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от В. С. Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на. Комментарий испол.: «У меня был старший сын, ни к чему не льнет. А нужно было на завод людей. Люди ехали на места. «Я, папаша, поеду».— «Федот, из тебя ничего не получится».— «Нет, папаша, я поеду».— «Ну вот, если сделаешь мне сапожное шило, как я,— поедешь». И он разом на тиски — и сделал, как мое. И что ж? У него на заводе разом все пошло, а сейчас до высшей должности дошел на заводе. Через месяц — разряд, через месяц — разряд. Как по ступенькам лестницы. Как дошел до высшего разряду, пришлось учиться. До семилетки дошел. И теорию, и практику превзошел. Из быка мужика сделали».

99. <Как Ванька себя похоронил> (СУС 1365К*).— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 18—19. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от В. С. Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на. Комментарий рассказчика: «Это примерная вообще сказка. Она для взрослых подходящая. Дети — они халатно относются к этому делу. А мужчине одному рассказал, он заплакал — он к работе способствия не имеет, а детишек куча: чудной человек, все норовит, чтобы ему давали».

Редкий сюжет в русских сказках.

100. <Дурак в погребе> (СУС —1696С*).— Арх. ГЛМ, инв. № 112, л. 1—2.

Записал Петя Захаров, уч. IV кл., 1930 —е гг., от своего брата, д. Пруды Дмитровского р-на.

101. <Расправа с любовниками> (СУС 1725).— Смирнов, № 227.

Записано в 1913 г. в д. Ефимовская Егорьевского уезда.

Фрагментарный пересказ сюжета о приходе попа, дьякона и дьячка к жене мужика и расправе мужа с неудачливыми любовниками. В данном варианте сказка близка бытовому рассказу.

102. <Поп и мужик> (СУС 1735,—921F**).— РГАЛИ, ф. 1516, оп. 1, ед. хр. 55. Фонд В. М. Сидельникова.

Записал Н. Френкель в Москве в 1935 г. от Варвары Павловны Кармышевой, 1868 г.р., сказка слышана ею в г. Серпухове.

103. Поп и работник (СУС 1736).— РГАЛИ, ф. 1516, оп. 1, ед. хр. 17.

Записал В. М. Сидельников в 1930 г. от Петра Ромашова, д. Чашниково Коммунистического <Дмитровского> р-на.

104. Как дурачок обманул попа (СУС 1775).— РГАЛИ, ф. 1516, оп. 1, ед. хр. 17.

Записал В. М. Сидельников в 1930 г. от П. Ромашова, д. Чашниково, Коммунистического <Дмитровского р-на>.

105. Поп и солдат (СУС 1525 М*).— Арх. ГЛМ, инв. № 42. Записи студентов Загорского государственного учительского института. 1943—1944, л. 43.

Записала Беляева от студентки ЗГУИ Козляновой Н. И. Сказку слышала от колхозников д. Калинщины Лотошинского р-на в 1943 г.

106. <Как поп отелился> (СУС 1739) — РГАЛИ, ф. 1548, оп. 1, ед. хр. 31. Рукопись 1914 г., № 3 (2 и 8 июня).

Записано от Матрены, д. Сергейково Ильинской вол. Дмитровского уезда.

Вариант: Худяков, № 66, зап. в с. Плуталово Зарайского уезда.

107. <Как поп обедню служил> (СУС 1825D*).— РГАЛИ, ф.1548, оп. 1, ед. хр. 31. Рукоп. 1914 г., № 4 (8 июня), л. 2.

Записано от Матрены, неграм., в д. Сергейково Ильинской вол. Дмитровского уезда.

108. «За иконой за Николой» (СУС 1831A*) РГАЛИ, ф. 1419, оп. 1, ед. хр. 7. Собрание фольклорных материалов газеты «Безбожник», л. 1.

Записал И. Илюхин в 1938 г. со слов К. И. Варенцова в г. Дмитрове.

109. <Огонь за небылицы> (1920H*).— РГАЛИ, ф. 1531, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1—7. Записал Ф. Г. Фабриков в 1936 г. в г. Металлстрое, ст. Текстильщики.

Текст близок сказке из сб. А. Н. Афанасьева (№ 418), включает в себя мотивы: 1877*, 1889P, 1889K, 1900.

110. <Горох до неба> (СУС 1960G).— РГАЛИ, ф. 1548, оп. 1, ед. хр. 31. Рукопись 1914 г., № 2 (8 июня), л. 1.

Записано от Матрены, неграм., в д. Сергейково Ильинской вол. Дмитровского уезда.

Варианты: — Худяков, № 32, зап. в Мишино Зарайского у.; РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 88. Фольклор. материалы, присланные в адрес Гос. акад. истории матер. культуры. В. С. Евлахов (?). П. Г. Богатырев (?), т. 3. Полевые записи. [Кто дольше живет] — начало сказки (СУС 1960G, 37): «Посадили на подылки репку. Выросла она. Полезла бабка смотреть. Упала она с подылки, расшиблась вся и умярла. Старик и думаит: некому выть. Он нанял волка выть. Волк затянул голос. Он говорит: «Нет, ни гадитца». Он нанял зайца. Заяц затянул тонким голосом: «Нет, ни годитцы: бабка не услышит». Он нанял лису. Лиса затянула средним голосом. Он говорит: «Ну, ладно, повой еще, я тибе заплачу». Ее нисли, она все выла до погоста. Кагда закапали, она все выла. Вот пришли, старик и говорит: «Чаво ш тибе, лиса, дать-то?» Она говорит: «Чаво-нибудь». Потом собаки вы...» (далее запись обрывается) Записано от Ивана Фролова, 10 лет.

— РГАЛИ, ф. 1503, оп. 1: ед. хр. 27, л. 24, 1935 г. Записал и прислал в ред. газ. «Колхозные ребята» Павел Кутырев, воспитанник д/д «Юный большевик», г. Дмитров. «Эту сказку,— пишет П. К.,— я слышал у товарища из детдома. Он молчаливый, но любит слушать и рассказывать сказки и рассказы. Он слышал эту сказку от своего отца»: «Старик со своей старухой решили побывать на небе, в раю божьем. Посадили у себя в комнате турецкий боб. Боб стал быстро расти и через несколько дней дорос до потолка. Старик прорубил в потолке дыру. Но боб скоро дорос до крыши. И крышу прорубили. Боб дорос до неба. Старуха приготовила сухарей, лепешек положила в мешок и сама туда залезла. Старик взял мешок в зубы и полез. Лез, лез, долго лез. Старуха спросила: «Скоро залезем?» Старик не ответил. Старуха опять: «Скоро?» — ответа не было. Старуха рассердилась, как крикнет: «Скоро?!» Старик тоже рассердился: «Шкора!» — крикнул он и зубы разжал. А мешок упал.»

111. <О поселянине и медведице> (СУС —1900*).— Новокомский П.- И. «Книга о московском посольстве» (русский пер. с латин. А. И. Малеина 1908), с. 266—267. За-

писано во время русского посольства в Риме в 1525—1526 гг. со слов царского посла и толмача Димитрия Герасимова.

Одна из немногих сказок, записанная в XVI в. По своему типу относится к сказкам-небылицам.

112. Старик и старуха.— Худ. № 33.

Записано в с. Мишино Зарайского уезда.

113. Сказка про себя.— РГАЛИ, ф. 1548, оп. 1, ед. хр. 31. Рукопись 1914 г., № 1 (8 июня).

Записано в 1914 г. в д. Сергейково Ильинской вол. Дмитровского уезда от Матрены, неграм.

114. <Богатые мужики> (СУС 1932). Арх МГУ, каф. фольклора. 1961, т.4, № 38. Записали Э. С. Афанасьев и В. М. Кучеренко от Алексея Ивановича Елкина, 1878 г.р. в д. Ракитино Рузского р-на. Родители Елкина были крепостными, сам же Алексей Иванович в 1890-х гг. работал в Москве.

Записанная шутка — яркий образец народной иронии, построенная на использовании оксюморона — художественного приема, типичного для подобных произведений (ср. «Фома и Ерема»).

115. Врун.— Арх. ГЛМ, инв. № 42. Записи студентов Загорского государственного учительского института, 1943—1944 гг., л. 148.

Записала Т. В. Корчагина, «слышала от своего дедушки, Корчагина Тихона Емельяновича в д. Новинки Солнечногорского р-на. Рассказывал он лет 8 тому назад».

116. Купец — Чудинский, № 6.

Записано в Москве.

«Отгавливать» — «говеть еще неделю после причастия — старинный русский обычай, сохранившийся до настоящего времени во многих местах». (Чудин.)

117. <Саввушка>.— Арх. МГУ, каф. фольклора, 1961, т. 4, № 39-а.

Записано от А. И. Елкина, 1878 г.р. В 1899 г. Елкин работал в типографии Сытина. Образец городского фольклора, возможно, бытовавшего среди типографских рабочих.

118. <Как колядовщики рубль делили>.— Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция МГПИ. Записал В. Б. Сорокин в 1970 г. от Королевой, 1900 г.р., в д. Пестовская Шатурского р-на.

119. <Родная деревня>.— Арх. ГЛМ, инв. № 46, п. 3, л. 17. Материалы Коломенской экспедиции МГУ 1947 г.

Записала С. И. Минц от В. С. Исаева, 1879 г.р., с. Негомож Коломенского р-на.

120. Удалый батрак .— РГАЛИ, ф. 1503, оп. 1, ед. хр. 27, л. 3. 1935 г.

Записал и прислал в ред. газ. «Колхозные ребята» Валя Арсеньев, д. Борщево Клинского р-на. Сказку записал от своей бабушки.

121. Причастие.— РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 53. Рукоп. 1924—1934 гг., л. 14.

Записано в 1930 г. со слов рабочего И. А. Ж-ва в г. Москве.

122. Три раза «фон».— РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 53, № 4, л. 13.

Записано в 1930 г. со слов рабочего г. Москвы И. А. Ж-ва в возрасте 50 лет.

123. Сказка.— РГАЛИ, ф. 1520, оп. 1, ед. хр. 15, № 17. Рукопись 1936 г., поступила от Федуловой и Кочетыговой, г. Москва (детский почерк).

Анекдот построен по принципу кумулятивной сказки.

ПРЕДАНИЯ

124. Святое озеро с. Косино.— В. Н. Село Косино. Подмосковные святыни.— Всемирная иллюстрация. 1891, т. 46. № 1191, с. 351—354.

В публикуемом рассказе пересказано несколько народных преданий: одно — о явленной иконе Николая Чудотворца (в 1674 г. в Косине был возведен храм в честь св. Чудотворца Николая); другое — о просевшей церкви и образовании озера на месте провала (широко распространенный сюжет, объясняющий появление озер, ср. Китежскую легенду) и третий — местное предание о явлении пустыннику Букалу будущего великого града.

125. О названии Яхромы и Дмитрова.— М. Н. Тихомиров. Город Дмитров от основания города до половины XIX века.— Труды музея Дмитровского края, вып. 11. Дмитров, 1925, с. 6—7.

М. Н. Тихомиров дает пояснение к преданию: «Летопись относит основание Дмитрова к 1157 г., когда кн. Юрий Долгорукий находился на реке Яхроме «в полюдье», т.е. в княжеском отъезде за сбором дани; у него родился сын, которому он дает, по старому обычаю, двойное имя Дмитрий-Всеволод, и в честь его закладывает новый город. Обычаи называть города княжескими именами действительно были в ходу в XI—XII веке» (с. 7), что подтверждено летописью: «В лето 6662-е родися Юрью сын Дмитрей, бе тогда в полюдьи на реце Яхроме и с княгинею, и заложи град во имя сына своего, и нарек Дмитров, сына же нарече Всеволодом» (Полн. собр. летописей. Т. V, с. 160).

126. <Предания Зарайского уезда>.— Рязан. епарх. ведомости.

1.— 1889, № 5, с. 195.

2.— 1889, № 14, с. 625.

3.— 1889, № 19, с. 876. В примечании: «По словам бывшего местного священника В. Аннинского, у местного дьячка Ал. Виталина (†1874) хранилась писанная полууставом тетрадь, заключавшая в себе «сказание» об этом; в пожар 1859 г. она сгорела» (с. 887).

4.— 1889, № 24, с. 1152.

5.— 1890, № 19, с. 971.

6.— 1890, № 19, с. 973.

В конце XIX в. историки и археологи уделяют много внимания так.наз. «топонимической географии», отсюда интерес к народным преданиям, сохранявшим, по их убеждениям, отголоски реальных событий. Материал такого рода публикуется в изданиях историко-археологических обществ, губернских ведомостях и др.

127. О великанах.— Арх. МГУ, каф. фольк. 1950, п. 7, т. 10, № 44.

Записала Э. В. Померанцева от Константина Ильича Акулова, 1888 г.р., с. Дединово Духовицкого р-на.

128. Клад.— РГАЛИ, ф. 481, оп. 1, ед. хр. 456, л. 127. Фонд Ю. М. Соколова.

Записано 6 янв. 1914 г. от Ксении Гавриловны Буравлевой, 14 лет, грам. «по занятию — нянька», местечко «Садки» при мануфактуре Демина (близ д. Хорлово) Коломенского уезда.

Предание по характеру изложения близко сказке.

129. <Венец на кресте>.— Арх. ГЛМ, инв. № 52. Сказки, легенды, записанные Е. Н. Елеонской в Москве.

Записано 7 марта 1915 г.

130. <Царь Иван и лапотник>.— Коллинз, с. 14, № 3.

Одна из наиболее ранних (XVII в.) записей исторического предания об Иване Грозном.

131. <Иван Грозный и вор>.— Коллинз, с. 15, № 4.

Это же предание связывают с именем Петра I — см. в наст. сб. «Про Петра I» (2).

132. <Иван Грозный и ребенок> (СУС —920 Е).— Арх. МГУ, каф. фольк. 1950, п. 8, т. 11, № 46.

Записала Э. В. Померанцева от Николая Васильевича Каширина, 1893 г.р., с. Дединово Луховицкого р-на.

В основе предания лежит сюжет новеллистической сказки, который осмысливается как вполне достоверное происшествие, отсюда точное указание места события. В варианте этого же предания (Е. Баранов «Московские легенды», 1 изд., М., 1928; 2 изд., дополненное, М., 1993, с. 86—87.) действие происходит в Москве, в доме боярина, куда Иван Грозный с Малютой Скуратовым заходят в гости.

133. Про Ивана Грозного.— Е. Баранов «Московские легенды», М., 1993.

1.— Баранов, с. 82. Фрагмент рассказа «Иван Грозный и Малюта Скуратов», записанный Е. Барановым в 1920-х гг. в Москве от сапожника Василия Парфеныча Алексеева, «старика лет шестидесяти или немного старше... Родом он, по словам одних, из коломенских мещан, другие называют его ярославцем; в Москве живет он давно» (Е. Б.).

«Смертная казнь посредством удавления веревочной петлей в русском народе издавна считалась одной из самых позорных казней, как оскверняющая душу казненного. Применялась она к тяжким преступникам или же к тем, которых, в тех или иных видах, хотели заклеймить позором» (Е. Баранов, с. 83).

2.— Там же, с. 85. Отрывок из того же рассказа, записанного Е. Барановым от В. П. Алексеева.

«Название Лобное место» происходит от возвышенности, «взлобья», которое существует в этом месте Красной площади» (там же, с. 296).

3.— Там же, с. 88—88. Записал Е. Баранов от В. П. Алексеева в Москве.

«Исторический Малюта Скуратов погиб во время Ливонской войны в 1573 г. при осаде Пайды; был похоронен в Иосифо-Волоколамском монастыре» (Примеч. В. Боковой, там же, с. 296).

134. Постройка кремлевских стен в Москве.— Е. Баранов «Московские легенды», с. 88—89. Записал Е. Баранов в 1925 г. от печатника Якова Васильевича Пчелкина, в трактире.

«Современные стены московского Кремля были возведены в 1485—1495 гг. при великом князе Иване III. Так как современники нередко называли этого государя «Грозным», то в глазах потомков его личность отчасти слилась с личностью Ивана IV Грозного, что демонстрирует и легенда» (Примеч. В. Боковой, там же, с. 296).

135. Храм Василия Блаженного.

1.— Е. Баранов «Московские легенды», с. 89—91 (знак многоточие означает пропуск в тексте). Записал Е. Баранов в 1924 г. в Москве в трактире от неизвестного посетителя.

Храм Василия Блаженного — распространенное название Покровского собора что на рву. Построен в 1555—1561 гг. зодчими Бармой и Постником в честь победы над Казанским ханством. В 1588 г. к собору был пристроен придел Василия Блаженного, давший собору его второе название. Василий Блаженный — московский юродивый, причисленный к лику святых.

2.— Е. Баранов «Московские легенды», с. 91—93. Записал Е. Баранов в 1924 г. в Москве. «Вторую (легенду),— пишет Е. Баранов,— рассказал сапожник Иван Васильевич Шамкин, которому я предварительно передал содержание первой легенды. Шамкин отнесся к ней отрицательно, как, по его словам, к неправдоподобной. Свою же легенду он считает правильной, «потому что она идет исстари» (там же, с. 93).

136. Про Петра I.

1—5.— Арх. МГУ, каф. фольклора, 1950, п. 7, т. 10, №№ 1—4, 40.

Запись Э. В. Померанцевой от Константина Ильича Акулова, 1888 г.р. в д. Дединово Луховицкого р-на.

К. И. Акулов — незаурядный рассказчик, слывет балагуром. «Когда выпиваешь,— говорит он о себе,— анекдоты, побывальщины сами в голове роятся». К. И. Акулов 11 лет служил в армии. «Я больше всего Петром интересовался, книжек много читал и так интересовался — запоминал». В сущности, эти предания близки народным анекдотам и по форме, и по стилю. В исполнении Акулова они обретают особую живость, непосредственность устного рассказа, отражая особенности творческой манеры. Это печать индивидуального творчества настолько сильна, что истоки самих преданий — книжные или устные — уже не имеют значения. Это устные народные рассказы, традиционные в своей содержательной основе, оценках личности Петра как царя демократичного, верящего в русского человека, уважающего его умение и сноровку.

6.— Арх. МГУ, каф. фольклора, 1950, п. 8, т. 11, № 45.

Записала Э. В. Померанцева от Николая Васильевича Каширина, 1897 г.р., с. Дединово Луховицкого р-на.

В отличие от текстов (1—5), это местное родовое предание, оформившееся в целостный рассказ, который дополняется другими устными свидетельствами о пребывании в этих местах Петра I, записанными Э. В. Померанцевой в 1950 г.:

«У нас в селе побывал Петр I, с ним была какая-то женщина. Он ее и похоронил у нас, в Троицком приходе. Здесь он и пароходы строил» (К. И. Акулов, 1950, п. 7, т. 10, № 45). «Пребывание Петра I отразилось и в названиях улиц»,— пишет Э. В. Померанцева. «Тут есть улица Говенка — это переделали Гаваньку, где Петр строил бот в виде корабля. Ба-

хатя — это Бухты, где строили корабли. Озеро было Серебряное. Озера постепенно зарастают. Нужно было перевезти бот из озера в реку. Мужики тащили. Он назвал улицу Тащиловка» (Н. В. Каширин,— 1950, п. 8, т. 11, № 44).

137. <Предсказание>.— Арх. ГЛМ, инв. № 52, л. 40. Сказки, легенды. записанные Е. Н. Елеонской в Москве.

Записала Е. Н. Елеонская в 1917 г. от торговки в Москве.

Рассказ представляет особую жанровую разновидность несказочной устной прозы. В предсказаниях будущее (обычно уже свершившееся) получает толкование на основе какого-то якобы достоверного события (сон в предсказаниях равнозначен реальности). Но само событие всегда имеет под собой фольклорную почву: включает элементы сказки, былички, приметы, поверия и пр. В рассказе Елеонской предсказания коровы перекликаются с библейскими снами египетского царя и их толкованием Иосифом.

138. Матрешкино предсказанье.— Баранов, с. 211, 214.

Записал Е. З. Баранов в 1927 г. от М. С. Трубицыной в Москве. «Марья Сергеевна Трубицына, женщина лет пятидесяти. Родина ее — Тамбов, а отец — отставной солдат... После смерти отца Марья Сергеевна двенадцатилетней девочкой пошла в люди — зарабатывать хлеб. Сперва нянчила ребят в семьях мастеровых, потом, когда подросла, стала горничной у чиновников, потом была прачкой, кухаркой. Собеседеница она хорошая...» (с. 210).

Примечание Баранова: «Легенд, рассказывающих о предсказаниях Николаю Второму и его матери несчастливого царствования, падения дома Романовых и его трагической смерти, довольно много. Исходят эти предсказания от видных духовных лиц, священников, вроде Ивана Кронштадского, монахов-отшельников, известных своей строгой жизнью, юродивых, цыганок-гадалок...» (с. 215).

БЫЛИЧКИ

139. Ночь на Ивана Купалу.— Худяков, № 74.

Записал С. И. Бочарников, Зарайск.

В основе рассказа широко распространенное поверие о цветущем в ночь на Ивана Купалу папортнике, приносящем счастье.

140. Медведь и баба.— РГАЛИ, ф. 1418., оп. 1, ед. хр. 2, л. 87—91. Баранов Евгений Захарович. Легенды, записанные в Москве в 1920—1928 гг. Рукопись.

Записано от Матрены Козловой в Москве. (Перед текстом очерк Баранова): «Бабушка Матрена, Бабка Матрена, «баушка», старая сатана, в зависимости от обстоятельств называли ее так ночлежники постоялого дома, где я был дворником. Откуда она явилась, никто не интересовался знать это, даже полиция. А была она старухой-нищенкой, лет 60 с хвостиком, существо доброе и безобидное. И жила она в ночлежке потихоньку-полегоньку, занимаясь, по ее словам, тем ремеслом, которое «определила ей судьба»... и жила уважаемая старушка в ночлежке 5 месяцев и раз, когда «ребятки» затеяли разговор про медведей (а говорили они о разных вещах и предметах), бабушка, в свою очередь, рассказала интерес-

ную сказку про медведя, который жил с бабой. Потом как-то пошла она «в поход» и уже больше не вернулась в ночлежку — где-то запропастилась» (л. 86).

«О том, что медведь — человек, проклятый и превращенный богом в зверя за тяжкие грехи, мне,— пишет Баранов,— пришлось слышать в Нальчике, в станице Луговской и Ставрополе-Кавказском в 20-х годах.., в Москве в 1912 г. я записал от сезонных рабочих легенду, по своим достоинствам отличную от первой и небезынтересный вариант ее. В первом случае рассказчик — маляр из крестьян Рязанской губ, 45 лет. По его словам, «про эту историю (т.е. о похищении медведем бабы и его сожительстве с ней) он прочитал в махонькой книжке» (л. 92). Далее Баранов отмечает, что ни в одной лубочной книжке этого текста нет и приводит запись рассказа от этого крестьянина. Вариант имеет некоторые отличия от публикуемого: баба рожает в лесу, крестьяне находят ее, медведя убивают, а медвежонок куда-то делся, баба же померла. Третий варинат былички на эту тему, приводимый Барановым, содержаит наиболее архаические черты, он был записан от крестьянина Костромской губ., но дается в схематичном пересказе, где сохранены интересные детали: баба родила от медведя мальчика, который ничем не отличался от человека, за исключением ушей — они у него были медвежьи. Баба убегает — на пароме переплывает реку, когда медведь увидел ее, он поднял сына (от бабы) и разорвал надвое.

Мотив «рождение человека от медведя» встречается в волшебных сказках, имя такого героя — Иван медвежье ушко. Это подлинный богатырь, сильный, защитник слабых.

Опубликованный текст контаминирует быличку о рождении человкека-медведя и предание, связанное, по всей видимости, с именем Петра I, здесь же и предание, как Петр I создавал свою кунсткамеру.

141. Жадный поп.— Арх. ИАиЭ РАН, № 1395. Экспедиция МОПИ.

Записали М. П. Григорьев и В. И. Чичеров в 1939 г. от Н. К. Львовой, 1887 г.р., пригород г. Коломны Городищи.

142. [Про овцу].— Чернышев, № 15, с. 100—101.

Записал В. И. Чернышев в 1898 г. в с. Радомля Дурыкинской вол. Московского уезда.

143. <Как парень сватался>.— Арх. ГЛМ, инв. № 23, ед. хр. 89.

Записано в д. Малина Коломанского уезда.

144. Про черта.

1—4.— Е. Ляцкий. К космогоническим легендам дуалистического типа.— «Этнографическое обозрение», 1892, кн. 13—14, № 2—3, с. 252—253.

Запись от крестьянки с. Капынь Верейского уезда.

Исследуя космогонические предания, Е. Ляцкий приводит устные рассказы, записанные в разных российских губерниях, в том числе и публикуемые тексты, предваряя пояснением — народным верованием: «С тех пор как Господь изгнал их (чертей) с неба, они не имеют туда доступа, и по земле теперь черт не ходит, а сидит в реках и болотах» (с. 252).

Вариант к быличке 3: «У одной женщины скотина не приживалась, и однажды к ней пришел мужчина и говорит: «У тебя ничего не ведется». А она отвечает: «Да». Тогда он сказал: «Дай мне яйцо». Она ему дала, он ушел на двор, через некоторое время приходит и что-то сделал с яйцом. А в этом яйце что-то черное, как мышь. А женщина испугалась и ему говорит: «Это что такое?» А он ей ничего не сказал. Потом говорит: «Куда бросить? В этого человека-колдуна, который сделал зло, или по свету?» Она говорит: «По свету».

Яйцо бросил, и по полю побежал мужчина» (Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ. Записал А. Данилкин в 1970 г. от А. А. Кутырьева, 1905 г.р., д. Коренец Шатурского р-на).

5.— Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ.

Записал А. Данилкин в 1970 г. от Е. И. Тестешникова, 1895 г.р., д. Валово Шатурского р-на.

6.— Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ.

Записал О. Шерстнев в 1970 г. от М. В. Гуськова, 1909 г.р., д. Лека Шатурского р-на.

7.— Арх.В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ.

Записала Н. А. Кондратьева в 1978 г. от А. Н. Зеленина, 1903 г.р., д. Татёрки Волоколамского р-на.

8.— Фольк. арх. МГДТДиЮ, 1993 г., т. 1.

Записали О. Б. Балашова и Н. Наумова в 1993 г. от Марии Ивановны Ереминой, 1905 г.р., в д. Устиновка Раменского р-на.

145. Про домового.

1.— Арх. ГЛМ, инв. № 143, п. 10, л. 5—6. Рукопись 1927—1928 гг. Записи учащихся 29 школы II ступени и рабфака Рогожско-Симоновского р-на г. Москвы. Записал Кирилин.

2.— Фольк. арх. МГДТДиЮ.

Записала Л. Корина в 1997 г. от М. Н. Одинцовой, 1930 г.р., с. Вороново Сергиево-Посадского р-на.

146. О леших.

1—2.— Арх. ГЛМ, инв. № 23, ед. хр. 364.

Записала Е. Н. Елеонская в 1914 г. в с. Хорлово Бронницкого уезда от Александры Глыбиной, 1854 г.р., из-под Бронниц.

3.— Арх. ГЛМ, инв. № 143, п. 10, л. 5. Рукоп. 1927—1928 гг. Записи учащихся 29 школы II ступени и рабфака Рогожско-Симоновского р-на г. Москвы. Записал Кирилин.

4—10.—Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ.

4—6. Записал В. Б. Сорокин в 1973 г. от М. Е. Апраскина, 1910 г.р., с. Льялово Солнечногорского р-на.

7.— Записала О. А. Тинина в 1978 г. от А. Н. Зеленина, 1903 г.р., д. Татёрки Волоколамского р-на.

8—9. Записал А. Данилкин в 1970 г. от Е. С. Базарнова, 1908 г.р., д. Лека Шатурского р-на.

10.— Записал А. Данилкин в 1970 г. от А. А. Кутырева, 1905 г.р., д. Коренец Шатурского р-на.

147. О водяных и русалках.— Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ.

1.— Е. Ляцкий. К космогоническим легендам дуалистического типа.— «ЭО», 1892, кн. 13—14, № 2—3, с. 253.

Здесь чертом назван водяной, который имеет явные приметы сома. В некоторых местах сома и считают водяным.

2.— Записал В. Б. Сорокин в 1973 г. от М. Е. Апраскина, 1910 г.р., с. Льялово Солнечногорского р-на.

3.— Записала О. А. Тинина в 1978 г. от А. Н. Зеленина, 1903 г.р., д. Татёрки Волоколамского р-на.

4.— Записал А. Данилкин в 1970 г. от Е. И. Тестёшникова, 1895 г.р., д. Валово Шатурского р-на.

148. Про овинника.— Арх. В. Б. Сорокина. Экспедиция фольклорного кружка МГПИ.

Записал С. Травников в 1970 г. от М. М. Гуськова, 1909 г.р., д. Лека Шатурского р-на.

Обычно овины топят «в замолотки» (24 сент. по ст. ст.) и на Покров (1 окт.). Существует поверие, что, если овины топятся в неположенное время, овинник тем или иным способом может выразить свое недовольство.

149. Колдунья.— Худяков, № 94.

Записано в г. Москве.

«Мертвец, встающий из гроба» — мотив, традиционный и для сказки, и для былички, разница между сказкой и быличкой в отношении к рассказываемому. В сказках это обычно один из мотивов, в быличке данный мотив составляет основу содержания.

150. О колдунах

1—2.— Арх. ГЛМ, инв. № 143, п. 10, л. 4. Рукопись 1927—1928 гг. Записи учащихся 29 школы II ступени и рабфака Рогожско-Симоновского р-на г. Москвы. Записала Русакова.

3.— Арх. ГЛМ, инв. № 143, п. 5, л. 20. Записи в тетраде 1927—1928 гг. Записала С. И. Минц от учащейся 29 школы II ступени Рогожско-Симоновского р-на г. Москвы.

4—8.— Фольк. арх. МГДТДиЮ, 1993 г.

Записали О. Б. Балашова и Н. Наумова от Марии Ивановны Ереминой, 1905 г.р. (4—6) и Агрофены Ивановны Макаровой, 1910 г.р. (7—8) в д. Устиновка Раменского р-на.

151. О летающем змее.— РГАЛИ, ф. 1547, оп. 1, ед. хр. 88, л. 92. Фольк. матер., присланные в адрес Госакадемии истории матер. культуры. Полевые записи.

Записал В. С. Евлахов (?), П. Г. Богатырев (?) в 1914 г. в Моск. губ.

Поверия о летающем змее сохранились до настоящего времени. В 1998 г. в с. Слотине Сергиево-Посадского р-на фолькл. эксп. МГДТДиЮ — О. Б. Балашовой и Н. Котовой записано от А. В. Малышевой, 1925 г.р.: «Летит, в дом летит, прям в трубу летит к жене, к женщине любимой, лицо не кажет, а обнимает по ночам».

152. О явленных мертвецах.— Арх. МГДТДиЮ.

Записали С. Баневич и Л. Котова в 1998 г. от бабы Риты, 1930 г.р., д. Волово Сергиево-Посадского р-на.

153. <О судьбе>.— Записала Н. М. Ведерникова в 1998 г. в Москве от старушки в случайной уличной беседе.

КОММЕНТАРИИ К СБ. «СТАРАЯ ПОГУДКА» (1898—1895)

Сборник под названием «Старая погудка на новый лад», или «Полное собрание древних простонародных сказок», издавался отдельными выпусками в течение 1898—1895 гг. По мнению исследователей (В. И. Чернышев. Русские сказки в изданиях XVIII в. / Сб. ст. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности». Л., 1934; И. М. Колесницкая. Русские сказочные сборники последней четверти XVII в. Уч. зап. ЛГУ, № 33, вып. II, 1939; Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки, М., 1965, с. 37), это один из лучших сборников сказок конца XVII в. В. И. Чернышев полагал, что в этом сборнике содержатся московские сказки, подтверждая свое мнение сходными вариантами из сб. Е. А. Чудинского и И. А. Худякова, записанными в Москве.

II часть сборника «Старая погудка» значится в описи книг библиотеки А. С. Пушкина.

12 сказок этого сборника опубликованы в кн. «Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVII вв. Вступ. ст., подг. текстов и комментарии Н. В. Новикова. Л., 1971, с. 226—261. 3 сказки из сб. Новикова и комментарии к ним помещены в настоящем издании. Несмотря на явные признаки стилизации, сюжеты этих сказок, несомненно, народные, имеющие варианты в общерусской традиции, а также в московских записях сказок.

154. Сказка о Катерине Сатериме (СУС 707).— Новиков I, 45. Вариант моск.: Худяков, № 63, зап. в с. Плуталово Зарайского уезда.

«Судя по имени героини (Катерина Сатерима), И. Сахаров (без уточнения конкретного источника) считал сказку новейшим переводом с французского языка; к французскому же источнику — легенде о Женевьеве — возводил ее и Д. Ровинский. Однако И. М. Колесницкая на основе сравнительного анализа сказки показала ошибочность такого рода заключения (Русские сказочные сборники XVII в., стр. 201). Она установила отличие сказки «Старой погудки» от ее западных вариантов не только в сюжете, но и в стиле, языке, образов. Несомненно чисто русскими является формула, характеризующая чудесных сынов («по локоть руки в золоте, по колено в серебре, на каждом волоске по жемчужине»), зачин («В некотором царстве жил-был»), концовка («Стал с ними жить да поживать, а сестер ее обеих велел повесить на воротах и расстрелять») и ряд других сказочных выражений и простонародных оборотов речи.

В данном пересказе сказка сильно сокращена главным образом за счет нарушения троичности (так, вместо обычных трех поездок на чудесный остров купцов совершается лишь одна поездка самого короля, в которой он и соединяется со своей женой и сыновьями).

Королевства Буржатское и Киржатское — искусственно введенные в сказку названия.

В народных вариантах обычно изображается не королевская, а царская семья и чудесные дети подменяются не уродами, а «неведомыми зверюшками» (запись Пушкина), щенками, котятами и пр.» (Новиков I, с. 281).

155. Сказка о сизом орле и мальчике (СУС 480А*).— Новиков I, 46. Варианты моск.: Худяков, 11, 12, 13, 19, 20, записаны в с. Мишино Зарайского уезда.

Один из наиболее популярных и хорошо сохранившихся в устной традиции сюжетов русской сказки.

156. Сказка о Ивашке-медвежьем ушке (СУС 650А, 301 А, В).— Новиков I, 47. Вариант моск.: Худяков, № 5, записана в с. Мишино Зарайского уезда.

«В отличие от многочисленных вариантов в сказке «Старой погудки» опущен начальный (как правило, подробно разработанный) эпизод чудесного рождения Ивашки-медвежьего ушка от человека и медведя, а также его пребывания в медвежьей берлоге <см. быличку в настоящем сб. «Медведь и баба»>. Во всем остальном тип героя выдерживается в традиционной трактовке. Медвежье ушко наделяется непомерной силой. Уже в безобидной игре с деревенскими ребятами он наносит им непоправимый урон («кого ухватит за руку, то оторвет руку прочь, кого за голову, то оторвет голову». Ср. с аналогичной формулой в сказке об Еруслане Лазаревиче), а в единоборстве с Бабой-Ягой (не в пример великанам Горыне и Дубыне) легко одерживает победу.

Вторая часть сказки «Три царства» изложена несколько схематично. Так, путешествия героя поочередно к трем девицам подземного царства заменены одним (он застает их всех вместе в одной избушке). Видимо, с той же целью сокращения изменен и конечный эпизод (в вариантах «на белый свет» героя выносит чудо-птица, что предполагает разработку ряда дополнительных деталей)» (Новиков I, с. 282).

КОММЕНТАРИИ К СБ. Б. БРОННИЦЫНА «РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ» (1838)

Сборник Богдана Бронницына, включающий 5 сказок, был издан в 1839 г. В предисловии составитель, отмечая пользу собирания народных сказок, «сохраняющих в себе черты народных свойств, поверий, поговорок и тех особенностей, которые составляют собственность каждого языка и народа», достоверность сказок своего сборника подтверждает ссылкой на реального рассказчика — «хожалого сказочника из Подмосковной, которому рассказал старик, отец его».

Критика 1830-х гг. была склонна видеть в этих сказках лишь очередной опыт публикации русских сказок, подметив переделки и явные привнесения со стороны составителя, но вместе с тем указав на простоту изложения и близость к народной речи. Того же мнения был, видимо, и А. Н. Афанасьев, перепечатав в приложении к своему сборнику 4 сказки из сб. Б. Бронницына.

Все сказки сб. Бронницына помещены в кн. «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. Сост., вступ. статья и комментарии Н. В. Новикова. М. —Л., 1961. 2 сказки из этого сборника и комментарии к ним публикуются в настоящем издании.

157. Сказка о богатыре Голе Воянском (СУС 1640).— Новиков II, 21. Вариант: № 92 (наст. сб.).

Сказка представляет пародию на богатырский эпос.

«Сказку о Голе Воянском» Белинский считал лучшей в сборнике Бронницына, верно оттеняя в ней одну из существенных сторон — «неподдельный русский юмор» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., II, с. 511).

Составитель сохранил содержание, образы, сюжет, мотивы народной сказки, ее шутливую манеру изложения (рифмованные словечки и традиционные выражения вроде «мал да удал», «тридцать трех богатырей сразу уложил, а мелкой силы и сметы нет» и др.) Впро-

чем, на стиль сказки заметное влияние оказал лубок, от лубка идут и имена таких персонажей, как Зилант Змеуланович, Смета, Удача. (Новиков II, с. 362).

Чурила Пленкович — один из богатырей русского эпоса.

Еруслан Лазаревич — герой-богатырь, популярный персонаж лубочных сказок.

158. Сказка об Иване Кручине, купеческом сыне (СУС 532).— Новиков II, 23.

Варианты: №№ 50, 51 (наст. сб.).

«Сюжет «Незнайка» в сказке Бронницына не представляет единого целого: в средине он как бы разобран на две части, между которыми искусственно введены некоторые эпизоды, разрабатывающиеся обычно в сказках типа «Два брата» (Указатель 313, 313 1, бросание предметов, превращающихся в лес, горы и т.п.), «Иван-царевич и серый волк» (Указатель 550, действие живой и мертвой воды). Именно это обстоятельство, по всей видимости, и послужило для Афанасьева основной причиной невключения данного («испорченного») текста в свое собрание.

Несмотря на явный эклектизм композиции, сказка Бронницына в своих отдельных частях изложена довольно стройно, языком, близким к языку настоящего народного рассказчика. Это особенно относится к первой части ее (вплоть до сцены бегства Ивана из родительского дома), в которой заметно выступают не только части сказочных мотивов, но И некоторые подробности купеческого быта» (Новиков II, с. 363).

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

Указатель составлен на основе «Сравнительного указателя сюжетов. Восточнославянская сказка» (СУС), Л., 1979.

После порядкового номера и названия в соответствии с Указателем дается номер сказки, публикуемой в настоящем сборнике, в которой этот сюжет составляет основу содержания сказки или ее часть (мотив).

1 . . . . . Лиса крадет рыбу с воза (саней).— № 5.
2 . . . . . Волк у проруби.— №№ 2, 5.
3 . . . . . Лиса обмазывает голову тестом (сметаной).— №№ 2, 5.
4 . . . . . «Битый небитого везет».— № 5.
31 . . . . . Волк (козел, медведь) и лиса в яме.— № 6.
-51A* . . . . . Медведь, лиса и волк.— № 7.
61B . . . . . Кот, петух и лиса.— №№ 33, 34
68A . . . . . Кувшин-ловушка.— № 2.
68B . . . . . Лиса топит кувшин.— № 8.
103 . . . . . Кот и дикие животные.— № 9.
121 . . . . . Волки лезут на дерево.— № 10.
122M . . . . . Баран соглашается прыгнуть в пасть волка.— № 11.
123 . . . . . Волк и козлята.— № 12.
154 . . . . . Мужик, медведь и лиса.— № 13.
155 . . . . . «Старая хлеб-соль забывается».— № 14.
158 . . . . . Звери в санях у лисы.— № 2.
161A* . . . . . Медведь на липовой ноге.— № 15.
170 . . . . . «За скалочку — гусочку».— №№ 2, 3.
254** . . . . . Ерш Ершович.— № 16.
283B* . . . . . Терем мухи.— № 1.
298A* . . . . . Мороз, солнце и ветер.— № 19.
703*=AA*171 . . . . . Снегурочка.— № 17.
1034 . . . . . Дележ урожая.— № 18.
2025=AA*296 . . . . Колобок.— № 4.
300 . . . . . Победитель змея.— № 51.
300A . . . . . Бой на калиновом мосту.— №№ 21, 22.
301A, B . . . . . Три подземных царства.— №№ 23, 24, 156.
302 . . . . . Смерть Кащея в яйце.— № 37.
303 . . . . . Два брата.— № 60.
312D . . . . . Катигорошек.— № 25.
314A* . . . . . Бычок-спаситель.— № 28 (1—2).

315 . . . . . Звериное молоко.— №№ 26, 27.
325 . . . . . Хитрая наука.— №№ 31, 32.
321 . . . . . Мальчик учится страху.— № 29.
327C . . . . . Мальчик и ведьма.— №№ 31, 32, 33.
402 . . . . . Царевна-лягушка.— №№ 36, 37.
403 . . . . . Подмененная жена.— №№ 38, 39.
409 . . . . . Мать-рысь.— № 48.
425C . . . . . Аленький цветочек.— № 41.
425M . . . . . Жена ужа.— № 40.
428 . . . . . Девушка на службе у ведьмы.— № 43.
432 . . . . . Финист ясный сокол.— № 42.
480 . . . . . Мачеха и падчерица.— №№ 43, 44,45, 46.
480A* . . . . . Сестра отправляется спасать своего брата.— №№ 43, 155.
510B . . . . . Свиной чехол.— № 47.
511 . . . . . Чудесная корова.— № 48.
530A . . . . . Свинка золотая щетинка.— № 49.
532 . . . . . Незнайка.— №№ 50, 51, 158.
-533** . . . . . Царевна и служанка.— № 30.
550 . . . . . Царевич и серый волк.— № 52.
552B . . . . . Солнце, Месяц и Ворон —зятья.— № 53.
555 . . . . . Коток золотой лобок.— № 54.
560 . . . . . Волшебное кольцо.— № 555.
-560* . . . . . Чертов перстень.— № 56.
563 . . . . . Чудесные дары.— № 57.
566 . . . . . Рога.— № 58.
567 . . . . . Чудесная птица.— № 60.
575 . . . . . Деревянный орел.— № 61.
613 . . . . . Правда и Кривда.— № 62.
650A . . . . . Иван — медвежье ушко.— № 156.
700 . . . . . Мальчик с пальчик.— № 63 (1—2).
706 . . . . . Безручка.— № 64.
707 . . . . . Чудесные дети.— № 154.
-757** . . . . . Царь, мужик и ангел.— № 66.
780 . . . . . Чудесная дудочка.— № 65.
-849*** . . . . . Риза с иконы выручила. № 67.
850 . . . . . Приметы царевны.— № 59.
875 . . . . . Семилетка.— № 68.
875E* . . . . . Спор о жеребенке.— № 68.
883A . . . . . Оклеветанная девушка.— № 70.
901 . . . . . Укрощение строптивой.— № 82.
915A . . . . . Мудрые советы.— № 71.
921A . . . . . Куда тратятся деньги.— № 73.

-921F** . . . . . Мужик разгадывает загадки.— №№ 73.
922 . . . . . Беззаботный монастырь.— № 75 (1—2).
952 . . . . . Солдат и царь.— № 72.
956B . . . . . Девушка и разбойники.— № 76.
1000 . . . . . Уговор не сердиться.— № 91.
1009 . . . . . Сторожи хорошенько дверь.— № 94.
1012 . . . . . «Покроши луку с петрушкой». № 94.
1045 . . . . . Угроза морщить озеро веревкой.— № 91.
1063 . . . . . Кто дальше бросит дубину.— № 91.
1071 . . . . . Состязание в борьбе.— № 91.
1072 . . . . . Состязание в беге.— № 91.
1130 . . . . . Шляпа денег.— № № 80. 91.
1132 . . . . . Бегство от работника.— № 91, 94.
1164 . . . . . Злая жена в яме.— № 80.
1202 . . . . . Во время жатвы (глупцы) принимают серп за червя и топят его.— № 85.
1289 . . . . . Каждый хочет спать в середине.— № 85.
1365K* . . . . . Упрямый и скупой муж.— № 99.
-1370* . . . . . Ленивый муж.— № 83.
1370B* . . . . . Жена не хочет прясть.— № 81.
1381 . . . . . Жена-доказчица.— № 84.
1384 . . . . . Муж ищет глупее жены.— № 85.
1405 . . . . . Ленивая пряха.— № 86.
1525A . . . . . Ловкий вор.— №№ 87, 88.
1525D . . . . . Ловкий вор обманывает сообщников.— № № 87, 88.
1525M* . . . . . Кража сала.— № 105.
1534 . . . . . Шемякин суд.— № 77.
1535 . . . . . Дорогая кожа.— № 89.
1537 . . . . . Мертвое тело.— №№ 87, 95.
1540A* . . . . . Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости.— № 85.
-1547** . . . . . Солдат и барин.— № 79.
1562A . . . . . Чистота, красота, высота.— № 90.
1600 . . . . . Дурак-убийца.— № 96.
1610 . . . . . Дележ награды.— № 74.
-1635J* . . . . . Мужик ловит ворону.— № 89.
1640 . . . . . Фома Беренников.— №№ 92, 157.
1641 . . . . . Знахарь.— № 93.
1643 . . . . . Дурак и береза.— №№ 96. 97.
1675 . . . . . Ученый бычок.— № 98.
1685A* . . . . . Дурак ставит капкан около дома.— № 95.
1691 . . . . . Дурак домовничает.— № 95.
1696 . . . . . Набитый дурак.— № 96.

-1696C* . . . . . *Дурак попадает в нелепые положения.*— № 100.
1725 . . . . . Влюбленный поп.— № 101.
1735 . . . . . «Кто отдаст последнее, получит десятерицею».— № 102.
1736 . . . . . Скупой поп и работник.— № 103.
1737 . . . . . Поп в мешке.— № 87.
1739 . . . . . Как поп телился.— № 106.
1740 . . . . . Свечи на спинах раков.— № 87.
1775 . . . . . Голодный поп на ночлеге.— № 104.
1825D* . . . . . Прихожане подражают попу.— № 107.
1831A* . . . . . Священник и дьякон нюхают в церкви табак.— № 108.
1900 . . . . . Волк (медведь) выстаскивает из болота.— № 111.
1920H* . . . . . Огонь в обмен на небылицы.— № 109.
1932 . . . . . Страна обетованная.— № 114.
1960G . . . . . *Горох до неба.*— № 110.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ

Топонимы даны в соответствии с административно-территориальным делением, существовавшим на момент записи фольклорного произведения. Обычным шрифтом обозначены номера текстов из основного корпуса, курсивом — из комментариев.

Борщово (село Клинского р-на) — 6, 53, 120
Бронницкий уезд — *60*

Волово (деревня Сергиево-Посадского р-на) — 152
Волово (деревня Шатурского р-на) — 35, *36*, *52*, 144 (5), 147 (4)
Вороново (село Сергиево-Посадского р-на) — 145 (2)

Гончары (село Дурыкинской вол.) — 63 (1)
Городищи (пригород г. Коломны) — *5*, *46*, 141

Дединово (село Луховицкого р-на) — *32*, 127, 132, 136 (1—6)
Дмитров (город, центр района) — 8, 11, 19, 108, *110*, 125
Дьяково (деревня Волоколамского р-на) — 17

Егорьевск (город, центр района) — *40*
Егорьевский уезд (бывш. Рязанской губ.) — 16
Ефимовская (деревня Егорьевского уезда бывш. Рязанской губ.) — 101
Ефремовская (деревня Егорьевского уезда бывш. Рязанской губ.) — 13

Зарайск (город, центр уезда бывш. Рязанской губ.) — 38, *59*, *91*, *94*, 126 (1—6), 139

Калинщина (деревня Лотошинского р-на) — 105
Капынь (село Верейского уезда) — 144 (1—4)
Коренец (деревня Шатурского р-на) — *144*, 146 (10)
Косино (село Московской губ.) — 124
Конюшково (деревня Краснопахорской вол. Подольского уезда) — 44
Костомарово (деревня Молоновской вол. Подольского уезда) — 4, *12*

Лапино (деревня Московской обл.) — 29
Лека (деревня Егорьевского уезда бывш. Рязанской губ.) — 2, 3, 20, 49, 56
Лека (деревня Шатурского р-на) — 144 (6), 146 (8—9), 148
Ленинский р-н г. Москвы — 92
Льялово (село Солнечногорского р-на) — 146 (4—6), 147 (2)

Малина (деревня Коломенского уезда) — *63 (1)*, 143
Металлстрой (городок на ст. Текстильщики под Москвой) — 7, 9 (2), 51, 52, 109

Мишино (село Зарайского уезда) — 15, *22*, 23, 43, 47, 48, 57, 62, 65, *68*, 71, 80, *84 (2)*, 85, *91—93*, 95—96, *110*, 112
Мокеиха (деревня Верейского уезда) — 30
Москва — 27, 31, 36, 40, 50, 54, 58—59, 61, 67, 78, 82, 84 (1), 86, *88*, 91, 94, *94*, 102, 111 (запись в г. Риме), 116—117, 121—123, 129—131, *132*, 133 (1—3) — 135 (1—2), 137—138, 140, 149, 153
Московская губ.— 1, 77, 151
Мышецкое (село Солнечногорского р-на) — 5, 9 (1), 12, 63 (2)

Негомож (село Коломенского р-на) — 10, 14, 69—70, 73—74, 81, 83, *83*, 98—99, 119
Новинки (деревня Солнечногорского р-на) — 75 (2), 115
Новое Батурино (деревня Зарайского уезда бывш. Рязанской губ.) — 26, 79
Ногинск (город, центр района) — *60*

Пестовская (деревня Шатурского р-на) — 118
Плуталово (село Зарайского уезда бывш. Рязанской губ.) — *55*
Поповка (деревня Московской губ.) — 87
Постниково (деревня Дмитровской вол. и уезда) — 55
Пруды (деревня Дмитровского р-на) — 100

Рогожско-Симоновский р-н г. Москвы — 145 (1), 146 (3), 150 (1—3)
Радомля (село Дурыкинской вол. Московского уезда) — 142
Ракитино (деревня Рузского р-на) — 114
Устиновка (деревня Раменского р-на) — 144 (8), 150 (4—8)
Руза (город, центр района) — 45, 60, 68, 88—90

Садки (местечко близ д. Хорлово Коломенского уезда) — 128
Сельцы (деревня Бронницкого уезда) — 28 (2)
Сергейково (деревня Ильинской вол. Дмитровского уезда) — 46, *49*, *63 (1)*, 64, 106—107, 110, 113
Слотино (село Сергиево-Посадского р-на) — *151*
Смоленская-Сенная (площадь в районе Садового кольца в Москве) — 22, 24, 25
Сосновый бор (дом отдыха рабочих химического завода в Орехово-Зуевском р-не) — *47*, *48*
Стариково-Зятьковский сельсовет Талдомского р-на — 75 (1)
Старомонетчиков пер. (район Замоскворечья в Москве) — 32, 33, 37, 39, 42

Таганка (район Москвы) — 41
Татёрки (деревня Волоколамского р-на) — 144 (7), 146 (7), 147 (3)

Харугино (деревня Московского уезда) — 66
Хорлово (деревня Бронницкого уезда) — 18, 76, 84 (2), 93, 146 (1—2)

Чашниково (деревня Коммунистического, ныне Дмитровского р-на) — 103—104
Чурилково (село Зарайского уезда бывш. Рязанской губ.) — 34, 70, 72

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ

Цифрами обозначены номера текстов, курсивом — номера текстов в комментариях. Фамилии собирателей (не все, к сожалению) известны из комментариев.

Афанасьев Э. С. — 60, 89, 90, 114
Арсеньев В. — 6, *53*, 120

Балашова О. Б. — 144 (8), 150 (4-8), *151*
Балдов П. А. — *60*
Баневич С. — 152
Баранов Е. Э. — 133 (1-3) — 135 (1-2), 138, 140
Беляева — 105
Богатырев П. Г. — 21, 87, *110*, 151
Бочарников С. И. — 38, 91, *139*

Ведерникова Н. М. — 153

Гофман (Померанцева) Э. В. — 29, *47*, *48*, 127, 132, 136 (1-6)
Григорьев М. П. — *5*, *46*, 141

Данилкин А. — 144 (5), 146 (8-10), 147 (3)
Добровольская В. Е. — 22, 24, 25, 32, 33, 37, 39, 41, 42

Евлахов В. С. — 21, 28 (1), *110*, 151
Елеонская Е. Н. — 18, 27, 31, 36, 40, 84 (2), 93, 129, 137, 146 (1-2)

Захаров П. — 100

Илюхин И. — 108

Каверина Е. Н. — 28 (2)
Кириллин — 145 (1), 146 (3)
Киселева Н. — 4, *12*
Коллинз С. — 130, 131
Кондратьева Н. А. — 144 (7)
Корина Л. — 145 (2)
Корчагина Т. В. — 75 (2), 115
Котова Л. — *151*, 152
Кулагина А. Ф. — 75 (1)
Кутырев П. — 8, 11, 19, *110*
Кучеренко В. М. — 89, 90, 114

Лебедева С. — 60
Лукин А. Г. — 60
Ляцкий Е. — 144 (1-4), 147 (1)

Минц С. И. — 10, 14, 29, *47*, *48*, 69, 70, 73, 74, 81, 83, 98, 99, 119, 150 (3)
Михайлова П. — 45, 68, 88

Наумова Н. — 144 (8), 150 (4-8)
Новокомский П. —И. — 111

Русакова — 150 (1-2)

Сидельников В. М. — 103, 104
Сорокин В. Б. — 5, 9 (1), 35, *36*, *52*, 63 (2), 118, 146 (4-6), 147 (2)

Тинина О. А. — 146 (7), 147 (2)
Тихомиров М. Н. — 125
Травников С. Н. — 148

Фабриков Ф. Г. — 7, 9 (2), 51, 52, 109
Френкель Н. — 102

Харузина В. Н. — 67

Черкасова С. — 44
Чернышев В. И. — 66, 142
Чичеров В. И. — *5*, *46*, 141

Шерстнев О. — 144 (6)

Янкин Д. — *40*
Яцковская Л. — *32*

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Народная проза Москвы и Московской области 7

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Терем мухи . . . . . 30 . . . 322
2. Лисичка-сестричка и волк . . . . . 30 . . . 322
3. За скалочку — гусочку . . . . . 33 . . . 322
4. Колобок . . . . . 34 . . . 322
5. Волк и лиса . . . . . 34 . . . 322
6. Лиса и козел . . . . . 36 . . . 322
7. Как звери мясо делили . . . . . 36 . . . 322
8. Лиса и кувшин . . . . . 37 . . . 323
9. Кот и лиса (1-2) . . . . . 37 . . . 323
10. Кому другому — кургузому первому . . . . . 41 . . . 323
11. Волк и баран . . . . . 42 . . . 323
12. Козлята и волк . . . . . 42 . . . 323
13. Мужик, медведь и лиса . . . . . 43 . . . 323
14. Старый хлеб-соль забывается . . . . . 44 . . . 324
15. Старуха . . . . . 46 . . . 324
16. Ерш . . . . . 46 . . . 324
17. Сказка про Снегурушку . . . . . 48 . . . 324
18. Вершки и корешки . . . . . 49 . . . 324
19. Ветер, солнце и мороз . . . . . 49 . . . 324

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

20. [Еруслан Лазаревиць] . . . . . 52 . . . 325
21. Пра белый свет . . . . . 55 . . . 325
22. Бой на Калиновом мосту . . . . . 56 . . . 325
23. Иван-Кобылин сын . . . . . 58 . . . 325
24. Три подземных царства . . . . . 61 . . . 325
25. Покатигорошек . . . . . 65 . . . 325

26. Звериное молоко . . . . . 66 . . . 325
27. Сестра-изменница . . . . . 69 . . . 326
28. Бычок-спаситель (1-2) . . . . . 73 . . . 326
29. Как парень страх искал . . . . . 75 . . . 326
30. Как царская дочь захотела нужду узнать . . . . . 77 . . . 327
31. Хитрая наука . . . . . 79 . . . 327
32. Про черта . . . . . 81 . . . 327
33. Про Ивашку . . . . . 83 . . . 328
34. Про Хихилюшку и Бабу-Ягу . . . . . 84 . . . 328
35. Про Фефелю . . . . . 85 . . . 329
36. Невеста-лягушка . . . . . 87 . . . 329
37. Про царевну-лягушку . . . . . 89 . . . 329
38. Волшебница и золотая утка . . . . . 92 . . . 329
39. Про серую уточку . . . . . 94 . . . 329
40. Южик . . . . . 95 . . . 329
41. Цветочек аленький . . . . . 96 . . . 329
42. Финист . . . . . 97 . . . 330
43. Сноха . . . . . 98 . . . 330
44. Сказка о Машеньке и Агашеньке . . . . . 99 . . . 330
45. Про Машу и Наташу . . . . . 101. . . 330
46. На пенек . . . . . 103 . . 330
47. Машка-сопливка . . . . . 104 . . 331
48. Строева дочь . . . . . 105 . . 331
49. Иванушка . . . . . 107 . . 331
50. Дмитрий-царевич . . . . . 110. . . 331
51. Ванька-зеленый . . . . . 113. . . 332
52. Иван-царевич и серый волк . . . . . 134 . . 332
53. Чужим умом жить — добра не нажить . . . . . 151. . . 333
54. Заколдованное дерево Липка . . . . . 151. . . 333
55. Сказка про Ивана Купецкого сына . . . . . 153 . . 333
56. [Ванюшка-дурацок] . . . . . 157 . . 333
57. Кулик . . . . . 159 . . 333
58. Офицер и барыня . . . . . 161. . . 334
59. Волшебная дудочка . . . . . 162 . . 334
60. Два брата . . . . . 164 . . 334
61. Деревянный орел . . . . . 169 . . 334
62. Два брата мельники . . . . . 178 . . 334
63. Мальчик-с-пальчик (1-2) . . . . . 180 . . 334
64. Безручка . . . . . 183 . . 335
65. Три сестры . . . . . 185 . . 335

66. Про царя Давыда . . . . . 187 . . 335
67. Как купец ризу украл . . . . . 187 . . 336

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ, НЕБЫЛИЦЫ И АНЕКДОТЫ

68. Про Семилетку . . . . . 190 . . 336
69. Невеста-дурочка . . . . . 193 . . 336
70. Оклеветанная девушка . . . . . 194 . . 336
71. Завещанье . . . . . 198 . . 336
72. [Петр I и разбойники] . . . . . 198 . . 336
73. Как царь Петр I был с охотником на охоте . . . . . 199 . . 336
74. Тоже про Петра рассказ . . . . . 201 . . 337
75. Беспечальный монастырь (1-2) . . . . . 202 . . 337
76. Девушка и разбойник . . . . . 204 . . 337
77. Два брата . . . . . 204 . . 337
78. Солдат . . . . . 207 . . 337
79. [Солдат и барин] . . . . . 208 . . 337
80. Мужик и черт . . . . . 209 . . 338
81. Жена-неткаха . . . . . 211. . . 338
82. Капризная жена . . . . . 211. . . 338
83. Как муж хозяйничал . . . . . 213 . . 338
84. Жена-доказчица (1-2) . . . . . 214 . . 339
85. Сын и мать . . . . . 217 . . 339
86. Ленивая жена . . . . . 218 . . 339
87. Барма . . . . . 219 . . 339
88. Про Климку-дурака . . . . . 225 . . 339
89. Как лодырь шкуру продавал . . . . . 227 . . 339
90. Поп и батрак . . . . . 230 . . 339
91. Работник . . . . . 231 . . 339
92. Был трус и стал герой . . . . . 233 . . 340
93. Старуха-угадчица . . . . . 234 . . 340
94. Дурак набитый . . . . . 235 . . 340
95. Дурачок . . . . . 237 . . 340
96. Опять дурачок . . . . . 239 . . 340
97. Ваня-дурачок . . . . . 243 . . 340
98. Как в Москве быков переделывают на мужиков . . . . . 244 . . 341
99. Как Ванька себя похоронил . . . . . 246 . . 341
100. Дурак в погребе . . . . . 247 . . 341
101. Расправа с любовниками . . . . . 248 . . 341
102. Поп и мужик . . . . . 248 . . 341

103. Поп и работник . . . . . 250 . . 341
104. Как дурачок обманул попа . . . . . 250 . . 341
105. Поп и солдат . . . . . 252 . . 341
106. Как поп отелился . . . . . 252 . . 342
107. Как поп обедню служил . . . . . 253 . . 342
108. «За иконой за Николой» . . . . . 253 . . 342
109. Огонь за небылицы . . . . . 254 . . 342
110. Горох до неба . . . . . 257 . . 342
111. О поселянине и медведице . . . . . 257 . . 342
112. Старик и старуха . . . . . 258 . . 343
113. Сказка про себя . . . . . 259 . . 343
114. Богатые мужики . . . . . 259 . . 343
115. Врун . . . . . 259 . . 343
116. Купец . . . . . 260 . . 343
117. Саввушка . . . . . 261 . . 343
118. Как колядовщики рубль делили . . . . . 261 . . 343
119. Родная деревня . . . . . 261 . . 343
120. Удалый батрак . . . . . 262 . . 343
121. Причастие . . . . . 263 . . 343
122. Три раза «фон» . . . . . 263 . . 344
123. Сказка . . . . . 263 . . 344

ПРЕДАНИЯ

124. Святое озеро с. Косино . . . . . 266 . . 344
125. О названии Яхромы и Дмитрова . . . . . 266 . . 344
126. Предания Зарайского уезда . . . . . 267 . . 344
127. О великанах . . . . . 268 . . 345
128. Клад . . . . . 268 . . 345
129. Венец на кресте . . . . . 269 . . 345
130. Царь Иван и лапотник . . . . . 269 . . 345
131. Иван Грозный и вор . . . . . 270 . . 345
132. Иван Грозный и ребенок . . . . . 270 . . 345
133. Про Ивана Грозного (1-3) . . . . . 271 . . 345
134. Постройка кремлевских стен в Москве . . . . . 273 . . 346
135. Храм Василия Блаженного (1-2) . . . . . 274 . . 346
136. Про Петра I (1-5) . . . . . 277 . . 346
137. Предсказание . . . . . 281 . . 347
138. Матрешкино предсказанье . . . . . 281 . . 347

139. Ночь на Ивану Капалу . . . . . 284 . . 347
140. Медведь и баба . . . . . 285 . . 347
141. Жадный поп . . . . . 290 . . 348
142. [Про овцу] . . . . . 290 . . 348
143. Как парень сватался . . . . . 291 . . 348
144. Про черта (1-10) . . . . . 292 . . 348
145. Про домового (1-2) . . . . . 294 . . 349
146. О леших (1-10) . . . . . 295 . . 349
147. О водяных и русалках (1-4) . . . . . 297 . . 349
148. Про овинника . . . . . 297 . . 350
149. Колдунья . . . . . 298 . . 350
150. О колдунах (1-8) . . . . . 298 . . 350
151. О летающем змее . . . . . 300 . . 350
152. О явленных мертвецах . . . . . 301 . . 350
153. О судьбе . . . . . 301 . . 350

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из сборника«Старая погудка» (1794—1795)

154. Сказка о Катерине Сатериме . . . . . 303 . . 351
155. Сказка о сизом орле и мальчике . . . . . 305 . . 351
156. Сказка о Ивашке-медвежьем ушке . . . . . 309 . . 351

Из сборника «Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницыным» (1883)

157. Сказка о богатыре Голе Воянском . . . . . 312 . . 352
158. Сказка об Иване Кручине, купеческом сыне . . . . . 315 . . 353

КОММЕНТАРИИ 321
УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ 354
УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ 358
УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ 360

Серия «ФОЛЬКЛОРНЫЕ СОКРОВИЩА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ». Т. 3.
СКАЗКИ И НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА. — М.: «Наследие», 1998.— 368 с.

ISBN 5-201-13337-1

Очередной том серии «Фольклорные сокровища Московской земли» содержит народные сказки (о животных, волшебные, бытовые) и несказочную прозу (былички и предания). В сборник вошли тексты, опубликованные в основном в середине XIX — начале XX вв., и архивные материалы, издаваемые впервые — записи произведений устной прозы московскими фольклористами в 1930—1990-е гг.

Собранные в одном томе, тексты раскрывают сюжетное многообразие сказок и устных рассказов, их широкое бытование. Московские записи, представляя общерусскую традицию, несут в себе и региональные особенности, которые проявляются в своеобразии сюжетных соединений, бытовых реалиях, стиле. Тексты сопровождаются справочным материалом. Сборник адресован москвичам и всем любителям русской сказки.

УДК 398.001

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

НАУЧНОЕ СЕРИЙНОЕ ИЗДАНИЕ

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СОКРОВИЩА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Т. 3

СКАЗКИ И НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Редколлегия
Гацак В. М. (гл. редактор), *Бахтина В. А.*, *Ананичева Т. М.*

Составление, подготовка текстов
Н. М. Ведерниковой, *Е. А. Самоделовой*

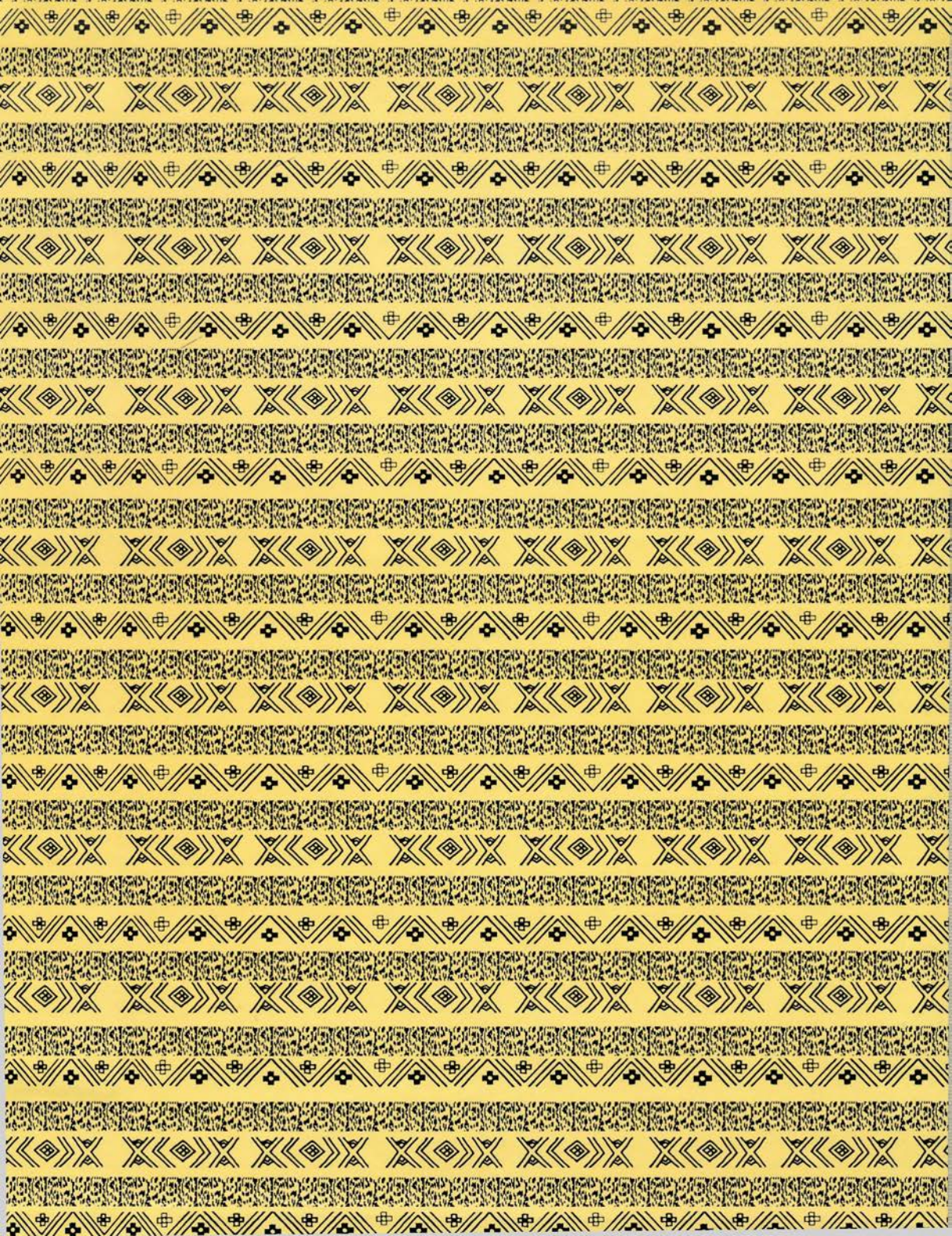
Вступительная статья, приложение, комментарии, указатель сюжетов
Н. М. Ведерниковой

Указатель мест записи текстов и указатель собирателей
Е. А. Самоделовой
Художник *Сокгоева Н. А.*

Оригинал-макет выполнен в компьютерном центре ИМЛИ РАН
Технический редактор *Лавочкина А. В.*

ЛР № 020961 от 17.02.95
Формат 70x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Академическая».
Печать офсетная. Физ. печ. л. 23,0. Тираж 1500 экз.
Специализированное издательско-торговое предприятие «НАСЛЕДИЕ»
121069, Москва, ул. Поварская, 25-а.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 290

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАТЬСЯ В ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАСЛЕДИЕ»:
121069, Москва, Поварская (б. Воровского), 25-а, изд-во «Наследие»,
тел. (095) 290-23-01.



ФОЛЬКЛОРНЫЕ СОКРОВИЩА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ